

Дорогие друзья!

Вашему вниманию представляется 42 выпуск научного журнала **«Золотоордынское обозрение»**.

На протяжении десяти лет наш журнал дает возможность читателям ознакомиться с новыми результатами научных исследований и историческими источниками.

За это время проходило становление редколлегии и редакции журнала, укреплялись связи со многими научными, образовательными организациями, учеными и специалистами из разных уголков мира.

Мы стараемся отбирать для публикации наиболее интересные для нашей читательской аудитории статьи, глубоко освещающие актуальные проблемы, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

За десять лет своей деятельности журнал занял достойные позиции среди научной периодики, приобрел популярность у исследователей и читателей, получил высокую оценку российского и международного научного сообщества. Материалы, публикуемые в журнале, интересны широкому кругу наших читателей.

От себя лично хотел бы поблагодарить редакционную коллегию и весь редакторский коллектив, авторов и рецензентов за нашу совместную работу и тот неоценимый вклад, который они внесли в создание, становление и развитие журнала.

Искренне надеюсь, что совместные усилия и энтузиазм редакционного коллектива и авторов ознаменуются дальнейшим повышением авторитета журнала в освещении проблем изучения золотоордынской проблематики.

Приглашаю к еще более активному сотрудничеству всех наших уважаемых коллег из разных регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

*С уважением, главный редактор,
к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А. Усманова
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
Миргалеев Ильнур Мидхатович*

Dear friends!

We present to your attention the 42nd issue of the scientific journal **“Golden Horde Review.”**

Over the course of ten years, our journal has provided readers with the opportunity to familiarize themselves with new results of scientific research and historical sources.

During this time, the editorial board and journal's team have been established, strengthening ties with many scientific and educational organizations, scholars, and specialists from different parts of the world.

We strive to select articles for publication that are most interesting to our readership, deeply exploring current issues and covering all areas of the study of the history of the Golden Horde and Tatar Khanates.

In its ten years of activity, the journal has earned a worthy place on scientific periodicals, gaining popularity among researchers and readers and receiving high praise from the Russian and international scientific community. The materials published in the journal are of interest to a wide range of readers.

On a personal note, I would like to express my gratitude to the editorial board, the entire editorial team, authors, and reviewers for our collaborative work and the invaluable contribution they made to the creation, establishment, and development of the journal.

I sincerely hope that the joint efforts and enthusiasm of the editorial team and authors will be marked by further enhancement of the journal's authority in covering issues related to the study of the Golden Horde.

I invite all our esteemed colleagues from different regions of Russia and countries near and far abroad to even more active cooperation.

*Sincerely, Chief Editor,
Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center
for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates,
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Ilmur M. Mirgaleev*

ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2023. Том 11, № 4

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2023, vol. 11, no. 4

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2023

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям:

5.6.1. – Отечественная история (исторические науки), 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное бюджетное учреждение «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Типография:	ООО «Амирит» (г. Саратов)
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar Khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 5.6.1. – Domestic history (historical studies), 5.6.5. – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka.

The journal is a participant in partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, certificate of registration of the media No. PI FS77–54682, issued on July 9, 2013
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Budgetary Institution “Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences” (420111, Kazan, Baturin Str., 7A)
Editorial address:	420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Press:	LLC “Amirit” (Saratov)
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index II7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Юлай Шамильоглу, Ph.D. (история), профессор Назарбаевского Университета (Нур-Султан, Республика Казахстан); профессор Висконсинского университета в Мадисоне (Мадисон, США)

Тасин Джемиль, доктор философии, профессор, директор Института тюркологии Университета Бабеш-Бойяи – Клуж-Напока, член-корреспондент Тюрк Тарих Куруму, почетный член Академии ученых Румынии, иностранный член АН РТ (Румыния)

Мария Иванич, д.и.н., заслуженный профессор кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (Далонга, США)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Ильяс Кемалоглу, д.и.н., профессор Исторического отделения Университета Мармара (Стамбул, Турция)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Александр Узелац, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Маслюженко Денис Николаевич, к.и.н., доцент кафедры «История и документоведение», директор гуманитарного института Курганского государственного университета (Курган, Российская Федерация)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы (Уфа, Российская Федерация)

Беляков Андрей Васильевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Почекаев Роман Юлианович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Тимохин Дмитрий Михайлович, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Александр Узелац**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Стивен Поу, Ph.D. (история), Университет Калгари (Калгари, Канада)

Литературный редактор: **Сайфетдиновна Эльмира Гадельзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Байбулатова Лилия Фаритовна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Il'nur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Uli Schamiloğlu, Ph.D. (History), Professor, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan); Professor Emeritus, University of Wisconsin-Madison (Madison, USA)

Tasin Gemil, Ph.D. (Philosophy), Professor, Director of the Institute of Turkology, Babeş-Bolyai University – Cluj-Napoca, Corresponding Member of the Türk Tarih Kurumu, honorary member of the Academy of Scientists in Romania, foreign member of the Tatarstan Academy of Sciences (Romania)

Mária Ivanics, Dr. Sci. (History), Professor Emeritus of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (Dahlonega, USA)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

Ilyas Kemaloğlu, Dr. Sci. (History), Professor, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Denis N. Maslyuzhenko, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Documentation, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Andrey V. Belyakov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Roman Yu. Pochekaev, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

Dmitry M. Timokhin, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts' editors: **Aleksandar Uzelac**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Stephen Pow, Ph.D. (History), University of Calgary (Calgary, Canada)

Literary editor: **Elmira G. Sayfedinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Liliya F. Baybulatova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

Oğuz A.Y. An Enquiry into Gunpowder Weapons Used by Hülegü in the Middle East Campaign	728
Иванов В.А. Золотая Орда глазами современников и очевидцев	742
Зиливинская Э.Д. Ислам и пережитки доисламских верований в Золотой Орде по материалам архитектуры погребальных сооружений	758
Цыбин М.В. Ислам и христианство на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье	784
Миргалеев И.М., Фазлутдинов И.И., Закирова И.Г. К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Идееге	792
Маликов А.М. Некоторые особенности исламской культуры Хорезма в эпоху Золотой Орды	817
Зайцев И.В. «Мы дадим прочесть тебе, и ты не забудешь!» (Коран, 87: 6). Рассказ о казанском хане и ловком везире	834
Исхаков Д.М. Проблема становления татарского сословия в Казанском ханстве (конкретно-исторические и теоретические аспекты)	843
Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Чинги-тура в истории Тюменского ханства	863
Полехов С.В. Москва, Литва, Орда и последние завещания Василия I	881
Ürkündağ A., Başer A. Finding the Guardians of Royal Blood: Observations on the Supply of eunuchs to the Harem in the Ottoman Empire and the Crimean Khanate through case studies and documents	902
Самигуллов Г.Х. Скромное обаяние современных стереотипов об иноземцах и ясаке в России XVI–XVII вв.	918
Замалетдинов Р.Р., Хабутдинова М.М. Творческая история комедии Наки Исанбета «Рыжий чичян и Черноволосая красавица»	934

Хроника

Миргалеев И.М., Гиниятуллина Л.С. Становление и развитие научного журнала «Золотоордынское обозрение»	957
--	-----

CONTENTS

Original papers

Oğuz A.Y. An Enquiry into Gunpowder Weapons Used by Hülegü in the Middle East Campaign	728
Ivanov V.A. The Golden Horde through the eyes of Contemporaries and Eyewitnesses	742
Zilivinskaya E.D. Islam and survivals of pre-islamic beliefs in the Golden Horde on the materials of architecture funeral structures	758
Tsybin M.V. Islam and Christianity on the periphery of the Golden Horde in the Middle Don region	784
Mirgaleev I.M., Fazlutdinov I.I., Zakirova I.G. On the question of studying Tatar variants of the epos about Idegey	792
Malikov A. Some features of the Islamic Culture of Khwarezm in the Golden Horde Era	817
Zaytsev I.V. “We will give you recite, and you will not forget” (Quran, 87:6). A tale of the Kazan Khan and his clever vizier	834
Iskhakov D.M. The formation problem of the Tatar class in the Kazan Khanate (specific historical and theoretical aspects)	843
Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Chingi-tura in the History of the Tyumen Khanate	863
Polekhov S.V. Moscow, Lithuania, the Horde and the last testaments of Vasily I	881
Ürkündağ A., Başer A. Finding the Guardians of Royal Blood: Observations on the Supply of eunuchs to the Harem in the Ottoman Empire and the Crimean Khanate through case studies and documents	902
Samigulov G.Kh. The humble charm of modern stereotypes about foreigners and yasak in Russia during the 16th–17th centuries	918
Zamaletdinov R.R., Khabutdinova M.M. The creative history of Naki Isanbet’s comedy “Red-haired chichyan and Black-haired beauty”	934

Chronicle

Mirgaleev I.M., Giniyatullina L.S. Formation and development of the scientific journal “Golden Horde Review”	957
--	-----

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

УДК 355.48

DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.728-741

EDN: DIHBVE

AN ENQUIRY INTO GUNPOWDER WEAPONS USED BY HÜLEGÜ IN THE MIDDLE EAST CAMPAIGN

A.Y. Oğuz

Istanbul University

Istanbul, Turkey

aniloguz1133@gmail.com

Abstract: *Research objectives:* To establish whether Hülegü brought gunpowder from China during his military operation in the Middle East in 1256–1260 and whether his army used gunpowder weapons against the Hashashi/Hashashin castles.

Research materials: The article's author examines Islamic and Chinese sources mentioning Hülegü's military campaign from Mongolia to the Middle East and weapons used by the Mongolian army.

Results and novelty of the research: Most researchers agree that the Mongols used gunpowder weapons adapted from the Chinese in their East Asian military expeditions, such as in China, Japan, Korea, and Java. However, it is still debated whether the Mongols used gunpowder and gunpowder weapons in their military campaigns in the West. Some researchers state that the Mongols did not use gunpowder in the European campaign and that naphtha was the main incendiary they used in the Middle East campaign. Few studies examine whether the Mongols carried gunpowder to the West.

Islamic source writers described China's novel weapons and chemicals in more familiar terms, such as *naphtha*. Especially when the information given by Hamdallah Mustawfi, Atamalik Juvayni, and Qutb al-din Shīrāzī about the Mongol Siege of Maymun-Diz in 1256 is compared with the Chinese military manual *Wujing Zongyao*, it is evident that the Mongols transported ballistas with three bows called "ox crossbow" from China. It turns out that these ballistas fired "rocket-assisted arrows". These arrows carried paper tubes filled with gunpowder, which would increase their range to reach the mountain fortress of Maymun-Diz, and bombs covered with cartons, bamboo, ceramic, or metal which would set fire to the defenders of the fort. These ballistas are referred to as *baban* in Armenian sources and as "naphtha tools" in the Mongols' siege of Baghdad. The most original aspect of the present article is the hypothesis that the information in Mustawfi's work regarding the presence of "blue poison" in the arrows fired by the Mongols at the Maymun-Diz referred to black powder. "Blue poison, made up of particles", was one of the ways by which Mustawfi expressed black powder.

Keywords: Mongols, gunpowder, black powder, Maymun-Diz, siege, ballista, Hashashi/Hashashin, Hülegü

For citation: Oğuz A.Y. An Enquiry into Gunpowder Weapons Used by Hülegü in the Middle East Campaign. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 728–741. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.728-741

© Oğuz A.Y., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Introduction

Since the end of the 10th century, China had begun to use gunpowder for military purposes in certain weapons (for instance, *huoqiang*, "fire spear"). Especially in the *Wujing Zongyao*, a Chinese military manual written in the 11th century, apart from many powder formulas, explosive bombs (*huopao*) are described with their visuals. In the 11th and 12th centuries, especially in the battles and sieges between the Jin Dynasty (1115–1234) and Song Dynasty (960–1279), the use of gunpowder weapons began to peak. The Mongols had the opportunity to see the power of this type of weapon closely in the North China campaigns that started with Chinggis Khan (from 1211). The Mongols quickly adapted to the first gunpowder weapons of history that developed in East Asia. From the Ögödei Ha'an (r. 1229–1241) Period, particularly in the Kublai Ha'an (r. 1264–1294) Period, they made extensive use of these weapons in their campaigns against the surrounding peoples. The most striking written information and archaeological finds regarding the use of black powder weapons by the Mongols relate to the Mongol Invasion of Japan in 1274 and 1281 [See: 39, p. 69–70; 6, p. 138].

Although the theory that Mongols used gunpowder weapons in East Asia by adapting them is generally accepted by historians, additional scholarly attention is needed to determine whether gunpowder was transported to the West by the Mongols and whether the Mongols used gunpowder weapons in the West. This problem is challenging to study because the terms in the historical sources refer to many different weapons and materials apart from their "basic" meanings. For instance, the term *naphtha*, which expresses petroleum-derived liquid, came to mean "black powder" from China in the second half of the 13th century because "black powder" was first used for incendiary purposes during sieges just like petroleum-derived liquid *naphtha* [See: 5, p. 1055–1056].

While Islamic *bārūd* originally meant saltpeter (nitrate compounds), it became a name denoting "black powder" during the Ottoman Empire and Mamluk wars (after the second half of the 15th century) due to the importance of saltpeter in gunpowder production. Some researchers, who do not compare the term *naphtha* in Persian sources, which is widely used in the context of Mongol expeditions, with Chinese sources, assume that the term *naphtha* referred to petroleum-derived liquid flammables by taking the term *mot a mot*. Nevertheless, comparisons with Chinese sources reveal that many Chinese generals, artisans, and military engineers were transported to the west by the Mongols since Chinggis Khan (r. 1206–1227).

In particular, Islamic sources state that Hülegü recruited many Chinese with their families and carried various Chinese weapons to the West with these Chinese artisans. The astonishment and admiration of the Islamic sources mentioning Hülegü's attack on the Hashashi/Hashashin castles (Mustawfi's *Zafarnamah* or Juvayni's *Tarikh-i Jahangushay*) at the Chinese armaments used by the Mongols, especially in the context of the siege of the Hashashi/Hashashin mountain fortress Maymun-Diz¹, provides evidence to support our suspicions. Through the comparison of Islamic sources that detail the weapons used by the Mongols in the Siege of Maymun-Diz and Chinese sources, our article suggests the potential use of Chinese rocket-assisted arrows and explosive bombs. We think that a clear portrait of the use of gunpowder in the West by the Mongols might be proven when the information provided by Chinese sources such as the Song military classic *Wujing Zongyao*, together with the works of the source writers Shīrāzī, Mustawfī, and Juvaynī, is compared with the information about the development and use of gunpowder and various Chinese gunpowder weapons in China.

¹ Maymun-Diz Castle, although its exact location is disputed, was located on a steep mountain slope near Alamut Castle in Qazvin, Iran.

We have stated above that the issue of whether Hülegü brought gunpowder with him in the Middle East campaign and whether he used gunpowder weapons during this operation is a subject that divides researchers into two. For instance, Timothy May, one of the leading researchers on Mongolian history, has a strict stance on this issue. He states that the Mongols did not use gunpowder and gunpowder weapons in other places except for the military expeditions they carried out in East Asia [28, p. 146–149]. However, researchers such as Peter Jackson and Iqtidar Alam Khan are of the opposite opinion, and considering that various expressions in Persian sources point to this, they accept that the Mongols also used gunpowder in the Middle East [16, p. 89, 136–137; 21, p. 19]. As we shall see, contrary to Timothy May's skepticism, there are indeed essential signs and evidence that the Mongols utilized gunpowder weapons in the Middle East that they brought from China.

Weapons Carried by Hülegü from China to the Middle East

Hülegü was tasked with the conquest of the Middle East by his older brother Mungke Ha'an in August 1252. However, in February of the same year, Mungke Ha'an had previously sent Ket Buqa to the Hashashis' Girdqūh Castle [2, p. 20–21]. Hülegü left Mongolia in 1253 with an army of 70,000 people [19, p. 111]. When Mungke Ha'an sent Hülegü to complete the conquest of the Middle East, he had specially brought "catapult masters" [استادان منجینیق] and naphtha shooter people [نقط اندازان] from China to head along with him. Juvayni adds that Chinese catapult operators, who amounted to 1,000 households, were brought [17, III, p. 92–93; 18, II, p. 608; See: 3, I, p. 419]. Khwandamir (Hāndmir) also states that Hülegü brought the "catapult masters" and "naphtha shooters" from China to 1,000 households [22, p. 53]. Shabankara'i elaborates and states that among the people who were brought from China, besides the catapult masters, there were also people who dealt with "crossbow/ballista" [چرخ] and mangonels [عراده] and catapults [منجینیق] [31, p. 261]. Hamdullah Mustawfi gives a different list. He remarks that Mungke Ha'an had told Hülegü that he could get whatever he wanted from all the means needed for sieges. Among these tools and specialists were "catapults and large bows" [حر کمان], weapons of war [آلات کوشش] and naphtha throwers [نقط افکن] and crossbowmen [کماندار] [32, I, f. 585B; 32, II, p. 15]. It is stated in some Islamic sources that there were also arrow-shooting types of catapults [11, p. 348]. Although such a design with classical catapults does not seem plausible, there were specimens in the Islamic world where the counterweight of catapults was used to throw the arrow of the ballista in the same machine [40, p. 110 et al.]. Therefore, we can conclude that the term *manjiniq* may have included such "ballistas with catapults". However, such a weapon is not found in Chinese sources. Rashiduddin, on the other hand, mentions that "*charḥ* thrower people" [چرخ انداز] besides "naphtha shooters" were brought from China by the Mongols. According to Kate Raphael, since the *charḥ* means "round object", the phrase "*charḥ* thrower people" denotes the crew that "traction-trebuchets", which the Mongols generally use, necessitated to launch round objects [36, p. 361]. In parallel, then, the phrase "naphtha shooter people", referred to the crew of the particular type "traction-trebuchet", which is called *huopao* in Chinese and that throws "fire bombs" with black powder. However, as revealed in the translations of Rashiduddin's passage, it is much more plausible that Rashiduddin refers to crossbowmen or "bolt-thrower men" with the phrase "*charḥ* thrower people" [37, II, p. 478; 38, III, p. 23]. *Charḥ* denoted a type of crossbow/ballista with a mechanism in Islamic sources [44, p. 156–157]. Therefore, it is more likely that the Chinese-style ballistas and the people who operated them are meant with this phrase. Together with Mustawfi's "large bow" phrase, such crossbow/ballista statements referred to Chinese-style ballistas, which are explicitly stated to have been used against Hashashi / Hashashin castles by the Mongols. As we shall see below, Shīrāzī names the "three-bow ballista" brought from

China and used against the Hashashi/Hashashin castles by the Mongols as *kamānhā-yi charḥ* (کمانها چرخ), that is, “bow with wheel mechanism” [42, p. 22; 41, p. 78]. Therefore, the term *charḥ* in these Islamic statements referred specifically to Chinese ballista and crossbows. On the other hand, Chinese artisans who were engaged in the “naphtha” launching (Persian *naft andāzān*) were the Chinese who knew black powder and operated catapults and ballistas to launch the black powder bombs.

Ballistas Brought from China to the Middle East by Hülegü and Data on the Employment of Rocket-Assisted Arrows in the Siege of Maymun-Diz Castle

Hülegü was reinforced with all kinds of war tools in his long march to Iran. As Mustawfī stated, “There was no end of arms and provisions of war” that Mungke gave to Hülegü [32, II, p. 17]. Therefore, Hülegü took gunpowder weapons from China with him, which shows that the term *naphtha* in Persian sources is once again a term denoting gunpowder combustibles. Many references to siege devices in the sources point to Chinese siege technology already serving the Mongol Empire. Until 1252–1253, the primary incendiary material used in China for centuries was gunpowder, which was already explosive. The fact that “naphtha shooters” were brought from China in addition to the catapult masters may indicate the *huopao* that we encountered in the Chinese expeditions. *Huopao* denoted both explosive bombs containing black powder, wrapped in soft (bamboo, paper) and hard (ceramic, iron) materials, and catapults that launched these bombs [4, p. 168]. The primary material we encounter during the wars in China is gunpowder instead of petroleum-derived naphtha. We think that this operation, which Hülegü embarked on by traveling a long way from Mongolia to the Middle East, is vital in terms of understanding the level of the Mongolian subsistence system, as well as the transition of gunpowder to the Islamic World or the widespread use of it in the Middle East.

Shīrāzī’s work provides essential information regarding Chinese ballistas and gunpowder weapons. According to him, many men from Turkestan, China, and Transoxiana had joined Hülegü on his way to the Middle East. These artisans had brought countless pieces of equipment and weapons with them. He described one of these weapons as a type of crossbow or ballista that could draw three bows with a single beam. These three bows in the weapon fired arrows about one meter (1 *gaz*) long up to the tip. The “tip” part of the weapon, the arrowhead, was inserted into the arrow’s notch, and the feathers extended from the notch to the tip of the arrow. In addition, the Mongols added the feathers of a vulture or eagle to the arrow shaft. Shīrāzī then mentions the manufacture of the arrow, stating that the arrow shaft was specially made of white poplar wood and then wrapped with horse or ox skin, as in the manufacture of a scabbard. According to Shīrāzī, five or seven arrows were tied together with a paste and placed on the ballista [41, p. 78–79]. The Mongols used weapons similar to these in the 2nd Battle of Hums/Homs in 1281 between the Ilkhanid ruler Abaqa (r. 1265–1282) and the Mamluk Sultan Qalawun (r. 1279–1290). It is recorded that these ballistas, which Sultan Qalawun captured from the Mongols when he returned to Damascus after the battle and brought with him in the Mongolian carriages, had three bows as described by Shīrāzī, as well as five cylinders and three perforated cylinders [30, p. 496–497]².

² E. Blochet, in the same place [30, p. 497, 1n], explains the function of these cylinders as follows: “The cylinder on which the ropes were wound was a solid cylinder; this served to stretch the machine’s triple bow. Segmented cylinders were cylinders with notches. These notches were attached to the ends of the levers, whose movement wrapped the ropes around solid cylinders”.

Such ballistas, which Shīrāzī called *kamānhā-yi charḥ*, came from China and were made in China. Juvayni probably refers to the same weapon during the siege of Maymun-Diz, the Hashashi/Hashashin castle, like Shīrāzī; in this passage, Juvayni mentions the use of a weapon called "*kamān-i gāv* [گامان]" (i.e., "ox bow") at the hands of the Mongols, manufactured by "Chinese masters". The range of these ballistas was "2500 *gām* [گام]" (i.e., "pace"). Juvayni states that many Hashashi/Hashashin soldiers in the castle were "burned" by "asteroid-like javelins" [سیارات تیر] fired by these ballistas and died by burning [17, III, p. 128; 18, II, p. 631; 13, p. 35]. This statement is very critical for our research. In that case, these ballistas were shooting "fire arrows", which we might think of as a kind of javelin or arrows carrying gunpowder charges and rocket tubes. After all, the fact that the arrow was wrapped in horse or ox skin, as Shīrāzī says, couldn't be for anything other than to protect the arrow shaft from fire. This passage refers to the "fire arrows" having been used for a long time in China, and the incendiary material for "fire arrows", as depicted in the 11th-century Song Dynasty's military classic *Wujing Zongyao*, was nothing but gunpowder. Two-bowed specimens of these ballistas are also depicted at *Wujing Zongyao* [49, 13.7a-13a]. In addition, this Chinese source explicitly states that the weapons called "three-bowed cross-bow" 三弓床弩 were also named "eight-oxen crossbows" 八牛弩 and according to the source, "gunpowder" 火藥 could also be used for arrows fired by these weapons. In addition, in *Wujing Zongyao*, when referring to arrow production, wood and possibly iron-winged arrowheads are also mentioned in accordance with Shīrāzī's description [49, 13.7a-8a]. Therefore, the records of Juvayni and Shīrāzī substantially overlap with the information from the Chinese source. Juvayni's nomenclature "ox bow" clearly corresponds to the "eight-oxen crossbow" nomenclature in Chinese military classics [14, p. 458]. According to a Chinese work completed in 1200, at the end of the 11th century, the "nine-oxen crossbows", which were relatively light and easy to fire, were in use in China [13, p. 38]. Then the Mongols carried these Chinese ballistas to the Middle East. In support of this claim, Mustawfi states that the Mongols attacked the Maymun-Diz Castle with "Chinese arrows [خطا تیر]" [32, I, f. 591B; 32, II, p. 44]³. The phrase "Chinese arrow" implies that the Mongolian-Chinese ballistas fired a type of arrow with a different technology than the usual arrows in the Islamic world. Especially in the Mamluk military literature that has survived from the second half of the 14th century, there are descriptions of rocket-assisted arrows or rockets called "Chinese arrows" (أسهم خطائية) [1, p. 3]⁴. Hassan al-Rammah, who wrote his work in the 1280s, also names the rockets and rocket-assisted arrows he described with the visuals as "Chinese arrow" (سهم الحطاي) [35, f. 75r]. It is also possible, as Haw quite logically puts it, that Juvayni's term "asteroid-like javelins", or "meteoric shafts", corresponds to the Chinese term *liuxing* 流星 ("meteor") for "rocket-assisted arrows" [13, p. 35–38]. In that case, we come across an important example of Chinese military technology and gunpowder weapons being carried to the West by the Mongols. As previously stated, the Chinese military classic *Wujing Zongyao* describes the use of gunpowder in the "eight-oxen crossbow". It remains to trace and compare the allusions to this weapon in Persian sources.

Timothy May maintains skepticism about the "burning of enemies" with these arrows and assumes that Juvayni incorporates a fancy and artistic expression into his text.

³ The word "Hitay/Hitan" was a name given to the Liao Dynasty, founded by the Proto-Mongol Khitans who ruled northern China in the 11th and 12th centuries; later, it became a word expressing especially North China in many sources of the Period. Today, the Russians call China "Kitay" (Китай), a derivation from the word "Hitay/Hitan".

⁴ For some depictions of such arrows, See: [34, p. 27].

According to him, even if the statement that the enemies were "burning" was true, the Chinese crew was not necessarily using gunpowder; old petroleum-derived naphtha must have been mentioned in this passage [28, p. 147]. This hypothesis is erroneous. Because Shīrāzī's record that the shaft was wrapped in skin definitively demonstrates that these were fire arrows. Moreover, describing the attacks on the Hashashi / Hashashin fortresses as thoroughly as possible, Mustawfī states that the Mongols had "fire arrowheads [پکان آتش]" and launched them to the peak where the Maymun-Diz Castle located on [32, I, f. 591B]⁵. In these lines, in the mention of "fire arrows", Mustawfī uses the word "pêkân", possibly referring to the arrowheads of crossbows and ballistas, not the arrows of ordinary Mongolian composite bows⁶. It is possible to think of these arrows as javelins. Either way, historians other than Juvayni confirm that "fire arrows" were in question. Unlike May, Jackson does not question the authenticity of the passage in Juvayni's work in any way and asserts that "fire arrows" must have been launched from Chinese ballistas "evidently" and that the term *naphtha* in the sources referred to gunpowder [16, p. 136]. Haw goes much further than Jackson. According to Haw, Juvayni's record that the stones thrown by the Hashashis at the Mongols killed only one person signifies how backward these weapons were, technologically compared to the weapons used by the Mongols. In that case, the arrows fired from ballistas used by the Mongols were enough to burn more than one person to death. From this hypothesis, Haw argues that "gunpowder charges attached to them [arrows]" (possibly bombs) included explosive gunpowder [14, p. 458]. Similarly, Mustawfī also states that "Chinese arrows" were aimed at a specific target and "a number of that heretic army" died in each shot [32, II, p. 44]. However, when we look into Shīrāzī's record, each ballista shot more than one javelin/arrow. Then, many people would burn to death with a single ballista shot.

Interestingly, we find a record similar to Shīrāzī's record of binding arrows to each other in the context of three-bowed ballistas in *Wujing Zongyao*. It is mentioned in *Wujing Zongyao*'s passage that three-bowed ballistas could shoot many arrows simultaneously, due to the attachment to its beam of a kind of iron framework. When the Mongols launched these arrows, they shot dozens of people [49, 13.7b]. Nevertheless, multiple arrows might have also carried explosive charges of gunpowder on themselves. At this time, gunpowder had already reached an explosive character, at least from the 11th century. Therefore, it is much more logical that the gunpowder used was explosive. When looking into the rocket descriptions and visuals of Hassan al-Rammah (he calls rockets *sahm* سهم or *tayyār* طيار), he describes several arrow-shaped rockets connected, carrying both a powdered paper tube to launch the arrow and a bomb to set the enemy on fire. Al-Rammah even calls these rockets "Chinese arrows" (سهم الحطای) [35, f. 74r-75r; 12, p. 117–118]. Therefore, the incendiary or explosive gunpowder charge was probably placed just behind the arrowhead. When looking into the medieval arrow reconstructions of V.G. Kishchenko, charges were placed right behind the arrowhead, in which combustible materials such as gunpowder or oil were included. These "fire arrows" were 15–20 cm longer than regular arrows, and their overall length was 100–125 cm, similar to the measurement in Shīrāzī's record. The length of the arrowheads made of iron was 5.4 cm, and the length of the charge was 12 cm. The charge was covered with some kind of cloth [25, p. 50]. In this type of rocket-assisted arrows, according to depictions in Nicolle and Thompson's work on Medieval siege weapons, explosive or combustible bombs containing gunpowder were tied to the ar-

⁵ In the English translation of the passage [32, II, p. 43], Ward translates the expression "pêkân-e atash" as "arrows carrying fire".

⁶ The word "pêykân" meaning "arrowhead" in contemporary Persian, is derived from the Middle Persian word "pêkân" written without the "y" [46, p. 38, 79, 208].

rowhead. Based on these descriptions, perhaps similar to the sources' statements, two or three arrow shafts were brought together. The gunpowder charges were attached between the heads of these arrows or to the end of the shaft in the middle, and rocket tubes were also added [34, p. 27, 45].

It is not plausible that the Mongols, who had been making use of gunpowder in China at least since the wars between the Mongols in the Ögödei Period and the Jin Dynasty (the 1230s), came to the Middle East with a large number of Chinese they took with them and benefited from a substance other than gunpowder. Because the main flammable and explosive substance used militarily in China during this period was gunpowder. In addition, this type of Chinese-style, high-tech weapon (three-bowed ballista) fired by only naphtha could not provide the qualities required for the effects described in the sources. The Islamic source writers did not know what gunpowder was until at least the end of the 13th century (if Hassan al-Rammah is taken into account) or the middle of the 14th century, so they did not understand what provided the real power of these high-tech ballista arrows. During the time of Juvayni (d. 1283) and Mustawfi (d. 1340s), the Islamic world had just begun acquiring the gunpowder know-how. Although these scholars observed the qualities of gunpowder, they did not know its content. Apart from the death of many *mulahids* (heretics) with a "single arrow," records of the "fire arrows", and the long-range that we shall see below, there is also other evidence of the use of gunpowder. According to Mustawfi, there was "poison" in the arrows fired by the Mongols from the ballistas. The weight of the "blue poison in the arrowheads" was more than 600 *deram* درم ("grain") [32, I, f. 591B; 32, II, p. 44]. Writers of the Medieval Mongol Period, who did not know what gunpowder was and encountered this type of explosive material, called the gunpowder and black powder weapons "magic" or "poison". After speaking of the gas attack by the Mongols against the Poles at the Battle of Liegnitz (April 9, 1241), Jan Długosz states: "From their beginnings, the Tatars have always used the art and science of fortune-telling, divination, sorcery, and magic in wars and elsewhere (...)" [7, p. 22]. As Haw points out, Russian Archbishop Peter might have tried to refer to the poison gas bomb in Liegnitz or the gunpowder weapons the Mongols brought from China when he said that the Mongols had "iron and poisonous weapons" [14, p. 462–463]. Therefore, Mustawfi's description of "poison," which is not encountered in any other Persian sources when discussing the attacks of the Mongols on the Hashashi/Hashashin fortresses, must be an important piece of evidence pointing to gunpowder, according to our hypothesis. Another interesting clue that supports our analysis is that the unit of weight used by Mustawfi was *deram*, which is generally based on the number of grains in medieval Iran. The weight of 1 *deram* corresponded to the weight of approximately 48 barley grains, approximately 2 g or 0,071 oz [27, p. 459]. Therefore 600 *deram* is equal to 1,2 kg or 2,6 lb. The fact that Mustawfi used a unit of grain for the weight of the "poison" may indicate that the material called "poison" was composed of solid particles. This fact further increases the probability that these references were to black powder that consisted of small particles. Although Zhanhong You states that gunpowder consisting of small and equal particles with a high saltpeter ratio was first invented in the Song Dynasty Period, at the beginning of the 12th century, and the propulsive and explosive capacity of gunpowder increased [47, p. 656; 26, p. 19], the "corned powder" method of producing gunpowder was invented in Europe in the 15th century, despite some claims that it had existed in China for a long time [8, p. 94]. But even if China did not have this method, gunpowder itself consisted of sulfur, nitrate, and carbonaceous matter components, which were pounded together in a mortar and then sieved into even and very fine particles similar to flour, as recorded in the *Wujing Zongyao* [33, p. 120]. In other words, it

was the grains, and this fact fits perfectly with the unit *deram* (“grain”) used by Mustawfi. Since Mustawfi was unlikely to have seen such a gunpowder arrow with his own eyes, he must have heard about “poison” from someone who had witnessed the arrows being fired by the Mongols. It was not possible for Mustawfi and his informants to personally measure a weight of 1.2 kg for liquid poison. Eyewitnesses who saw the black powder particles and black powder charges placed on the arrowheads or shafts by Mongols must have told Mustawfi about this situation as “poison” and measured the particles with an approximate value. It is normal that gunpowder weighing more than 1,2 kg was used in explosive charges of the arrows fired by the strongest ballistas of China. The weight of the explosive gunpowder used in bamboo “thundercrash bombs [or balls]” 霹靂火球 was 3 or 4 *jin* (about 1,5 or 2 kg) according to the Song military classic [49, 12.70a]. Therefore, if our hypothesis is correct, the weights of Mustawfi and Song military classic match. Another reason the gunpowder used in these early explosive bombs was quite heavy was the lack of air space between the small and fine powder particles, thereby delaying the explosion. The amount of gunpowder was increased to prevent detonation delay [8, p. 94]. Presumably, Mustawfi referred to the amount of gunpowder in the ceramic, bamboo, or perhaps metal bombs attached to the arrows launched by the Chinese three-bowed ballistas.

Records on the Range of the Chinese Ballistas Used by Hülegü in the Siege of Maymun-Diz Castle and Rocket-Assisted Arrows

Juvayni and also Mustawfi's records of the weapon's range, besides propounding that the three-bowed ballista had advanced technology, open the door to another assumption. According to Herbert Franke, these Chinese-style ballistas were installed with a spiral wheel, and the number of people required to launch could be up to 100 for the three-bowed types. Franke calculates the 300 *bu* 步 (“pace”) range of three-bowed ballistas in Chinese sources as approximately 183 m [9, p. 166]. However, Franke's calculation is wrong, and he underestimates the value of the Chinese unit. By the 11th century, the range of the ballistas used in China had increased to 1000 “paces”, or about 1,500 m, through experiments [13, p. 37]. Juvayni, on the other hand, states “2500 *gām*” (“pace”), as we have noted. Apart from Juvayni, Mustawfi records the range of the ballista from which the “Chinese arrows” were launched at the Maymun-Diz Castle as “half a parasang” [32, I, f. 591B; 32, II, p. 44], which is close to 2 or 3 km⁷. The excessive quantities and data reported by Mustawfi and Juvayni also suggest that the range of Mongolian-Chinese ballistas was extraordinarily long. John Andrew Boyle's translation of “pace” for the unit *gām* would also clearly yield a very exaggerated range. John Masson Smith states that even if the unit *gām* is taken as “foot” (30,40 cm) instead of “pace,” a range of half a mile (800 m) would be reached, and a ballista with this range is not recorded in the sources. According to Smith, either it was an exaggeration of Juvayni, or there was a gunpowder-fired rocket. He concludes that explosive powder might have been used to launch arrows or javelins from ballistas. He assumes that when the 420 m range of the ballistas, which were drawn with the help of a crane (or lever), was added to the range of 400–500 m of the arrow with the rocket tube loaded with gunpowder, a minimum range of 800–900 m of Juvayni could be reached. Therefore, according to Smith, these ballistas could have shot arrows using both the shooting force of their bows and the propelling power of explosive powder in the rocket tube [43, p. 126–128]. This hypothesis seems to be the most likely and logical explanation. However, Smith does not detail how the ve-

⁷ However, David Morgan, based on Yāqūt al-Hamawī's work called *Mu'jam ul-Buldān*, equates 1 *farsang* to 3 miles (4.8 km) [29, p. 382]. 1 *farsang* could be about 8.5 or 9.5 km in some periods [15, p. 120]. On the variation of *farsang* according to periods and regions, See: [15].

locity might have been kept constant after the rocket tube was attached to the arrow. Haw, almost like Smith, states that such a range could only be achieved with "rocket-assisted arrows". According to Haw, the range given in the sources could have been reached when the bow power of the Chinese ballista was added to the propelling power of the rocket tube attached to the arrow itself. The fuse length in the rocket was the only way to achieve such a range. The fuse length was adjusted and ignited, and then the arrow was shot from the ballista toward the Maymun-Diz Castle. As the arrow (or multiple arrows) made its way through the air toward the castle, the fuse would run out, and the fire would ignite the gunpowder in the rocket tube. Before the arrow would begin to descend, the gunpowder that was in the rocket tube attached to the arrow would be ignited. This allowed the arrow to acquire additional propulsive energy. According to Haw, the presence of the fuse allowed the rocket to be fired in mid-air; if the gunpowder in the rocket tube had been ignited without a fuse before the arrow was launched from the ballista, the flame it emitted from behind could have burned the crossbowman. Haw calls these weapons "rocket-assisted arrows" and states they were the intermediate stage between "fire arrows" and primitive Chinese missiles [13, p. 35–36]⁸. It seems clear that the only way to reach such a range, recorded by Mustawfi and Juvayni, is rocket support. The reason why Shīrāzī, who narrated the most detailed description of the ballista, did not mention the fuse might be that the fuse was exhausted in the air and had already turned to ashes when the arrow fell to the ground. The three-bowed ballista, which has visuals in the Song military classic *Wujing Zongyao*, is also depicted with a fuse. In addition, there are many references to a fuse in works depicting Chinese bows and arrows. The primary evidence for employing the rocket/missile as a self-propelled weapon appears in the second half of the 13th century. Its inadequacy as a self-propelled weapon is generally attributed to its uncertainty in hitting the target and the excess deviation rate from the target. However, "rocket-assisted arrows" would have deviated less from the target and hit the target much more precisely since the ballistas launched them. Using long-range weapons must have been vital in the attacks on the Maymun-Diz Castle and other Hashashi/Hashashin fortresses because these castles on the mountain slopes were located very high. For an effective attack, explosive or incendiary weapons capable of shooting at long distances must have been needed. The gunpowder used in the rocket was explosive powder with a high potassium nitrate content. As we mentioned above, the records narrating that many people died with a single arrow and Mustawfi's record of "poison" might refer to charges containing explosive gunpowder attached to the arrow shaft or arrowhead. Unfortunately, we do not have precise information about this charge. A gunpowder charge might have been attached to the arrowhead or the shaft using paper or cloth. However, ceramic vessels filled with explosive gunpowder were perhaps attached to the arrow shaft.

In any case, the steep castles of the Hashashis, considered inaccessible for centuries, were captured by the Mongols, mainly thanks to the superiority of Chinese siege technology. As Juvayni said, "having that day experienced the force of the Mongols' arms," those in the Maymun-Diz castle gave up defending and surrendered [18, II, p. 631]. In our opinion, a ballista, its Chinese crew, and gunpowder invented by the Chinese were in the Siege of Maymun-Diz. Iqtidar Alam Khan, on the other hand, equates the siege weapon "ox bow" in Juvayni's passage with the *huopao* catapults, which the Mongols had already used in China for several decades [20, p. 38]. However, when considered in the context of Shīrāzī's record, it is now certain that a Chinese style ballista shot "fire arrows." Nevertheless, Chinese catapults were also used in addition to these ballistas in

⁸ John Masson Smith also assumes that such an intermediate stage must have existed [43, p. 128].

the siege of Maymun-Diz. Since Hülegü had this type of Chinese ballistas in his possession, the weapons *baban* (բ ւ ր ւ լ in Classical Armenian), which were operated by the Mongols during the long siege of Silvan (Meyafarikin in Diyarbakır Turkey, captured in 1260) must have also been of Chinese ballistas used in the siege of Maymun-Diz [24, p. 385]⁹. However, there are no other explicit references to these weapons called "ox bow" (Chinese "eight [or nine]-oxen bow"), apart from the siege of Maymun-Diz Castle. According to Smith [43, p. 128], the reason for this fact was the relative unreliability of the rocket-assisted arrow in terms of hitting the target. Additionally, places like Maymun-Diz Castle, on steep mountain slopes, were no longer in front of the Mongols. The ballista's range was sufficient in attacks on ground-level fortresses such as Baghdad. Even if the rocket support had been removed in attacks on such places, it is not possible that the Mongols would give up the "fire arrows." Among the many incendiary weapons recorded by Islamic sources as "naphtha tools", there might have also been Chinese-style triple-bowed ballistas that shot "fire arrows."

Conclusion

By comparing Persian and Chinese sources, we tried to reveal more clearly and accurately what kind of weapons Hülegü used in the Hashashi/Hashashin Maymun-Diz Castle. Most Islamic sources mainly state that Hülegü advanced very slowly from Mongolia to the Middle East and obtained all kinds of weapons, capable of annihilating the Hashashis/Hashashin and capturing Baghdad, from his elder brother (the ruler Mungke Ha'an). Among these weapons that Hülegü brought from East Asia to the Middle East, the most crucial emphasis was on Chinese weapons. Our sources state that Hülegü brought all kinds of weapons from China and, along with these weapons, the necessary food supplies. Therefore, it would be unreasonable to think that the gunpowder weapons used by the Mongols since at least the Ugedei Period were not carried west by Hülegü. During this period, gunpowder acquired new visibility in the Islamic world. Since the flammable feature of gunpowder came to the fore initially, gunpowder was mentioned in sources with a general nomenclature, *naphtha*. Persian sources unanimously emphasize that Hülegü used Chinese bows that fired burning arrows, especially during the Siege of Maymun-Diz, and that there were many Chinese artisans with him. Besides this emphasis, Chinese weapons used by Hülegü had extraordinary power from the viewpoint of Islamic sources. Many castles had to surrender thanks to these weapons. In addition to the data about the excessive length of its range, the fact that many heretics are said to have died in the face of explosive arrows sent from ballistas are effects that petroleum-derived liquid *naphtha* could not have created. Especially in Hassan al-Rammah's (d. 1295) military book (*Kitab Al-Furusiyya wa Al-Manasib Al-Harbiyya*), these weapons described under the name "Chinese arrows" were rocket-assisted arrows launched from Chinese ballistas with wheels. After these arrows were launched from Chinese ballistas, the gunpowder in the tube attached to it was ignited by the fuse and the arrow attained an extra range. Apart from the rocket tube, these arrows also carried ceramic or iron-clad gunpowder bombs. The mountain fortresses of the Hashashis were located in very steep positions. The drawback that the Hashashi/Hashashin castles were far from the siege field was compensated through rocket support. The gunpowder bombs were transported into the fortress by means of rocket-assisted arrows, and these bombs exploded in the castle, thereby killing many

⁹ In the work of Kiragos Gandzaketsi, these weapons, which are stated to be used by the Mongols apart from the catapults, are rendered as "taran" in the Russian translation [10, p. 232]. Robert Bedrosian translates it as "ballista" [23, p. 321]. Since Gandzaketsi generally uses the term *pilikvan* (փ ի կ վ ա ն) for catapults, the term *baban* must have referred to different types of catapults or ballistas.

enemy soldiers with shrapnel and fire rain. One of the original hypotheses of our article regarding the use of gunpowder is the evaluation of Mustawfi's data that "blue poison" was applied to the tips of arrows. It is critical for us that he noted that this poison was composed of particles. Additionally, the weight he noted for poison coincides with the weight of gunpowder used in bombs in Song China. Therefore, "big bows" or "ballistas," which were said to have been brought from China, were firing rocket-assisted arrows carrying explosive gunpowder charges. If this hypothesis is accepted, the information stated by Mustawfi that "Chinese bows" and "naphtha vessels" were used in the Siege of Baghdad by the Mongols in 1258 [32, II, p. 104; 45, I, p. 67, 70] should be re-evaluated in the context of Chinese weapons and gunpowder.

REFERENCES

1. Abdel-Hamid T.G. The Development of Pyrotechnics and Firearms in the Mamluk Period. *Journal of the Faculty of Archaeology*, 2016, no. 19, pp. 1–11.
2. Abramowski W. Die Chinesischen Annalen des Möngke: Übersetzung des 3. Kapitels des Yüan-shih. *Zentralasiatische Studien*, 1979, no. 13, pp. 7–71.
3. Bar Hebraeus. *The Chronography of Bar Hebraeus: Gregory Abū'l-Faraj (1225–1286)*. Vol. 1. Sir Ernest A. Wallis Budge (tr.). Amsterdam: Apa-Philo Press, 1976.
4. Buell P.D., Fiaschetti F. Historical Dictionary of the Mongol World Empire (2nd Edition). Lanham-Boulder-New York-London: Rowman and Littlefield, 2018. 420 p.
5. Colin G.S., Ayalon D., Parry V.J., Savory R.M., Khan Y.M. Bārūd. *Encyclopaedia of Islam, New Edition*, Vol. 1. Gibb H.A. R., Kramers J.H., Lévi-Provençal E., Schacht J. (eds), Leiden: E.J. Brill, 1986, pp. 1055–1069.
6. Delgado J.P. *Khubilai Khan's Lost Fleet: In Search of a Legendary Armada*. Vancouver/Toronto: Douglas and McIntyre, 2008, 225 p.
7. Długossii I. *Annales Seu Cronicae Incliti Regni Poloniae*. Vol. 7–8. Turkowska D., Garbaciak I., Kamiński A., Budkowska S. (eds). Varsaviae: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975, 431 p. (In Polish)
8. Dupuy, Trevor N. *The Evolution of Weapons and Warfare*. Indianapolis/New York: The Bobbs-Merrill Company, 1980. 350 p.
9. Franke H. Siege and Defense of Towns in Medieval China. *Chinese Ways in Warfare*. Kiernan F.A., Fairbank J.K. (eds). Cambridge: Harvard University Press, 1974, pp. 151–201.
10. Gandzaketsi, Kiragos. *İstoriya Armenii* [The History of Armenia]. L.A. Khanlaryan (tr.). Moscow: Akademiiia Nauk SSSR (Otdelenie İstorii), 1976, 359 p. (In Russian)
11. Göksu E. *Türkiye Selçuklularında Ordu* [The Army in Turkey Seljuks]. (2nd Edition). Ankara: Turk Tarih Kurumu, 2018. 469 p. (In Turkish)
12. al-Hassan A.Y., Hill D.R. *Islamic Technology: An Illustrated History*. Cambridge University Press, 1988. 322 p.
13. Haw S.G. Cathayan Arrows and Meteors: The Origins of Chinese Rocketry. *Journal of Chinese Military History*, 2013, no. 2, pp. 28–42.
14. Haw S.G. The Mongol Empire-the first "gunpowder empire"? *Journal of the Royal Asiatic Society*, 2013, vol. 23, no. 3, pp. 441–469.
15. Hints V., Davidovich E.A. *Musul'manskie Mery i Vesa s Perevodom v Metricheskuyu Sistemu (Perevod s Nemetskogo Yu. E. Bregelya)-Materialy po Metrologii Srednevekovoy Sredney Azii* [Muslim Measures and Weights with Metric System (Translated from German by Yu. E. Bregel) – Materials on Metrology of Medieval Central Asia]. Moscow: Nauka, 1970, 148 p. (In Russian)
16. Jackson P. *The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion*. New Haven: Yale University Press, 2017. 614 p.

17. Juvayni, Atā-Malek. *Tārīkh-i Jahāngushāy*. Vol. 3. Mirza Muhammad Ibn Abdül Wahhab Qazwini (eds). London: Luzac and Co, 1937 (Reprinted 1958), 593 p. (In Persian).
18. Juvayni. *Genghis Khan: The History of World Conqueror*. Vol. 2. John Andrew Boyle (tr.). Cambridge: Harvard University Press, 1958. 402 p.
19. Kadyrbaev A.Sh. Mongol Conquests in the Near East: 1243–1260. The History of China from the Earliest Times to the 21st Century (Chief Editor: S.L. Tikhvinskiy): Vol. V (Yuan Dynasty and Ming: 1279–1644). Kadyrbaev A. Sh., Bokshchanin A. A. (eds). Moscow: Nauka, 2016, pp. 110–113. (In Russian)
20. Khan I.A. Coming of Gunpowder to the Islamic World and North India: Spotlight on the role of the Mongols. *Journal of Asian History*, 1996, vol. 30, no. 1, pp. 27–45.
21. Khan I.A. *Gunpowder and Firearms Warfare in Medieval India*. Oxford University Press, 2004, 278 p.
22. Khwandamir. *Habibu's-Siyar*: Vol. 3 (*The Reign of the Mongol and the Turk*)/1 (*Genghis Khan-Amir Temür*). Thackston W. M. (tr.). Cambridge: Harvard University The Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1994, xxx+306 p.
23. Kirakos Gandzakets'i. *Kirakos Gandzakets'i's History of the Armenians*. Robert Bedrosian (tr.). New York: Sources of the Armenian Tradition, 1986. 335 p.
24. Kirakos Ganjakec'i. *Patmut'yun Hayots'* [Armenian History]. K.A. Melik'-Öhanjanyani (eds). Erevan: Haykakan SSH Gitut yunneri Akademaiyi Hratarakch ut yun, 1961, 428 p. (In Armenian)
25. Kishchenko V.G. Arrows of Ancient and Medieval Culture of Eurasia: Reconstruction. *Domongol*, 2010, 101 p. (In Russian)
26. Lorge P.A. *The Asian Military Revolution: From Gunpowder to the Bomb*. Cambridge University Press, 2008, 188 p.
27. Matin M. Appendix: The Technology of Medieval Islamic Ceramics: A Study of Two Persian Manuscripts. *Ceramics of Iran: Islamic Pottery from the Sarikhani Collection*. Watson O. (eds). New Haven: Yale University Press, 2020, pp. 459–488.
28. May T. *The Mongol Conquests in World History*. London: Reaktion Books, 2012, 320 p.
29. Morgan, David. Reflections on Mongol Communications in the Ilkhanate. *Studies in Honour of Clifford Edmund Bosworth. Vol. II. The Sultan's Turret: Studies in Persian and Turkish Culture*, Hillenbrand C. (eds). Leiden-Boston-Köln: Brill, 2000, pp. 375–385.
30. Moufazzal ibn Abil-Fazail. *Histoire des Sultans Mamelouks: Vol. 2 (Texte Arabe Publié et Traduit en Français) (Patrologia Orientalis Tome XIV-Fascicule 3-No 69)*. E. Blochet (tr. and eds). Turnhout: Editions Brepols, 1983 (1920 reprint), 375 p. (In French and Arabic)
31. Muhammad ibn Ali ibn Muhammad Shabankara'i. *Majma' al-ansāb* [A Collection of Genealogies]. Mīr Hāshim Muhaddes (eds). Tehran: Īntishārāt-i Em'ir-i Kebīr, 1376, 374 p. (In Persian)
32. Mustawfi. *The Zafar-nāmah of Ḥamd Allāh Mustawfi and the Il-Khān dynasty of Iran*. Vol. 1–2–3. L.J. Ward (tr.). Manchester University Faculty of Art, Department of Near Eastern Studies. Ph.D. Dissertation, 1983. (In Persian and English)
33. Needham J.H. Ping-Yü, L. Gwei-Djen, Wang Ling. *Science and Civilisation in China: Vol. 5 (Chemistry and Chemical Technology)/7 (Military Technology: Gunpowder Epic)*. London-New York-New Rochelle-Melbourne-Sydney: Cambridge University Press, 1986, 703 p.
34. Nicolle D., Thompson S. *Medieval Siege Weapons (2): Byzantium, the Islamic World and India AD 476–1526*. Osprey Publishing, 2003, 48 p.
35. Al-Rammah, Najm al-Din Ayyub Hassan. *Kitāb al-Furusiyya*. Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Arabe 2825 (Manuscript in Arabic)
36. Raphael K. Mongol Siege Warfare on the Banks of the Euphrates and the Question of Gunpowder (1260–1312). *Journal of the Royal Asiatic Society (Third Series)*, 2009, vol. 19, no. 3, pp. 355–370.

37. Rashiduddin Fazlullah. *Jami'u't-tawarikh: Compendium of Chronicles: A History of the Mongols*. Vol. 1–2–3. Thackston W. M. (tr.). Harvard University Press, 1999, 811 p.
38. Rashid-ad-din. *Sbornik Letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. III. Arends A.K. (tr.), Romaskevich A.A., Bertel's E.E., Yakubovskiy A.Yu. (eds). Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1946, 340 p. (In Russian)
39. Sasaki R.J. *The Origins of the Lost Fleet of the Mongol Empire*. College Station: Texas A and M University Press, 2015, 201 p.
40. Sezgin F., Neubauer E. *İslam'da Bilim ve Teknik (C. V): Arap-İslam Bilimleri Tarihi Enstitüsü Aletler Koleksiyonu Kataloğu: 10) Fizik, 11) Mimari, 12) Savaş Tekniği, 13) Antik Objeler* [Science and Technology in Islam (Vol. V): Institute of the History of Arab-Islamic Sciences, Instruments Collection Catalogue: 10) Physics, 11) Architecture, 12) Warfare, 13) Ancient Objects]. Aliy A., Neubauer E. (tr.). İstanbul Büyükşehir Belediyesi, 2008, 228 p. (In Turkish)
41. Shīrāzī. *The Mongols in Iran Qutb Al-Dīn Shīrāzī's Akhbār-i Moghūlān*. G. Lane (tr.). London-New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2018, 127 p.
42. al-Shīrāzī, Qutb al-Din. *Akhbār-i Moğolān dar anbāna-yi Mollā Qutb* [Narratives about the Mongols from Molla Qutb]. İ. Afshar (eds). Qum: Ayatullah Mar'ashi Nacafi, 1389/2009. 116 p. (In Persian)
43. Smith J.M. Hülegü Moves West: High Living and Heartbreak on the Road to Baghdad. *Beyond the Legacy of Genghis Khan*. Komaroff L. (eds), Leiden-Boston: Brill, 2006, pp. 111–134.
44. Uyar M. İlhanlı (İran Moğolları) Devleti'nin Askerî Teşkilatı (Ortaçağ Moğol Ordularında Gelenek ve Dönüşüm) [Military Organization of the Ilkhanid (Iranian Mongols) State (Tradition and Transformation in the Medieval Mongolian Armies)]. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2020, 216 p. (In Turkish)
45. Wassaf. *Geschichte Wassaf's*. Vol. 1. von Hammer-Purgstall, Joseph (tr.). Wien: Kaiserlich-Königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1856, 277+297 p. (In German and Persian)
46. Yavaş A. Ortaçağ Temrenleri: Anadolu Ortaçağı'nın 9–13. Yüzyıl Temren Teknolojisi Üzerine Kronolojik, Morfolojik, Terminolojik, Tipolojik ve Metalürjik Bir Değerlendirme [Medieval Arrowheads: A Chronological, Morphological, Terminological, Typological and Metallurgical Evaluation on the 9–13th Century Arrowhead Technology of the Anatolian Middle Ages]. Ankara: Türkiye Bilimler Akademisi, 2020, 214 p. (In Turkish)
47. You, Zhanhong. Gunpowder. *Thirty Great Inventions of China: From Millet Agriculture to Artemisinin*. J. Hua & L. Feng (eds). Springer Nature Singapore Pte Ltd, 2020, pp. 647–662.
48. Yücel, Ü. *Türk Okçuluğu* [Turkish Archery]. D. Ayan (eds). Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı Yayınları, 1999, 447+133 p. (In Turkish)
49. Zeng Gongliang 曾公亮, Ding Du 丁度, et al. Wujing Zongyao Qianji 武經總要前集 [Complete Essentials for the Military Classics Former Collection]. *Qinding Siku Quanshu* 欽定四庫全書, Zibu 子部 2 [Complete Collection of the Four Libraries by Imperial Commission, Masters and Philosophers 2]. Ji Yun 紀昀 et al. (eds), Beijing: Forbidden City. 1773–1783. 20 juan. (In Chinese)

About the author: Anıl Yasin Oğuz – Ph.D. Student (General Turkish History), Istanbul University (Balabanaga Str., No: 9 Fatih, Istanbul, Turkey); ORCID: 0000-0003-2876-8954, ResearcherID: JAN-4711-2023. E-mail: aniloguz1133@gmail.com

Received July 27, 2023

Accepted for publication November 2, 2023

Published December 29, 2023

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОРОХОВОГО ОРУЖИЯ, ИСПОЛЬЗОВАННОГО ХУЛАГУ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ КАМПАНИИ

А.Я. Огуз

Стамбульский университет
Стамбул, Турция
aniloguz1133@gmail.com

Цели исследования: Установить, привозил ли Хулагу порох из Китая во время своей военной операции на Ближнем Востоке в 1256–1260 гг. и применяла ли его армия пороховое оружие против крепостей ассасинов Аламута.

Материалы исследования: Автор статьи исследует иламские и китайские источники, в которых упоминается военный поход Хулагу из Монголии на Ближний Восток и вооружение монгольской армии.

Результаты и научная новизна: Большинство исследователей сходятся во мнении, что монголы использовали пороховое оружие, адаптированное из Китая, в своих восточноазиатских военных экспедициях, таких как Китай, Япония, Корея и Ява. Однако до сих пор ведутся споры о том, использовали ли монголы порох и пороховое оружие в своих военных походах на Запад. Некоторые исследователи утверждают, что монголы не использовали порох в европейской кампании и что нефть была основным зажигательным материалом, которое они использовали в ближневосточном походе.

Авторы исламских источников описывали новое китайское оружие и химикаты в более привычных терминах, таких как нефть. Особенно если сравнить сведения Хамдаллаха Муставфи, Ата-Малика Джувайни и Кутб ад-дина Ширази об осаде монголами Маймун-Диза в 1256 г. с китайским военным уставом «Уцзин Цзунъяо», становится очевидным, что монголы перевозили трелучные баллисты под названием «бычий арбалет» из Китая. Получается, что данные баллисты стреляли «стрелами с ракетной поддержкой». Эти стрелы несли бумажные трубки, наполненные порохом, что увеличило бы их дальность до достижения горной крепости Маймун-Диз, и бомбы, покрытые бумагой, бамбуком, керамикой или металлом, которые подожгли бы защитников крепости. Эти баллисты упоминаются как *бабаны* в армянских источниках и как «нафтовые инструменты» во время осады Багдада монголами. Наиболее оригинальным аспектом нашей статьи является гипотеза о том, что сведения в работе Муставфи о наличии «голубого яда» в стрелах, выпущенных монголами по замку Маймун-Диз, относятся к черному пороху. «Голубой яд», состоящий из частиц, был одним из способов, которыми Муставфи выделял черный порох.

Ключевые слова: монголы, порох, черный порох, Маймун-Диз, осада, баллиста, ассасины, Хулагу

Для цитирования: Oğuz A.Y. An Enquiry into Gunpowder Weapons Used by Hülegü in the Middle East Campaign // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 728–741. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.728-741 EDN: DIHBVE

Сведения об авторе: Асыл Ясин Огуз – аспирант (общая история Турции) Стамбульского университета (ул. Балабанага, № 9 Фатих, Стамбул, Турция); ORCID: 0000-0003-2876-8954, ResearcherID: JAN-4711-2023. E-mail: aniloguz1133@gmail.com

Поступила 27.07.2023

Принята к публикации 02.11.2023

Опубликована 29.12.2023

ЗОЛОТАЯ ОРДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ И ОЧЕВИДЦЕВ**В.А. Иванов**

*Бакирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
Уфа, Российская Федерация
ivanov-sanych@inbox.ru*

Цель исследования: показать, какой видели Золотую Орду, её население – образ его жизни, внешний вид, род занятий – представители европейского (католического) и восточного (мусульманского) миров. Их впечатления, изложенные в соответствующих нарративах, не только создавали образ этого государства, но и влияли и на более поздние представления о народах, населявших восточные степи – «Тартарию».

Материалы исследования: основным источником по истории Золотой Орды / Улуса Джучи являются сочинения-нарративы средневековых европейских и арабо-персидских авторов. Большинство восточных нарративистов сами на территории этого государства не бывали. Свои сведения они черпали либо из рассказов странствующих купцов и посланников, либо из сочинений своих предшественников (компиляция). В этом плане нарративы, созданные европейцами, с точки зрения источниковедения выгодно отличаются от арабо-персидских не только своей информативностью, но и непосредственностью её передачи.

Результаты исследования и научная новизна: практически все известные нам нарративы, относящиеся к Золотой Орде, создавались с политическими целями. Соответственно, их содержание отражает именно политическую, военную и династическую историю этого государства. Те же немногочисленные авторы, которые имели возможность наблюдать жизнь Золотой Орды собственными глазами и изнутри – Плано Карпини, Гильом (Виллем) Рубрук, Марко Поло, Ибн Баттута – в своих записках фиксировали примерно одно и то же. А именно: «татары» – это кочевники, питающиеся продуктами скотоводства и охоты, неприспособленные в быту, непритязательные в одежде, формально – мусульмане, но фактически – двоеверцы, поскольку сохраняют традиционные для кочевников языческие пережитки. Масштабы урбанизации Золотой Орды по этим нарративам установить практически невозможно. Таким образом, с точки зрения исторического источниковедения, имеющийся материал объективно формирует три главных эмпирических направления в изучении Золотой Орды, каждый из которых имеет свой предмет, не пересекаясь и, практически, не взаимодействуя друг с другом: археология золотоордынских кочевников, археология поселений (городов) и социально-политическая история. Поэтому современное изложение истории Золотой Орды носит характер очерков, который, по-видимому, будет сохраняться еще довольно долго.

Ключевые слова: история, Золотая Орда, кочевники, Плано Карпини, Гильом Рубрук, Ибн Баттута, источники

Для цитирования: Иванов В.А. Золотая Орда глазами современников и очевидцев // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 742–757. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.742-757 EDN: FMYVCA

© Иванов В.А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01153, <https://rscf.ru/project/22-28-01153/>

THE GOLDEN HORDE THROUGH THE EYES OF CONTEMPORARIES AND EYEWITNESSES

V.A. Ivanov

Akmulla Bashkir State Pedagogical University
Ufa, Russian Federation
ivanov-sanych@inbox.ru

Abstract: *The purpose of the study:* To show how the Golden Horde was seen – its population, its way of life, appearances, occupations – by representatives of the European (Catholic) and Eastern (Muslim) worlds. Their impressions, set out in the corresponding narratives, not only created the image of this state, but also influenced later ideas about the peoples who inhabited the eastern steppes – “Tartaria”.

Research materials: The main source on the history of the Golden Horde/Ulus of Jochi are the narrative works of medieval European and Arab-Persian authors. Most eastern narrativist writers had never visited the territory of this state. They drew their information either from the stories of traveling merchants and envoys, or from the writings of their predecessors in compilations. In this regard, the narratives created by Europeans, from the point of view of source studies, differ favorably from the Arab-Persian ones not only in their information content, but also in the directness of its transmission.

Research results and scientific novelty: Almost all the narratives known to us related to the Golden Horde were created for political purposes. Accordingly, their content reflects precisely the political, military and dynastic history of this state. Those few authors who had the opportunity to observe the life of the Golden Horde with their own eyes and from the inside – Plano Carpini, Guillaume (Willem) Rubruk, Marco Polo, Ibn Battuta – recorded approximately the same things in their notes, namely that “Tatars” were nomads who fed on the products of cattle breeding and hunting, were unpretentious in everyday life, unpretentious in clothing, formally Muslims but in fact dual-religionists since they preserved pagan remnant traditions of nomads. It is almost impossible to establish the scale of urbanization of the Golden Horde from these narratives. Thus, from the point of view of historical source study, the available material objectively forms three main empirical directions in the study of the Golden Horde, each of which has its own subject, without intersecting and practically without interacting with each other: the archeology of the Golden Horde nomads, the archeology of settlements (cities), and socio-political history. Therefore, the modern presentation of the history of the Golden Horde has the character of essays which will evidently persist for quite a long time.

Keywords: History, Golden Horde, nomads, Plano Carpini, Guillaume Rubruk, Ibn Battuta, sources

For citation: Ivanov V.A. The Golden Horde through the eyes of Contemporaries and Eyewitnesses. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 742–757. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.742-757 (In Russian)

Financial Support: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 22-28-01153, <https://rscf.ru/project/22-28-01153/>

В отечественной историографии нет другой темы, кроме Древней Руси, которая была бы представлена таким огромным количеством научной литературы, как история и археология Золотой Орды. И тому наглядное свидетельство – библиографический указатель Золотой Орды, составленный и опубликованный И.М. Миргалеевым в 2013 году [5]. Приступая к написанию данной статьи, я было вознамерился провести статистику публикаций по Золотой Орде, начиная с самых первых (1726–1792 гг.) и до 2012 года (И.М. Миргалеев как раз собрал все данные до этого года). Вскоре понял, что эта работа займет столько времени, что на написание собственно статьи его просто не останется. Сделать это я хотел с целью выяснения удельного веса в золотоордынских публикациях работ отечественных и зарубежных авторов, а также соотношения археологической, исторической и источниковедческой тематики. Когда количество наименований перевалило за тысячу (а это только 84 стр., т.е. 20% от всего объема текста рассматриваемой работы), стало ясно, что проделать тот же колоссальный объем работы, что и автор-составитель библиографического указателя я не смогу. Но поскольку задача, которую я поставил сам себе, продолжала занимать воображение, было решено пойти по пути использования методов статистического анализа массового материала, прочно вошедших в исследовательский арсенал археологов.

Мною была сделана случайная выборка публикаций по Золотой Орде (всего 2042 наименования), скомпонованная по полярному принципу: одна тысяча с начала библиографического списка (1726–1968 гг. – перспектива) и вторая ретроспективная (2007–2012 гг.). Уже эти цифры показывают, насколько интенсивно золотоордынская тематика разрабатывается в текущем столетии. Кем разрабатывается? Всего труды иностранных авторов¹ составляют 11,6% от общего количества наименований, вошедших в указанную выборку. Так что вывод напрашивается сам собой. Впрочем, он и не должен удивлять – история Золотой Орды – это все-таки часть истории России. Это первое.

Второе – 21,7% публикаций, так или иначе, связаны с археологией: введение в научный оборот отдельных артефактов, монетных кладов, результаты исследований городов, поселений и могильников Золотой Орды, анализ и интерпретация археологического материала. Причем, из них 16,6% публикаций приходится на 2007–2012 годы, что также свидетельствует о заметно возросшей роли археологии в «золотоордыноведении». И здесь абсолютный приоритет принадлежит отечественным исследователям, что, учитывая географию Золотой Орды – Улуса Джучи, вполне естественно.

Тем не менее, в историографии Золотой Орды, безусловно, доминируют исследования собственно исторические, базирующиеся на имеющихся нарративах. Высоко оценивая значимость и важность этих исследований², в первую очередь, для адекватной интерпретации археологического материала², тем не менее, при-

¹ Именно иностранных, поскольку труды отечественных исследователей, изданные на иностранных языках, в эти выборки не были включены.

² В отличие от историков, которые в большинстве своем дистанцируются от результатов анализа и интерпретации археологического материала. Один из них – Я.В. Пилипчук, современный гиперпродуктивный украинский исследователь рассматриваемой темы – в личной переписке с автором этих строк, переписке с дискуссионным контекстом, совершенно определенно заявил, что он сознательно «не лезет в археологию». А два уважаемых историка-востоковеда Д.М. Тимохин и В.В. Тишин в своем ответе на мою статью 2018 г. [6] несколько сместили её акценты. В ответ на мои, даже не «упреки», а скорее «сетования» по поводу разночтений историками одних и тех же источников, повествующих об одном и том же событии, изложили свое видение причин правомерности подобных разночтений – незнание языков, различия в переводах [19]. Тем самым коллеги

соединяюсь к мнению И.М. Миргалеева о недостаточно критическом отношении к нарративам, следствием чего является появление достаточно многочисленных мифотворческих «исторических книг», посвященных Золотой Орде [4, с. 9].

Едва ли кому-нибудь придет в голову сомневаться в том, что историческое источниковедение Золотой Орды сейчас достигло своего апогея. В качестве примера приведу монографии А.А. Порсина и Юлая Шамильоглу, посвященные конкретным сюжетам из истории этого государства. Исследование А.А. Порсина сугубо источниковедческое, поскольку целью его работы «является попытка реконструкции содержания сообщения информатора Бейбарса» (ум. в 1325 г.) – автора фундаментального исторического сочинения «Зубдат ал-фикра фи тарих ал-хиджра» («Сливки размышления по части летописания хиджры»), в котором, по мнению А.А. Порсина, содержатся основные сведения о Золотой Орде, вошедшие в сочинения более поздних нарративистов [15, с. 6–8]. В данном случае для меня примечательным является то обстоятельство, что источниковую базу рассматриваемого исследования составляет публикация сочинения Бейбарса в томе «История Казахстана в арабских источниках» 2005 года [7]. Данный том представляет собой публикацию знаменитого труда барона В.Г. Тизенгаузена «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» [4, с. 86–117]. То есть, не имея под рукой «Истории Казахстана в арабских источниках», любой исследователь может спокойно пользоваться первоначальным изданием «Сборника» В.Г. Тизенгаузена. Это никоим образом не упрек А.А. Порсину, а не более чем констатация факта, что других переводов летописи Бейбарса пока не существует³.

Юлай Шамильоглу в своей книге, посвященной социальной истории Золотой Орды, проводит более широкий обзор источников. Автор разделяет их на четыре группы: «внешние, являющиеся официальными (русские летописи, мамлюкские хроники), внешние неофициальные источники (записки путешественников), (возможно) канцелярские справочники), местные официальные источники (династические истории, истории «правлящих племен»), местные неофициальные источники...» [26, с. 14]. Применительно к истории Золотой Орды, Ю. Шамильоглу наиболее ценными считает внешние источники, как официальные, так и неофициальные, поскольку они, по выражению автора, во-первых, не навязывают какой-то определенной точки зрения относительно событий в Золотой Орде (а я добавил бы – и относительно общего впечатления об этом государстве и его жителях). Во-вторых, нарративисты получали эти сведения от торговцев и посланников, путешествовавших между государствами, т.е. из первых рук [26, с. 204].

В своем исследовании Юлай Шамильоглу высказывает критическое замечание по поводу «Сборника» В.Г. Тизенгаузена, суть которого заключается в том, что, во-первых, у исследователей за многие десятилетия сложилось ложное впечатление о том, «что Тизенгаузен исчерпал свод арабских и персидских источников»⁴. Во-вторых, автор указывает на то, что переводы арабских и персидских нарративов, сделанные В.Г. Тизенгаузенем, не всегда точны, что, впрочем, не снижает источниковедческой ценности этих переводов [26, с. 205].

замкнули круг: археологам, безусловно, необходимо обращаться к результатам исторических изысканий, а историки имеют объективные причины для собственного (я бы сказал – индивидуального) толкования нарративов.

³ Мне, например, удобнее пользоваться изданием 2003 г., которое у меня всегда под рукой [4].

⁴ В этом точки зрения Юлая Шамильоглу и И.М. Миргалеева перекликаются [5, с. 9].

На этом столь пространную преамбулу к предлагаемой статье можно завершить. Автору этих строк она понадобилась для того, чтобы четче обозначить цель статьи и методы её достижения.

Цель – показать, как выглядела Золотая Орда – облик, образ жизни, верования ее населения, облик золотоордынских городов и впечатление, произведенное ими – в восприятии современников, либо побывавших в этом государстве, либо воспроизводивших в своих сочинениях рассказы очевидцев.

В данном случае представляется излишним заниматься исторической критикой источников, подразумевающей доказательство соответствия источника историческому факту [11, с. 307]. Применительно к нашей теме эта работа проделана неоднократно, то есть, эмпирическую базу наших построений составляют нарративы, подлинность и аутентичность которых не подвергаются сомнению.

Более важным представляется обоснование **метода**, с помощью которого будут делаться наши исторические построения. Здесь первостепенно значимым мне представляется *принцип одушевленности* источника, разработанный А.С. Лаппо-Данилевским, раскрываемый методом *психологического толкования источника* [11, с. 168–173; 247–260]. В дальнейшем я намерен руководствоваться выводом А.С.Лаппо-Данилевского о том, что **«психологическое толкование лежит в основе всех остальных методов исторической интерпретации источников»** (выделено мной – авт.) [9, с. 259].

И действительно, применительно к рассматриваемой теме, какой ещё метод интерпретации источника может быть более конструктивным, если мы имеем дело с нарративами, представляющими собой материализованную реакцию нарративиста на а priori чуждую ему действительность? Причем, чуждую во всех отношениях, начиная с природно-климатических условий страны (Золотой Орды) и кончая ментальностью её населения.

Методы исследования. Критический дискурс-анализ текстов (КДА). Дискурс – это совокупность высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования (кто говорит, о чем говорит, с какой целью и для кого, какую лексику использует и т. д.), имманентная конкретной социальной, политической и культурной среде [2; 20; 21; 23; 24]. Применительно к нашей теме это подразумевает анализ впечатлений (нарративов), изложенных людьми, либо непосредственно посещавшими это государство, либо пользовавшимися информацией очевидцев. То есть, изложенных с точки зрения стороннего (а priori – непредвзятого) «туриста-путешественника». Последнее, на мой взгляд, позволит более адекватно воспринимать и оценивать современные «золотоордынские дискурсы».

Контент-анализ (КА) – суть метода состоит в том, чтобы выявить такие признаки и свойства нарратива, которые отражали бы существенные стороны его содержания» [8, с. 12]. Существенно важным является также и то, что контент-анализ «позволяет «вписать» содержание документа в социальный контекст, осмыслить его одновременно и как **проявление, и как оценку социальной жизни** (выделено мной – В.И.)» [13, с. 15].

В настоящей работе этот метод будет применяться лишь частично, поскольку он подразумевает постановку несколько иной задачи, а именно – выявление в анализируемых нарративах оценочных характеристик наблюдаемых нарративистом объектов или субъектов. А это – тема уже другой специальной работы.

Если исходить из хронологии образования государства Улус Джучи – Золотая Орда, то сам Улус был выделен Чингиз-ханом в 1225 году, а походы Бату и его братьев 1230–1240-х годов расширили и окончательно утвердили границы этого государства [22, с. 141]. То есть, два самых первых европейских путешест-

венника – Плано Карпини (в 1245–1247 гг.) и Гильом (Виллем) Рубрук (в 1253–1255 гг.) – проезжали через территорию и наблюдали жизнь хотя и молодого, но фактически уже сложившегося государства – Золотая Орда.

Хорошо известно, что оба европейских путешественника выполняли в том числе разведывательные миссии. А разведка подразумевает максимально полный сбор сведений о вероятном противнике (а в случае с Рубруком – о вероятном союзнике). Поэтому по своему содержанию первые четыре главы сочинения Плано Карпини и первые 11 (из 53-х) глав сочинения Рубрука – это подробное этнографическое описание «татар» Золотой Орды. То есть, по классификации Юлая Шамильоглу, эти авторы оставили нам «внешние неофициальные» (следовательно – непредвзятые) источники, из которых следует:

- «татары» народ кочевой и каждый их род имеет свою территорию и стабильные маршруты кочевания (*«и всякий начальник (capitaneus) знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные. В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды»*)⁵.

- Обитают в разборных юртах («ставках»), перемещаемых с места на место на выючных животных или в неразобранном виде на повозках.

- Род занятия – скотоводство, продукты которого составляют их рацион. Богатые и знатные кочевники практикуют земледелие (руками слуг и рабов): *«Важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляется просо и мука. Бедные добывают себе это в обмен на баранов и кожи»*;

- Существенно дополняет кочевнический рацион охота. Причем охотятся на всю степную живность: сусликов, сурков, тушканчиков, кроликов, лискорсаков, сайгаков и др.

- В быту и еде неприхотливы (*«скатертей и салфеток у них нет ... Они очень грязнят себе руки жиром от мяса, а когда поедят, то вытирают их о свои сапоги или траву, или о что-нибудь подобное; более благородные имеют также обычно какие-то маленькие суконки, которыми напоследок вытирают руки, когда поедят мяса....Никогда также не моют они блюд; мало того, сварив мясо, они моют чашку, куда должны положить его, кипящей похлебкой из котла, а после обратно выливают в котел... Платья свои они также не моют и не дают мыть, а особенно в то время, когда начинается гром, до тех пор, пока не прекратится это время... Кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечье, коровье и верблюжье молоко. Вина, пива и меду у них нет, если этого им не пришлют и не подарят другие народы. Зимою у них нет даже и кобыльего молока, если они небогаты. Они также варят просо с водою, размельчая его настолько, что могут не есть, а пить. И каждый из них пьет поутру чашу или две, и днем они больше ничего не едят, а вечером каждому дается немного мяса, и они пьют мясную похлебку. Летом же, имея тогда достаточно кобыльего молока, они редко едят мясо, если им случайно не подарят его, или они не поймут на охоте какого-нибудь зверя или птицу»*).

- В одежде неприхотливы: излюбленное одеяние – шуба, меховые штаны и халаты одинакового покроя для мужчин и женщин. Отличие одежды богатого кочевника – использование привозных мехов и шелка при пошиве.

⁵ Здесь и ниже все цитаты приведены из [17, с. 24–33 и 91–103].

• Веры языческой (*Они веруют в единого Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также и признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако они не чтут его молитвами или похвалами, или каким-либо обрядом. Тем не менее у них есть какие-то идолы из войлока, сделанные по образу человеческого, и они ставят их с обеих сторон двери ставки и вкладывают в них нечто из войлока, сделанное наподобие сосцов, и признают их за охранителей стада, дарующих им обилие молока и приплода скота. Других же идолов они делают из шелковых тканей и очень чтут их. Некоторые ставят их на прекрасной закрытой повозке пред входом в ставку, и всякого, кто украдет что-нибудь с этой повозки, они убивают без всякого сожаления... Сверх того, они набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле, посвящая им начатки пищи и питья и преимущественно утром, раньше чем станут есть или пить»).*

• Относительно городов в Золотой Орде рассматриваемого периода создается впечатление, что названные путешественники их либо не видели вообще, либо они не произвели на них ни малейшего впечатления. Плано Карпини о городах на территории Золотой Орды не упоминает вообще, а Гильом (Виллем) Рубрук хотя и называет два города – Сарай и Суммеркент – но о первом не сообщает вообще ничего, кроме того, что двигался он туда *«направляясь прямо на юг и спускаясь по берегу Этили, которая там ниже разделяется на три больших рукава; каждый из них почти вдвое больше реки (Нила)»*⁶, а город Суммеркент⁶ появился задолго до монгольского завоевания и к рассматриваемому периоду уже приходил в упадок.

• Если Плано Карпини и Гильом (Виллем) Рубрук выполняли официальные дипломатические миссии⁷, то их младший современник, отпрыск венецианского купеческого рода Марко Поло свою грандиозную эпопею начал из чисто коммерческих интересов (хотя по ходу её ему пришлось-таки погрузиться в перипетии политической жизни Монгольской империи). А.Г. Юрченко дает, на мой взгляд, исчерпывающую характеристику книги Марко Поло с точки зрения её этнографической информативности: *«Книга Марко Поло не дает ни малейшей зацепки полагать, что он ощущал себя путешественником... Путешествие, маршрут которого является предметом бесконечных споров между исследователями, не интересует нашего героя... Потому что Марко Поло не был путешественником, а был агентом хана, дипломатом и разведчиком* (выделено мной – В.И.). И даже мыслит он в категориях политической карты империи» [27, с. 11].

Поэтому вот его-то знаменитая «Книга о разнообразии мира» может рассматриваться и как внешний официальный источник. Но, судя по тем сведениям, которые сообщает автор о Золотой Орде, это государство не входило в сферу его дипломатических и разведывательных интересов. О нем Марко Поло пишет только, что семейство купцов Поло (Николо – отец, Маффео – дядя и сам Марко) в течение года (то ли 1255–1256, то ли 1260–1261 [11, с. 39]) прожили во владениях Берке-хана, ставка которого располагалась то в Болгаре, то в Сарае. А, кроме того, у него имелся ещё и город Укак (Укек/Увек) [14, гл. II и III]. Этим сведения купца-разведчика о Золотой Орде и ограничиваются.

Вообще, судя по содержанию дошедших до нас нарративов, европейцы на территорию Монгольской империи проникали либо с миссионерскими (т.е.

⁶ С которым исследователи отождествляют городище Мошаик на окраине современной Астрахани [3, с. 268].

⁷ Поэтому их отчеты, по-видимому, следует считать все-таки внешними официальными источниками.

опять-таки политическими), либо с торговыми целями. Во втором случае этнографический контекст ими полностью игнорировался за ненадобностью. А что касается сочинений монахов-миссионеров, то им приходилось сталкиваться как с монгольским язычеством, так и (что еще хуже) с растущим влиянием ислама на духовную жизнь населения Монгольской империи («тартар»). Это вызывало у авторов неприкрытое раздражение, отразившееся в лексике и семантике их сочинений. Так, доминиканец Рикколько да Монтекроче, в 1291 г. встретившийся с «тартарами» где-то в Месопотамии, в первую очередь охарактеризовал их как народ «ужасный и чудовищный», внешне настолько отличавшийся от европейцев и мусульман, «что многие из них похожи на обезьяну, особенно старики». Естественно, они язычники, поскольку «верят в бога, как в некий закон природы», и кочевники, ненавидевшие города и «живущие как звери и птицы, мигрируя летом и зимой» [19, с. 152–153; 174].

Точно такими же видел «татар» Дешт-и-Кипчак («царство Кумания») и Хайтон (Геттум) из Карикоса – племянник киликийского короля Гетума I и участник монголо-мамлюкских войн конца XIII столетия: кочевники, «живущие в шатрах и в таких жилищах, которые легко перевозятся с места на место», и которые отплавляются кизяком «жгут навоз животных вместо дров» [19, с. 210–212].

Итак, европейский читатель второй половины – конца XIII в., ознакомившись с сочинениями соплеменников-единоверцев, воочию видевших страны и народы Востока, получал сведения (в подлинности которых сомневаться не приходилось⁸) о далекой и загадочной стране «Татарии/Тартарии», населенной людьми, чей образ жизни, нравы, обычаи и внешний вид были просто не соотносимы с европейскими. Впрочем, актуальность подобных сведений вскоре начинает сходить на нет, поскольку после «монгольского рейда» 1237–1241 гг. стало очевидно, что подобных ужасов в ближайшем будущем опасаться не стоит, ибо монгольские ханы все глубже погружались в пучину внутриродовых «разборок». Да и амортизирующая роль Руси, а особенно Великого Княжества Литовского так же становилась вполне реальной.

Если исходить из количества имеющихся источников, то становится очевидным, что арабская (Мамлюкский Султанат) и персидская (государство Хулагуидов) политическая номенклатура уделяла гораздо большее внимание Золотой Орде. Объясняется это в первую очередь политическими мотивами и тем обстоятельством, что с восшествием на трон хана Берке начинается на государственном уровне внедрение ислама в Золотой Орде. Именно на время его правления приходится большая часть нарративов, так или иначе освещавших социально-политическую обстановку в Золотой Орде (табл. 1).

Таблица 1.

Арабские нарративисты, источники и содержание информации

Автор	Дата	Источник информации	Содержание информации
Ибн 'Абд-аз-Захир	ум. в 1293 г.	Посольство и письмо Берке к мамлюкскому султану Бейбарсу	Берке принял ислам и просит Бейбарса содействовать его утверждению в Золотой Орде

⁸ Плано Карпини, например, приводит список свидетелей его пребывания в Золотой Орде [13, с. 81–82].

Ибн Васил	ум. в 1297 г.	Компиляция из Ибн ‘Абд аз-Захира	Татары бедны и ведут бродячий образ жизни
Рукн ад-Дин Бей- барс	ум. в 1325 г.	Сообщения осведомителей, купцов	Берке усиленно насаждает ислам в Орде; воцарение Тудаменгу и его свержение; мятеж Ногай и его подавление и т.п.
Ан-Нувейри	ум. в 1333 г.	Ученый-энциклопедист	Золотая Орда – северная страна тюрок и кипчаков, столица – город Сарай; Берке насаждает ислам и воюет с Хулагу; мятеж Ногай и его сыновей; воцарение Узбека и насильственное насаждение ислама в Орде; обмен посольствами и т.п.
Шейх ал-Бирзали	ум. в 1339 г.	Летописец-компилятор.	Воцарение Узбека и утверждение ислама в Золотой Орде
Ибн Баттута	ум. 1368/69 г.	Путешественник-очевидец	Этнографические зарисовки о тюрках (кыпчаках) Золотой Орды
Ал-Муфаддал	ум. 1358 г.	Историк-компилятор	Размеры царства Берке – 20 дней пути от Крыма до Итиля по степи, заселенной кочевниками; обмен посольствами; мятеж Ногай; воцарение Узбек-хана, насильственная исламизация Орды.
Ибн Фадлаллах ал-‘Омари	ум. в 1349 г.	Информацию получал от купцов и посланников	Изложение сведений о территории Золотой Орды; образе жизни её населения; религии; противоречивые сведения о столице – городе Сарай.
Аз-Захаби	Ум. в 1349 г.	Историк-компилятор	Краткие сведения о территориальных масштабах Золотой Орды

Так как все перечисленные выше нарративисты происходили из Мамлюкского Султаната, правители которого рассматривали Золотую Орду как союзника против Хулагуидов, поэтому их, конечно, в первую очередь интересовала социально- и военно-политическая составляющая жизни Золотой Орды. Это и нашло свое отражение в содержании соответствующих нарративов. Но поскольку меж-

ду Султанатом и Золотой Ордой шла оживленная торговля и обмен посольствами, сведения этнографического характера так же фиксировались. Правда, сами нарративисты, кроме Ибн-Баттуты, этого государства не посещали, сообщаемые ими сведения либо компиляции (Ибн-Васил, Ал-Муфаддал), либо пересказ сообщений информаторов-очевидцев (ал-‘Омари).

Персидские авторы (государство Хулагуидов), для которых Золотая Орда являлась государством враждебным, в своих сочинениях на разные лады пересказывают историю противостояния Джучидов и Хулагуидов, «этнографией» этого государства не интересуясь абсолютно. И даже в грандиозном «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина единственный раз только вскользь упоминается город Сарай Бату, как столица Золотой Орды [18, с. 86].

Арабские авторы, фактически, отмечали те же самые черты внутренней жизни Золотой Орды, что и европейские. А именно:

- Татары (кыпчаки) Золотой Орды – степные кочевники, обитающие в шатрах. Со слов Зайнедина Омара, сына Мусафира, *«большая часть его (Узбека – В.И.) подданных обитатели шатров, [живущие] в степях. Питание их составляют животные их: лошади, коровы и овцы. Посевов у них мало, и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов же почти нельзя отыскать. Чаще всего встречаются у них посевы проса; им они питаются...»* [4, с. 102];

- Абсолютно неприхотливы в еде: *«У тех из них, которые живут в степи, мясо не продается и не покупается. Большая часть их еды [состоит] из мяса, [добываемого посредством] охоты; из молока; сала и проса. Когда у одного из них начинает хиреть скотина, как то: лошадь, или корова, или овца, то он закалывает ее и вместе с домохозяевами съедает часть ее, и [часть] дарит своим соседям, а когда у них [соседей] также портится (выделено мной – В.И.) овца или корова, или лошадь, то они закалывают её и дарят [часть ее] тем, кто их одарил...»* [4, с. 102];

- Неприязнательны в одежде: *«Рассказал мне почтенный Джамаледдин Абдаллах Эльхисин, купец (выделено мной – В.И.), что многие из степных жителей этого государства одеваются в шкуры [животных], не разбирая заколоты ли были они [животные] или сдохли, дубленая ли это кожа, или не дубленая, от животного чистого или от животного нечистого* [4, с. 103];

- Мы все прекрасно знаем, что любой нарратив – есть продукт субъективный. Это особенно наглядно прослеживается в сообщениях ал-‘Омари, полученных от различных информаторов, о ментальности золотоордынских тюрок/кыпчаков. Зайнедин Омар, сын Мусафира: *«Это тупоумный и жалкий народ, у которого нет ни привязанности к какой-либо вере, ни проникательности, ни ума* (выделено мной – В.И.). *Вследствие бедственности их, происходящей от дурного положения...»*. Однако ниже тот же Зайнедин Омар, уточняя сведения Эльхисина, сообщает автору: *«Все, что он (Эльхисин – В.И.) тебе рассказал, верно»*. В итоге ал-Омари делает заключение: *«Тюрки этих стран, говорю я, [один] из лучших родов Тюркских* (выделено мной – В.И.) *по своей добросовестности, храбрости, избеганию обмана, совершенству своих станом, красоте фигур и благородству своих характеров. Из них [состоит] большая часть войска Египетского, ибо от них [происходят] султаны и эмиры его [Египта]...»* [4, с. 103].

- Аналогичным образом оценивается очевидцами Сарай – столица Золотой Орды. Шейх Наджм ад-дин Ибн аш-Шаххам ал-Маусили (по-видимому): *«Столица тамошнего царя – Сарай. Это небольшой город между песками и рекой. Пребывающий там султан его, Узбекхан, построил в нем медресе для науки,*

[потому что] он очень предан науке и людям ее» [4, с. 102]. Доблестнейший Шуджа ад-дин ‘Абдеррахман ал-Хорезми, толмач: «город Сарай построен Беркеханом на берегу Туранской реки [Итиля]. Он [лежит] на солончаковой земле без всяких стен. Место пребывания царя там большой дворец, на верхушке которого [находится] золотое новолуние... Дворец окружают стены, башни да дома, в которых живут эмиры его. **В этом дворце их зимние помещения** (выделено мной – В.И.)... Он, т.е. Сарай, город великий, заключающий в себе рынки, бани и заведения благочестия, место, куда направляются товары...» [4, с. 109]⁹.

То есть, оба информатора ал-‘Омари видели два разных Сарая: Сарай ал-Махрус, основанный Бату и Сарай ал-Джедид, основанный его братом Берке. Но для названного нарративиста эти нюансы были не существенными и он просто зафиксировал информацию, не разделяя ее во времени.

- О географии, размерах и границах Золотой Орды ал-Омари узнал от Хасана Элирбили, которого, в свою очередь, информировал об этом странствующий купец Хасан Эрруми [4, с. 106].

И наконец, Абу ‘Абдаллах Мухаммад Ибн Баттута – единственный из арабских нарративистов видевший Золотую Орду «изнутри» собственными глазами в 1334 г. Из экономии места я не буду приводить здесь цитаты из сочинения названного автора¹⁰. Отмечу только, что он фактически видел и отмечал то же самое, что и другие названные выше авторы. Дешт-Кипчак – цветущая степь, по которой в своих юртах, поставленных на повозки-араба, кочуют тюрки/кыпчаки. Неприхотливы в быту: (например, тезек/кизяк собирают все, даже старейшины) и пище (варят просяную похлебку из баранины (дуги), сдабривая её кислым молоком и запивая кумысом или просяной брагой – буза). Сладости презируют. В одежде непритязательны – мужа, едущего в одной повозке с женой и одетого в овчинную шубу, можно принять за слугу – стирать одежду запрещено.

И вместе с тем, «Они [Кипчаки] народ крепкий, сильный и здоровенный» [4, с. 107].

Ислам хотя и признан государственной религией, но это касается в основном знати – эмиров и нойонов. Кочевники-степняки либо вовсе не молятся, либо делают это «из-под палки». Но Великую Ясу Чингиз-хана чтут все.

Городов в стране много, Ибн Баттута видел Кафу, Солхат, Азак, Маджар, Хаджитархан, Сарайчик, Булгар. Но более-менее подробно описан только Сарай – столица хана Узбека: огромный, красивый, с широкими улицами, наполненный разноязыкими людьми, базарами и мечетями [4, с. 125–143].

Конечно, сочинения Плано Карпини, Гильома Рубрука, ал-‘Омари и Ибн Баттуты не были бестселлерами и многочисленная публика, пусть даже и просвещенная, о них ничего не знала. Но даже если представить себе некоего виртуального любителя путешествий (не VIP-персону), то, что он мог бы узнать из записок очевидцев о Золотой Орде? Прежде всего, то, что страна эта степная, населенная кочевниками, по своей ментальности, внешнему облику и образу жизни чуждыми европейцу-католику и арабу-мусульманину: живут в кибитках на колесах, едят, что попало, пьют кислое молоко и бузу, не моются и не стирают

⁹ С питьевой водой, правда там «напряженка» и для питья приходится покупать речную воду, которую привозят в город в кувшинах.

¹⁰ Выше отмечалось, что Юлай Шамильоглу подвергал сомнению некоторые точности переводов В.Г. Тизенгаузена. Применительно к сочинению Ибн Баттуты, сам он ссылается на английский перевод Гибба (H.A.R. Gibb). Сравнение двух переводов показывает, что разночтений между ними нет [1, р. 472–492]. Поэтому ссылаться я буду на перевод В.Г. Тизенгаузена.

одежд, по духу своему скорее язычники. Но статные, красивые, отважные и гостеприимные («самые лучшие из всех тюркских племен»). Идет своя, отличающаяся от степной, городская жизнь. На восточных нарративистов она особо сильного впечатления, похоже, не произвела (у них свои города ничуть не хуже). А во времена первых европейских нарративистов урбанизация Золотой Орды ещё только зарождалась.

Однако, характерно, что и в деловых европейских документах – торговых руководствах XIV в. – золотоордынских городов упоминается немного: Тана, Хаджи-Тархан, Сарай, Сарайчук, Булгар – с указанием расстояний до них [25, с. 3]. А в одном из таких руководств (Франческо Пегалотти) даже рекомендуется при поездке по территории Улуса Джучи запастись побольше мукой и соленой рыбой, поскольку, кроме мяса, других продуктов достать там очень трудно [25, с. 876].

И конечно же, совсем в ином свете представлены правители Золотой Орды, утопающие в роскоши, затмевающей и мамлюкских султанов и уж, тем более, европейских властителей. Но увидеть их – удел избранных, а мы ведем речь о простом обывателе, волею судеб собирающемся посетить Золотую Орду.

То есть, страна, конечно, любопытная, но какая-то непонятная. Без особой – коммерческой – нужды отправляться туда, это значит подвергать себя бессмысленному риску, поскольку и взять-то с нищих «татар» особо нечего. Так что не случайно европейские картографы XV–XVII вв. обозначали бывшую территорию Золотой Орды как «Тартарию». А что такое «Тартар», каждому европейцу было понятно.

В заключение можно сделать следующие **выводы**. Первый – информационный потенциал корпуса письменных источников по истории Золотой Орды, известных и доступных в настоящее время, практически исчерпан. Если, конечно, в результате нового текстологического анализа не выяснится, что существующие их переводы нуждаются в корректировке и переосмыслении.

Второй – дальнейшие перспективы изучения истории Золотой Орды представляются в виде трех параллельных направлений, пересечение которых весьма проблематично. Археологи, для которых средневековые нарративы оказываются бесполезны в принципе, «обречены» на бесконечную эмпирику в области географии расселения, вещеведения, оружиеведения, хронологии и антропологии золотоордынских кочевников (одно направление) и золотоордынской оседлости (археология городов и сельских поселений – второе направление, как показывают многочисленные публикации, с первым практически не связанное). Отсутствие масштабных полевых исследований золотоордынских сельских поселений и фрагментарные, в общем-то, раскопки золотоордынских городов не способствуют созданию фундаментальной схемы хозяйственно-экономической истории Золотой Орды. Наиболее фундированной сейчас является, пожалуй, только разработанная Л.Ф. Недашковским схема сельскохозяйственной округи золотоордынских городов [12]. Но она работает на ограниченной территории Золотой Орды.

Прочие схемы, как, например, предложенная Д.А. Сташенковым и А.Ф. Кочкиной схема локального хозяйственно-административного районирования Средневожского (Самарского) региона этого государства базируются на случайных разведочных материалах и потому выглядят искусственными и отчасти даже эклектичными [9; 10]¹¹. Да и при внимательном рассмотрении оказывается, что

¹¹ Включение авторами в состав памятников «Сызранского микрорайона» кургана-кенотафа Клинь-1, хронологически не имеющего отношения к Золотой Орде, поскольку датирован временем первых монгольских походов на Волжскую Булгарию, выглядит чрезмерно искусственно [21].

эта схема фактически обусловлена физико-географическими условиями Самарского Поволжья, а не административно-хозяйственной политикой ее правителей.

Третий – современное историко-источниковедческое направление в изучении Золотой Орды выражается в собственно источниковедческих исследованиях и дискурсах по историографии, социально-политической, династийной, культурологической истории Золотой Орды. Её экономическая история историками практически не рассматривается, поскольку средневековые нарративисты хозяйственным укладом Золотой Орды не интересовались. В этом контексте в эмпирическом «альянсе» с археологами историки просто не нуждаются.

Таким образом, очерковый характер изложения истории Золотой Орды – это объективная реальность настоящего этапа этого процесса. То есть, говоря словами историка XIX столетия М.Н. Погодина, «Если мы хотим построить здание, прежде всего, должны приготовить материалы–обжечь кирпичи, обтесать камни». Чем мы сейчас и занимаемся. Подобное уже было в отечественной историографии: как известно, первая обобщенная история СССР так же увидела свет в виде «Очерков».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Travels of Ibn Battūta, A.D. 1325–1354, II. Cambridge, 1962. 537 p.
2. Атрошенко И.Г. Анализ определений понятия «дискурс» в современной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. I. С. 26–31. Режим доступа: <https://www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/5.html> (дата обращения 15.08.2023)
3. Васильев Д.В. О населенных пунктах в дельте Волги, которые посетил Гильом Рубрук в 1254 году // Труды ТКАЭЭ. Вып. 8. Пермь, 2012. С. 266–270.
4. Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения. Сост., вводная статья и комментарии Р.П.Храпачевского. М., 2003.
5. Золотая Орда: библиографический указатель / Автор-составитель И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. 412 с.
6. Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды в восприятии современных историков // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 618–634. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.618-634
7. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузен. Переработанное и дополненное издание. Алматы: «Дайк-Пресс», 2005. 711 с.
8. Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ (учебное пособие). М.: Издательство Московского университета, 1987. 86 с.
9. Кочкина А.Ф. К характеристике пространственной организации системы расселения в правобережье Самарского Поволжья в золотоордынский период // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.) / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов. Казань, Ялта, Кишинев: Stratum plus. 2016. С. 166–169.
10. Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Материалы к характеристике системы расселения в Самарском Поволжье в золотоордынский период // Поволжская археология. 2021. №2 (36). С. 178–192. <https://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.178.192>
11. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Екатеринбург: Деловая книга, 2013. 602 с.

12. Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. лит., 2010. 351 с.
13. Пашинян И.А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения // Научная периодика: проблемы и решения. 2012. 2(3): 13. С. 13–18.
14. Поло М. Книга Марко Поло / Перевод старофранцузского текста И.П.Минаева. Редакция и вступительная статья И.П.Магидовича [Примечание В.В.Бартольда]. М.: Госгеоиздат, 1956.
15. Порсин А.А. История Золотой Орды конца XIII – начала XIV веков в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-фикра». Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 276 с.
16. После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны Трех Индий. Пер., вступит. статья и прим. Я.М.Света. М.: Наука, 1968. 237 с.
17. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. 270 с.
18. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л., 1960. 245 с.
19. Тимохин Д.М., Тишин В.В. Этноплеменной состав Дешт-и Кыпчака как объект дискуссии (к статье В.А. Иванова «Кочевники Золотой Орды в восприятии современных историков») // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 437–456. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.437-456
20. Тимошук Е.А. Дискурсивный анализ как феноменологическая стратегия социокультурного описания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012 Вып. 4(12). С. 66–73.
21. Тихонов В.В., Волков В.В., Глазков А.Н., Павленко Ю.А. Исследование кургана Клин 1 в Ульяновской области // Археологические открытия 2017 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 327–329.
22. Трепавлов В.В. Образование Улуса Джучи // Золотая Орда в мировой истории. Колл. монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 137–147.
23. Фуко М. Археология знания. / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебряниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
24. Филлипс Н., Харди С. Что такое дискурс-анализ? // Современный дискурс-анализ. Методология: концептуальные обоснования. 2009. Вып.1, том 1. С. 48–84. Режим доступа: <http://www.discourseanalysis.ru/ada1/st4.shtml> (дата обращения 15.08.2023)
25. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 6 / Общ. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 976 с.
26. Шамильоглу Ю. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 260 с.
27. Юрченко А.Г. Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография. СПб.: Евразия, 2007. 864 с.

Сведения об авторе: Владимир Александрович Иванов – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (450008, ул. Октябрьской революции, 3А, Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7243-2588. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Поступила 18.08.2023

Принята к публикации 24.11.2023

Опубликована 29.12.2023

REFERENCES

1. The Travels of Ibn Battuta, A.D. 1325–1354, II. Cambridge, 1962. 537 p.
2. Atroschenko I.G. Analysis of definitions of the concept of "discourse" in modern linguistics. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. Tambov: Gramota, 2015, no. 12(54): at 4 Parts. Part I, pp. 26–31. Access mode: <https://www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/5.html> (access date 15.08.2023) (In Russian)
3. Vasiliev D.V. About settlements in the Volga Delta visited by Guillaume Rubruk in 1254. *Proceedings of the Tuvan complex archaeological and ethnographic expedition*. Iss. 8. Perm, 2012, pp. 266–270. (In Russian)
4. The Golden Horde in the sources. Volume one. Arabic and Persian writings. Comp., introductory article and comments by R.P.Khrapachevsky. Moscow, 2003. (In Russian)
5. Golden Horde: bibliographic index / Compiled by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2013. 412 p. (In Russian)
6. Ivanov V.A. Nomads of the Golden Horde in the Perception of Modern Historians. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 618–634. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.618-634(In Russian)
7. History of Kazakhstan in Arabic sources, vol. I. Almaty: Dyk-Press, 2005. 713 p. (In Russian)
8. Kovalchenko I.D., Borodkin L.I. Modern methods of studying historical sources using computers (textbook). Moscow: Moscow University Publishing House, 1987. 86 p. (In Russian)
9. Kochkina A.F. To characterize the spatial organization of the settlement system in the right bank of the Samara Volga region in the Golden Horde period. Dialogue of urban and steppe cultures on the Eurasian space. Historical geography of the Golden Horde. Materials of the Seventh International Conference dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov (Yalta, November 8–12, 2016) / Ed. S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov. Kazan: Yalta, Chisinau: Stratum plus. 2016, pp. 166–169. (In Russian)
10. Kochkina A.F., Stashenkov D.A. Materials for the characteristics of the settlement system in the Samara Volga region in the Golden Horde period. *Povolzhskaya Arkheologiya=The Volga River Region Archaeology*, no. 2 (36). 2021, pp. 178–192. <https://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.178.192> (In Russian)
11. Lappo-Danilevsky A.S. Methodology of history. Yekaterinburg: Business Book, 2013. 602 p. (In Russian)
12. Nedashkovsky L.F. The Golden Horde cities of the Lower Volga region and their districts. Moscow: East lit., (In Russian)
13. Pashinyan I.A. Content analysis as a research method: advantages and limitations. *Scientific periodicals: problems and solutions*. 2012. 2(3): 13, pp. 13–18. (In Russian)
14. Polo M. The book of Marco Polo / Translation of the Old French text by I.P.Minaev. Editorial and introductory article by I.P.Magidovich [Note by V.V.Bartold]. Moscow: Gosgeoizdat, 1956. (In Russian)
15. Porsin A.A. History of the Golden Horde of the late 13th – early 14th centuries in the work of Rukn ad-Din Beybars al-Mansuri "Zubdat al-fikra". Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 276 p. (In Russian)
16. After Marco Polo. Travels of Western foreigners to the countries of the Three Indies. Trans., will enter. article and note by Ya.M. Sveta. Moscow: Nauka, 1968. 237 p. (In Russian)
17. Travels to the eastern countries of Plano Carpini and Rubruk. Moscow, 1957. 270 p. (In Russian)
18. Rashid al-Din. Collection of chronicles. Vol. II. Moscow-Leningrad, 1960. 245 p. (In Russian)
19. Timokhin D.M., Tishin V.V. Ethno-tribal Composition of Desht-i Kipchak as an Object of Discussion (on V.A. Ivanov's article "Nomads of the Golden Horde in the Per-

ception of Modern Historians”). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 437–456. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.437-456 (In Russian)

20. Tymoshchuk E.A. Discursive analysis as a phenomenological strategy of socio-cultural description. *Vestnik permskogo universiteta. Seriya filosofiya psikhologiya sotsiologiya*. 2012. Iss. 4(12), pp. 66–73. (In Russian)

21. Tikhonov V.V., Volkov V.V., Glazkov A. N., Pavlenko Yu. A. Investigation of the Klin 1 mound in the Ulyanovsk region. *Archaeological discoveries of 2017* / Ed. N.V. Lopatin. Moscow: IA RAS, 2019, pp. 327–329. (In Russian)

22. Trepavlov V.V. Formation of the Ulus of Jochi. *The Golden Horde in World History*. Coll. monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 137–147. (In Russian)

23. Foucault M. Archeology of Knowledge. / Per. with fr. M.B. Rakova, A.Y. Serebryannikova; introductory article A.S. Kolesnikova. St. Petersburg: IC "Humanitarian Academy"; University book, 2004. 416 p. (In Russian)

24. Phillips N., Hardy S. What is discourse analysis?. *Modern discourse analysis. Methodology: conceptual rationale*. 2009. Iss. 1, vol. 1, pp. 48–84. Access mode: <http://www.discourseanalysis.ru/ada1/st4.shtml> (access date 15.08.2023)

25. Hautala R. In the lands of "Northern Tartary": Information from Latin sources about the Golden Horde during the reign of Khan Uzbek (1313–1341). The series "Yazma Miras. Written Heritage. Textual Heritage". Vol. 6. General and scientific ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 976 p. (In Russian)

26. Shamiloglu Yu. Tribal politics and social structure in the Golden Horde. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 260 p. (In Russian)

27. Yurchenko A.G. The book of Marco Polo: notes of a traveler or imperial cosmography. St. Petersburg: Eurasia, 2007. 864 p. (In Russian)

About the author: Vladimir A. Ivanov – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Russian and World History, Akmulla Bashkir State Pedagogical University (3A, October Revolution Str., Ufa 450008, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7243-2588. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Received August 18, 2023

Accepted for publication November 24, 2023

Published December 29, 2023

ИСЛАМ И ПЕРЕЖИТКИ ДОИСЛАМСКИХ ВЕРОВАНИЙ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИТЕКТУРЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Э.Д. Зиливинская

*Институт этнологии и антропологии РАН
Москва, Российская Федерация
eziliv@mail.ru*

Цель исследования: рассмотреть каким образом монументальная архитектура, в частности, мемориальные постройки отражают изменения в обществе, связанные с принятием ислама в Золотой Орде и связи с другими мусульманскими государствами.

Материалы исследования: мавзолеи, которые являются наиболее многочисленными объектами монументальной архитектуры, исследованными на всей территории Золотой Орды. В работе рассматриваются как археологические памятники, так и различные изображения мавзолеев: рисунки XVIII–XIX вв. и фотографии конца XIX – начала XX вв.

Результаты и научная новизна: На основании строительной техники в Золотой Орде выделяются два направления зодчества – строительство из кирпича (обожженного и сырцового) и строительство из камня. Анализ планировки, строительных приемов, архитектурных деталей мавзолеев и строительной техники приводит к выводу, что в сложении золотоордынского мемориального зодчества прослеживается несколько направлений. Очень существенным было влияние среднеазиатской школы, связанной со строительством из обожженного и сырцового кирпича. Архитектурные формы кирпичных мавзолеев, распространенных преимущественно в степной зоне, находят прямые аналогии среди памятников Средней Азии, прежде всего, Хорезма. В памятниках, выполненных в технике каменного строительства прослеживается влияние Малой Азии и Закавказья. Оно выражается как в архитектонике зданий, так и применении некоторых строительных приемов. Золотоордынские башенные мавзолеи, скорее всего, являлись точной копией малоазийских и азербайджанских. Наряду с типичными для мусульманского мира формами мемориальных зданий, в улусе Джучи присутствовали постройки архаического облика. Здесь строились пирамидальные мавзолеи, форму которых исследователи выводят из надмогильных сооружений в виде курганов и связывают с тюркскими поминальными постройками IX–XI вв.

Ключевые слова: Золотая Орда, принятие ислама, монументальная архитектура, мавзолеи, архитектоника, строительная техника, Средняя Азия, Малая Азия, Закавказье, тюрки

Для цитирования: Зиливинская Э.Д. Ислам и пережитки доисламских верований в Золотой Орде по материалам архитектуры погребальных сооружений // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 758–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.758-783 EDN: HPQQIE

© Зиливинская Э.Д., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ISLAM AND SURVIVALS OF PRE-ISLAMIC BELIEFS IN THE GOLDEN HORDE ON THE MATERIALS OF ARCHITECTURAL FUNERAL STRUCTURES

E.D. Zilivinskaya

*Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
eziliv@mail.ru*

Abstract: *The purpose of the study:* To consider how monumental architecture, in particular memorial buildings, reflected the changes in society associated with the adoption of Islam in the Golden Horde and ties with other Muslim states.

Research materials: Mausoleums which are the most numerous objects of monumental architecture explored throughout the territory of the Golden Horde. The paper considers both archaeological sites and various images of mausoleums: drawings of the 18th–19th centuries, and photographs of the late 19th – early 20th centuries.

Results and scientific novelty: On the basis of building technology in the Golden Horde, two areas of architecture are distinguished – building from brick (fired and raw) and building from stone. An analysis of the planning, construction techniques, architectural details of the mausoleums, and construction equipment leads to the conclusion that several directions can be traced in the composition of the Golden Horde memorial architecture. The influence of the Central Asian school associated with the construction of fired and raw bricks was very significant. The architectural forms of brick mausoleums, distributed mainly in the steppe zone, find direct analogies among the monuments of Central Asia, primarily Khorezm. In the monuments made in the technique of stone construction, the influence of Asia Minor and Transcaucasia can be traced. It is expressed both in the architectonics of buildings and in the use of certain building techniques. The Golden Horde tower mausoleums, most likely, were exact copies of those in Asia Minor and Azerbaijan. Along with the forms of memorial buildings typical for the Muslim world, there were buildings of archaic appearance in the ulus of Jochi. Pyramidal mausoleums were built there, the shape of which the researchers deduce from the tomb structures in the form of barrows; these can be associated with the Turkic memorial buildings of the 9th–11th centuries.

Keywords: Golden Horde, adoption of Islam, monumental architecture, mausoleums, architectonics, construction equipment, Central Asia, Asia Minor, Transcaucasia, Turks

For citation: Zilivinskaya E.D. Islam and survivals of pre-islamic beliefs in the Golden Horde on the materials of architectural funeral structures. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 758–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.758-783 (In Russian)

Введение

Монументальная архитектура во все времена довольно чутко отражала изменения, происходившие в обществе. Прежде всего, это касается культовых зданий. В частности, с принятием ислама во всех мусульманских странах главным зданием в городе становится Джума мечеть. Именно мечети и стоящие рядом с ними минареты, возвышающиеся стройными башнями над остальной застройкой, определяют неповторимый силуэт восточного города.

Наряду с мечетями важное социальное и религиозное значение в мусульманских странах имели мавзолеи. В этом заключен некоторый парадокс, так как

в классическом исламе отвергалось возведение над могилой каких-либо сооружений. Ранние мусульмане также были против каких-либо демонстраций, связанных со смертью и погребением. Всячески порицалось публичное оплакивание с громкими криками, разрыванием одежд, посыпанием головы пеплом. Согласно одного из хадисов пророка, нужно было быстро опустить умершего в могилу, причем чем скорее, тем лучше для правоверного. Могила же должна была быть в уровень земли, и ее не должно было обозначать никакое сооружение. Такое разравнивание могил должно было быть символом равенства всех мусульман в смерти, если не в жизни. Оно относится к древнему обычаю забрасывания могилы землей, о котором говорится в Коране (сура XX:57 (55): «Из нее Мы вас сотворили и в нее вас вернем и из нее вас изведем в другой раз» [26, с. 260]. В хадисах отмечается, что пророк предостерегал от возведения над могилами специальных сооружений. Сам Мухаммед был похоронен в одной из комнат собственного дома под полом. Однако, довольно скоро над его могилой соорудили специальную постройку, а через 70 лет гробница была украшена заново и перенесена в роскошную мечеть Пророка, построенную при Омейядском халифе ал-Валиде I. Это место, несмотря на взгляды суровых ортодоксов, было провозглашено местом погребения и почитания Пророка [40, с. 253].

Тем не менее, мавзолеи начали появляться в странах мусульманского мира не сразу. В первые два века Ислама, как сами халифы, так и другие мусульмане, следовавшие их примеру, были погребены в простых могилах. Однако, стремление к роскошной погребальной архитектуре в конце концов победило косные взгляды ортодоксов. Аббасидские халифы в конце IX в. были похоронены в своих собственных гробницах. При этом большинство требований к скромности погребения не соблюдалось: покойных хоронили в богатых шелковых саванах вместо простых белых из хлопка и клали в резные гробы из экзотических дорогих сортов дерева вместо простых планок, сбитых вместе, а над могилой возводили стелы с вырезанными надписями [40, с. 254]. Все это было нарушением строгих установок раннего ислама, и эти нарушения более всего воплотились в возведении мавзолеев. При этом, как это часто бывало в средневековье, оппозиция ортодоксии выступала под видом религиозной манифестации. Это выразилось в том, что самые ранние мусульманские мавзолеи были воздвигнуты над могилами выдающихся сподвижников Пророка и шиитских мучеников. Эти мавзолеи VIII–IX вв., находившиеся в Леванте, Аравии и Египте, не сохранились, но память о них долго жила в устной традиции. Самый ранний доживший до настоящего времени мавзолеев – это Кубба аль Сулабийя, усыпальница халифа аль-Мунтасира в Самарре (современный Ирак). Мавзолеев имел форму открытой со всех сторон восьмигранной постройки перекрытой куполом. Он был построен в середине IX в. по повелению матери халифа, которая относилась к греческой ортодоксальной церкви и добилась разрешения на строительство усыпальницы над захоронением сына [44, с. 135].

С IX в. мавзолеи получили широчайшее распространение в мусульманском мире и заняли существенное место в сознании приверженцев ислама. Роль этих построек в общественном сознании менялась во времени. Изначально мусульманские мавзолеи мало чем отличались от пышных мемориальных построек в других культурах и должны были возвеличить погребенного. Они были мирскими гробницами, так как каждый, у кого были средства, мог построить мавзолеев. Однако, в исламе мирское тесно переплетено с духовным, например, это относится к сподвижникам Пророка, которые могли быть знатными людьми, и в то же время имамами. Такая двойственность характерна и для мавзолеев, которые с одной стороны

являлись мирскими поминальными памятниками, а другой – должны были рождать религиозные ассоциации. Важное значение придавалось также могилам святых людей – *имамзода*. Например, некрополь Шах-и-Зинда в Самарканде был воздвигнут для членов правящей династии, но расположение его связано с местом погребения (скорее всего, ложным) Хуттама ал-Аббаса, двоюродного брата и ближайшего сподвижника Пророка [28, с. 27–31]. Быть похороненным рядом со святыми могилами считалось почетным, поэтому вокруг них возникали крупные мусульманские некрополи. Со временем имена владельцев мирских мавзолеев забывались, и устная традиция связывала их с погребениями «святых» людей. То есть, любой мавзолей мог стать объектом поклонения в «народном» или «популярном» исламе. Особого размаха почитание мавзолеев достигло с распространением суфизма, который проповедовал культ святых могил (*мазаров*).

Мавзолеи в Золотой Орде

Если говорить о Золотой Орде, как мусульманском государстве, то здесь строились все категории зданий, присущих мусульманскому миру: мечети, минареты, медресе, мавзолеи, ханака и общественные бани-хаммам. Улус Джучи стал мусульманским государством достаточно поздно, в первой половине XIV в. Официальное принятие ислама связывается с именем хана Узбека, и именно в его правление по всей стране возводятся монументальные сооружения, связанные с мусульманской религией. При этом планировочные принципы и архитектурные формы зданий были заимствованы в странах, в которых культовые постройки ислама существовали не одно столетие.

Джума мечети в Золотой Орде построены по единому плану: это прямоугольные или квадратные залы, разделенные колоннами на нефы. То есть они имели базиличную планировку, характерную для сельджукской Малой Азии. При этом техника строительства могла быть не обязательно малоазийской, для которой характерно строительство из камня и резной каменный декор. Мечети, возведенные мастерами из Средней Азии из сырца или обожженного кирпича, украшенные резным ганчем и изразцовыми мозаиками, также представляли собой колонные залы [16, с. 20–45]. Такое единообразие планировки свидетельствует о том, что существовал определенный регламент в постройке этих культовых зданий, и регламент этот мог исходить только от верховной власти.

В отличие от мечетей, архитектура погребальных памятников в Золотой Орде гораздо более разнообразна. Мавзолеи являются самыми многочисленными объектами монументальной архитектуры, в настоящее время их известно более 100 на территории этого государства. Обзор построек показывает, что среди них прослеживается широкий спектр архитектурных форм и планировочных решений [16, с. 100–145]. В настоящее время проведена систематизация всех имеющихся данных и создана развернутая типология золотоордынских мавзолеев. В классификации, используются следующие признаки: количество помещений; форма здания; отсутствие или наличие порталов; форма портала; форма покрытия; наличие или отсутствие подземного или полуподземного склепа-крипты [16, с. 145–168].

Эта классификация отчетливо показывает, что в Золотой Орде существовала довольно развитая архитектура мемориальных построек. Многообразие типов мавзолеев свидетельствует о том, что они были принесены из разных стран мусульманского мира, причем в различных частях огромного золотоордынского государства могут превалировать те или иные заимствования. Некоторые постройки вполне оригинальны и являются результатом творческой переработки уже известных типов планировки.

Большая часть мавзолеев известна нам в виде археологических остатков, по которым можно лишь приблизительно судить об их внешнем облике. Однако, некоторые постройки сохранились полностью до настоящего времени, другие, уже утраченные, были зарисованы в XVIII–XIX вв. или же сфотографированы в конце XIX – начале XX вв. Анализ этого материала позволяет нам с достаточной долей вероятности реконструировать большую часть зданий, от которых остались только нижние части стен. Если собрать весь имеющийся у нас материал, то можно не только определить генезис отдельных типов мавзолеев, но и проследить распределение сфер влияния различных архитектурных школ в разных частях Золотой Орды. Для этого необходимо рассмотреть не только планировку мемориальных сооружений, но и проанализировать строительную технику и детали внешнего и внутреннего оформления. В пределах Золотой Орды выделяются два направления зодчества – строительство из кирпича (обожженного и сырцового) и строительство из камня. Существует также смешанная техника, когда отдельные части здания строятся из различных материалов.

Рассмотрим те мемориальные постройки, внешний вид которых нам хорошо известен. Классическим примером изображения золотоордынских мавзолеев являются цветные гравюры К. Гайслера из книги П.С. Палласа, на которых изображены четыре последних мавзолея Маджара. Еще в середине XVIII в. маджарский некрополь насчитывал около 50 построек [14; 15]. В 1793 году П.С. Паллас нашел только четыре не разрушенных мавзолея, которые и были зарисованы (рис. 1.1–3). От остальных остались лишь основания, которые располагались вдоль реки в три ряда [43, S. 276–284]. Не менее подробны и выразительны акварели известного пейзажиста второй половины XVIII века М.М. Иванова, которые были недавно обнаружены в Отделе рисунка Государственного Русского музея [19]. Они относятся к 1783 г., времени, когда М.М. Иванов состоял в военной службе при князе Г.А. Потемкине на Кавказе и сделал несколько акварельных рисунков «Маджарских развалин» (рис. 2.1–3). Еще раньше, в 1742 г. панораму маджарского некрополя зарисовал «Академии наук ученик живописный» Михаил Некрасов, посланный Астраханским губернатором В.Н. Татищевым для зарисовки маджарских развалин [30]. И, хотя, здания на панораме изображены очень мелко, при увеличении можно видеть, что здесь находились мавзолеи разных типов [14; 15]. По рисунку М. Некрасова была сделана литография, которая опубликована в альманахе А.Ф. Бюшинга, наряду с рисунком неизвестного автора еще трех мавзолеев из Маджара и окрестностей [41, s. 530] (рис. 3. 1–4).

Основной тип мавзолеев на этих рисунках – это здания с кубическим основанием, на котором поставлен двенадцатигранный барабан, перекрытый граненым шатровым куполом. Часть построек утратила шатровое покрытие и перекрыто только внутренним полусферическим куполом. Большинство мавзолеев этого типа имеют высокий, выступающий портал, плоскость которого расчленена прямоугольными рамами, образованными выпуклыми орнаментальными фризами. Внутри рамы находится стрельчатая арка, ведущая к двери мавзолея. В глубокой арке портала, на ее боковых стенах сделаны небольшие ниши также стрельчатого очертания.

Хорошо известен по изображениям мавзолеев Кесене/Кешене на юге Челябинской области (рис. 3.5). Памятник находился в незаселенной местности, поэтому сохранился до начала XX в. Описание и рисунки его приводят П.С. Паллас [42, Pl. X, p. 428], и И.А. Кастанье [21, с. 49–50; 22, с. 62–63, рис. 72]. Здание было прямоугольным в плане. В северной части находилась усыпальница (гурхана), в южной – портал. Квадратная в плане усыпальница переходит в двенадца-

тигранный барабан, увенчанный шатровой крышей с таким же количеством граней. С южной стороны здания находился широкий, тщательно проработанный портал. В щечковых стенах портала находились прямоугольные в сечении ниши. Раскопки, проведенные в мавзолее, показали, что здание некогда было украшено поливными изразцами [4, с. 162–165].

Почти полностью сохранился и в настоящее время отреставрирован мавзоль Абат Байтак в Западном Казахстане [2]. Мавзоль имеет такое же строение, но барабан его состоит из одиннадцати граней и перекрыт коническим куполом (рис. 3.6). Во внешней облицовке барабана встречаются поливные кирпичи с зеленовато-бурой поливой плохого качества.

Часть золотоордынских мавзолеев сходной архитектоники являются фасадными. То есть, они не имеют выступающих порталов, но стена с входом также выделена прямоугольными рамами. Такие мавзолеи можно видеть на рисунке из альманаха Ф. Бюшинга и на акварели М.М. Иванова, изображающей мавзоль в селении Маслов Кут близ Маджара (рис. 2.3). Беспортальные мавзолеи, наряду с портальными, также известны по материалам археологических раскопок во всех частях золотоордынского государства.

Все перечисленные выше постройки сложены из обожженного кирпича, иногда с декорировкой изразцами. Соответственно аналогии этим памятникам нужно искать в регионах, где было развито кирпичное строительство.

Кирпичные мавзолеи призматического объема, переходящего в круглый или многогранный барабан, увенчанный коническим или многогранным шатровым куполом наиболее характерны для различных регионов Средней Азии. Одни здания имеют развитый портал, у других только выделен входной аркой один из фасадов. Генезис их был подробно рассмотрен Г.А. Пугаченковой [31; 27, с. 86–88]. Исследовательница считает, что прообраз шатровых мавзолеев следует искать в погребальных памятниках среднеазиатских кочевых народов, прежде всего, присырдарьинских тюрок (сельджуков), у которых существовали шатровые, конические и пирамидальные надмогильные и поминальные сооружения. В результате сельджукских завоеваний X–XI вв. шатровые мавзолеи получили распространение в мусульманском зодчестве. В северных областях Средней Азии в XI–XII вв. возникает несколько вариантов архитектурного решения шатровых погребальных памятников. Соединение формы кубического и башенного мавзолеев дало форму центрического мавзолея, примерами которого могут считаться Ак-Сарай-динг у Ташауза (Хорезм), Айша-биби в Таразе (Южный Казахстан) (рис. 4.1–2). Сходны с ними и фасадные мавзолеи, такие как Бабаджа-хатун возле Тараза и мавзоль Фахреддина Рази (рис. 4.3–4) в Куны Ургенче (Хорезм). При введении в XII в. в эту композицию такого элемента как развитый портал (пештак) возникает новая форма «портально-шатровых» мавзолеев. По мнению Г.А. Пугаченковой, эта композиция специфична для Средней Азии, и нигде больше в это время не встречается [27, с. 88]. Образцом шатровых усыпальниц с порталом является мавзоль Текеша (рис. 4.5) в Куны Ургенче. Эта схема получила широкое распространение и в более позднее время. Одним из шедевров портальных мавзолеев с шатровым покрытием XIV в. является Гумбес Манаса в Киргизии (рис. 4.6). Из Средней Азии она проникает в Золотую Орду.

Еще одним примером проникновения среднеазиатских, а именно хорезмийских традиций в Золотую Орду может считаться мавзоль № 1 в Мохше [17]. Здание имело сложную конфигурацию и состояло из четырех помещений (рис. 5.1). Вход находился с южной стороны и был оформлен массивным порталом. К северу от портала находилось небольшое тамбурное помещение, к которому с восточной

и западной сторон пристроены две квадратные в плане комнаты. Внешние южные углы этих комнат оформлены пилонами, которые, вероятно, являлись основаниями угловых башен. К внешним северным углам были пристроены трехчетвертные круглые башенки. Северная часть мавзолея представляла собой обширное почти квадратное в плане помещение, под которым находился склеп.

К мавзолею № 1 очень близок по плану мавзолеев Наджмеддина Кубра в Куня-Ургенче, который возведен между 1321–1333 гг. над могилой известного шейха, главы и основателя дервишского ордена Кубави. Оба здания имеют близкие размеры и Т-образную планировку (рис. 5.3). По центральной оси находится массивный портал с айваном, тамбур и большое купольное помещение. По бокам к тамбуру примыкают квадратные помещения, которые также перекрыты куполами. Постройки несколько отличаются по строительной технике. Хорезмийский мавзолеев построен из обожженного кирпича и портал его богато декорирован поливными изразцами. Фундамент Мохшинского мавзолея возведен из бутового камня, а стены полностью или частично – из обожженного кирпича и отделаны внутри облицовочными камнями и резными каменными деталями. То есть, совершенно очевидно, что архитектором, строившим мавзолеев, скорее всего, был хорезмиец, а непосредственно в строительстве принимали участие местные мастера.

Некоторое отличие есть и во внешней отделке: все внешние углы мохшинского мавзолея были украшены колоннообразными выступами различного диаметра. Учитывая эти особенности и исходя из сходства планировки и размеров с мавзолеем Наджмеддина Кубра, можно сделать реконструкцию внешнего облика мавзолея № 1 в Мохше (рис. 5.2).

Другим направлением монументального зодчества в Золотой Орде является строительство из камня. Каменное строительство характерно для таких регионов как Волжская Болгария и Крым. В Болгаре несколько мавзолеев сохранилось до наших дней. Восточный и западный мавзолеев состоят из двух ярусов, перекрытых куполом (рис. 6.1). Нижний их ярус квадратный в плане. Призматическое основание при помощи среза углов наклонными поверхностями переходит в восьмигранник, который, в свою очередь, перекрывается куполом. Внутри переход к восьмиграннику осуществляется при помощи пирамидальных тропов. Внутренний уплощенный полусферический купол мавзолеев снаружи перекрыт каменным шатровым покрытием. Дверные проемы оформлены не широкими выступающими порталами.

Такую же структуру имел мавзолеев «Ханская усыпальница» до реставрации¹ (рис. 6.2). Разница заключается в том, что призматическое основание его несколько выше, а восьмигранник имеет небольшую высоту. Кроме того, это здание не имело портала. Практически полностью копирует архитектурную форму Восточного и Северного мавзолеев в Болгаре усыпальница «Тура-хана» в Башкирии (рис. 6.3). Этот памятник, стоящий в степи, довольно грубо сложен из рваного или слегка подтесанного камня. К этой же группе следует отнести мавзолеев «Бей Юде-султан» в Азизе (Бахчисарае)². Очень небольшое здание также состоит из кубического основания, которое при помощи треугольных скосов переходит в восьмигранник, перекрытый куполом (рис. 6.4). Мавзолеев имеет выступающий пор-

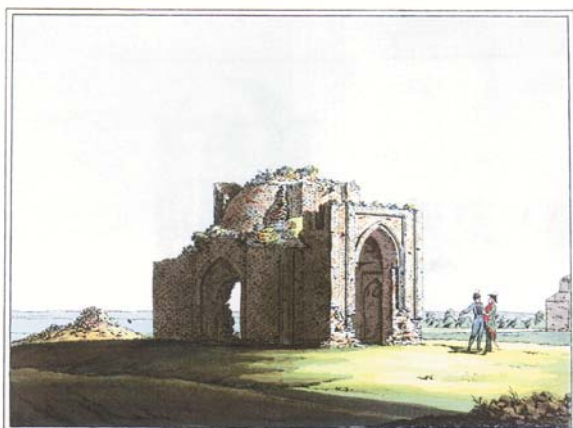
¹ В настоящее время мавзолеев представляет собой куб, перекрытый полусферическим куполом без какого-либо перехода к нему. На мой взгляд это неверно, подробно об этом [16, с. 104].

² По поводу датировки этого мавзолея существуют различные мнения. В.П. Кирилко на основании находки одной монеты датирует его XVIII в. [24, с. 25]. В то же время его архитектурная форма однозначно позволяет отнести этот памятник к XIV–XV вв. [18].

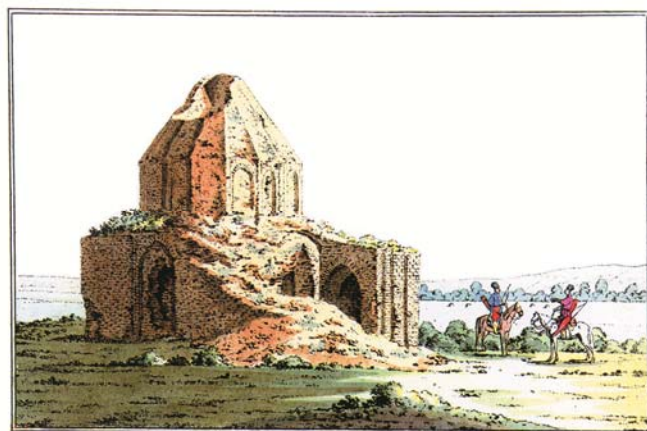
тал, от которого до середины XX в. сохранялся один пилон, в щековой стороне которого была сделана пятигранная ниша с завершением в виде трехъярусного ячеистого полукупола подтреугольного очертания.

Все эти постройки имеют определенное сходство с мавзолеями Малой Азии сельджукского периода. Для сельджукского периода характерно строительство так называемых башенных мавзолеев, круглых или многогранных в плане построек, перекрытых шатровыми крышами. Некоторые из них имеют квадратный в плане цоколь, который посредством скоса углов переходит к следующему ярусу (рис. 6.5-6). Таковы, например, мавзолеи Дёнер Кюмбет в Кайсери (XIII в.), Улу Кюмбет в Ахлате (XIII в.), Мелик Гази в Акшехире (XII в.) [40, р. 306–309]. С малоазийскими сходны башенные мавзолеи Азербайджана, например, мавзолей Гюлистан XII–XIII вв. в сел. Джуга (рис. 6.7) также имеет квадратный в плане цоколь, который клинообразными скосами переходит в двенадцатигранник [5, с. 124–127]. Переход от четверика к восьмиерику при помощи треугольных скосов настолько прочно ассоциируются с малоазийским зодчеством, что получил в литературе название «турецкий треугольник» [33, с. 145]. Также типичны для сельджукской архитектуры и пирамидальные тропы, служащие для перехода к восьмиграннику внутри помещения. Наиболее известным примером применения треугольных тропов является медресе Бююк Каратай в Конье (1251 г.) [44, р. 33]. Такие же тропы, но несколько упрощенные и грубо выполненные, мы видим в мавзолеях Болгара и усыпальнице Тура-хана. Золотоордынские мавзолеи этой группы во многом сходны с башенными мавзолеями Малой Азии и Азербайджана, но имеют свои особенности. У них та же объемная структура, но несколько иные пропорции: нижний ярус выше, и скосы начинаются на большей высоте, а верхний, восьмигранный ярус не превышает по высоте нижний. Они кажутся более широкими и приземистыми, и их никак нельзя назвать башнями. Кроме того, у большинства башенных мавзолеев Азербайджана и Малой Азии нет развитого портала. Тем не менее, при некотором изменении пропорций из малоазийского башенного мавзолея легко получается болгарский (рис. 6.8). Кроме того, форма болгарских мавзолеев наблюдается и в других постройках Малой Азии. В частности, надстройка караван-сарая Каратай-хан XIII в. близ Кайсери является точной копией Восточного мавзолея в Болгаре (рис. 6.9).

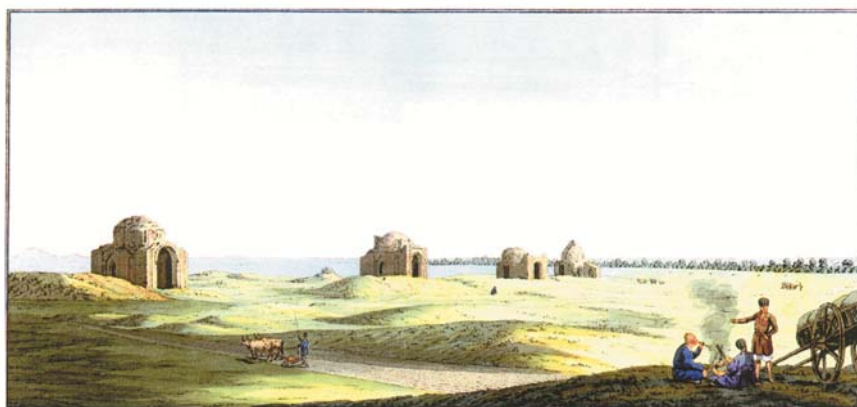
Самым крупным мавзолеем в Болгаре является Черная палата (рис. 7.1). По вертикали здание разделено на четыре яруса. Нижний, цокольный ярус имеет форму усеченной пирамиды, в северной стене которой сделан вход со стрельчатым верхом, ведущий в нижнее, полуподземное помещение. Второй ярус квадратный в плане, его высота вдвое меньше длины и ширины. По центру всех его сторон сделаны дверные проемы стрельчатого очертания, на южной стене по сторонам от двери находятся два окна стрельчатой формы. Третий ярус также квадратный в плане, но несколько меньших размеров, каждая стена его снабжена небольшим стрельчатым окошком. Четвертый ярус представлен восьмигранной призмой, все восемь граней которой имеют по одному окну, со стрельчатым, а затем прямоугольным обрамлением. Восьмигранник перекрыт несколько уплощенным куполом, пологая форма и незначительная толщина кладки которого, позволила предположить, что он имел внешнее покрытие. В.В. Егоров считал, что оно было конической формы и, возможно, было выполнено из дерева [11, с. 369].

1

2

3

Рис. 1. Мавзолеи Маджара, гравюры из сочинений П.С. Палласа.

Fig. 1. Mausoleums of Madjar, engravings from the works of P.S. Pallas.

1

2

3

Рис. 2. Мавзолеи Маджара, акварели М.М. Иванова.
Fig. 2. Mausoleums of Madjar, watercolors by M.M. Ivanov.

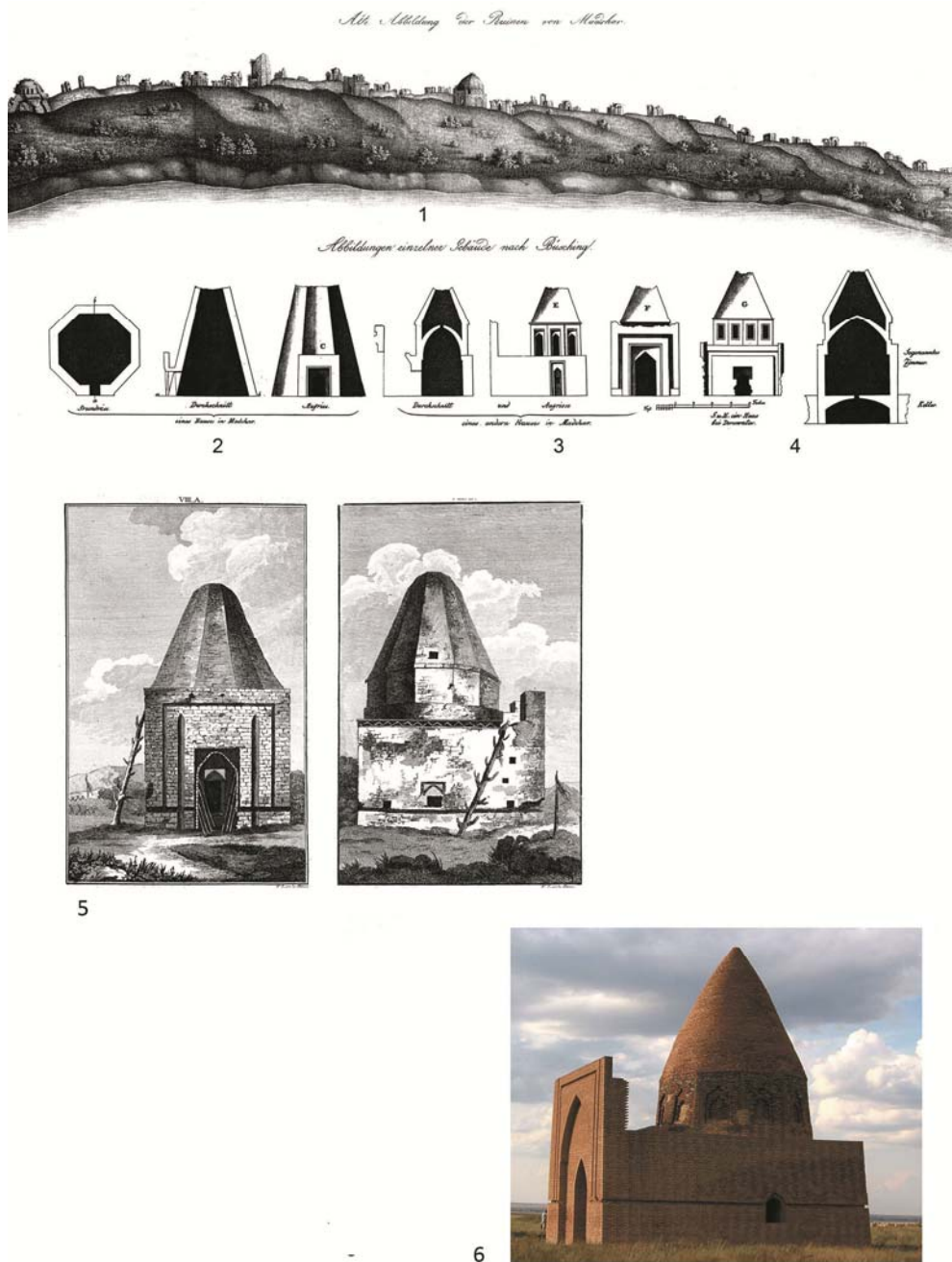
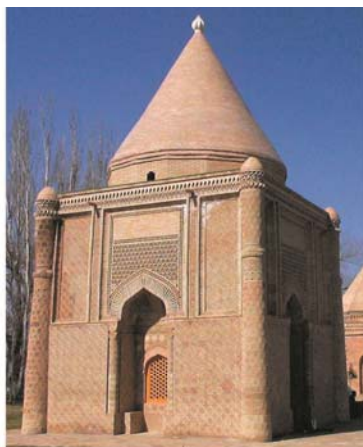

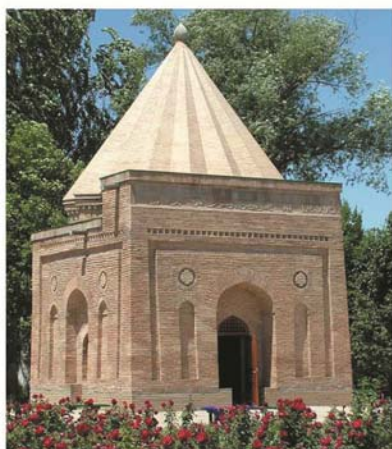
Рис. 3. Изображения мавзолеев Маджара (1–4), мавзолеев Кесене и Абат Байтак:
1–4 – гравюра из альманаха А.Ф. Бюшинга, 1 – воспроизведение рисунка М.Некрасова;
2 – пирамидальный мавзолей в Маджаре; 3 – порталный мавзолей с шатровым
покрытием в Маджаре; 4 – фасадный мавзолей с шатровым покрытием в местности
Дерсовата; 5 – Кесене, литография из сочинений П.С.Палласа 1795 г.; 6 – Абат Байтак.
Fig. 3. Images of the mausoleums of Madjar (1–4), the mausoleums Kesene and Abat Baytak:
1–4 – an engraving from the almanac of A.F. Busching, 1 – reproduction of the drawing by
M. Nekrasov; 2 – pyramidal mausoleum in Madzhar; 3 – portal mausoleum with a tent covering
in Madzhar; 4 – facade mausoleum with a tent covering in the Dersovata area; 5 – Kesene,
lithograph from the works of P.S. Pallas, 1795; 6 – Abat Baitak.

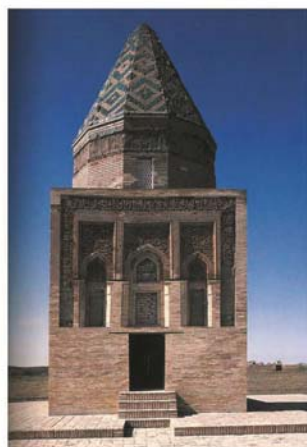
1

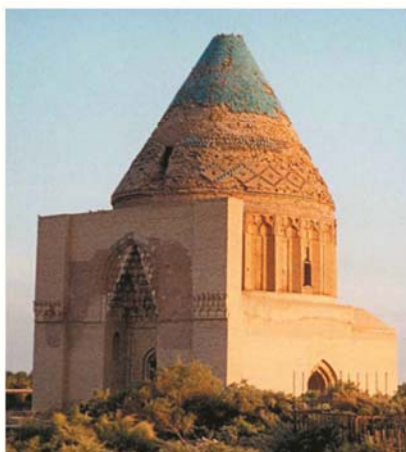
2

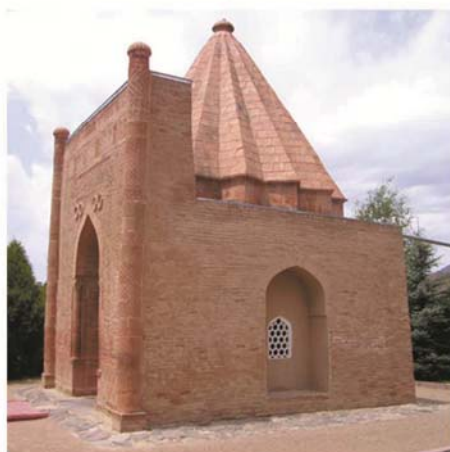
3

4

5

6

Рис. 4. Шатровые мавзолеи Средней Азии: 1 – Ак-Сарай-динг; 2 – Айша-биби;
3 – Бабаджа-хатун; 4 – Фахреддина Рази; 5 – султана Текеша; 6 – гумбез Манаса.
Fig. 4. Mausoleums with hipped roofs of Central Asia: 1 – Ak-Saray-ding; 2 – Aisha-bibi;
3 – Babaja Khatun; 4 – Fakhraddin Razi; 5 – Sultan Tekesh; 6 – gumbaz Manas.

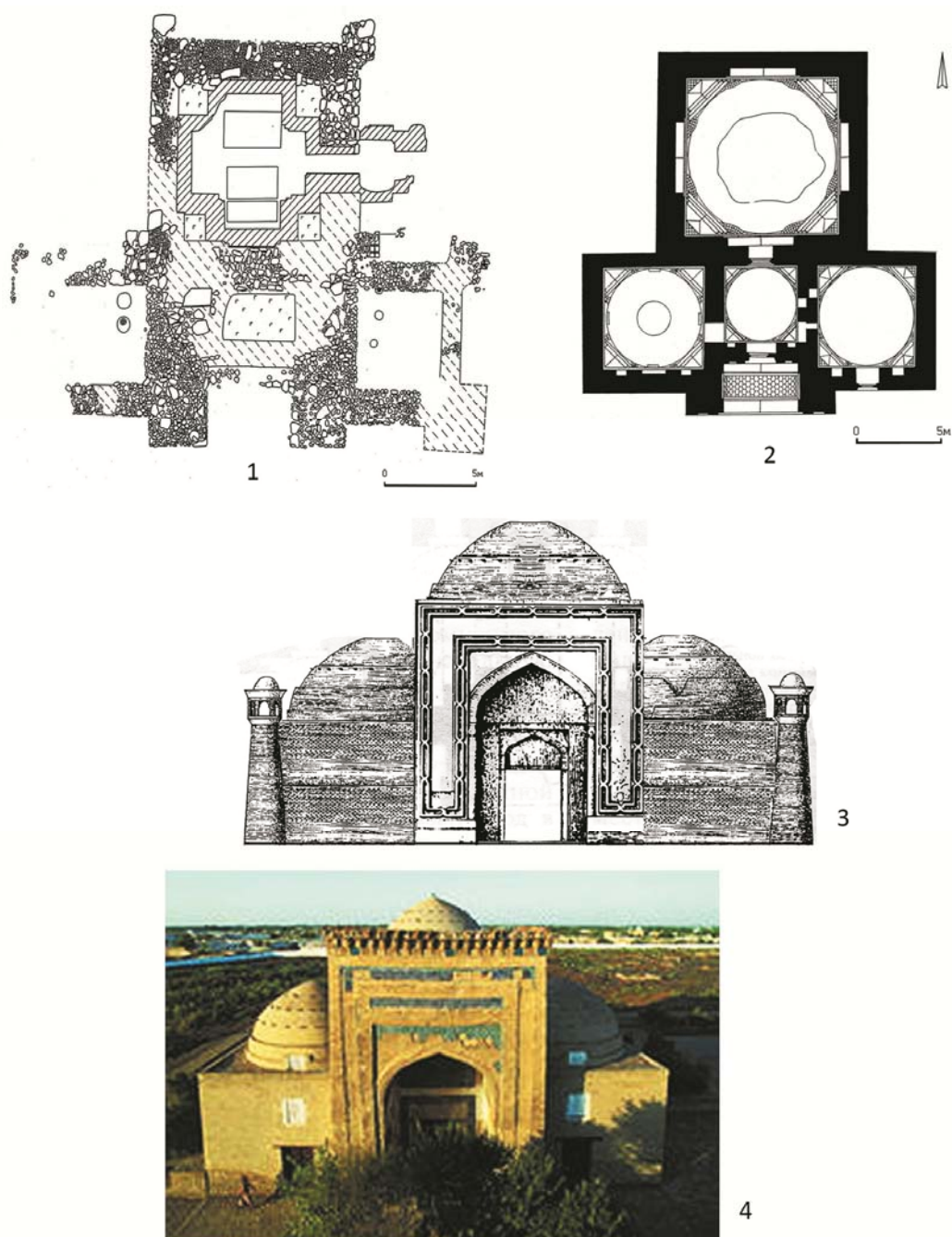

Рис. 5. Мавзолеи сложного плана: 1–2 – мавзолей № 1 в Мохше;
3–4 – Наджмеддина Кубра в Куня-Ургенче.

Fig. 5. Mausoleums of a complex plan: 1–2 – mausoleum No. 1 in Mokhsa;
3–4 – Najmeddin Kubra in Kunya-Urgench.

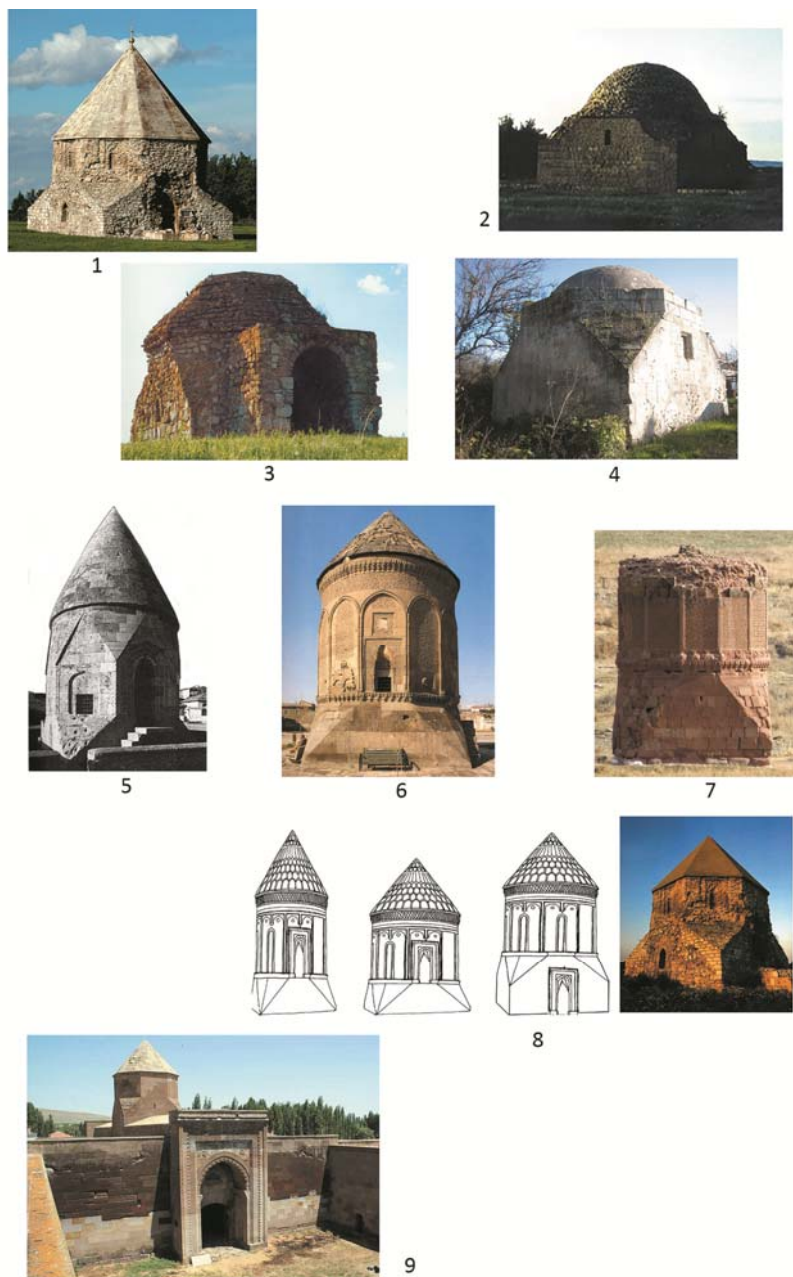
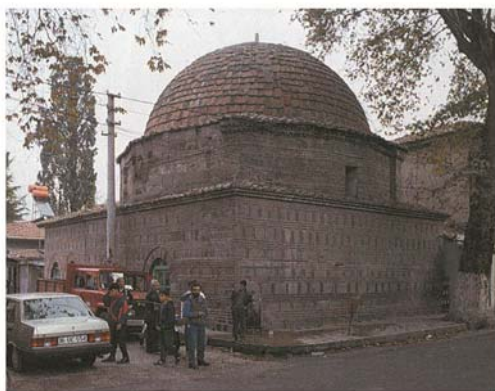

Рис. 6. Каменные шатровые мавзолеи с квадратным основанием в Золотой Орде (1–4) и Малой Азии (5–6) и Азербайджане (7): 1 – Восточный мавзолей в Болгаре; 2 – Ханская усыпальница в Болгаре; 3 – мавзолей Тура-хана в Башкирии; 4 – мавзолей Бей Юде-султан в Азизе; 5 – Мелик Гази в Акшехире; 6 – Дёнер Кюмбет в Кайсери; 7 – Гюлистан у с. Джуга; 8 – схема трансформации малоазийского башенного мавзолея в болгарский; 9 – караван-сарай Каратай-хана.

Fig. 6. Stone hipped mausoleums with a square base in the Golden Horde (1–4) and Asia Minor (5–6) and Azerbaijan (7): 1 – Eastern mausoleum in Bolgar; 2 – Khan's tomb in Bolgar; 3 – the mausoleum of Tura Khan in Bashkiria; 4 – the mausoleum of Bey Yude-sultan in Aziz; 5 – Melik Gazi in Aksehir; 6 – Doner Kumbet in Kayseri; 7 – Gulistan near the village Juga; 8 – a diagram of the transformation of the Asia Minor tower mausoleum into the Bulgarian one. 9 – Caravanserai of Karatai Khan.

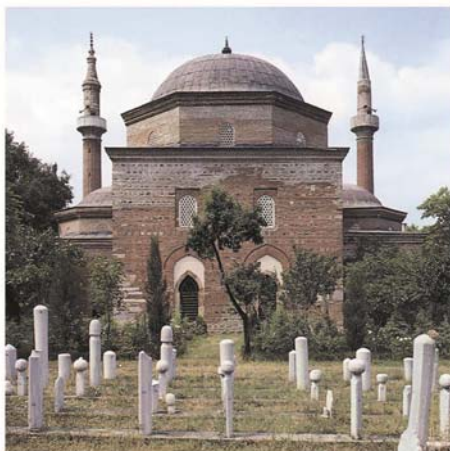
1

2

3

4

5

Рис. 7. Черная палата и ее аналоги: 1 – Черная палата; 2 – мечеть Хаси Узбека в Изнике (1333 г.); 3 – Зеленая мечеть в Изнике (конец XIV в.); 4 – Мурад Паша Джами в Бурсе (1378 г.); 5 – мавзолеи при мечети Мурад Паша в Бурсе.

Fig. 7. Black Chamber and its analogies: 1 – Black Chamber; 2 – Mosque of Hasi Uzbek at Iznik (1333); 3 – Green Mosque at Iznik (late 14th century); 4 – Murad Paşa Cami at Bursa (1378); 5 – mausoleums attached to Murad Pasha Mosque at Bursa.

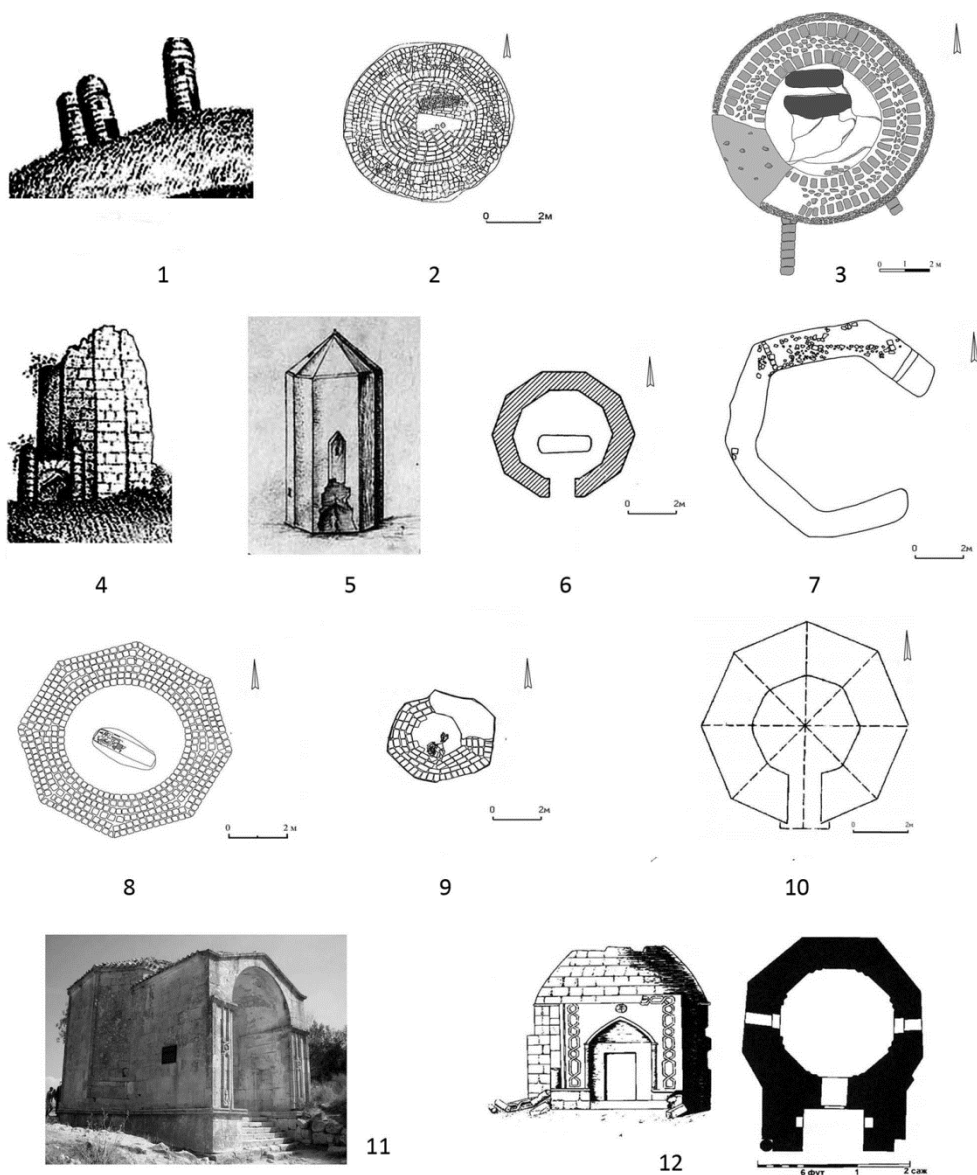

Рис. 8. Башенные мавзолеи в Золотой Орде круглые (1–3) и многогранные (4–12) в плане: 1 – Маджар; 2 – Шарахалсун; 3 – Жайык; 4 – Маджар; 5 – неизвестный мавзолей с карты Штедера; 6 – близ Эссентуков; 7 – Царевское городище; 8 – Солодовка 1; 9 – хут. Веселый; 10 – у с. Изобильное; 11 – Джанике-ханым; 12 – на р. Мечетной.

Fig. 8. The tower mausoleums in the Golden Horde are round (1–3) and multifaceted (4–12) in plan: 1 – Madjar; 2 – Sharakhalsun; 3 – Zhaiyk; 4 – Madjar; 5 – unknown mausoleum from the Shteder map; 6 – near Essentuki; 7 – Tsarev settlement; 8 – Solodovka 1; 9 – farm Veseliy; 10 – near the village of Izobilnoye; 11 – Janike-khanym; 12 – on the Mechetnaya river.

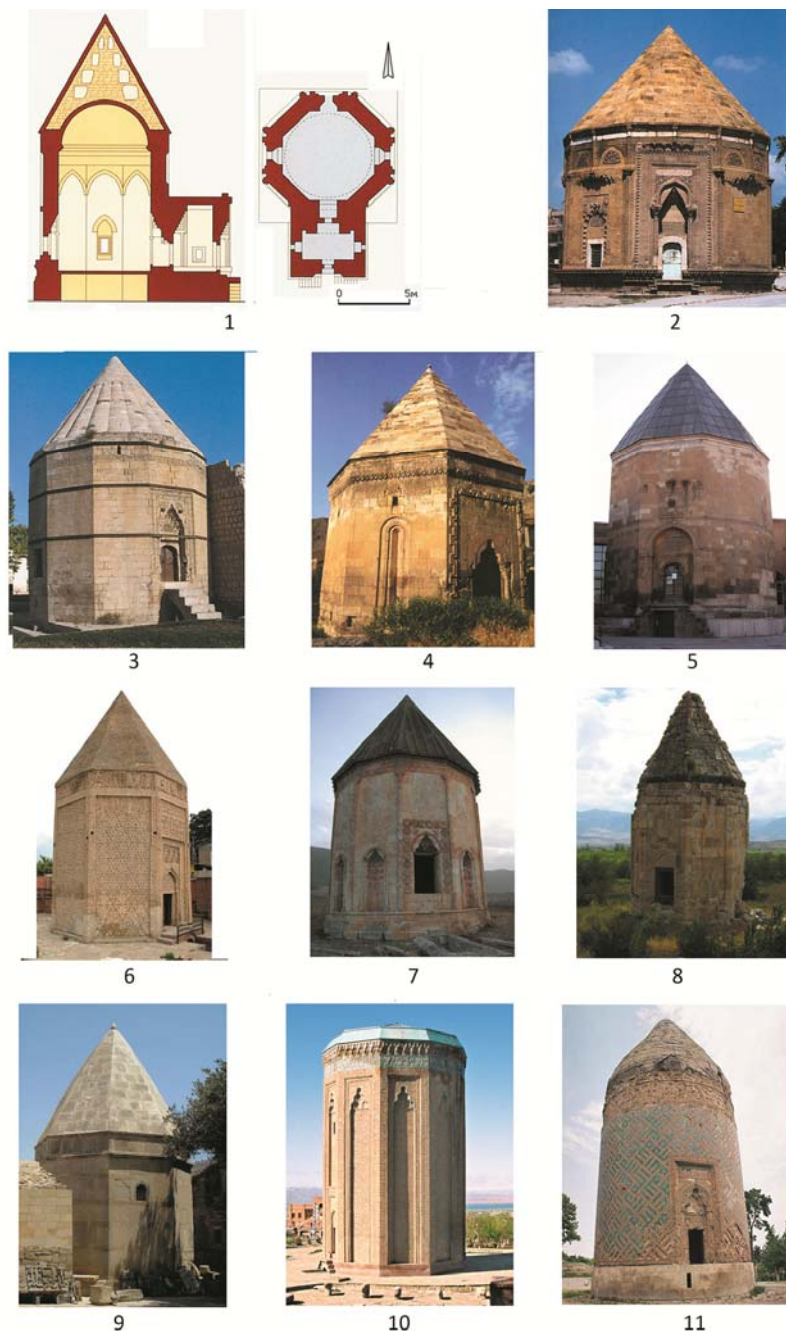

Рис. 9. Башенные мавзолеи Малой Азии (1–5) и Азербайджана (6–11): 1 – Али Кафер в Кайсери; 2 – Караманоглу Алаеддин бей в Карамане; 3 – дюрбе Худавент хатун в Нигде; 4 – Ситте Мелик в Дивриги; 5 – Кылыч Арслана в Конье; 6 – Юсуфа ибн Кузейра; 7 – Хачин-Дорбатлы; 8 – мавзолей Йахьи ибн Мухаммада ал-Хаджа; 9 – мавзолей Сейида Яхья Бакуви; 10 – Момине Хатун; 11 – мавзолей в Барде.

Fig. 9. Tower mausoleums of Asia Minor (1–5) and Azerbaijan (6–11): 1 – Ali Kafer in Kayseri; 2 – Karamanoglu Alaeddin Bey in Karaman; 3 – durbe Khudavent khatun in Nigde; 4 – Sittet Melik in Divrigi; 5 – Kylych Arslan in Konya; 6 – Yusuf ibn Quseir; 7 – Khachin-Dorbatly; 8 – the mausoleum of Yahya ibn Muhammad al-Khaj; 9 – mausoleum of Seyid Yahya Bakuvi; 10 – Momine Khatun; 11 – mausoleum in Barda.

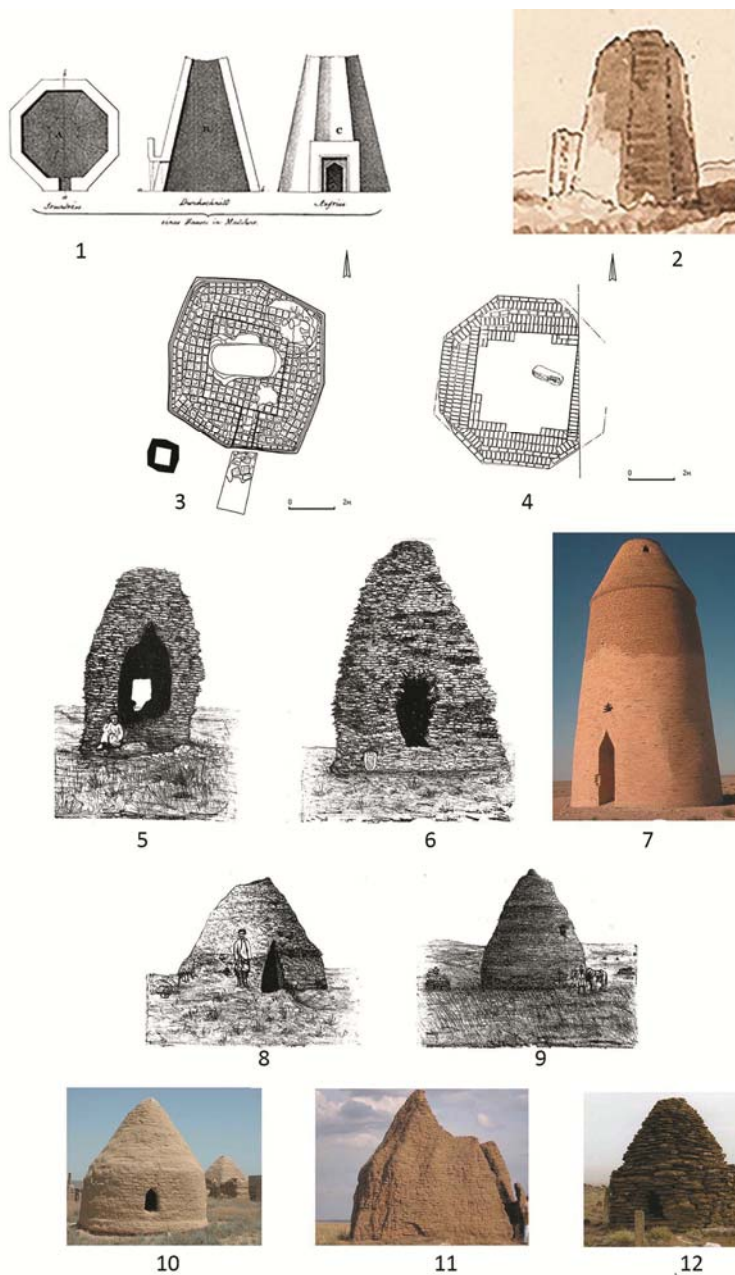

Рис. 10. Пирамидальные мавзолеи Золотой Орды (1–4) и Казахстана (5–12):
 1–2 – Маджар; 3–4 – Поволжье; 5 – Дынгек; 6 – Козу Корпеч; 7 – башня Сараман-коса;
 8–9 – сырцовые мавзолеи Центрального Казахстана (по И.А.Кастанье); 10 – сырцовый
 мавзолей на современном некрополе Ешкикырган в Мангистаунской области;
 11 – сырцовый мавзолей на могильнике Абат Байтак в Западном Казахстане;
 12 – мазар Шилков-Мейрама в Западном Казахстане.

Fig. 10. Pyramidal mausoleums of the Golden Horde (1–4) and Kazakhstan (5–12):
 1–2 – Madjar; 3–4 – the Volga region; 5 – Dyngek; 6 – Kozu Korpech; 7 – Saraman-spit tower;
 8–9 – raw mausoleums of Central Kazakhstan (according to I.A. Kastanye);
 10 – raw mausoleum at the modern necropolis of Eshkikirgan in the Mangistown region;
 11 – adobe mausoleum at the Abat Baytak burial ground in Western Kazakhstan;
 12 – Shilkov-Meirama mazar in Western Kazakhstan.

Черная палата представляет собой типичный пример центрического мавзолея, имеющего четыре входа и одинаковые фасады со всех сторон. Наиболее ранней из известных построек этого типа является мавзолей Исмаила Самани X в. в Бухаре. По объемно-пространственной композиции Черной палате наиболее близки центрические мавзолеи Даваздах имама в Йезде (XI в.) и мавзолей султана Санджара в Мерве (XII в.), а также закрытые фасадные мавзолеи Фахраддина Рази (XII в.) в Куня Ургенче, и Гунбад-е Сурх в Мараге [32, с.315–328; 36, с. 174–179; 40, р. 291; 35, с. 81–83]. Эти здания состоят из одного или нескольких квадратных в плане ярусов, которые переходят в восьмигранную призму, увенчанную куполом или шатром. Такую структуру исследователи связывают с сельджукской традицией [36, с. 176–177; 40, р. 294]. Подобные мавзолеи известны и в Анатолии, хотя для этого региона более характерны башенные мавзолеи. Примером кубического мавзолея с шатровым покрытием является усыпальница Нур ад-Дина бей Сентимура [40, р. 307]. Эта традиция получила развитие в постсельджукское и раннеосманское время. Именно турецкие мавзолеи и небольшие мечети XIV–XV вв. (рис. 7.2–5) по своей архитектонике напоминают Черную палату. Близость архитектурных форм и отделки связана также с тем, что эти здания возведены из камня.

Еще один тип мавзолеев в Золотой Орде, который был выделен относительно недавно – это так называемые башенные мавзолеи. По плану их можно разделить на круглые и многоугольные, в свою очередь, каждый из этих отделов, делится на два типа: фасадные и порталные. Круглые в плане башенные мавзолеи с порталом и без портала (рис. 8.1) видны на рисунке панорамы Маждара М. Некрасова (Зиливинская, 2010; 2013). Сырцовые мавзолеи такого плана исследованы в могильнике Шарахалсун 5 в Ставропольском крае и на городище Жайык в Западном Казахстане (рис. 8.2–3) [39; 20, с. 273–274]. Многогранные в плане мавзолеи без портала найдены на Кавказе близ Ессентуков, в Поволжье на Царевском городище, на могильнике Солодовка 1 в окрестностях Царевского городища, в Волгоградской области у хутора Веселый и у с. Изобильное в Оренбургской области (рис. 8.5–10) [29, с. 229–238; 3, с. 227–237; 8; 10, с. 108–116; 7, с. 153–160]. Многогранные мавзолеи с выступающим порталом (рис. 5.4), судя по сохранившимся рисункам, присутствовали в некрополе Маджара [14; 15]. Известным памятником такой планировки является дюрбе Джанике-ханым в Чуфут-Кале (рис. 8. 11) [13, с. 124–126]. Очень близок по форме к нему мавзолей близ устья реки Мечетной, известный по рисунку 1769 г. (рис. 8. 12) [12, с. 128].

Башенные мавзолеи представляют собой одну из линий развития мемориальных построек. Возникают они в самом начале XI в. в Иране. Самой ранней постройкой такой формы является башня Гумбад-и Кабус. В Иране известны и другие башенные мавзолеи. Это Гунбад-и Али (1056 г.) в Йазде, гробницы Пир-и Аламдара (1026 г.) в Дамгане, башня Тугрил-бека (1136 г.) в Рее, Масум Заде в Мехмандасте близ Дамгана, мавзолей в Бестаме (XIII–XIV вв.) и Мавзолей в Радкане (1281 г.) [45, с. 34–42]. Башенные мавзолеи Ирана могут быть круглыми в плане, круглыми с гофрированными стенами и многогранными с купольным и шатровым покрытием.

В Малой Азии башенные мавзолеи получают широчайшее распространение при сельджуках. Анатолийские мавзолеи представляют собой круглые или многогранные в плане постройки, увенчанные шатровым покрытием. Некоторые исследователи называют их «карандашиками». Постройки сложены из тщательно обработанных каменных блоков и зачастую богато декорированы тонкой резьбой по камню. Большинство башенных мавзолеев Малой Азии не имеют выделенных

порталов, вход оформлен слегка заглубленной сталактитовой нишей. В качестве примера можно привести Ситте Мелик в Дивриги (XII в.), Кылыч Арслана в Конье (XII в.), мавзолеей Караманоглу Алаеддин бея в Карамане (XIII в.), Али Кафер в Кайсери (XIII в.), Худавет Хатун тюрге в Нигде (XIV в.) и др. (рис. 9. 1–5) [40, р. 306–311, 540–542; 44, р. 50–53]. В мемориальном строительстве Азербайджана основной формой также является башенный мавзолей. К таковым относятся мавзолеи Юсуфа ибн Кусейра (XII в.), Момине-хатун (XII в.), Гунбад-е Кабуд в Мараге (XII в.), и более поздние усыпальницы XIV в. такие как мавзолеи в с. Барда, в с. Карабаглар и др. (рис. 9.6–12) [35, с. 80–104, 127–162; 5, с. 96–199].

Судя по изображению неизвестного мавзолея на карте Северного Кавказа подполковника Штедера 1782, золотоордынские башенные мавзолеи более всего напоминали анатолийские «карандашики».

Еще один, весьма редкий тип золотоордынских мемориальных построек – это пирамидальные мавзолеи. До недавнего времени была известна только одна такая постройка, изображенная на рисунке маджарских мавзолеев из альманаха А.Ф. Бюшинга (рис. 10.1). Это восьмигранная в плане, сужающаяся кверху постройка, на одной из граней которого находился невысокий, слабо выдвинутый вперед портал. Еще одно башнеобразное, сужающееся кверху здание изображено на одной из акварелей М.М. Иванова (рис. 10.2). Кроме того, С.-Г. Гмелин писал о пирамидальных зданиях в самом Маджаре и о трех зданиях треугольной формы в 10 верстах ниже по течению Кумы [38, с. 8, 11]. С большой долей вероятности, можно считать, что два многогранных сырцовых мавзолея, исследованных в Поволжье (рис. 10.3–4), тоже имели пирамидальную форму [9, с. 281–303].

Пирамидальные мавзолеи представляют собой архаичный тип надгробных сооружений, которые были распространены в Фергане, Семиречье, Центральном, Юго-Западном и Западном Казахстане. Датируются они исследователями в широком диапазоне – от раннего средневековья до начала XX в. [31, с. 61–67; 25, с. 260]. Среди этих построек наиболее известны мавзолеи Козы-Корпеч – Баянсулу и Дынгек в Восточном Казахстане, сложенные из камней (рис. 10.5–6) [22, рис. 50–53]. Квадратное в плане помещение этих сооружений перекрыто очень высоким коническим куполом, сложенным в технике «ложного свода». Так как захоронений в этих постройках найдено, но внутри или рядом с ними находились каменные изваяния, их считают не погребальными, а скорее, поминальными памятниками. Подобные сооружения исследовал в Центральном Казахстане А.Х. Маргулан, который считал их памятниками кыпчаков VIII–IX вв. [25, с. 262]. Я.А. Шер на основе анализа каменных скульптур датировал пирамидальные сооружения X–XII вв. [37]. Остальные исследователи относили их к позднему средневековью или Новому времени. М. Кожа на основе изучения описаний, рисунков и фотографий построек и каменных скульптур, а также анализа легенд и преданий пришел к выводу, что каменные пирамидальные постройки являются поминальными храмами древнетюркского периода (IX–XI вв.). Большая часть их них находятся на землях Кимекского каганата, в составе которого главными племенами считались кимеки и кыпчаки [25].

Г.А. Пугаченкова считала, что форма пирамидальных мавзолеев, возникших у кочевых и полукочевых тюрок, восходит к курганам и древним кургановидным надмогильным сооружениям [31, с. 57–77]. Такие сооружения, вероятно, описывал Г. Рубрук, когда говорил о пирамидах, которые сооружают на курганах половцы [34, с. 101]. По предположению Г.А. Пугаченковой, в дальнейшем пирамидальные постройки соединяются с типом среднеазиатского кирпичного минарета, что привело к формированию архитектурного образа башне-

образного мавзолея с шатровым перекрытием [31, с. 69–74]. Примерами таких мемориальных построек достаточно архаического облика являются башни Бегим-ана (Бегим-мунара) и Сараман-коса (рис. 10.7) в Низовьях Сырдарьи. Согласно легендам, эти башни связаны с правителем города Джанкента, столицы огузов в X в. [25, с. 262–263]. На основе анализа особенностей строительной техники этих зданий Г.А. Пугаченкова также датирует их X – самым началом XI в. [31, с. 66–67]. Захоронений в башнях не найдено, следовательно, как и пирамидальные сооружения, они не являются собственно мавзолеями. Однако в дальнейшем пирамидальные и башенные поминальные памятники тюрок (кыпчаков и огузов) трансформируются в мусульманские мавзолеи подобных форм. Мавзолеи этих типов, относящиеся к XIX – началу XX в., встречаются на современных кладбищах в различных частях Казахстана (рис. 10.8–12) [1, с. 222–223].

Заключение

Таким образом, мемориальные постройки свидетельствуют о тесных связях Золотой Орды с другими мусульманскими государствами. Анализ планировки и строительной техники мавзолеев позволяет сделать вывод о том, что в сложении золотоордынского мемориального зодчества прослеживается несколько направлений. Очень существенным было влияние среднеазиатской школы, связанной со строительством из обожженного и сырцового кирпича. Архитектурные формы кирпичных мавзолеев, распространенных преимущественно в степной зоне (Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Западный Казахстан), находят прямые аналогии среди памятников Средней Азии, прежде всего, Хорезма. Следует отметить, что при сооружении этих зданий применялись такие декоративные элементы как поливные изразцы, резной ганч, ганчевые решетки-панджара, также характерные для зодчества Ирана и Средней Азии. Таким образом, мы можем говорить не только о проникновении ислама в Золотую Орду из Хорезма, но и об участии хорезмийских мастеров в строительстве культовых зданий.

В памятниках, выполненных в технике каменного строительства (Волжская Болгария, Крым) отчетливо прослеживается влияние Малой Азии и Закавказья. Оно выражается как в архитектонике зданий, так и применении строительных приемов, таких как, например, «турецкий треугольник» и пирамидальные тромпы. Золотоордынские башенные мавзолеи, скорее всего, являлись точной копией малоазийских и азербайджанских. При наличии декоративного убранства, в каменном строительстве использовалась резьба по камню, также связанная с закавказскими и малоазийскими традициями. Достаточно упомянуть такие характерные декоративные элементы как «сельджукская цепь» и ниша с треугольным завершением, заполненным сталактитами.

Наряду с типичными для мусульманского мира формами мемориальных зданий, в улусе Джучи присутствовали постройки архаического облика. Исследование погребальных памятников показало, что принятие ислама в Золотой Орде не было одномоментным, и среди кочевого и частично городского населения государства достаточно долгое время сохранялись пережитки домусульманских верований [6]. Это прослеживается и на примере архитектуры погребальных построек. В Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе (а возможно, и в других частях государства) строились пирамидальные мавзолеи, форму которых исследователи выводят из надмогильных сооружений в виде курганов и связывают с тюркскими поминальными постройками IX–XI вв.

Публикуется в соответствии с планами НИР Института этнологии и антропологии РАН «Эволюционный континуум рода Homo».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: НИЦ «Ғылым», 2002. 652 с.
2. Ажигали С.Е., Турганбаева Л.Р. Абат Байтак – жемчужина Казахской степи. Алматы, 2004. 32 с.
3. Блохин В.Г. Исследование мемориального комплекса на юго-западной окраине Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. Вып. 9. С. 227–237.
4. Боталов С.Г., Маламуд Г.Я. Погребальный комплекс Кесене // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001. № 3. С. 162–168.
5. Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего востока. М.: Искусство, 1966. 785 с.
6. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет». 192 с.
7. Гарустович Г.Н., Турецкий М.А. Новый тип мусульманских мавзолеев золотоордынского времени на Южном Урале // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. 2–6 октября 2011 г. Казань, Астрахань, 2011. С. 153–160.
8. Глухов А.А. Отчет о работе археологического отряда «Гюлистан» Волжского гуманитарного института Волгоградского государственного университета на территории Ленинского района Волгоградской области в 2005 г. // Архив Института археологии Российской Академии наук, Р-1 № 25967.
9. Дворниченко В.В., Зиливинская Э.Д. Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2005. Вып. 7. С. 281–303.
10. Демиденко С.В. Охранные раскопки на левобережье Цимлянского водохранилища // Историко-археологический альманах. Вып. 10. Армавир-Краснодар-Москва, 2011. С. 108–116.
11. Егеров В.В. Архитектура города Болгара // Материалы по исследованию археологии СССР, М.: Л., 1958, № 61. С. 360–392.
12. Ельников М.В. Охоронні дослідження золотоордынского міста «Кінські Води» // Старожитності ліво бережного подніпро'я. Київ-Полтава, 2013. С. 126–135.
13. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2. С. 113–168.
14. Зиливинская Э.Д. Золотоордынские мавзолеи Северного Кавказа // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2010. № 3. С. 52–69.
15. Зиливинская Э.Д. Архитектурные памятники Маджара по рисункам и описаниям XVIII в века // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, краеведение, музееведение. Вып. XI. М.: Памятники исторической мысли, 2013. С. 309–331.
16. Зиливинская Э. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. Москва-Казань: «Отечество», 2014. 448 с.
17. Зиливинская Э.Д. Среднеазиатские параллели в мемориальном зодчестве Мохши // Археология евразийских степей, № 6, 2022. С. 122–133. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.122.132>
18. Зиливинская Э.Д. Дюрбе Бей Юде-султан в Азизе: история изучения, архитектурная форма, вопросы датировки // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Т XXVII. Симферополь, 2022. С. 441–466. <https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.441-466>

19. Зиливинская Э.Д., Капарулина О.А. Неизвестные рисунки маджарских мавзолеев из фондов Государственного Русского музея // Очерки средневековой археологии Кавказа. М.: Таус, 2013. С. 82–98.
20. Зиливинская Э.Д., Калменов М.Д., Сдыков М.Н. Культовый комплекс XIV в. на городище Жайык в Западном Казахстане // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 271–279.
21. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. XXII. Оренбург, 1910. 332 с.
22. Кастанье И.А. Надгробные сооружения Киргизских степей // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. XXVI. Оренбург, 1911. 130 с.
23. Кирилко В.П. Археологическое исследование мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая // *Stratum plus*. 2005–2009. № 6. С. 439–466.
24. Кирилко В.П. Хронологические парадоксы дюрбе Мухаммед-шах-бея в г. Бахчисарай // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 107–120. <https://doi.org/10.24852/ra2021.2.36.107.120>
25. Кожа М. Монументальные древнетюркские сооружения Казахстана // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Алматы-Актобе, 2011. С. 259–264.
26. Коран. Пер. И.Ю. Крачковского. М.: Маджесс, 1990. 367 с.
27. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Гумбез Манаса. М.: изд-во и 1-я тип. Гос. изд-ва архитектуры и градостроительства, 1950. 144 с.
28. Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шах-и Зинда. Ташкент: изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1979. 168 с.
29. Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. О Эссенукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана // Советская археология. 1974. № 2. С. 229–240.
30. Пальмов Н.Н. К Астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева // Известия Российской Академии наук. 1925. С. 201–216.
31. Пугаченкова Г.А. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, вып. 1 (ред. М.Е.Массон). Ашхабад, 1949. С. 57–77.
32. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 492 с.
33. Райс Т.Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. М.: Центрполиграф, 2004. 238 с.
34. Рубрук Г. Путешествия в восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монголов; Гийлем де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга марко Поло. М.: Мысль, 1997. 461 с.
35. Уссейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Гос. Изд. По строительству, архитектуре и строительным материалам, 1963. 396 с.
36. Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Ч. I. Берлин-Рига, 1996. 336 с.
37. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л.: Наука, 1966. 139 с.
38. Шестаков П.Д. Напоминание о древнем городе Маджаре // Труды IV археологического съезда, т. 1. Казань, 1884. С. 3–16.
39. Яковлев А.В. Отчет о раскопках курганных могильников Шарахалсун 5 на территории Апанасенского р-на Ставропольского края в 2001 г. // Архив Института археологии Российской академии наук, (без номера).
40. Hillenbrand R. *Islamic Architecture*. New-York: Columbia University Press, 1994. 645 p.
41. *Magazin für die neue Historie und Geographie*. Angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. Halle: Curt, 1769–1793. Th. 6. 1771. 556 p.
42. Pallas P.S. *Voyage P.S. Pallas en différentes provinces de l'empire de Russie et dans l'Asie septentrionale*. Paris, 1789–1793. T. II. Pl. X, p. 428.

43. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltersaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793–1794. B. I. Leipzig: Martini, 1799. 516 p.
44. Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Tashen, 1998. 238 p.
45. Stierlin H. Persian Art & Architecture. London: Thames & Hudson, 2012. 280 p.

Сведения об авторе: Эмма Давидовна Зиливинская – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (119334, Ленинский проспект, 32а, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3485-0359, ResearcherID: G-4161-2018. E-mail: eziliv@mail.ru

Поступила 16.08.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Опубликована онлайн 29.12.2023

REFERENCES

1. Azhigali S.E. *Nomadic architecture. The phenomenon of the history and culture of Eurasia (monuments of the Aral-Caspian region)*. Almaty: NIC «Fylym», 2002. 652 p. (In Russian)
2. Azhigali S.E., Turganbaeva L.R. *Abat Baitak – the pearl of the Kazakh steppe*. Almaty, 2004. 32 p. (In Russian)
3. Blohin V.G. Study of the memorial complex on the southwestern outskirts of the Tsarevskoye settlement. *The Lover Volga Archaeological Bulletin*. Volgograd: Volgograd State University Publ., 2008, no. 9, pp. 227–237. (In Russian)
4. Botalov S.G., Malamud G.Ya. Funerary complex of Kesene. *Ufa Archaeological Bulletin*. Ufa, 2001, no. 3, pp. 162–168. (In Russian)
5. Bretanickiy L.S. Architecture of Azerbaijan 12–15th centuries. and its place in the architecture of the Middle East. Moscow: Iskusstvo, 1966. 785 p. (in Russian)
6. Vasil'ev D.V. Islam in the Golden Horde. Historical and archaeological research. Astrahan: Astrahanskiy universitet Publ., 192 p. (In Russian)
7. Garustovich G.N., Tureckiy M.A. *Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space. Materials of the V International Conference dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov. October 2–6, 2011*. Kazan: Astrahan, 2011, pp. 153–160. (In Russian)
8. Gluhov A.A. Report on the work of the Gulistan archaeological team of the Volga Humanitarian Institute of the Volgograd State University on the territory of the Leninsky District of the Volgograd Region in 2005. *Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*, R–1, no. 25967. (In Russian)
9. Dvornichenko V.V., Zilivinskaya E.D. Medieval burial structures from the Krivaya Luka burial ground in the Astrakhan region. *The Lover Volga Archaeological Bulletin*. Volgograd, 2005, no. 7, pp. 281–303. (In Russian)
10. Demidenko S.V. Protective excavations on the left bank of the Tsimlyansk Reservoir. *Historical and archaeological almanac*, no. 10. Armavir-Krasnodar-Moscow, 2011, pp. 108–116. (In Russian)
11. Egerev V.V. Architecture of the City of Bolgar. *Materials and research on archeology of the USSR*, 1958, no. 61, pp. 360–392. (In Russian)
12. El'nikov M.V. Protective research of the Golden Horde city "Kinski Vody". *Antiquities on the left side of the Dnieper River*. Kyiv-Poltava, 2013, pp. 126–135. (In Ukrainian)
13. Zasyepkin B.N. Monuments of architecture of the Crimean Tatars. *Crimea*. 1927, no. 2, pp. 113–168. (In Russian)

14. Zilivinskaya E.D., 2010. Golden Horde mausoleums of the North Caucasus. *Zolotoordynskaya civilizaciya=Golden Horde civilization*. Kazan, 2010, no. 3, pp. 52–69. (In Russian)
15. Zilivinskaya E.D. Architectural monuments of Madjar based on drawings and descriptions of the 18th century. *Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Archeology, local history, museology*. Iss. XI. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2013, pp. 309–331. (In Russian)
16. Zilivinskaya E. Architecture of the Golden Horde. *Architecture of the Golden Horde. Part I. Religious architecture*. Moscow-Kazan: «Otechestvo», 2014. 448 p. (In Russian)
17. Zilivinskaya E.D. Central Asian parallels in the memorial architecture of Mohshi. *Archeology of the Eurasian Steppes*, no. 6, 2022, pp. 122–133. (In Russian) <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.122.132>
18. Zilivinskaya E.D. Durbe Bey Yude-Sultan in Aziz: history of study, architectural form, issues of dating. *Materials on archeology, history and ethnography of Tavria*. Vol. XXVII. Simferopol, 2022, pp. 441–466. (In Russian) <https://doi.org/10.29039/2413-189H.2022.27.441-466>
19. Zilivinskaya E.D., Kaparulina O.A. Unknown drawings of Madjar mausoleums from the collections of the State Russian Museum. *Essays on the medieval archeology of the Caucasus*. Moscow: Taus, 2013, pp. 82–98. 20. (In Russian)
20. Zilivinskaya E.D., Kalmenov M.D., Sdykov M.N. Cult complex of the 14th century on the Zhayyk hillfort in Western Kazakhstan. *Zolotoordynskaya civilizaciya =Golden Horde civilization*. 2016, no. 9, pp. 271–279. (In Russian)
21. Kastan'e I.A. Antiquities of the Kirghiz steppe and the Orenburg region. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Vol. XXII. Orenburg, 1910. 332 p. (In Russian)
22. Kastan'e I.A. Gravestone structures of the Kirghiz steppes. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Vol. XXVI. Orenburg, 1911. 130 p. (In Russian)
23. Kirilko V.P. Archaeological study of Muslim mausoleums-durbe in Bakhchisarai. *Stratum plus*. 2005–2009, no. 6, pp. 439–466. (In Russian)
24. Kirilko V.P. Chronological paradoxes of the durbe of Muhammad-shah-bey in Bakhchisarai. *Povolzhskaya arheologiya=The Volga River Region Archaeology*. 2021, no. 2 (36). P. 107–120. <https://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.107.120> (In Russian)
25. Kozha M. Monumental ancient Turkic structures of Kazakhstan. *Aral-Caspian region in the history and culture of Eurasia*. Almaty-Aktobe, 2011, pp. 259–264. (In Russian)
26. *Koran*. Translation by I.Yu. Krachkovsky. Moscow: Madzhess, 1990. 367 p. (In Russian)
27. Masson M.E., Pugachenkova G.A. *Gumbez Manas*. Moscow: izd-vo i 1-ya tip. Gos. izd-va arhitektury i gradostroitel'stva, 1950. 144 p. (In Russian)
28. Nemceva N.B., Shvab Yu.Z. *Ensemble Shah-i Zinda*. Tashkent: izd-vo literatury i iskusstva im. Gafura Gulyama, 1979. 168 p. (In Russian)
29. Palimpsestova T.B., Runich A.P. On the Essentuki mausoleums and the camp of Uzbek-khan. *Soviet archeology*. 1974, no. 2, pp. 229–240. (In Russian)
30. Pal'mov N.N. On the Astrakhan Period in the life of V. N. Tatischev. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences*. 1925, pp. 201–216. (In Russian)
31. Pugachenkova G.A. On the problem of the emergence of tented mausoleums in Khorasan. *Proceedings of the South-Turkmenistan archaeological complex expedition*, vol. 1 (Ed. M.E. Masson). Ashkhabad, 1949, pp. 57–77. (In Russian)
32. Pugachenkova G.A. *Ways of development of the architecture of Southern Turkmenistan during the period of slavery and feudalism*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. 492 p. (In Russian)

33. Rajs T.T. Seljuks. Nomads – the conquerors of Asia Minor. Moscow: Tsentrpoligraf, 2004. 238 p. (In Russian)
34. Rubruk G. Travels to the Eastern Countries. *Giovanni del Plano Carpini. History of the Mongols; Guillem de Rubruk. Travel to Eastern countries; Marco Polo book.* Moscow: Mysl, 1997. 461 p. (In Russian)
35. Usseynov M.A., Bretanickiy L.S., Salamzade A. History of architecture of Azerbaijan. Moscow: Gos. Izd. Po stroitel'stvu, arhitekture i stroitel'nym materialam, 1963. 396 p. (In Russian)
36. Khmel'nitskiy S. Between the Samanids and the Mongols. Architecture of Central Asia in the 11th – beginning of the 13th centuries. Part I. Berlin-Riga, 1996. 336 p. (In Russian)
37. Sher Ya.A. *Stone statues of Semirechye.* Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1966. 139 p. (In Russian)
38. Shestakov P.D. Napominanie o drevnem gorode Madzhare. *Proceedings of the IV Archaeological Congress.* Vol. 1. Kazan, 1884, pp. 3–16. (In Russian)
39. Yakovlev A.V. Report on the excavations of the burial mounds of Sharakhalsun 5 on the territory of the Apanasensky district of the Stavropol Territory in 2001. *Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*, (without a number). (In Russian)
40. Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York: Columbia University Press, 1994. 645 p.
41. Magazin für die neue Historie und Geographie. Angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. Halle: Curt, 1769–1793. Th. 6. 1771. 556 p.
42. Pallas P.S. Voyage P.S. Pallas en différentes provinces de l'empire de Russie et dans l'Asie septentrionale. Paris, 1789–1793. Vol. II. Pl. X, p. 428.
43. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltersaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793–1794. B. I. Leipzig: Martini, 1799. 516 p.
44. Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Tashen, 1998. 238 p.
45. Stierlin H. Persian Art & Architecture. London: Thames & Hudson, 2012. 280 p.

About the author: Emma D. Zilivinskaya – Dr. Sci. (History), Leading Researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (32a, Leninsky Avenue, Moscow 119334, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3485-0359, ResearcherID: G-4161-2018. E-mail: eziliv@mail.ru

Received August 16, 2023 Accepted for publication November 23, 2023
Published December 29, 2023

ИСЛАМ И ХРИСТИАНСТВО НА ПЕРИФЕРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В СРЕДНЕМ ПОДОНЬЕ

М.В. Цыбин

*Воронежский государственный университет
Воронеж, Российская Федерация
mvcibin@yandex.ru*

Цель исследования: анализ данных изучения археологических памятников на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье, свидетельств письменных источников о распространении ислама и христианства среди населения этого района.

Материалы исследования: в работе рассматриваются материалы русских поселений, памятников золотоордынского круга (Новохарьковский и Таганский могильники), мавзолеев у пос. Красный, подкурганных кочевнических погребений. Привлекаются письменные источники («Пименово хождение в Царьград», грамоты митрополитов Феофоста и Алексея к населению Червленого Яра).

Результаты и научная новизна: археологические материалы позволяют говорить о сосуществовании различных в конфессиональном отношении групп населения на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье. Распространение христианства в этом районе связывается с русским населением. Сведения грамот митрополитов Феофоста и Алексея о христианском населении в Прихоперье подтверждаются данными археологических исследований. Среди населения, оставившего Новохарьковский могильник, можно предполагать распространение как ислама, так и христианства. Влияние традиций ислама прослеживается в погребальной обрядности Таганского могильника. Наиболее яркое свидетельство распространения ислама на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье – мавзолей у пос. Красный. В изученных в мавзолеех и около них погребениях есть и пережитки язычества. Лишь единичные подкурганные кочевнические погребения можно рассматривать как мусульманские.

Ключевые слова: история, Среднее Подонье, Золотая Орда, ислам, христианство, археологические памятники, письменные источники

Для цитирования: Цыбин М.В. Ислам и христианство на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 784–791. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.784-791 EDN: ICQGZK

© Цыбин М.В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ISLAM AND CHRISTIANITY ON THE PERIPHERY OF THE GOLDEN HORDE IN THE MIDDLE DON REGION

M.V. Tsybin

*Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation
mvcibin@yandex.ru*

Abstract: The purpose of the study is to analyze the data from the study of archaeological sites on the periphery of the Golden Horde in the Middle Don region, along with evidence from written sources about the spread of Islam and Christianity among the population of this area.

Research materials: The paper examines the materials of Russian settlements, monuments of the Golden Horde circle (Novokharkovsky and Tagansky burial grounds), mausoleums near Krasnyi Village, and nomadic burials in the barrows. Written sources are involved ("Pimenov's journey to Tsargrad," the charters of Metropolitans Theognost and Alexei to the population of the Chervleny Yar).

Results and scientific uniqueness: Archaeological materials allow us to talk about the coexistence of different confessional groups in the population on the periphery of the Golden Horde in the Middle Don region. The spread of Christianity in this area is associated with the Russian population. The information of the charters of Metropolitans Theognost and Alexei about the Christian population in the Prikhoper region is confirmed by the data of archaeological research. Among the population who left the Novokharkovsky burial ground, one can assume the spread of both Islam and Christianity. The influence of the traditions of Islam can be traced in the funeral rites of the Tagansky burial ground. The most striking evidence of the spread of Islam on the periphery of the Golden Horde in the Middle Don region is the mausoleums near Krasnyi Village. In the tombs studied in and around mausoleums, there are also remnants of paganism. Only a few nomadic burials in the barrows can be considered Muslim burials.

Keywords: History, Middle Don region, Golden Horde, Islam, Christianity, archaeological sites, written sources

For citation: Tsybin M.V. Islam and Christianity on the periphery of the Golden Horde in the Middle Don region. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 784–791. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.784-791 (In Russian)

Река Дон является важным географическим ориентиром на историко-географической карте Восточной Европы периоды Золотой Орды. С Верхним и Средним Подоньем связаны ключевые события: нашествие монголов на Русь, Куликовская битва, поход Тамерлана 1395 г. Дон – связующая артерия Руси, Орды, Византии. В русле рассматриваемой темы необходимо отметить, что на территории Верхнего Подонья (севернее устья и низовий реки Воронеж) известны в настоящее время только памятники русского населения: многочисленные поселения, грунтовые могильники. Значительна и серия предметов христианского культа, происходящих с памятников этого района (Куликова поля, Елецкого княжества). Южнее низовий реки Воронеж, в Среднем Подонье, картина иная. Здесь представлены русские поселения, погребения кочевников, мавзолеи, грунтовые могильники и поселения «золотоордынского круга» [13]. Анализ материалов раскопок этих памятников, с привлечением данных письменных источников, позволяет рассмотреть вопрос о распространении ислама и христианства среди населения периферии Золотой Орды в Среднем Подонье.

Начнем с кратковременного пребывания на Дону митрополита Пимена в мае 1389 года, описанного в «Пименовом хождении в Царьград». В устье реки Воронеж митрополита провожал елецкий князь Юрий «...с боярами своими и со многими людьми...» [10, с. 96]. Этот эпизод отражен на одной из миниатюр Лицевого летописного свода Ивана Грозного [6, с. 258]. В низовьях реки Воронеж известен ряд русских поселений XIV–начала XV вв. [17, рис. 1]. С поселения Ромашки 1 происходит частично сохранившийся янтарный крест и крест из медного сплава с изображением Распятия [17, рис. 2, 1, 2].

Митрополит Пимен и его спутники проплывали и мимо Дивногорья: «Оттуда же приплыхом к Тихой Сосне и видехом столпы камены белы, дивно и красно стоят рядом, яко стози малы, белы же и светлы зело, над рекою над Сосною» [10, с. 96]. Высказывалась гипотеза, согласно которой в Дивногорье в XIV в. мог существовать пещерный ставропигиальный монастырь Константинопольского патриархата, прекративший существование к концу XIV в. и восстановленный в XVII в. (сейчас Свято-Успенский Дивногорский монастырь) [11]. По предположению В.В. Степкина (вслед за А.О. Амелкиным), на миниатюре Лицевого летописного свода [6, с. 259] изображены входы в пещеры, над одним из входов изображен киот без иконы [11, с. 21]. Но, возможно, что миниатюрист XVI века не мог представить, что это за «столпы камены белы». Прямых археологических данных о существовании Дивногорского монастыря в эпоху Золотой Орды пока нет.

Ниже Дивногорья в Дон с правой стороны впадает река Черная Калитва. На ее притоке – реке Ольховатке – исследовался грунтовой Новохарьковский могильник [9]. Среди населения, оставившего могильник, можно предполагать распространение как ислама, так и христианства. Всего изучено 147 погребений, 53% из них – безынвентарные (78 погребений), еще 26,5% (39 погребений) – малоинвентарные, включают не более двух мелких вещей (кольца, пуговицы, бляшки, подвески). Глубина погребений от современной дневной поверхности – до 0,7 м. остатки внутримогильных конструкций встречены в 41 погребении (28%), в 18 из них это рамы из досок, поставленных на ребро. Положение погребенных – вытянуто на спине, в единичных случаях (не более семи) с разворотом на правый бок. Положение рук нестабильно: на животе, на костях таза, на груди, на плечах, вдоль тела. Погребения с западной ориентировкой с отклонением к югу или северу составляют 82%.

Подробнее стоит остановиться на трех погребениях. Погребение 12 – парное, в яме овальной формы (1,8х0,92 м, глубина от уровня современной дневной поверхности – 0,64 м). Мужчина (30–39 лет) и ребенок (1–1,5 года) положены на спине, головой на запад, череп мужчины повернут вправо, кисти рук – на тазовых костях, руки ребенка вытянуты вдоль туловища [9, рис. 8, 1]. У левого плеча ребенка находился петлеконечный крест из медного сплава (23х20 мм) [9, рис. 6, 14]. Из сводки находок подобных крестов следует, что они встречаются только в детских погребениях [2, с. 280]. Возможно, что такие кресты являются крестильными, т.е. дававшимися первыми от рождения (гипотеза Р.В. Прокофьева).

Еще в двух погребениях найдены откованные с одной и той же матрицы пластинчатые браслеты с арабской надписью. Погребение 31 совершено в почвенном слое в яме размерами 1,8х0,8 м, глубина от современной дневной поверхности – 0,6 м. Умершая женщина (20–29 лет) положена на спине, головой на ЮЗ. Руки согнуты в локтях, кисти рук – в области грудной клетки. Череп повернут вправо [9, рис. 11, 6]. Браслет с надписью находился на правом предплечье. Кроме него в погребении найдены височные кольца-подвески, перстень, кольца, раковины каури [9, рис. 6, 31–38].

Погребение 57 совершено в почвенном слое. Скелет мужчины (20–29 лет) находился на глубине 0,38 м от современной дневной поверхности. Положение – вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Кисть правой руки притянута к левому плечу, кисть левой руки находилась у локтевого сгиба правой. Череп повернут вправо [9, рис. 15, 4]. На предплечье правой руки – браслет с надписью [9, рис. 14, 8]. Технологии изготовления браслетов, надпись на них («Слава вечная, и жизнь благополучная, и успех...») подробно проанализированы И.В. Волковым [9, глава II].

Таким образом, как говорилось выше, можно предполагать распространение ислама и христианства у населения, оставившего Новохарьковский могильник. Краниологическая серия Новохарьковского могильника наиболее близка материалам Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры [9, с. 118]. Для выделения памятников типа Новохарьковского могильника и поселения в Среднем Подонье мною использовался термин «памятники золотоордынского круга».

В русле рассматриваемой темы весьма информативны памятники в Побитюжье (р.Битюг – левый приток Дона), где известны русские поселения, мавзолеи, подкурганное кочевническое погребение, грунтовые могильники. Прежде всего обратимся к Таганскому грунтовому могильнику, имеющему сходство с Новохарьковским могильником [7]. В пойме левого берега р. Битюг расположено Таганское поселение, жителям которого принадлежал небольшой могильник (изучено 14 погребений). Погребения совершены в почвенном слое, контуры могильных ям не определялись. Для погребений характерно положение вытянуто на спине, головой на запад, руки – вдоль туловища или на груди. При погребенных найдено всего несколько предметов, в частности, фрагменты щиткового перстня, височного кольца с петелькой и подвеска в виде знака вопроса. Можно предполагать влияние традиций ислама в погребальном обряде. По заключению А.А. Казарницкого, морфология черепов из Таганского могильника находит аналогии среди субстратных европеоидных популяций Восточной Европы.

Наиболее яркое свидетельство распространения ислама на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье – мавзолеи у пос. Красный на р. Мечеть (левый приток р. Битюг). Это самые северные по Дону памятники исламской архитектуры, несомненно, исходя из размеров и архитектурного декора, принадлежавшие элите Улуса Джучи.

В мавзолее 1 (раскопки В.П. Левашевой, 1948 г.) были открыты четыре погребения (два изучены полностью). Погребения совершены в кирпичных склепах прямоугольной формы длиной 2–2,3 м, шириной 1–1,4 м, впущенных в материк на глубину до 0,5 м. Ориентировка склепов запад–восток. Опорные стенки выложены в один кирпич (сохранилось до семи рядов). Пол в двух склепах был выложен кирпичом. Покойники были захоронены в деревянных гробах в вытянутом положении на спине, головой на запад. В могиле № 3 фиксировался разворот лица покойника к югу. Единственная вещь, найденная в могиле № 2, это сердоликовый амулет-печать в виде прямоугольной пластинки с негативной арабграфической надписью (изречение из Корана): «Во имя Аллаха справедливого милостивого Победа от Аллаха и одоление близ[кое], и ... правоверных» [5, с. 181, рис. 2, 2]. Размеры печати 2,3х1,7х0,4–0,5 см.

За пределами мавзолея было исследовано погребение в яме длиной 2,3 м, шириной 0,75 м, глубиной 0,8 м. В яме найдены гвозди от гроба.

Мавзолей 2 исследован полностью [15]. Это было большое кирпичное сооружение размерами 21,5х10,5 м, ориентированное по линии ЮЮЗ–ССВ. Основу плановой структуры мавзолея составляло прямоугольное помещение размерами около 14,5х10,5 м (по внешнему контуру), разделенное стеной на две камеры:

усыпальницу («гур-хана») и место оплакивания («зийарат-хана»). В «гур-хане» мавзолея находился полностью ограбленный склеп. Изучено четыре сохранившихся погребения (одно в мавзолее, три – за его пределами). Погребение женщины в мавзолее совершено в деревянном гробу, оббитом кожей. Могильная яма подпрямоугольной формы (2,36х0,6 м, глубина – 0,6м) Положение погребенной на спине, головой на ЗСЗ. Череп был развернут влево. Кисть левой руки находилась в области живота, правой – на бедре. Над погребением фиксировалось кирпичное перекрытие (видимо, сводчатое). Три погребения за пределами мавзолея совершены в узких ямах, над которыми частично сохранились кирпичные надгробия в виде вымосток. Положение погребенных – на спине, головой на ЗСЗ. Положение рук – вдоль туловища. Разворота лица на юг не зафиксировано. В одном из погребений найдены пять дангов Токтамыша.

Следует отметить, что изученные погребения не соответствуют в полной мере требованиям ислама. Помещение монет в могилу, находки двух бронзовых бубенчиков в мавзолее, происходящих, видимо, из разрушенных погребений, можно рассматривать как пережитки язычества.

Следующий интересующий нас район – Прихоперье (р. Хопер с притоками Савалой, Карачаном, Вороной, Караем). Еще в конце XIII – начале XIV вв. при митрополитах Максиме (1283–1305 гг.) и Петре (1308–1326 гг.) между Сарайской и Рязанской епархиями возникает длительная тяжба о Червленом Яре – «переделе по Великую Ворону». Очевидная причина спора – церковная пошлина с православного христианского населения Червленого Яра. В 1330 году съезд епископов в Костроме вынужден был решать этот вопрос. Присутствовавший там сарайский епископ Софоний дал «отступную» грамоту с обязательством «... не вступатися в передел в Рязанской по Велику от Ворону...» [1, № 310]. В дальнейшем спор епархий разрешали митрополиты Феогност и Алексей. Сохранились списки двух грамот митрополита Феогноста (датируется ок. 1343–1352 гг.) и митрополита Алексея (ок. 1356 г.) властям, духовенству и православным жителям Червленого Яра о принадлежности этой области Рязанской епархии [1, № 312, 313]. Как следует из этих документов, в Червленом Яре было достаточно многочисленное население. Грамоты адресованы ко «всем крестьяном (христианом)», упомянуты баскаки, сотники, попы, в грамоте Феогноста – еще и игумены, а в грамоте Алексея – дьяконы и бояре. Исторический контекст рассматриваемого сюжета неоднократно анализировался историками [16]. Возникает вопрос: отражает ли приведенный выше перечень адресатов грамот реальную ситуацию [8] или инскрипция формуляра была принята для такого рода документов? Вызывает вопрос и упоминание городов в грамоте Феогноста. Исходя из грамот митрополитов, можно лишь уверенно говорить о проживании в Червленом Яре православного христианского населения в первой половине – середине XIV в.

Необходимо отметить, что в грамотах митрополитов в качестве основного географического ориентира упоминается р. Великая Ворона, отождествляемая с современной рекой Вороной. Упоминается и река Хопер. Именно район Прихоперья (р. Хопер с притоками Савалой, Карачаном, Вороной, Караем) географически может соответствовать основной территории Червленого Яра.

Для верификации гипотезы о проживании в Прихоперье православного христианского населения необходимо обратиться к результатам археологических исследований в этом районе. В Прихоперье выявлено около 30 поселений с русской керамикой XIII–XIV вв. [12, рис. 1; 14. рис. 1], на ряде памятников проведены раскопки (городище Никольевка, поселения Шапкино I, Шапкино II, Алмазово II, Борисоглебское–4) [12]. А.А. Хреков считает, что некоторые поселения

начали функционировать в домонгольское время [12, с. 191]. В связи с вопросом о Червленом Яре важно, что русские поселки существовали в Прихоперье в период Золотой Орды, о чем свидетельствуют находки монет, фрагментов чугунных котлов и золотоордынской неполивной керамики [12, с. 192]. Постепенно пополняется фонд данных о размерах, планировке, характере русских поселков, системе расселения. На основе материалов археологических исследований можно говорить о присутствии русского населения в Прихоперье в период, когда шел упомянутый выше спор Рязанской и Сарайской епархий. Показательны и находки предметов личного благочестия [12, рис. 31, 1-4].

В Прихоперье наряду с русскими поселениями известны курганные могильники кочевников (Первый Власовский, Третьяки, Свинуха (Лесное), Ключи) [14, рис. 1]. В них изучено около 25 погребений, которые можно отнести к золотоордынскому времени. Исследователями высказывалась мысль о возможности выделения среди них погребений с мусульманскими чертами [3, с. 103; 4]. Но к таковым, на мой взгляд, можно предположительно отнести лишь единичные погребения, например, погребение в кургане 81 могильника Третьяки (раскопки К.Ю. Ефимова). Диаметр этого кургана около 5 м. Могильная яма узкая, размерами 2,35х0,75м, ее глубина 1,3м. Погребенный положен в колоде на спине, головой на ЗСЗ, лицом на юг, руки – вдоль туловища. Погребальный инвентарь отсутствовал [4, с. 125, рис. 54, Л].

Дальнейшие исследования археологических памятников эпохи Золотой Орды в Среднем Подонье перспективны в плане изучения рассматриваемой темы. Этот район удален от городских центров Руси и Орды, что исключает их непосредственное прямое влияние на распространение ислама и христианства среди населения этого района. Здесь сосуществовали разные в этническом, культурном, хозяйственном отношении группы населения.

Имеющиеся в нашем распоряжении в настоящее время археологические материалы, наряду с данными письменных источников, позволяют говорить о сосуществовании различных в конфессиональном отношении групп населения на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье. Распространение христианства в этом районе связывается с русским населением. Сведения грамот митрополитов Феоноста и Алексея о православном христианском населении в Прихоперье подтверждаются данными археологических исследований. Среди населения, оставившего Новохарьковский могильник, можно предполагать распространение как ислама, так и христианства. Влияние традиций ислама прослеживается в погребальной обрядности Таганского могильника. Наиболее яркое свидетельство распространения ислама на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье – мавзолеи у пос. Красный, принадлежавшие элите Улуса Джучи. В изученных в мавзолеях и около них погребениях есть и пережитки язычества. В среде рядового кочевого населения распространение ислама выражено слабо. Лишь единичные подкурганные кочевнические погребения можно рассматривать как мусульманские.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в. Т. III. М.: Наука, 1964. 688 с.
2. Бакушев М.А., Леонтьева А.С. Змейский катакомбный могильник. Материалы раскопок 2013–2014 гг. Т. 1. М.: Институт археологии РАН, 2020. 406 с.
3. Иванов В.А., Проценко А.С., Русланов Е.В. Погребения с признаками мусульманского обряда у кочевников Золотой Орды // Поволжская археология. 2021. №4(38). С. 94–107. <https://doi.org/10.24852/pa2021.4.38.94.107>

4. Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: Воронежский государственный педагогический институт, 2005. 206 с.
5. Левашева В.П. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Труды Государственного исторического музея. 1960. Вып. 37. С. 175–185.
6. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 10. 1381–1392 гг. М.: ООО «Фирма «АКТЕОН», 2014. 510 с.
7. Матвеев Ю.П., Цыбин М.В. Таганский грунтовой могильник. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. 78 с.
8. Никитин А.П. Письменные источники об игуменах Червленого Яра // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 101–106. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.101-106
9. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. 200 с.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 266 с.
11. Степкин В.В. К вопросу о существовании Дивногорского пещерного монастыря в золотоордынское время: религиозная ситуация в Подонье в XIII–XIV вв. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2 (22). С. 17–23.
12. Хреков А.А. Средневековые памятники Прихоперья в XIII–XIV вв. К истории Червленого Яра // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 17. Саратов, 2019. С. 171–227.
13. Цыбин М.В. Периферия Золотой Орды в Подонье // Краткие сообщения Института археологии. 2007. Вып. 221. С. 166–175.
14. Цыбин М.В. Археологический комментарий к грамотам митрополитов Феогноста и Алексея // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 1. Воронеж, 2009. С. 194–200.
15. Цыбин М.В., Савицкий Н.М. Комплекс золотоордынских памятников у пос. Красный Бобровского района Воронежской области // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Казань-Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 509–520.
16. Шенников А.А. Червлёный Яр: исследования по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л.: Наука, 1987. 139 с.
17. Яблоков А.Г. Памятники золотоордынского времени в низовьях р. Воронеж // Археология евразийских степей. 2022. № 4. С. 68–72. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.68.72>

Сведения об авторе: Михаил Владимирович Цыбин – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира исторического факультета Воронежского государственного университета (394018, Университетская площадь, 1, Воронеж, Российская Федерация). E-mail: mvcibin@yandex.ru

Поступила 5.06.2023

Принята к печати 17.10.2023

Опубликована 29.12.2023

REFERENCES

1. Acts of the socio-economic history of North-Eastern Russia of the end of the 14th – beginning of the 16th century. Vol. III. Moscow: Nauka, 1964, 688 p. (In Russian)
2. Bakushev M.A., Leont'eva A.S. Zmeisky catacomb cemetery. Materials of excavations 2013–2014 Vol. 1. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2020. 406 p. (In Russian)

3. Ivanov V.A., Protsenko A.S., Ruslanov E.V. Burials with signs of the Muslim rite among the nomads of the Golden Horde. *Povolzhskaya arkheologiya*. 2021, no. 4 (38), pp. 94–107. <https://doi.org/10.24852/pa2021.4.38.94.107> (In Russian)
4. Kravets V.V. Nomads of the Middle Don in the era of the Golden Horde. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 2005. 206 p. (In Russian)
5. Levasheva V.P. Golden Horde monuments in the Voronezh region. *Proceedings of the State Historical Museum*. 1960, vol. 37, pp. 175–185. (In Russian)
6. The Litsevoy chronicle of the 16th century. Russian chronicle history. Book 10. 1381–1392. Moscow: Firm "AKTEON", 2014, 510 p. (In Russian)
7. Matveev Yu.P., Tsybin M.V. Tagansky burial ground. Voronezh: Voronezh State University, 2004, 78 p. (In Russian)
8. Nikitin A.P. Written records about hegumens of Chervleny Yar in the 14th century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 1, pp. 101–106. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.101-106 (In Russian)
9. *Novokharkovsky burial ground of the Golden Horde era*. Voronezh: Voronezh State University Publ., 2002. 200 p. (In Russian)
10. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 11–12. Patriarchal or Nikon Chronicle. Moscow: Nauka, 1965, 266 p. (In Russian)
11. Stepin V.V. On the question of the existence of the Divnogorsk cave monastery in the Golden Horde time: the religious situation in the Don region in the 13th–14th centuries. *Bulletin of Omsk University. The series "Historical Sciences"*. 2019, no. 2 (22), pp. 17–23. (In Russian)
12. Khrekov A.A. Medieval monuments of Prikhopye in the 13th–14th centuries. To the history of Chervleny Yar. *Archaeological heritage of the Saratov region*. Vol. 17. Saratov, 2019, pp. 171–227. (In Russian)
13. Tsybin M.V. Periphery of the Golden Horde in Podonye. *Brief reports of the Institute of Archeology*. 2007, vol. 221, pp. 166–175. (In Russian)
14. Tsybin M.V. Archaeological commentary on the charters of Metropolitans Theognost and Alexei. *Divnogorsk collection. Proceedings of the Divnogorye Museum-Reserve*. Vol. 1. Voronezh, 2009, pp. 194–200. (In Russian)
15. Tsybin M.V., Savitskiy N.M. The Complex of the Golden Horde Sites near Krasnyi Village, Bobroy District, Voronezh Oblast. *The Genoese Gazaria and The Golden Horde*. Vol. 2. Kazan-Kishinev: Stratum Plus, 2019, pp. 509–520. (In Russian)
16. Shennikov A.A. Chervleny Yar: studies on the history and geography of the Middle Don region in the 14–16th centuries. Leningrad: Nauka, 1987, 139 p. (In Russian)
17. Yablokov A.G. Monuments of the Golden Horde time in the lower reaches of the Voronezh River. *Archeology of the Eurasian steppes*. 2022, no. 4, pp. 68–72. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.68.72> (In Russian)

About the author: Mikhail V. Tsybin – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Archeology and History of the Ancient World at the Faculty of History, Voronezh State University (1, University Square, Voronezh 394018, Russian Federation). E-mail: mvcibin@yandex.ru

Received June 5, 2023

Accepted for publication October 17, 2023

Published December 29, 2023

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ТАТАРСКИХ ВАРИАНТОВ ЭПОСА ОБ ИДЕГЕЕ

И.М. Миргалеев¹, И.И. Фазлутдинов^{2,3}, И.Г. Закирова⁴

¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ*

^{2,4} *Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ*

³ *Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Казань, Российская Федерация

¹ *dilnur1976@mail.ru*, ² *fazl97@mail.ru*, ⁴ *ilzakirova@mail.ru*

Цель исследования: работа является частью исследования авторов, направленного на подготовку сборника, посвященного татарским вариантам эпоса «Идегей». Она нацелена на обзор и систематизацию архивных и опубликованных вариантов татарской версии дастана «Идегей», введение в научный оборот неисследованных вариантов, составление полного списка текстов, их структурный и текстологический анализ.

Материалы исследования: архивные и опубликованные варианты татарского дастана «Идегей». Были использованы сведения из литературных и исторических источников, научных исследований. Привлечены труды известных фольклористов, в том числе исследования о дастане «Идегей» известных фольклористов Нигмата Хакима и Наки Исанбета.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что на основе изучения архивных материалов произведен обзор всех известных нам вариантов и сравнительный анализ отдельных эпизодов и мотивов. На основе анализа выявлены изменения, которым подверглись варианты, преобразование отдельных мотивов, всевозможные вариации последних, выявление степени сохранности разновременных записей дастана.

Результаты исследования и его научная новизна: в работе доказано, что татарские варианты дастана об Идегее и Токтамыше имели большое распространение среди татар Волго-Уралья, западной Сибири и Крыма, о чем свидетельствует широкая вариативность произведения. Однако основная часть вариантов дошла до нас фрагментарно, в сильно усеченном виде, и к моменту их фиксации, за исключением вариантов, записанных В.В. Радловым и Н. Хакимом, названный жанр перестал существовать в живом естественном бытовании. Несмотря на это татарские версии дастана «Идегей» в отличие от остальных тюркских версий, которые дошли через работы этнографов и историков, несомненно обширнее и многочисленнее, зафиксированы в оригинальном исполнении или сохранились в рукописях на татарском языке.

Ключевые слова: фольклор, Золотая Орда, народный эпос, дастан, Идегей, Токтамыш, татарские варианты

Для цитирования: Миргалеев И.М., Фазлутдинов И.И., Закирова И.Г. К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Идегее // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 792–816. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816 EDN: IKMIJA

© Миргалеев И.М., Фазлутдинов И.И., Закирова И.Г., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Благодарности: Выражаем огромную благодарность и искреннюю признательность заведующему Центром письменного наследия («Мирасханэ») Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан И.Г. Гумерову, сотрудникам Центра Н.Ш. Насибуллиной, А.М. Ахунову, В.М. Усманову, старшему научному сотруднику отдела текстологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ Г.Н. Зайнеевой за помощь при работе с фондом.

ON THE QUESTION OF STUDYING TATAR VARIANTS OF THE EPOS ABOUT IDEGEY

I.M. Mirgaleev¹, I.I. Fazlutdinov^{2,3}, I.G. Zakirova⁴

¹ *Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences*

^{2,4} *G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences*

³ *Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation*

¹ *dilnur1976@mail.ru*, ² *fazl97@mail.ru*, ⁴ *ilzakirova@mail.ru*

Abstract: *The purpose of the study:* The work is part of the authors' research aimed at preparing a collection dedicated to the Tatar versions of the "Idegey" epos. It is aimed at reviewing and systematizing archival and published versions of the Tatar version of the dastan, "Idegey", introducing unexplored variants into scientific circulation, compiling a complete list of texts, and providing their structural and textual analysis.

Research materials: Archival and published versions of the Tatar dastan of "Idegey". Information from literary and historical sources, along with scientific research, was used. The works of famous folklorists are involved, including studies on the dastan "Idegey" by famous folklorists Nigmat Hakim and Naki Isanbet.

The scientific novelty of the study is due to the fact that on the basis of the study of archival materials, a review of all the variants known to us and a comparative analysis of individual episodes and motives were made. Based on the analysis, the changes to which the variants were subjected, the transformation of individual motifs, and all kinds of variations of the latter, the degree of preservation of dastan records from different times was revealed.

The results of the study and its scientific novelty: the paper proves that the Tatar versions of the dastan about Idegey and Toktamyshe were widely spread among the Tatars of the Volga-Urals, western Siberia, and the Crimea as is evidenced by the wide variability of the works. However, the main part of the variants came to us fragmentarily, in a strongly truncated form, and by the time they were fixed, with the exception of the variants recorded by V.V. Radlov and N. Hakim, the named genre ceased to exist in a living natural form. Despite this, the Tatar versions of the dastan "Idegey", unlike the other Turkic versions which came through the works of ethnographers and historians, are undoubtedly more extensive and numerous, recorded in the original version or preserved in manuscripts in the Tatar language.

Keywords: folklore, Golden Horde, folk epos, dastan, Idegey, Toktamyshe, national version

For citation: Mirgaleev I.M., Fazlutdinov I.I., Zakirova I.G. On the question of studying Tatar variants of the epos about Idegey. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 792–816. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816 (In Russian)

Acknowledgements: We express our immense gratitude and sincere appreciation to I.G. Gumerov, Head of the Center for Written Heritage (“Miraskhana”) of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, and the staff of the Center: N.Sh. Nasibullina, A.M. Akhunov, V.M. Usmanov, as well as to G.N. Zayneeva, Senior Research Fellow of the Department of Textology at the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, for their assistance in working with the archive fund.

*«Сказание о Тохтамыше
принадлежит к числу
самых любимых и распространенных
воспоминаний тюркского мира».*
В.В. Радлов

Важное место в эпическом наследии татарского народа занимает дастан «Идегей», который практически до конца XIX века передавался жырауами-сказителями в основном в устной форме, хотя часть дастанов со схожими сюжетами вошла в татарский источник «Дафтар-и Чингиз-наме» XVII века [45] и в «Сборник летописей» касимовского историографа Кадыра Али-бека [26]. Несколько вариантов татарского дастана было опубликовано в хрестоматиях и фольклорных сборниках.

Несмотря на то, что история собирания и изучения национальных версий и вариантов дастана исследована в трудах П.М. Мелиоранского [29], А.Н. Самойловича [36], Нигмата Хакима (Н.Г. Хакимов)¹, Наки Исанбета (Н.С. Закиров) [24, с. 72–92], В.М. Жирмунского [9, с. 349–386], Ф.И. Урманчеева [44], Л.Х. Мухаметзяновой [31, с. 537–550], до сих пор многочисленные варианты дастана не введены в научный оборот и ждут своего исследователя. За рубежом эпос «Идегей» был исследован С. Чагатай [50] и переведен на турецкий язык Р. Султи [51].

Под вариативностью в фольклористике понимаются «видоизменения каких-либо устойчивых данных, существующих в традиции со своими сложившимися признаками сюжетов, мотивов, образов, текстов или их частей, жанровых особенностей» [13, с. 43]. Разница между вариантами может быть небольшой или очень значительной. Для удержания одного и того же содержания могут быть изменены только слова, выражающие одно и то же значение, следовательно, один и тот же сюжет может представлен разными словами. Во-вторых, варианты могут отличаться по содержанию, отдельные сюжетные фрагменты могут выпадать, или вводятся новые элементы, новые образы и мотивы. Варианты также отличаются степенью их сохранности. Если один вариант является полным, то другой сохраняется только в фрагментарном состоянии. В-четвертых, может варьироваться и жанр, выражающий один и тот же сюжет. Есть примеры того, что отдельные строфы дастана сохранились в песенном жанре.

Вариативность – это еще и показатель распространенности дастана. Однако жанр сказительства к концу XIX века начал стремительно угасать. Получение информации о прошлом своих предков перешло на совершенно новый уровень. Фиксация же фольклорного материала застала сказительство уже как достаточно редкий анахронизм и поэтому первые фольклористы отмечали, что данный жанр на глазах исчезает в живом естественном бытовании. Поэтому дастаны так называемого круга преданий об Идегее дошли до нас в сильно усеченном виде. Последние записи дастана «Идегей» относятся к 1940-м годам, но и к этому време-

¹ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Оп. 1. Единица хранения 240.

ни сохранились лишь отдельные тематические отрывки и фрагменты произведения. Вместе с тем зафиксированные на протяжении одного века варианты текста позволяют судить о вариативности названного произведения и о распространенности не только в Волго-Уральском регионе, но и в Крыму, и в западной Сибири.

Науке известны десятки вариантов дастана «Идегей», которые принадлежат татарской и крымско-татарской, казахской, ногайской, узбекской², каракалпакской, телеутской и башкирской³ национальным версиям. Больше половины из них являются татарскими версиями. Татарские версии также отличаются разнообразием сюжетов и объемом, что позволило ученым фольклористам объединить эти предания в единую композицию и составить сводный текст дастана. Хотя анализ татарских версий, собранных в архиве Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан показывает, что довольно много сюжетных линий не вошли в сводный текст дастана, а более десяти версий до сих пор не исследованы и остаются в рукописном виде на арабице. В 2023 году И.М. Миргалеевым и И.Г. Закировой была проведена обширная работа по изучению архивного фонда по дастану «Идегей» и в настоящее время ведется работа по введению в научный оборот всех известных татарских вариантов преданий об Идегее.

Как известно, записанные у разных тюркских народов версии дастана начинают печататься в XIX веке. Анализируя эти тексты, можно сказать, что несмотря на свою принадлежность к отдельному народу, в сюжетах малозаметны значительные различия. В основе этого лежит то, что дастан «Идегей» является общим наследием для всех народов, являющихся наследниками золотоордынского государства. Тюркский койнэ, как и легкость устной коммуникации народов во времена Золотой Орды, обеспечивал активные перемещения одного и того же сюжета, следствием чего явилось постепенное формирование у племен, проживающих на конкретных территориях, «национальных» версий. Однако отнесение дастана «Идегей» к какому-либо народу, исключительно судя по месту его записи, не

² Узбекская версия «Тохтамыш вэ Едига», записанная Хади Зарифовым, в 1940 году была отправлена в Татарский институт языка и литературы и хранится в Центре письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ: Ф. 52, единица хранения 190. В современных изданиях эта версия представлена как дастан Тулумхужа [42].

³ Несмотря на утверждение В.М. Жирмунского о наличии башкирской версии, на самом деле под башкирской версией имеется в виду зафиксированное в 1928 году Наки Исанбетом по заказу уфимского ИЯЛИ небольшое предание «Идукэй һәм Морадым», составленное из записанных у местного учителя Салима в деревне Кучумово Чишминского района, у информанта Байбулатова в деревне Туркмен Туймазинского района, у Гали Магадиева в селе Нагаево Уфимского района (Республика Башкортостан) материалов, и опубликованное в газете «Коммуна» на татарском языке [52; 45, с. 184]. Причем не все информанты являются башкирами, деревня Ногаево основана обрусевшими старокрещенными татарами и там в это время проживали русские и татары, деревня Туркменево является полностью татарской, только деревня Кучумово является смешанной, башкирско-татарской (небольшая поздняя башкирская деревня в окружении татарских деревень, основана южными башкирами, которые продавали кымыс (благодарим уфимских краеведов за консультацию)). Учитывая, что у башкир не зафиксированы какие-либо другие предания об Идегее, приходится только условно данное небольшое предание считать башкирским. Позднее, по мотивам Исанбетовского текста известный башкирский писатель, автор так называемого произведения «Урал-батыр» [48] Мухаметша Бурангулов написал довольно большое литературное произведение «Идукай и Мурадым» («Изеүкэй менән Морадым»), также опубликовав его в газете «Кызыл Башкирия» в 1940 году [22]. Но это произведение является уже плодом творчества башкирского литератора М. Бурангулова, а не фольклорным произведением.

всегда корректно. Например, опубликованный в I томе «Образцов народной литературы тюркских племен» В.В. Радлова отрывок дастана «Идегей» – «Мырат Пи» записан у телеутов [34, с. 190]. Поскольку дастан «Идегей» считается общим нематериальным наследием для многих тюрков, удивляться этому не приходится. К телеутам он перешел от сибирских татар, так как сибирские татары и телеуты проживают рядом и тесно взаимодействуют между собой. Доказательством этому служит отрывок, отправленный В.В. Радлову первым ученым телеутского народа М.В. Чевалковым, который называет его «Песнью Осипа» – «Мэн Осиптың жүрүмин сарынга кидиргэним, паштапкы сөстөр пу туру» [34, с. 190]. То есть «Я Осипа жизнь привел в песню-сарын, начинается она так». Как следует из отрывка, речь идет о ставшем фольклорным фрагменте поэмы из сочинения поэта Волжской Булгарии Кул Гали «Кыйсса-и Йусуф», которая была сильно распространена среди татар и была одной из любимых историй, которую рассказывали в посиделках еще до середины XX века.

Якоп тэгән кижі полгон,
Яткан жәрі Канаган полгон.
Аның улдары ун эки полгон,
Артык сүгәни Осип полгон.
*/Был такой человек Якуб,
Проживал он в Кангане.
Было у него 12 сыновей,
Самым любимым был Юсуф/* [34, с. 190–191].

Самым первым печатным вариантом дастана считается текст, опубликованный в 1820 году Г.И. Спасским в журнале «Сибирский вестник» [21, с. 189–204]. В дальнейшем на протяжении XIX века в журналах и сборниках были опубликованы разные национальные версии. В 1883 году в Санкт-Петербурге преподаватель мусульманских наук и тюрко-татарских языков Санкт-Петербургского Императорского университета М.-Э. Османов публикует в своем сборнике «Ногайские и кумыкские тексты. Хрестоматия» ногайский вариант дастана под названием «Предание о Тохтамыш-хане» [32, с. 32–49]. В 1914 году данный текст издается отдельной адаптированной под татарский язык книгой в г. Казани [6]. Этот небольшой по объему прозаический вариант состоит из 9 глав. По сюжету близок к татарским вариантам, события происходят в Золотой Орде и в Крыму, в то же время упоминаются реки Идел (Волга) и Терек. В именах героев также имеются различия: Норадын – Нуретдин, Кадырбирде – Солтан, Акбеләк – Фирдус, Кара Тиен Алып – калмыкский хан Карабирдин. Образ охотника за оленями Асыбая мирзы, в котором Идегей находит для себя друга, тоже встречается только в этом варианте. В то же время отдельные персонажи, например, жена Токтамыш хана Йенеке в данном варианте отсутствуют.

Первые печатные татарские варианты, записанные в Сибири в 1860-е годы академиком В.В. Радловым, были опубликованы в 1872 году [35, с. 27–45, 127–136, 195–204]. В 1917 году в журнале «Шура» была опубликована переведенная на татарский язык казахская версия, записанная этнологом Абубакиром Диваевым [7; № 15, с. 357–360; № 16, с. 382–384]. Пользуясь случаем, можем отметить и то, что в 1908 году в рубрике «Мәшһүр адәмнәр вә олуг хадисләр» (рус. «Знаменитые люди и значимые события») этого же журнала была опубликована статья, посвященная Идегею, Тимуру и Токтамышу [16, с. 225–231].

В изучении казахских версий дастана «Идегей» заслуживают внимания труды Ч.Ч. Валиханова. В XXIX томе Записок Русского географического общества «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова», посвященном деятельности уче-

ного, приводится следующая информация: «В первый раз я услышал эту рапсодию в Амак-Карагайском округе, в кочевьях небольшого аула керлеут-кыпчаков от акына Джумагула в 1841 г. Первый список с рапсодией Идыге был сделан султаном Чингисом Валихановым со слов... кыпчака Джумагула, второй сделан им же с добавлениями их изустных преданий разных лиц, третий список был сделан со слов Арслан-бая, и, наконец, из этих трех списков вместе с Чингисом мы составили в 1842 г. свод» [37, с. 223–225].

На близость отдельных частей вариантов, собранных Ч. Валихановым, к татарскому языку обратил внимание П.М. Мелиоранский: «Орфография нашей рукописи оставляет желать очень многого с точки зрения не только арабско-персидской, но даже джагатайкой или литературно-татарской грамотности», он также обращает внимание, что «язык рукописи также несколько отличается от чисто киргизского современного народного языка, образцы которого собраны В.В. Радловым в третьем томе его «Образцов народной литературы тюркских племен» [29, с. 5]. П.М. Мелиоранский приходит к мнению о том, что данный вариант заимствован у ногайцев: «Ввиду большого сходства всего отрывка с параллельным местом ногайской редакции «Предания о Тохтамыш-хане» [32, с. 35], можно думать, что, по крайней мере эта часть былины возникла именно у ногайцев и от них уже перешла к киргизам. Найдутся и еще некоторые признаки ногайского влияния, так что весьма вероятно, что и вообще родиною этой былины были Ногайские, а не Киргизские степи, что с исторической точки зрения представляется весьма правдоподобным» [29, с. 5].

Наки Исанбет также обращает внимание на то, что сводный текст, составленный Ч. Валихановым, содержит фрагменты на татарском языке «Текст, опубликованный Мелиоранским как киргизо-каракалпакский вариант, был собран Валихановым еще в 1840-х годах из старых рукописных текстов и многие его фрагменты написаны непосредственно на татарском языке, а также идентичность многочисленных цитат в сравнении с выпущенным Османовым ногайским вариантом – всё это собственноручно обозначено тем же Мелиоранским в предисловии» [24, с. 81].

А. Самойлович в предисловии своей статьи «Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым» также пишет, о том, что переданный им казахским специалистам татарский вариант, по словам последних, помог им понять многие доселе непонятные места в казахских версиях⁴.

Первая четверть XX века ознаменовывается ростом интереса к дастану «Идегей». Национальные версии дастана выходят в журналах и научных изданиях на языке оригинала или в переводе на русский язык. Появляются труды обзорного или исследовательского характера, посвященные данному произведению.

В начале XX столетия Хафиз Рахматуллин в Омской области записывает три варианта дастана и в 1940 году передает их в Татарский институт языка и литературы.

Значимой фигурой в истории изучения «Идегея» является Хакимов Нигматулла Ганиятулович (Нигмат Хаким) – доцент кафедры татарского языка и литературы Казанского педагогического института, известный татарский языковед и журналист. В 1919 году в селе Еланлы (ныне Яланкуль) Тарского уезда бывшей Тобольской губернии у Ситдика Зайнетдинова записывает один из самых полных вариантов дастана «Идегей». Судьба данного варианта оказывается сложной и противоречивой. Об истории записи дастана известный тюрколог академик А.Н. Самойлович пишет: «В бытность мою приват-доцентом факультета восточ-

⁴ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 243.

ных языков Ленинградского (тогда Петербургского) университета мною была предложена в 1911 г. студентам на соискание медали тема: «Сравнить известные версии сказания об Едигее и Тохтамыше со стороны языка, поэтической формы и содержания и дать сводный текст сказания на русском языке» [36, с. 186]. В написанной по заданию А.Н. Самойловича и удостоенной золотой медали работе П.А. Фалева несколько страниц посвящены сибирско-татарским и крымско-татарским версиям [8, с. 213–217].

В 1930 годы Нигмат Хаким готовит текст дастана к печати. После того, как подготовительные работы были завершены, учёный направляет ее к А.Н. Самойловичу. Известный ученый, изучив вариант дастана, отправленный Н. Хакимом, написал обстоятельное предисловие для издания этого варианта отдельной книгой⁵. Вступительная статья А.Н. Самойловича, в которой ученый дает очень высокую оценку варианту, записанному у Ситдика Зайнетдинова, становится одним из самых серьезных шагов на пути исследования эпоса. Однако в 1937 году оба ученых становятся жертвами политических репрессий, в силу чего изданию книги не суждено было состояться.

Примечательна и история рукописи дастана, подготовленная Нигматом Хакимом к печати. После ареста ученого его архив бесследно исчез, в том числе была утрачена рукопись, подготовленная для издания отдельной книгой. Однако 8 октября 1940 года эти документы – четыре экземпляра дастана «Идегей», в том числе рукопись Нигмата Хакима на арабской графике и набранные на машинке латиницей и кириллицей (в 2 экз.) тексты были переданы в архив института Я.Х. Агишевым.

На последней странице арабографичной рукописи рукой Я.Х. Агишева сделаны две записи: «Белешмә. Бу кулъязманы мин, Агишев Я.Х., Казан базарында (“Сорочий”дә) иске китап, кәгазьләр сатып утыручы бер хатыннан алдым. Барлыгы бу язма өчен 50 тиен түләдем. 19/IX–40» («Справка. Эту рукопись я, Я.Х. Агишев, купил на казанском рынке (в “Сорочинском”) у женщины, продающей старые книги и бумаги. Всего за эти записи заплатил 50 копеек. 19/IX–40» и «Тел һәм әдәбият фәнни-тикшеренү институтына бушлай бүләк итәм 8/X–40» («Безвозмездно дарю научно-исследовательскому институту языка и литературы. 8/X–40»). Благодаря Я.Х. Агишеву вариант Н. Хакима был сохранен и опубликован Ф.В. Ахметовой в 2004 году [41, б. 286–337].

Здесь уместно будет предположить и о первенстве Нигмата Хакима в научном изучении дастана «Идегей». Рукопись «О дастане “Идегей”», хранящаяся в Центре письменного наследия Института⁶, состоит из следующих глав: «Идегәй» дастаны турындагы хәбәрләр, «Идегәй» дастанының тарихылыгы, Дастан жырларының ничек килеп чыгуы, таралуы, саклану һәм үзгәрүе, Ситдыйк баба варианты вә аның транскрипциясе һәм теле, «Идегәй» дастанының чыккан урыны, хәзергәчә кемләр арасында сакланып килүе, төрле вариантлары һәм боларның исемлеге, Дастанның асылы кемчә булуы, Идегәйнең чичән һәм жыраулыгы, Норадынның жыраулыгы, Жанбайның жыраулыгы, Сабрауның жыраулыгы, Кадыйрбирденең жыраулыгы, Кадыйрбирденең кайсы ыругдан булуы, Идегә белән Норадынның кайсы ырудан булуы. (Известия о дастане «Идегей»; Историчность дастана «Идегей»; Происхождение, распространение, сохранение и изменение песен дастана; Вариант Ситдик баба, его транскрипция и

⁵ Оригинал статьи А.Н. Самойловича хранится в Центре письменного наследия ИЯЛИ АН РТ: Ф. 52, единица хранения 243. В «Тюркологическом сборнике» за 1972 г. [36, с. 186–211] статья напечатана с небольшими сокращениями.

⁶ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 240.

язык; Место возникновения дастана «Идегей»; У кого сохранился до сих пор; Различные варианты и их список; Кому первоначально принадлежал дастан; Сказительский талант Идегея, Сказительство Норадына, Сказительство Жанбая, Сказительство Сабрау, Сказительство Кадырбирди; Из какого рода Кадырбирди; Из какого рода Идеге и Норадын).

Автор рукописей не указан, но содержащиеся в тексте строки «Минем та-рафдан языб алынган менә шушы “Идегәй” дастаны Ситдыйк баба Зәйнәтдинев вариантыңдан гыйбарәт» («Записанный мною дастан “Идегей” представляет собой вариант Ситдика баба Зайнетдинова») не оставляют сомнений в авторстве. Ученый научно обосновывает каждую мысль, высказывает свое мнение о происхождении дастана, о том, к какому народу он относится.

Рукопись состоит из 39 страниц, написанных арабской графикой. Однако цитаты из русскоязычных источников автор приводит на кириллице, есть и цитаты или примеры на латинице⁷.

Большое внимание изучению дастана «Идегей» уделяет Наки Исанбет. Он записывает несколько вариантов дастана и обнаруживает ряд рукописных вариантов эпоса [45, с. 184]. Первый сводный вариант, составленный Наки Исанбетом из татарских версий, был опубликован в 1940 году в журнале «Совет әдәбияты» («Советская литература») [39, № 11, с. 39–76; № 12, с. 34–82]. В дальнейшем перед Н. Исанбетом была поставлена задача улучшить текст с учетом замечаний и доработать сводный текст. В архиве сохранились документы о работе Н. Исанбета над сводным текстом, в которых содержатся доказательства того, насколько скрупулезно им проводилась работа по соединению разных сюжетных линий и версий в единую композицию. Безусловно, была проведена большая работа, которая носила академический характер с опорой на оригиналы. Несомненно, можно утверждать, что благодаря его академическому подходу сводный текст не стал литературным произведением Н. Исанбета, а сохранил свою оригинальность. Важнейшая заслуга Н. Исанбета в том, что он сумел объединить в единое произведение разные сюжетные рассказы в прозе, учитывая хронологию событий. Самый полный сводный текст, собранный из татарских вариантов состоит из 18 глав.

Наки Исанбет не только составляет сводный текст, но и подробно анализирует дастан «Идегей», исследует его исторические основы, проводит обзор сюжета в сопоставлении с другими национальными версиями. Перечисляя использованные при составлении сводного варианта источники, уточняет: «... этот свод был собран нами только из вариантов поволжских, сибирских татар и ногайских вариантов, то есть из вариантов тех народов, чьи литературные языки зависимы от современной татарской литературы. В то же время подобный принцип выборки заранее предупреждает споры относительно того, является ли наш труд сводом татарского дастана или нет, и необходим для недопущения такого рода сомнений в будущем» [24, с. 91].

При работе над вторым сводным вариантом дастана «Идегей» уточняются все существующие варианты «Идегея», для дополнения имеющегося на тот период материала и изучения степени сохранности дастана фольклористы выезжают в научные экспедиции. Татарские ученые с разных сторон освещают названный эпос в периодической печати. Например, статья, вышедшая в марте 1940 года в журнале «Совет әдәбияты» («Советская литература»), свидетельствует о начале Научно-исследовательским институтом языка и литературы Татарстана изучения дастана «Идегей». На специальном совещании, прошедшем в марте 1940 года при участии писателей и ученых, принимаются следующие решения:

⁷ Статья Нигмата Хакима «О дастане “Идегей”» готовится к печати – прим. гл. ред.

«Об организации экспедиций по поиску неизвестных ранее вариантов эпоса», «О старте работы по составлению полноценного точного текста дастана», «О выдвижении ходатайства перед Правительством ТАССР о чествовании 500-летия существования дастана» [20, с. 97]. 27 апреля в кабинете имени Габдуллы Тукая Союза писателей Наки Исанбет «в своем глубоко эрудированном с богатым содержанием выступлении останавливается на исторической стороне дастана «Идегей» и объявляет о передаче профильным исследователям ценных и разносторонних материалов» [20, с. 97].

В совмещенном номере за май-июнь того же журнала размещается один из записанных В.В. Радловым вариантов со вступительным словом Хамита Ярми под названием «“Идеге” дастаны» («Дастан “Идеге”») [49, с. 163–178]. Во вступлении ученый подчеркивает, что дастан «Идегей» первоначально полностью состоял из поэтических строк [49, с. 164]. Латыф Залая пишет о вариантах дастана и исторических предпосылках его возникновения [10, с. 157–162]. Начинают исследоваться и языковые стилистические особенности дастана [5].

Организованная в 1940 году экспедиция выявила постепенное исчезновение дастана «Идегей» даже в Сибири. Варианты, записанные Хамитом Ярми и Сае-том Амировым, утратили жанровые особенности дастана; они более близки к историческим преданиям, отражающим отдельные эпические эпизоды, и состоят из одно- двух- трех- четырехстраничных фрагментов произведения. Экспедиции, организованные для изучения дастана «Идегей», были приостановлены в годы войны. Вместе с этим работа по созданию сводного варианта дастана и его исследованию продолжается. В статье, опубликованной в 1944 году обсуждается русскоязычный перевод дастана [40].

Второй сводный текст, был подготовлен к осени 1941 года. Судя по материалам, хранящимся в Центре письменного наследия ИЯЛИ АН РТ⁸, вариант является результатом сотрудничества известных ученых Н. Исанбета, Х. Ярми и поэта Ш. Маннура. Х. Ярми и Ш. Маннур были научными редакторами подготовленного варианта. Составителем сводного текста и автором комментария был Наки Исанбет. Второй сводный текст был опубликован только в 1989 году в журнале «Казан утлары» Ф.В. Ахметовой-Урманче [17, с. 3–66].

Актуальность изучения дастана «Идегей» обосновывается казанскими учеными с акцентом на то, что герой является «борцом за счастье народа». Ученые, руководствуясь коммунистической идеологией, главного героя представляют борцом против феодальных порядков. Например, фокусируется внимание на том, что якобы именно Идегеем в Золотой Орде была отменена работорговля [20, с. 97].

В начале войны дастан «Идегей» использовался прифронтовыми газетами в пропагандистских целях для поднятия духа солдат из числа татар. Однако к 1944 году моноидеология начинает наводить порядки в идеологической среде [4; 23]. В 1944 году Центральный комитет ВКП(б) издает Указ от 9 августа 1944 года «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». В данном указе татарский эпос расценивается как ханско-феодальный эпос, а также указывается на то, что он используется как идеологическое оружие: «Предложить Татарскому обкому ВКП(б) организовать научную разработку истории Татарии, устранить допущенные отдельными историками и литераторами серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Идегее)» [28, с. 518].

⁸ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52.

В анонимной статье октябрьского номера журнала «Советская литература» («Совет эдэбияты») 1944 года указывается на своевременность решения Центрального комитета ВКП(б), подчеркивается то, что изучение дастана «Идегей» в корне являлось ошибкой [38, с. 3–8].

На основе упомянутого решения не только дастан «Идегей», но и жанр эпоса в целом вычеркиваются из научного контекста, выпадают из научно-исследовательских планов, прекращается работа по собиранию и изучению татарского народного эпоса. Татарский народ теряет часть своего фольклорного наследия, с другой стороны, исчезают фольклорные произведения, связанные с исламской идеологией. Целый жанр народного эпоса целиком начинает рассматриваться как опасный с идеологической точки зрения.

Хотя популярность жанра дастан/кысса у татарского народа доказывают многократные переиздания в Казани произведений, относящихся к этому жанру, до революции 20-тысячными тиражами и неоднократное последовательное нахождение их в рукописях, народные воспоминания до сих пор гласят об уничтожении целого пласта рукописей и книг, выпущенных на арабской графике.

Из-за этого решения Наки Исанбет становится нежелательной фигурой в научном мире Казани. После многолетнего перерыва изучение дастана «Идегей» продолжается лишь в 1988 году. Первой работой в этом направлении становится издание отдельной книгой сводного варианта дастана «Идегей» [19]. Однако в этом издании составитель сводного варианта не указан. Даже в вышедшем в 1990 году переводе этого же сводного варианта дастана С.И. Липкиным на русский язык, издатели не осмелились упомянуть имени составителя [15]. Фактически перевод дастана «Идегей» на русский язык был выполнен Институтом языка, литературы и истории и осуществлялся в соответствии с планом изучения дастана «Идегей». Над переводом работали М. Максуд, А. Ерикей, А. Файзи и С. Баттал. Эти подстрочные переводы, хранятся в архиве Института. Стоит отметить, что была выполнена огромная, кропотливая работа, которая сохранила не только смысл, но и ритм и звучание, интонацию текста. Но их имена также были забыты, вся слава перевода на русский язык досталась редактору перевода С.И. Липкину. Хотя к русскому переводу у специалистов было много замечаний. Известный поэт Равиль Бухараев (1951–2012 гг.) к концу жизни успел подготовить свой перевод этого дастана, издание которого запланировано в текущем году фондом Марджани в г. Москве.

С самого начала дастан «Идегей», как и главный герой, выделяется своей непростой участью⁹. Со временем количество вопросов, связанных с дастаном «Идегей», лишь увеличивается. В течение нескольких лет дастан повторно издается несколько раз, но ни в одном издании не упоминается имя составителя сводного варианта и автора вводной статьи и комментариев. Нам доподлинно неизвестно, с какой целью производилось вычеркивание имени Наки Исанбета и

⁹ Непростая судьба у дастана и в плане популяризации. В Татарском академическом театре им. Г. Камала был успешно поставлен спектакль «Идегей» по написанной в 1994 году трагедии Юнуса Сафиуллина, в основе которой лежала одноименная пьеса Наки Исанбета (!). 2023 год Национальным Советом Международного Союза «Всемирный конгресс татар» был объявлен «Годом дастанов»; татарский театр им. К. Тинчурина в свою очередь, подхватив эту идею, в постановке режиссера Т. Имамутдинова представил спектакль «Идегей», получивший неоднозначную оценку творческой интеллигенции и научной общественности. Как ни прискорбно, но тинчуринцам не удалось повторить успех камаловцев, привнеся в том числе и путаницу в сюжет, благодаря вольной трактовке режиссера.

указание в качестве составителя совершенно других лиц. Но этот вопрос мы предполагаем раскрыть в дальнейших своих работах.

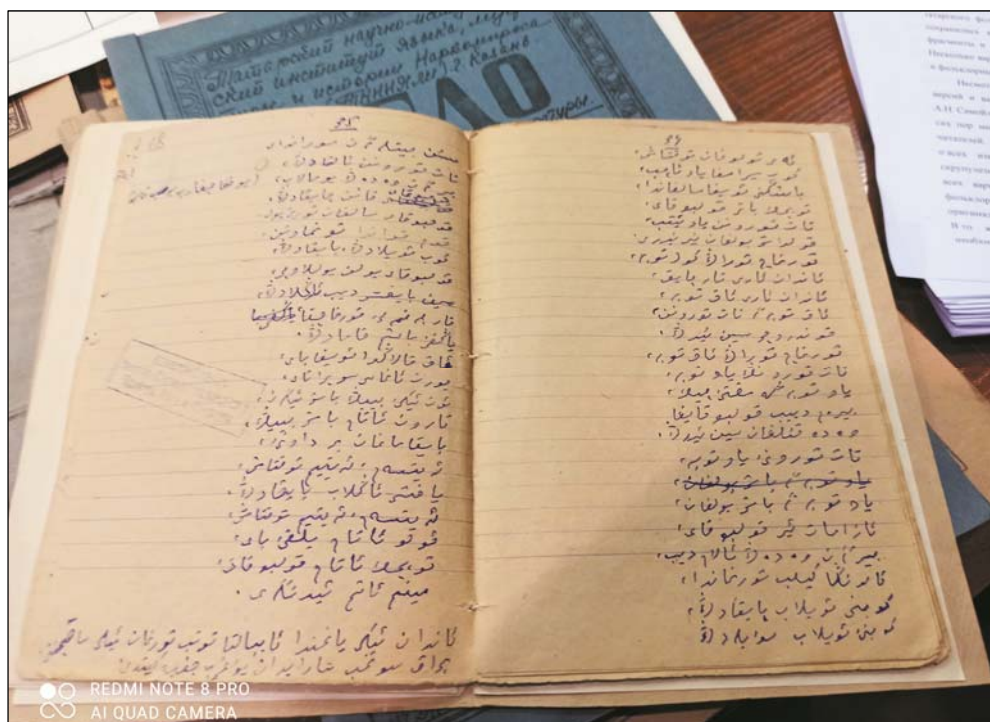
В 1999 году вышла монография известного фольклориста Ф.И. Урманчеева «Народный эпос «Идегей», посвященная сравнительно-историческому исследованию татарской версии дастана [44]. Ф.И. Урманчеев высоко оценивает вклад Н. Исанбета в исследование дастана. Автор привлекает к анализу все имеющиеся изданные и некоторые архивные варианты произведения, обращается и к другим национальным версиям. Ученый характеризует Идегея как выдающегося полководца, государственного деятеля и дипломата.

В своей монографии Ф.И. Урманчеев также сообщает о подготовке отделом народного творчества Института языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова отдельного тома, посвященного «Идегею» в рамках работы по созданию академического издания «Татарское народное творчество» [44, с. 13]. Отсутствие черновиков данной работы в архиве института является еще одной загадкой, связанной с дастаном. Сохранился только протокол заседания от 2005 года. Известно, что тексты вариантов планируемого тома готовились И.Н. Надировым и Ф.В. Ахметовой-Урманче, подстрочный перевод сводного варианта был подготовлен А.Х. Садековой¹⁰. Работа была приостановлена в связи с судебным иском об авторском праве наследницы Наки Исанбета – Юлдуз Накиевны Исанбет.

Сюжетная линия дастана «Идегей» состоит из следующих основных мотивов: Рождение Идегея от Тукляса и Пери / Нахождение новорожденного Идегея в поле случайным человеком, принесение его в сапоге домой; казнь отца Идегея Котлыкя ханом Токтамышем за измену; детство Идегея, его пастушество; игры Идегея с детьми, избрание ханом среди детворы, его суд над ребенком, укравшим «коня»; признание народа из-за справедливых судебных решений; поступление Идегея на службу в дворец хана Токтамыша; ощущение Токтамышем харизмы, духа, личностного влияния (*кот*) Идегея и боязнь признания этого; жалоба/клевета жены Токтамыша; разоблачение певцом Джырау Субра истинной личности Идегея; бегство Идегея; встреча с Кара Тиен Алыпом и спасение дочери шаха Тимура Акбеляк; прибытие к шаху Тимуру и поступление к нему на службу; вторжение на территорию Золотой Орды, разрушение Болгара и гонение Токтамыша; конфликт между Идегеем и его сыном Норадыном; гибель героев.

Для выявления данных мотивов мы обратились к сводному варианту, составленному Наки Исанбетом, и варианту Нигмата Хакима. В первую очередь следует отметить, что Наки Исанбет не стал включать в текст новые мотивы и использовал лишь самые удачные фрагменты или отрывки из существующих вариантов. То есть сводный вариант является не литературной обработкой, тем более авторской работой, а подлинным народным эпосом. К какому только варианту не обратиться, в каждом из них повторяются эти же мотивы, в то же время нет вариантов, сохранивших и включающих в себя все мотивы, каждый новый вариант особенен с точки зрения целостности. Дошедшие до нас татарские варианты представляют собой фрагменты текста или отдельные эпизоды дастана. Некоторые эпизоды дастана трансформировались в исторические предания или песенные строфы.

¹⁰ Ф.И. Урманчеева, И.Н. Надирова и Ф.В. Ахметовой-Урманче ныне нет в живых, выполненная работа, по нашему предположению, осталась в личных архивах ученых либо пропала. К сожалению, личная библиотека Ф.И. Урманчеева сгорела во время пожара в его доме. Вполне возможно, что вся работа хранилась именно у него.

Из архива Центра письменного наследия Института языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.

From the archives of the Center for Written Heritage of the G. Ibragimov Institute
of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences.

Перейдем к краткому обзору вариантов, относящихся к татарской версии дастана «Идегей». Архивные варианты дастана, за небольшим исключением, никогда и нигде не публиковались.

1. Рассказ о Токтамыш-хане. Вариант «Туктамыш хан хикаяте» включен в изданную И. Березиным в Казани в 1862 году хрестоматию тюркских языков [43, с. 60–76]. Вариант, на арабской графике, публикуется под заголовком «Рассказ о Тохтамыш-хане, по рукописи, принадлежащей издателю». Только после этих слов дается татарское наименование произведения – «Туктамыш хан хикаяте». В тексте поэтические строфы чередуются с фрагментами в прозе, соотношение прозаической и стихотворной части примерно одинаково. Прозаическая часть произведения написана на доступном читателю татарском языке, стихотворная часть – более архаичная, и поэтому встречаются архаизмы, неизвестные читателю. Совершенно непонятно, на каком основании И. Березин указывает, что язык текста является туркменским. На основе анализа языковых особенностей и содержания текста Н. Исанбетом доказано, что данный текст является одним из татарских вариантов. Упоминание географических реалий конкретно Рязанской области, дает возможность предположить, что рукопись варианта принадлежит касимовским татарам [24, с. 80].

В тексте имеются пропуски, которые отмечены И. Березиным в сносках: «Подлинник в этом месте поврежден». Вместе с тем текст из 17 страниц сохраняет довольно последовательную сюжетную линию. В именах героев в свою очередь встречаются различия, и представлены они так: Котлыкыя – Нәдер, Кобыгыл – Кубаул, Субра – Хубра, Кара Тиен алып – Кабардин алып, Норадын – Нур Гали. Одна из особенностей данного сюжета заключается в том, что в финале сюжета Идегей остается живым.

2. Идеге Пи. Вариант под названием «Идэгэ Пи», размещенный в 4 томе «Образцов народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи» В.В. Радлова, был записан у барабинских татар [35, с. 27–45]. Уникальным является эпизод рождения у Идегея и дочери Аксак Тимера Акбеляк сына Мырадыл. В этом варианте сыном Токтамыша является Ысмаил (в других вариантах Кадыйрбирде), который после убийства Мырадыла восходит на трон.

3. Токтамыш хан. Вариант записан В.В. Радловым у тарских татар, в деревне Олы Кау [35, с. 127–136]. Текст состоит из чередующихся стихотворных и прозаических частей. В отрывке описана вражда между Идеге и Мурадымом.

4. Токтамыш кан. Записан В.В. Радловым у тобольских татар в селе Усть-Ишим [35, с. 195–204]. Этот вариант является стихотворным отрывком, в котором сохранены два мотива: прощальная песня Токтамыш хана и песенное состязание между Ченбаем и Мыратымом.

5. Дастан Идеге. В центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан хранятся экземпляры текста «Идэгэ дастаны»¹¹, известного как вариант Нигмата Хакима, на трёх видах графики (арабская, латинская и кириллица). Этот вариант по-другому именуют «вариантом Ситдик бабая». В первом случае его называют в честь собирателя – доцента Казанского педагогического института, во втором – по имени информанта, у которого данный текст был записан. В варианте Нигмата Хакима, выполненном арабским шрифтом, стихотворные и прозаические части идут, чередуясь. Ученый, исходя из содержания, делит его на 8 глав. Нигмат

¹¹ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 176, 177, 178.

Хахим в самом начале сообщает, что записал этот текст у старика Ситдика Зайнетдинова в деревне Еланлы (Еланка, Еланское) Тарского уезда бывшей Тобольской губернии.

Совершенство стихосложений в данном варианте заслуживает отдельного внимания. В варианте Нигмата Хакима нет эпизодов, описывающих встречу Идегея с алып богатырем Кара Тиеном и спасение Акбеляк. В 2004 году названный вариант с небольшим сокращением был опубликован в сборнике «Татар эпосы. Дастаннар» Ф.В. Ахметовой-Урманче [41, с. 286–337].

6. Идеге. Вариант записан Хафизом Рахматуллиным у информанта Ситдика Зайнетдинова из деревни Еланлы (Еланка, Еланское) Тарского уезда бывшей Тобольской губернии. Именно у старика Ситдика был записан Нигматом Хахимом известный вариант дастана. Текст из 53 страниц выполнен арабским шрифтом. Хранится в Центре письменного наследия Института языка и литературы¹². В обоих вариантах описывается один и тот же сюжет с небольшими изменениями.

Хафиз Рахматуллин родился в 1894 году в селе Тау Усть-Ишимского района Омской области, с 1928 года по 1936 год исполнял различные обязанности в Новосибирской области. В частности, в 1932–1936 годы работал заместителем главного редактора и главным редактором газеты «Азат Себер» («Свободная Сибирь»). Он был личностью, обладающей широкой эрудицией, с многогранными талантами и собственным трудом добился больших успехов в деле собирания духовного наследия татар и его передачи будущим поколениям. Многочисленные песни сибирских татар, благодаря их своевременной записи, обязаны своей сохранностью именно этому человеку. Большой находкой Хафиза Рахматуллина для татарской фольклористики можно назвать запись трех вариантов дастана «Идегей».

7. Итук батыр. Был записан в 1915 году у информанта Гафура бабая в селе Тюрметяки (Олы Бүрән) Усть-Ишимского района Тарского округа Омской области Хафизом Рахматуллиным. Рукопись, выполненная арабской графикой, на 21 странице хранится в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ¹³.

В записанном Х. Рахматуллиным варианте «Гафура бабая» встречаются не только «инородные» мотивы, отличается и эпическая биография героев. К тому же, и с исторической точки зрения данный вариант неточен. В этом варианте Итук появляется на свет от любви пастуха Янбая и дочери Саттимера (Тимур) Кондызбике, которые не состояли в браке. Кондызбике, боясь того, что её отец хан Саттимер (в этом варианте он описывается как хан государства Идел), не пожелает видеть зятем пастуха, перед рождением ребенка сбегает из страны. Пройдя много земель, она приходит в дворец хана Токтамыша и остается в нём жить. Итеге тоже вырос в ханском дворе и применял увиденные навыки в играх с детьми. Кондызбике рассказывает сыну, чьим ребенком он является, только перед собственной смертью и раскрывает его истинную родину.

Однажды войско хана Токтамыша захватывает и приводит много пленных, среди них был и Янбай. Отец и сын объясняются. После этого сюжет снова сбивается. Итук берет 60 пленных и сбегает в дворец Саттимера, по пути встречая русского богатыря Анисима. Дойдя до Саттимера вместе и объединивши войско, они выходят с битвой против Токтамыша. Токтамыш, узнав о побеге Итук, крайне удивляется. Народный певец Сафардау повествует о том, что этот молодой человек будет тем, кто отрубит голову хану. Янбай поднимает дворец Токтамы-

¹² Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 169.

¹³ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 166.

ша на восстание, к которому присоединяется Итук, таким образом дворец Токтамыша разрушается, а самого хана убивает главный герой. В свою очередь Итук убит сыном Токтамыша Мардалом. А правительницей избирают жену покойного Итук – Сару. В этом варианте с основными вариантами совпадают лишь некоторые мотивы. Содержание текста искажено. Вариант был опубликован в газете «Кызыл Татарстан» – «Красный Татарстан» [14].

8. Идеге. Вариант записан Хафизом Рахматуллиным у Гаффара бабая в 1917 году в селе Тартамак Саргатской волости Тарского уезда. Гаффар бабай переписал этот дастан с рукописи Габдуллы сына Ахметзяна, который прибыл из Акъегета (Акъегет кариясеннән килгән Габдулла әфәнденең нөсхәсеннән күчәрәп язгучы Гаффар Миңлебай углы. Тара өязе, Саргат волосте, Тартамак кариясендә Гаффар бабайдан язып алучы Х. Рахматуллин)¹⁴. Вариант в основном в прозе, поэтических фрагментов не много. Фольклорный стиль не выдерживается. По стилю описания и по содержанию выполнен с притязанием на исторический трактат. В данном варианте местом постоянного пребывания упоминается место проживания главного эмира Идегея «Идыгы тәхет торасы шәһәре Болгардан утыз-кырык чакрым мосафәдә Идел нәхренең икенче тарафында Сембер өязе Олы Тархан кариясе улан жирдә улдыгын зан идәюрләр» (Рассказывали, что тронный город Идыгы находился в тридцати-сорока верстах от города Булгара, на другом берегу реки Волги, в Симбирском уезде в местности Большие Тарханы). Вариант выполнен арабской графикой и составляет 23 страницы. Хранится в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ¹⁵.

9. Идегей. Вариант, записанный Габделхаком Мухаметзяновым из деревни Рязез Тобольского округа для передачи в Тобольский губернский музей. Копия данного варианта, выполненная арабской графикой, на 33 страницах хранится в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ¹⁶.

Наки Исанбет указывает, что при работе над сводным вариантом, он обращался к этому варианту [24, с. 91]. Несмотря на объем в 33 страницы, вариант неполный, описываются события, которые повествуются в первой половине дастана, текст обрывается, сообщая о прибытии Идегея к Аксак Тимеру. К сожалению, наши поиски подлинного экземпляра этого варианта в Тобольском краеведческом музее пока не увенчались успехом.

10. Идеге батыр. Вариант записан Хамитом Ярми в 1940 году в деревне Эбаргуль Усть-Ишимского района Омской области у Шарифа Сагитова. Хранится в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ¹⁷. В этом варианте события разворачиваются в знакомых информанту местах, на берегу Иртыша, в окрестностях Омска. Образ Пурехана, который является персонажем сибирско-татарских дастанов, отсутствует в других вариантах.

Этот текст, немногим превышающий две страницы, представляет собой переходящий в сказку вариант дастана. Вариант начинается с рассказа о том, как хан Токтамыш, не имевший детей, находит ребенка, кладет его в собственный

¹⁴ По информации, включенной в текст, Габдулла сын Ахметзяна слышал тот дастан от своего деда в деревне Акъегет до переселения в Сибирь. Акъегет авылы – село Акзигитово Зеленодольского района Республики Татарстан.

¹⁵ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 179.

¹⁶ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 189.

¹⁷ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 198.

сапог и приносит домой. Через некоторое время, почувствовав «страх кровной мести», хан Токтамыш решает убить Идегея. По традициям сказки, вручив ему письмо с приказом убить принесшего письмо, он отправляет Идегея к Пуре-хану. По дороге тот решает открыть письмо и узнает об истинных намерениях хана. После этого, собрав войско, он возвращается обратно и одерживает победу над Токтамышем.

11. Об Идеге. Данный вариант под названием «Идеге турында» записан 3 июня 1940 года у Мингарая Мухаметова (в возрасте 42 лет) в деревне Яланкуль Большереченского района Омской области Хамитом Ярми. В тексте, набранном печатной машинкой на 5 страницах, информант сообщает, что услышал этот вариант дастана у старика Ситдика, который в свою очередь уже озвучивал его Нигмату Хакиму и Хафизу Рахматуллину. Хранится в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ¹⁸. Отрывок, состоит из сюжета, который не встречается в иных вариантах: Идегей видит сон, в котором хан Токтамыш предстает перед ним в виде собаки, которую главному герою приходится гонять.

12. Идеге. Записан в 1940 году у Нура Ибрагимова в ауле Аялу Чанского района Новосибирской области Хамитом Ярми. На одной странице. Текст повествует о краже Идеге казахами, о его работе пастухом, о попытке жены хана отравить Идеге с помощью добавления яда в его катык.

13. Идегей. 9-страничная рукопись Хасана Гали «Идегэй», выполненная арабским шрифтом, была отправлена по почте в адрес Института языка, литературы и истории из деревни Урясьбаш (Уряс, Урясбаш) Таканышского района (ныне Кукморского района Республики Татарстан) для передачи Хамиту Ярми. Хранится в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ¹⁹.

В начале текста объясняется, как Идегею были даны три титула – Мурза, Батыр и би (бек). Рассказывается, что настоящим именем героя было Кыят, а прозвище Идегей ему дал хан, взявший на воспитание заблудшего ребенка. В отрывке утверждается, что Идеге – монгольское слово, означающее находку или наживу, добычу. Певец (жырау) в этом варианте носит имя Нысан.

14. Итегей батыр. Данный фрагмент под названием «Итегэй батыр» записан Саетом Амировым в деревне Кошкуль Чанского района Новосибирской области у Хикматуллы Баширова и состоит из двух страниц. Хранится в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ²⁰.

Жена хана, заметившая, как хан вздрагивает при входе пастуха Идегея, пришивает подол Токтамыша к расстеленному под ним войлоку. Токтамыш, ощущая свой страх перед незримым могуществом пастуха, решает его убить. Вовремя предупрежденный своим другом Идегей сбегает к Аксак Тимуру, с войском которого он громит владения Токтамыша, в следствие чего Токтамыш погибает от рук Идегея. В данном варианте описывается распространенная среди сибирских татар традиция – предсказание при помощи «сожжения лопаточной кости».

15. Идеге хан. Фрагмент, состоящий лишь из нескольких строк, записан в 1940 году Саетом Амировым в деревне Тармакуль Чановского района Новосибирской области у Мирсияп Амруллина 1880 года рождения. Хранится в Центре

¹⁸ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 185.

¹⁹ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 173.

²⁰ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 198.

письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ²¹.

16. Идеге батыр. Текст, переписанный 28 августа 1940 года сотрудником районной газеты Чекамагушевского района Республики Башкортостан Хадимом Канзафаровым с рукописи человека по имени Ахметсарвар. Печатный текст, выполненный латиницей, состоит из 14 страниц. Хранится в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ²².

Вариант близок к романтическому эпосу. Основное внимание уделяется теме любви. Идеге – сын, рожденный в браке набожного верующего и девушки-Пери, воспитывается одинокой старухой. Мотивы, о том, что Идегей был в детстве пастухом, обращение к нему народа в поисках правосудия, его слава в роли справедливого судьи, приглашение Токтамышем Идегея к себе на службу – совпадают с другими вариантами дастана. В то же время мотивы о женитьбе Идегея, а также эпизод о его поисках красного цветка на острове относятся к сказочным мотивам.

В этом варианте появляется новый персонаж – Фасатин Алиф, отсутствующий в других вариантах. В то же время из сюжета выпадает образ Нуретдина и связанные с ним события; не описывается битва с Токтамышем, а также не сказано ничего о взаимоотношениях Идегея и Нуретдина. Придворный певец Субра представляется как Карт баба – старец.

17. Иделби и Бодайби. Вариант под названием «Иделби белэн Бодайби» найден в селе Мензелябаш Республики Татарстан. Отрывок рукописи, выполненной арабской графикой, составляет 6 страниц. Хранится в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ²³. Дается следующее примечание: «Вариант найден в Мензелябаше Татарстана». Стихотворный диалог между Иделби и старцем города Болгар Бодайби можно воспринимать как законченный сюжет. В данном отрывке под именем Иделби выступает Идегей.

18. Идегей и Морадым (Идегэй белэн Морадым). Вариант найден в г. Мензелинске (Минзэлэ) Республики Татарстан. Отрывок рукописи из личной тетради одного ученика выполнен арабской графикой и составляет 4 страницы. Хранится в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ²⁴.

19. Морадым. В конце рукописи указывается, что она заимствована из тетради, написанной Зайнап Максудовой в 1927 году в г. Казани. Хранится в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ²⁵. В диалоге между Идегеем и Морадымом, представленном в данном отрывке, описывается обида отца на сына. Этот отрывок целиком вошел в сводный вариант дастана «Идегей».

20. Идегей и Морадым (Идегэй белэн Морадым). Текст известный как вариант Фатиха Сайфи. Рукопись на арабской графике включает 39 страниц. Хранится в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ²⁶.

В данном варианте текст в прозе переплетается со стихотворной формой повествования. Наки Исанбет, отыскав данный материал в 1920 году среди рукопи-

²¹ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 198.

²² Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 191.

²³ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 189.

²⁴ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 189.

²⁵ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 198.

²⁶ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 189.

сей Фатиха Сайфи в г. Уфе, использует его при подготовке своего сводного варианта. Учебники покойного преподавателя по татарскому языку многократно переиздавалась в начале революции. Также он является собирателем фольклора и одним из составителей фундаментального труда по истории татарской литературы. Н. Исанбет полагал, что М.Ф. Сайфи собирал татарские варианты дастана для подготовки к изданию в виде самостоятельной книги.

21. Идегей и Морадым. Второй текст, отрывок, обнаруженный среди рукописей Фатиха Сайфи, выполненный на арабской графике, состоит из 4 страниц. Хранится в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ²⁷. Надпись на первой странице сообщает, что «отрывок обнаружен в Мензелинске» (г. Мензелинск, Республика Татарстан).

22. Токтамыш хан. Третий текст, обнаруженный среди рукописей Фатиха Сайфи, выполнен на арабской графике и состоит из 13 страниц. Хранится в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ²⁸.

23. Токтамыш хан. Вариант, записанный В. Хангильдиным, преподносится им как историческая песня. Состоит из 26 строк в форме диалога между Жанбаем и Кобыглом, начинающихся со слов «Возвращайся, мой храбрец, возвращайся». Хранится в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ²⁹. Место записи и информант не указаны.

24. Загадки об Идеге («Идегэ турында экият табышмактар»). Отрывки дастана «Идегей», повторяющиеся в различных вариантах, о находчивом и справедливом правосудии главного героя в отношении обратившихся к нему людей³⁰.

25. Отрывок из песни Идеге («Идеге жырыннан өзек»). Данный фрагмент дастана состоит всего из нескольких строф [27]. Был передан археографу Марселю Ахметзянову проживавшим в г. Казани Зуфаром Абдуллиным (1910 года рождения). Зуфар Абдуллин сообщил, что эта рукопись принадлежала литературоведу Мухаммаду Мамину, который работал в Казанском педагогическом институте. Как известно, Мухаммад Мамин погиб в 1941 году на войне. Его архив безвозвратно был утрачен, сохранились лишь отдельные труды [1, с. 16].

26. Отрывок варианта Маулет бабай («Мәүлет бабай вариантыннан өзек»). Записан Наки Исанбетом от Мавлета бабая в деревне Новокурупаевка Чановского района Новосибирской области. Полный вариант предположительно хранится в личном архиве Н. Исанбета, который до сих пор недоступен ученым. Этот отрывок писатель включил в примечания к дастану «Идегей».

27–29. В этот список не вошли данные по трем вариантам, записанным Наки Исанбетом в Сибири: 1) от Ташмая Урусмухаметова в той же деревне; 2) материалы, касающиеся аула Кошкуль Чановского района Новосибирской области и 3) от информанта Шарипова в деревне Эбаргуль в Усть-Ишимском районе Омской области. Информация о них содержится в статье Н. Исанбета, опубликованной в журнале «Советская литература» («Совет әдәбияты») в 1940 году. Надеемся, что эти варианты, сохранившись в личном архиве Наки Исанбета, обязательно дойдут до читателя.

Нами было рассмотрено 29 вариантов, относящихся к татарской версии дастана «Идегей» (полноценные тексты, отрывки и фрагменты). К сожалению, мы располагаем только упоминаниями о трех вариантах; есть вероятность, что они

²⁷ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 189.

²⁸ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 189.

²⁹ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 175.

³⁰ Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Единица хранения 175.

сохранились в личном архиве Н. Исанбета. Возможно в будущем отыщутся и другие рукописи татарских версий. Среди данных текстов есть как варианты, формирующие традиционный сюжет, так и включающие особенные мотивы, отличные от общеизвестных. Сюда мы не включили крымско-татарские версии, что несомненно не способствует репрезентации всех вариантов общетатарских версий [33, с. 99–122, 146–149, 154–165, 198–201]. В работе представлена информация прежде всего по архивному фонду 52 Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН РТ. В этом фонде сосредоточены татарские варианты дастана «Идегей», собранные в Волго-Уральском регионе и Сибири.

Многочисленность вариантов, а также их широкая распространенность и фиксация в различных регионах, где испокон веков проживали и проживают татары (современные Татарстан, Башкортостан, Омская область, Новосибирская область, Томская область, Астраханская область и Крым) являются доказательством популярности произведения у татарского народа.

Татарские варианты дастана представлены на всей территории бывшего государства Золотой Орды и являются, пожалуй, самыми поэтичными и содержательными среди других национальных версий. Они были исследованы В. Жирмунским, А. Самойловичем, татарскими учеными Н. Хакимовым, Н. Исанбетом, Ф.И. Урманчеевым, Хамитом Ярми и др. Первым крупным научным трудом стала монография Ф.И. Урманчеева «Народный эпос «Идегей»». Также были защищены диссертации, посвященные всестороннему исследованию дастана [2; 46]. В научных сборниках и периодической печати были опубликованы многочисленные статьи, исследующие образ Идегея как исторической личности и эпического героя и т.д. [13; 25; 30; 31]. Однако ученые, по сути, работают лишь с пятью вариантами. Это – первый сводный вариант, составленный Наки Исанбетом, 3 варианта В.В. Радлова, включенные в его «Образцы...», и два варианта Нигмата Хакима. Остальные варианты остаются недоступными. Это, в первую очередь, обусловлено их сохранностью в единственном экземпляре в архиве Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, во-вторых, исследование рукописных материалов на арабской графике зачастую доступно только специализирующимся на работе с арабографичными рукописями специалистам.

Перспектива начатого исследования – публикация всех известных вариантов татарской версии дастана «Идегей» и выявление её взаимосвязи с другими национальными версиями. Издание сборника всех известных татарских вариантов дастана «Идегей» в будущем должно стать одной из главных задач в деле изучения, сохранения и популяризации народного эпоса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Әдәбият чыганаclarын барлаганда / төз. Н.Ф. Исмагыйлев, З.Р. Шәйхисламов; жав. ред. Н.Г. Юзиев; ТР ФА. Г. Ибраһимов исем. ТӘТИ. Казан, 1994. 104 б.
2. Валиуллина Ф.М. Национально-мифологические и религиозные мотивы в дастане «Идегей»: автореферат дисс. ... кандидата филологических наук: 10.01.09 / Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Казань, 2005. 24 с.
3. Валиуллина Ф. «Идегәй» дастанында милли мифологик һәм дини мотивлар. Казан: Дом печати, 2007. 178 б.

4. Галлямова А.Г. «Расправа» над Золотой Ордой» в середине XX в.: Идеологический дискурс в татарской медиевистике в свете августовского Постановления 1944 г. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 784–797. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797
5. Гомэров А. Татар халык эпосы «Идегэй» дастанының поэтик стилистикасы // Кыз. Татарстан. 1941. 28 февр.
6. Госман М. Идегэй белән Нуретдин (тарихи хикәя) Казан, 1914. 32 б.
7. Диваев Әбүбәкер. Идегэ батыр // Шура. 1917. № 15. Б. 357–360; № 16. Б. 382–384.
8. Дмитриева Л.В. Рукопись работы П.А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР // Тюркологический сборник 1972. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. С. 213–217.
9. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. С. 349–386.
10. Жәләй Л. «Идегэй» дастаны турында // Совет әдәбияты. 1940. № 5/6. Б. 157–162.
11. Закирова И.Г. Народное творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы: дисс. ... доктора филологических наук: 10.01.09. Казань, 2011. 356 с.
12. Закирова И.Г. Фольклорная биография Идегея: соотношение исторического и эпического // Урал – Алтай: через века в будущее. Материалы Всероссийской научной конференции / БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»; редколлегия: Н.В. Екеев (отв. ред.), Э.В. Енчинов, А.Э. Чумакаев, Т.К. Шутина. Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2014. С. 238–243.
13. Земцовский И.И. Проблема варианта в свете музыкальной типологии: Опыт этномузыковедческой постановки вопроса // Актуальные проблемы современной фольклористики. Л., 1980. 43 с.
14. Идеге (Итук батыр) // Кызыл Татарстан. 1940. 1 ноябрь. № 15.
15. Идегей: Татарский народный эпос. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 256 с.
16. Идегэ Морза // Шура, 1908, № 8, Б. 225–231.
17. Идегэй. Татар халык дастаны / Ф. Әхмәтованың кереш сүзе белән // Казан утлары. 1989. № 1. Б. 3–65.
18. Идегэй: татар халык дастаны / Н. Исәнбәт жыйнамасы // Совет әдәбияты. 1940. № 11. 39–76 б.; № 12. 34–82 б.
19. Идегэй: Татар халык дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. 254 б.
20. «Идегэй» дастанын өйрәнү // Совет әдәбияты. 1940. № 3. Б. 97.
21. Идиге. Киргизская сказка // Сибирский Вестник. СПб., 1820. Ч. X. С. 189–204.
22. Изеүкәй менән Моразым // Кызыл Башкирия. 1940. № 95–98, 100, 101, 103–108, 110–116.
23. Измайлов И., Гибадуллина Р. «Не дано марксистской оценки Золотой Орде» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. Вып. 3–4. С. 96–101.
24. Исәнбәт Н. Татар халык эпосы «Идегэй» дастанының 500 еллыгы // Совет әдәбияты. 1940. № 11. Б. 72–92.
25. Исхаков Д.М. Халкыбызның эпик әсәрләрендә яшеренгән милли тарихыбыз. Икенче язмыш: «Идегэй» дастанының серләре // Туган жир: Төбәк тарихы буенча журнал [Родной край: Краеведческий журнал]. Казан, 2018. № 4. Б. 19–29; 2019. № 1. Б. 49–65; 2019. № 2. Б. 58–68.
26. Кадыр Али-бек. Джами ат-таварих. Факсимиле рукописи / авт. издания текста, исследования, критического текста, перевода с тюрки, словаря Р. Алимов; под науч. ред. И.М. Миргалева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 544 с.
27. Идеге жырыннан өзек // Казан утлары. 1993. № 10. Б. 183.

28. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1898–1986). Т. 7: 1938–1945. М.: Политиздат. 1985. 574 с.
29. Мелиоранский П.М. Сказание о Едигее и Токтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч.Ч. Валиханову. Издал проф. П.М. Мелиоранский // ЗРГО ОЭ. Прилож. к тому XXIX. СПб.: Типо-литография И. Боранского и Ко, 1905. 23+44 с.
30. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
31. Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос «Идегей»: эхо сквозь столетия // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 537–550. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550
32. Османов М.Е. Ногайские и кумыкские тексты. Хрестоматия. СПб.: Изд-во Академии наук, 1883. С. 32–49.
33. Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. VII: Наречия Крымского полуострова. СПб., 1896. 528 с.
34. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. I: Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866. XXIV, 419 с.
35. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Часть IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872. 411 с.
36. Самойлович А.Н. Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым // Тюркологический сборник 1972. М.: Наука, 1973. С. 186–211.
37. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / изд. под ред. д. ч. Н.И. Веселовского // Записки Русского географического общества. По отделению этнографии. Т. XXIX. Петербург: Типография Главного управления уделов, 1904. 532 с.
38. Тарихи чынлык өчен // Совет әдәбияты. 1944. № 10. Б. 3–8.
39. Татар халык дастаны «Идегэй» // Совет. әдәбияты. 1940. № 11. Б. 39–76; № 12. Б. 34–82. Н. Исәнбәт жыйналмасы тексты һәм комментарийлары.
40. Татар халык эпосы «Идегэй»нең русчага тәржемәсе // Кызыл Татарстан. 1944. 11 июнь.
41. Татар эпосы. Дастаннар / Төзүче, кереш сүз һәм искәртмәләрне язучы, сүзлекне әзерләүче Ф.В. Әхмәтова-Урманче. Казан: «Раннур», 2004. 640 б.
42. Тулумхужа. Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашрияти, 2006. 115 б.
43. Турецкая хрестоматия, составленная И. Березиным, профессором турецкого языка в Императорском С. Петербургском университете. Казань, 1862. Т. 2, Вып. 1. С. 60–76.
44. Урманче Ф. Народный эпос «Идегей». Казань: Фэн, 1999. 200 с.
45. Хабутдинова М.М. Вклад Наки Исанбета в изучение Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, №1. С. 181–201. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.181-201 EDN: NZKGGK
46. Хайруллина В.И. Народный эпос «Идегей» и его исторические основы: дисс. ... кандидата филологических наук: 10.01.09. Казань, 1999. 151 с.
47. Чыңгызнамә: тарихи дастаннар / Төзүче Р. Мәрданов. Казан: «Милли китап» нәшрияты, 2019. 288 б.
48. Шакурова Ш.Р. Башкирский народный эпос «Урал-батыр»: архивный первоисточник и его текстологический анализ. Уфа: Гилем, 2007. 386 с.
49. Ярми Х. «Идегэй» дастаны // Совет әдәбияты. 1940. № 5/6. Б. 163–178.

50. Codatay S. Die Adigä-sage / Text, Übersetzung und Kommentar // Ural-Altaische Jahrbücher – Bd. XXV. 1953 (Wiesbaden). Hf. 3/4. S. 243–282.*
51. Edigeу Идерәй / Hazirlayan Rustem Sulti // Türksoy Yayınları. № 10. 190 p.
52. Idukaj һәм Moradum // Коммуна. 1940. №78 (1477). 28 апрель; № 79 (1478). 29 апрель.

Сведения об авторах: Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus Author ID: 57201656376. E-mail: dilnur1976@mail.ru

Ильназ Ильдусович Фазлутдинов – аспирант Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (420111, ул. К. Маркса, 12/4, Казань, Российская Федерация), ассистент Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета (420111, Россия, Казань, ул. Проф. Нужина, д. 1/37); ORCID: 0000-0003-2676-9750, ResearcherID: JPY-0685-2023. E-mail: fazl97@mail.ru

Ильсеяр Гамиловна Закирова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (420111, ул. К. Маркса, 12/4, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-2527-0571, ResearcherID: AAZ-2818-2020. E-mail: ilzakirova@mail.ru

Поступила 14.09.2023

Принята к публикации 29.11.2023

Опубликована 29.12.2023

REFERENCES

1. On the study of literary sources. Compiled by N.F. Ismagilov, Z.R. Shaikhislamov; ed. N.G. Yuzeev; Tatarstan Academy of Sciences. G. Ibragimov Institute of Language, Literature and History. Kazan, 1994. 104 p. (In Tatar)
2. Valiullina F.M. National-mythological and religious motifs in the dastan “Idegey”: Abstract of diss. ... Candidate of Philological Sciences: 10.01.09 / G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences. Kazan, 2005. 24 p. (In Russian)
3. Valiullina F. National mythological and religious motifs in the Dastan “Idegey” Kazan: Dom pechati, 2007. 178 p. (In Tatar)
4. Gallyamova A.G. «The “Massacre” of the Golden Horde» in the middle of the twentieth century: Ideological discourse in Tatar medieval studies in the light of the August 1944 Decree. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019. vol. 7, no. 4, pp. 784–797. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797. (In Russian)
5. Gumerov A. Poetic stylistics of the Tatar folk epos “Idegey”. *Kyzyl Tatarstan*. 1941. February 28. (In Tatar)
6. Gusman M. Idegey and Nurutdin (historical story). Kazan. 1914. 32 p. (In Tatar)
7. Divaev Abubaker. Idege batyr. *Shura*, 1917, no. 15, pp. 357–360, no. 16, pp. 382–384. (In Tatar)

* Исследование и комментарии по эпосу «Идегей». Текст в переводе на немецкий язык и на языке оригинала. История изучения эпоса в России русскими востоковедами и зарубежными ориенталистами.

8. Dmitrieva L.V. The manuscript of P.A. Falev's work on the epos "Edigey" in the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. *Turkological Collection*. 1972. Moscow: Nauka, The main editorial office of Oriental literature. 1973, pp. 213–217. (In Russian)
9. Zhirmunsky V.M. The Turkic heroic epos. Leningrad: Nauka. Leningrad Branch, 1974, pp. 349–386. (In Russian)
10. Jalay L. About dastan "Idigey". *Soviet literature*. 1940, no. 5/6, pp. 157–162. (In Tatar)
11. Zakirova I.G. Folk art of the Golden Horde period: mythological and historical foundations: Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.01.09. Kazan, 2011. 356 p. (In Russian)
12. Zakirova I.G. Folklore biography of Idegei: correlation of historical and epic. *Ural – Altai: through the centuries into the future. Materials of the All-Russian Scientific Conference / Scientific Research Institute of Altaic Studies named after S.S. Surazakov*; editorial board: N.V. Ekeev (ed.), E.V. Yenchinov, A.E. Chumakaev, T.K. Shutina. Gorno-Altaysk: «Gorno-Altayskaya tipografiya», 2014, pp. 238–243. (In Russian)
13. Zemtsovsky I.I. The problem of the variant in the light of musical typology: The experience of ethnomusicological formulation of the question. *Actual problems of modern folklore studies*. Leningrad, 1980. 43 p. (In Russian)
14. Idege (Ituk batyr). *Kyzyl Tatarstan*. 1940. November 1, no. 15. (In Tatar)
15. Idegey: Tatar folk epos. Kazan: Tatar book Publ., 1990. 256 p. (In Russian)
16. Idege Murza. Shura. 1908, no. 8, pp. 225–231. (In Tatar)
17. Idegey. Tatar folk Dastan / with a preface by F. Akhmetova. *Kazan utlary*. 1989, no. 1, pp. 3–65. (In Tatar)
18. Idegey: Tatar folk Dastan / set of N. Isanbet. *Sovet adabiyaty=Soviet literature*. 1940, no. 11, pp. 39–76; no. 12, pp. 34–82. (In Tatar)
19. Idegey: Tatar folk Dastan. Kazan: Tatar book Publ., 1988. 254 p. (In Tatar)
20. The study of the epos "Idegey". *Sovet adabiyaty=Soviet literature*. 1940, no. 3, p. 97. (In Tatar)
21. Idige. Kyrgyz fairy tale. *Siberian Bulletin*. Saint Petersburg. 1820. vol. X, pp. 189–204. (In Russian and in Kyrgyz)
22. Idukai and Muradym. *Kyzyl Bashkiria*. 1940, no. 95–98, 100, 101, 103–108, 110–116. (In Bashkir)
23. Izmailov I., Gibadullina R. «There is no Marxist assessment of the Golden Horde». *Gasyrlar avazy – Echo of Centuries*. 1996, no. 3–4, pp. 96–101. (In Russian)
24. Isanbet N. The 500th anniversary of the Tatar folk epos "Idegey". *Sovet adabiyaty=Soviet literature*. 1940, no. 11, pp. 72–92. (In Tatar)
25. Iskhakov D.M. National history hidden in the epic works of our people. Second entry: secrets of the epos "Idegei". *Tugan jir: Tebek tarikhy buencha zhurnal=Native land: local history journal*. Kazan, no. 4. 2018, pp. 19–29, no. 1. 2019, pp. 49–65, no. 2. 2019, pp. 58–68. (In Tatar)
26. *Kadyr Ali-bek. Jami al-tawarikh*. Facsimile of the manuscript / critical edition, research, translation from Turkic and glossary by R. Alimov; under scientific supervision by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2022. 544 p. (In Russian and in Ancient Turkic)
27. *Kazan utlary*. 1993, no. 10, p. 183. (In Tatar)
28. The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. (1898–1986). vol. 7: 1938–1945. Moscow: Politizdat. 1985. 574 p. (In Russian)
29. Melioransky P.M. The Saga of Edigey and Toktamys. Kyrgyz text based on a manuscript belonging to Ch.Ch. Valikhanov. Published by Prof. P.M. Melioransky. *Notes of the Russian Geographical Society on the Department of Ethnography. App. by vol. XXIX*.

– Saint Petersburg: Typo-lithography of I. Baransky and Co. 1905. 23+44 p. (In Russian and Kyrgyz)

30. Mirgaleev I.M. Political history of the Golden Horde during the reign of Toktamys Khan. Kazan: Alma-Lit. 2003. 164 p. (In Russian)

31. Mukhametzianova L.Kh. The Tatar Epic “Edigü”: An Echo through the centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 537–550. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550. (In Russian)

32. Osmanov M.E. Nogai and Kumyk texts. A textbook. St. Petersburg: USSR Academy of Sciences, 1883, pp. 32–49. (In Russian, Nogai and Kumyk)

33. Radlov V.V. Samples of folk literature of the northern Turkic tribes. Part VII: Dialects of the Crimean peninsula. Saint Petersburg, 1896. 528 p. (In Russian)

34. Radlov V.V. Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe. Part I: Sub-dialects of Altai: Altaians, Teleutes, Chernov and Lebedinsky Tatars, Shors and Sayans. Saint Petersburg, 1866 vol. XXIV. 419 p. (In Russian)

35. Radlov V.V. Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia and Dzungarian steppe. Part IV. Adverbs of the Barabin, Tarsk, Tobolsk and Tyumen Tatars. Saint Petersburg, 1872. 411 p. (In Russian)

36. Samoilovich A.N. Version of the saga of Edigey and Tokhtamys, recorded by N. Khakimov. *Turkological collection* 1972. Moscow: Nauka, 1973, pp. 186–211. (In Russian)

37. The Writings of Chokan Genghisovich Valikhanov / edited by N.I. Veselovsky. Notes of the Russian Geographical Society. According to the Department of Ethnography. vol. XXIX. Petersburg: Printing house of the Main Department of the estates, 1904. 532 p. (In Russian)

38. For historical authenticity. *Sovet ədəbiyatı=Soviet literature*, 1944, no. 10, pp. 3–8. (about Dastan “Idegey”). (In Tatar)

39. Tatar folk Dastan “Idegey”. *Sovet ədəbiyatı=Soviet literature*. 1940, no. 11, pp. 39–76, no. 12, pp. 34–82. Summary text and comments by Naki Isanbet. (In Tatar)

40. Translation of the Tatar folk epos “Idegey” into Russian. *Kyzyl Tatarstan*. 1944. June 11. (In Tatar and in Russian)

41. Tatar epos. Dastans / compiler, author of the introductory speech and comments, compiler of the dictionary F.V. Akhmetova-Urmanche. Kazan: Rannur. 2004. (In Tatar)

42. Tulumhuj. Tashkent: publication of the Alisher Navoi National Library of Uzbekistan, 2006. 115 p. (In Uzbek)

43. Turkish anthology compiled by I. Berezin, professor of Turkish at the Imperial Saint Petersburg university. Kazan. 1862. vol. 2. Iss. 1, pp. 60–76. (In Russian)

44. Urmanche F. The folk epos “Idegey”. Kazan: Fen, 1999. 200 p. (In Russian)

45. Khabutdinova M.M. Naki Isanbet's contribution to the study of the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023. vol. 11, no. 1, pp. 181–201. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.181-201 EDN: NZKGGK. (In Russian)

46. Khairullina V.I. Folk epos “Idegey” and its historical foundations: Dissertation ... Candidate of Philological Sciences: 10.01.09. Kazan, 1999. 151 p. (In Russian)

47. Genghisname: historical dastans / comp. R. Mardanov. Kazan: “Milli Kitap” publishing house, 2019. 288 p. (In Tatar)

48. Shakurova Sh.R. Bashkir folk epos «Ural-batyr»: archival primary source and its textual analysis. Ufa: Gilem. 2007. 386 p. (In Russian)

49. Yarmi Kh. Dastan “Idegey”. *Sovet ədəbiyatı=Soviet literature*. 1940, no. 5/6, pp. 163–178. (In Tatar)

50. Codatay S. The Adigä saga / Text, translation and commentary. *Ural-Altaic Yearbooks*. vol. XXV. 1953. (Wiesbaden). Hf. 3/4, pp. 243–282. (In German)*
51. Edigey Idegäi / Prepared by Rustem Sulti. *Türksoy Publications*, no. 10. 190 p. (In Turkish)
52. Idukaj and Moradym. *Kommuna=Commune*. 1940. no 78 (1477). April 28, no. 79 (1478). April 29. (In Tatar)

About the authors: Il'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus Author ID: 57201656376. E-mail: dilynur1976@mail.ru

Ilnaz I. Fazlutdinov – Postgraduate student, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12/4, K. Marx Str., Kazan 420111, Russian Federation); Assistant of the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University (1/37, Prof. Nuzhina Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2676-9750, ResearcherID: JPY-0685-2023. E-mail: fazl97@mail.ru

Ilseyar G. Zakirova – Dr. Sci. (Philology), Chief Research Fellow of the Department of Folk Art, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12/4, K. Marx Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2527-0571, ResearcherID: AAZ-2818-2020. E-mail: ilzakirova@mail.ru

Received September 14, 2023

Accepted for publication November 29, 2023

Published December 29, 2023

* Research and commentary on the epos “Idegey”. The text is translated into German and in the original language. The history of the study of the epos in Russia by Russian Orientalists and foreign orientalists.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ ХОРЕЗМА В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Азим Маликов

*Университет Палацкого в Оломоуце
Оломоуц, Чешская Республика
azimtal2018@gmail.com*

Цель: проанализировать особенности исламской культуры Хорезма и роль тюркских языков в распространении исламских знаний в золотоордынский период.

Материалы исследования: статья основана на сведениях из различных письменных источников и публикаций российских, казахских, турецких источниковедов и историков, проливающих свет на роли тюркских языков в религиозной культуре Хорезма в золотоордынский период.

Результаты и научная новизна: В результате исследования автор приходит к выводу о том, что в Хорезме ислам был представлен различными практиками: мутазилизмом, суфийским учением, культом святых. В дозолотоордынский период в мусульманской письменной культуре региона доминировали арабский, персидский и хорезмийские языки. С середины XIII века появились тюркские части в словарях, а с XIV века появляется религиозная литература на тюркском языке. Основными оседлыми центрами тюркских языков Улуса Джучи были Булгария, Хорезм и присырдарьинские территории. Тесное взаимодействие тюркоязычных народов этих территорий вкупе с политикой определенной части политической элиты по поддержке использования тюркских языков проявились в росте числа сочинений на тюркских языках и началу формирования единого тюркского литературного языка. В этом сложном процессе Хорезм сыграл роль ретранслятора арабо-персидских культурных традиций при участии определенного местного тюркского компонента.

Научная новизна статьи состоит в том, что на основе анализа источников и существующих исследований можно предполагать развитие религиозной культуры Хорезма на основе арабского, персидского и тюркского языков, что подтверждается увеличением числа сочинений религиозного характера, переводом священного Корана на тюркский язык и разработкой тюркской религиозной терминологии.

Ключевые слова: ислам, тюркские языки, Хорезм, культура, религия, Золотая Орда, языковая ситуация

Для цитирования: Маликов А. Некоторые особенности исламской культуры Хорезма в эпоху Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 817–833. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.817-833 EDN: JOMTTC

© Маликов А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

SOME FEATURES OF THE ISLAMIC CULTURE OF KHWAREZM IN THE GOLDEN HORDE ERA

Azim Malikov

*Palacký University in Olomouc
Olomouc, Czech Republic
azimma2018@gmail.com*

Abstract: *Research objective:* To analyze the features of the Islamic culture of Khwarezm and the role of the Turkic languages in the dissemination of Islamic knowledge.

Research materials: The article is based on information from various written sources and publications of Russian, Kazakh, Turkish source scholars and historians that shed light on the role of the Turkic languages in the religious culture of Khwarezm in the Golden Horde period.

Results and scientific novelty: As a result of the study, the author comes to the conclusion that in Khwarezm, Islam was represented by various practices manifested in the organization of rituals, Mutazilism, Sufi teachings, and the cult of saints. In the pre-Golden Horde period, the Muslim written culture of the region was dominated by the Arabic, Persian, and Khwarezmian languages. From the middle of the 13th century, Turkic writings appeared in dictionaries, and from the 14th century, religious literature appeared in the Turkic language. The main settled centers of the Turkic languages of the Ulus Jochi were Volga Bulgaria, Khwarezm, and the Syrdarya territories. The close interaction of the Turkic-speaking peoples of these territories, coupled with the policy of a certain part of the political elite to support the use of Turkic languages, manifested itself in the growth in the number of works in Turkic languages and the beginning of the formation of a single Turkic literary language. In this complex process, Khwarezm played the role of repeating the Arab-Persian cultural traditions with the participation of a certain local Turkic component. The scientific novelty of the article lies in the fact that, based on the analysis of sources and existing research, one can assume the development of the religious culture of Khwarezm based on the Arabic, Persian, and Turkic languages, which is confirmed by the increase in the number of works of a religious nature, the translation of the Holy Quran into the Turkic language, and the development of Turkic religious terminology.

Keywords: Islam, Turkic languages, Khwarezm, culture, religion, Golden Horde, language situation

For citation: Malikov A. Some features of the Islamic Culture of Khwarezm in the Golden Horde Era. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 817–833. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.817-833 (In Russian)

Введение

Один из древних оазисов Центральной Азии – Хорезм традиционно поддерживал связи с Прикаспием, Поволжьем (Волжская Булгария) и кочевыми племенами Дешт-и Кыпчака. В более поздний период одним из факторов поддерживавших существование культурного диалога между средневековым Хорезмом и Волго-Уральским регионом, было то, что эти контакты были основаны на тюркском языке. Существовали разноуровневые связи суфийских общин Хорезма с севером Хорасана, присырдарьинскими регионами и Дешт-и Кыпчаком. Кроме этого существовали связи в более широких рамках, связывающих Хорезм с мусульманским миром (Мекка, Медина, Крым, Кашмир и Индия) [41, p. 37].

Одной из актуальных проблем истории Золотой Орды является исламизация его населения и формирование исламской культуры. Выделяют два центра распро-

странения ислама в Золотой Орде – болгарский и нижневолжский (под значительным влиянием культурных традиций Хорезма и Мавераннахра) [7, с. 41–42]. На наш взгляд, улемы Булгарии имели значительное влияние в исламизации и тюркизации элиты Золотой Орды. В Булгарии, как и во многих оазисах Мавераннахра преобладал ханафитский мазхаб и почитание аббасидского халифа [12, с. 45]. Язык эпиграфических памятников XIII–XIV вв. с территории бывшей Волжской Булгарии по своему составу и характеру неоднороден и содержит тексты на арабском и тюркском языках [30, с. 14]. Эта особенность отличала Булгарский регион от традиций оазисов Центральной Азии, где в эпиграфике использовались только два языка: арабский и персидский. В эпоху Золотой Орды, исламская практика сохраняла свои особенности, и приобрела новые черты. Тюркские надписи на болгарских монетах [5, с. 217–228] свидетельствуют о том, что в регионе, по сравнению с областями Средней Азии улемы использовали тюрки.

Более широкое распространение ислама на территории Золотой Орды связывают с именами приверженцев суфийских братств Йасавия и Кубравия, а в эпоху Узбек-хана (1312–1341) стала формироваться сложная структура духовенства, в основном состоявшая из сейидов, кадиев, факихов, шейхов, муфтиев и др. [11, с. 50]. С исламизацией политической элиты Золотой Орды получило распространение строительство культовых зданий, мечетей, ханака, мавзолеев.

В источниках отмечается миграция в Золотую Орду исламских интеллектуалов, правоведов из Хорезма и представителей различных хорезмийских научных школ. Исследователи отмечают, что в обращении в ислам хана Узбека и его «народа» решающее значение имели улемы Хорезма [14, с. 151], а также хорезмийское купечество [7, с. 20–23]. Как отмечал арабский путешественник Ибн Баттута, Узбек-хан каждую пятницу посещал ханаку шейха Номан ад-Дина ал-Хорезми в Сарае [10, с. 54]. В приходе к власти Узбек-хана основную роль сыграл будущий наместник Хорезма Кутлуг-Тимур (ум. 1335/1336 г.) – двоюродный брат хана Узбека по женской линии [2, с. 953]. С его именем связано строительство минарета в столице Хорезма – Куны Ургенче и возможно мавзолея Наджм ад-дина Кубра. В начале 60-х годов XIV в. в результате смут происходит ослабление Золотой Орды и Хорезм обособляется политически и выдвигает самостоятельную династию кунгратских Суфи, которые находились в родственных отношениях с Узбек-ханом. Возможно, что появление титула «суфи» связано с подъемом суфизма в Хорезме в XIV в. [6, с. 110].

Целью нашего исследования является анализ особенностей исламской культуры Хорезма в эпоху существования Золотой Орды, в состав которой он входил. Основное внимание будет уделено исламской практике хорезмийских святых, роли различных языков, включая тюркский в распространении знаний об исламе в других регионах Золотой Орды. Исследование основано на междисциплинарном подходе, что позволило привлечь данные письменных источников, нумизматики, эпиграфики и лингвистики.

По истории ислама в Хорезме эпохи Золотой Орды существует небольшое число источников. Для периода XIII–XIV вв. ценными источниками являются сочинение Ибн Баттуты, религиозные литературные произведения на тюркских языках, тюркские словари к труду «Мукаддимат ал-адаб» хорезмийского теолога аз-Замахшари, переводы Корана на тюркский язык и др. Отдельные аспекты религиозной истории Хорезма содержатся в суфийских трудах и источниках с других регионов, например, «Мухаббат-намэ» ал-Хорезми, «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Аксарай Руми и других сочинениях, которые содержат много сведений как по истории Золотой Орды, так и для понимания исламских практик.

Хорезмийско-тюркский язык, в котором преобладают произведения, написанные на религиозно-мистическую тематику, в XIII и XIV веках использовался как общий письменный язык. Сегодня количество сочинений на хорезмийско-тюркском языке превышает десять [37].

Сведения о хорезмийском суфийском тарикате Кубравия есть в агиографическом сочинении тюркского поэта Алишера Навои (1441–1501). Алишер Навои был автором первого биографического словаря (тазкира) суфийских святых Центральной Азии, написанного на среднеазиатском диалекте чагатайского тюркского языка [61, р. 38–66]. В своем сочинении «Насайим ул-мухаббат» он дает сведения о хорезмийских святых, включая шейха Наджм ад-Дина Кубра.

Обзор литературы

Изучение ислама в Хорезме в эпоху Золотой Орды было начато Ш. Марджани [17], затем продолжено В.В. Бартольд, А.З. Тоганом [54]. Исследования были развиты Я. Гулямовым, который использовал междисциплинарный подход [9].

В последние десятилетия появились новые исследования, которые позволили шире и глубже взглянуть на феномен суфизма и культа святых в золотоордынский период в контексте социально-политических, культурных изменений. Ряд исламоведов приступили к изучению различных агиографий. Среди них можно отметить Х. Альгара, Д. ДеВиза, Д. Элиаса, А.К. Муминова и др. Большой вклад в изучение ордена Кубравия, связей локальных суфийских групп, а также их взаимоотношениям с присырдарьинскими районами, политической элитой Узбекского улуса, внес Девин ДеВиз. Исламские святыни Хорезма изучались Г. Снесаревым [23].

Значительный вклад в изучение письменных источников золотоордынской эпохи внесли татарские и турецкие исследователи. Проблематика исламизации Золотой Орды в контексте межкультурных контактов затрагивались в исследованиях Д. Исхакова [13], Э. Сайфетдиновой [25], И. Измайлова [11; 12], Д. Васильева [7] и др. По мнению Д. Исхакова, именно из Хорезма «в период Улуса Джучи вышли те мусульманские деятели, которые, начав свою деятельность при ханах Берке (1257–1266) и Узбеке (1312–1342), добились окончательной исламизации кочевого тюрко-монгольского населения» [13, с. 4–5].

Немалый вклад в изучение тюркской литературы Хорезма внес А.Бодроглигети [36]. В последнее время обширные исследования хорезмийского тюркского языка золотоордынской эпохи ведет узбекский филолог С. Балтабаев [37].

Лингвистико-литературный анализ письменных источников на хорезмийско-тюркском языке является важной проблемой современной тюркологии. В этом направлении значительные исследования проводились и проводятся турецкими лингвистами, которые изучили языковые особенности тюркоязычных хорезмийских источников XIII–XV веков и выявили влияние идей ислама и исламской терминологии [34; 35; 48; 38; 43; 51; 53; 56; 57 и др.]. Однако в их трудах историко-культурный контекст развития исламской культуры Хорезма и ее особенности остается за пределами исследования. Для понимания роли ислама среди тюркоязычного населения Золотой Орды и Хорезма большое значение имеет изучение религиозных сочинений.

Исламская культура Хорезма в XII–XIV вв.

Согласно источникам, жители Хорезма были ханафитами и мутазилистами. Часть жителей столицы региона – Ургенча занимались теологией до такой степени активно, что происходили богословские дискуссии на базарах и улицах [58, р. 283]. Мутазилизм продолжал господствовать в Хорезме до начала XIV века [8,

с. 81–82]. Как отмечал Ибн Баттута в 1333 году, в вере хорезмийцев «преобладает учение мутазилитов, но они не показывают этого потому что султан Узбек и Кутлудумур, его эмир в этом городе, – сунниты» [10, с. 74–75]. Трудно сказать в связи с чем было высказано данное утверждение, так как мутазилитизм в Хорезме не противоречил суннизму. Видимо, отдельные положения идеологии мутазилитов вызывали возражения среди улемов столицы Золотой Орды и связанных с ними политических элит.

Автор X века ал-Макдиси сообщал о хорезмийцах, что они отличаются от жителей Хорасана в обычаях, языке, характере и врожденных качествах. Хорезмийцы «люди разумения, науки, фикха, способностей и образования; я редко встречал имама в фикхе, литературе или Коране, у которого не было бы ученика – хорезмийца, который уже продвинулся вперед (в науке)» [16, с. 185–186].

Арабский путешественник Ибн Баттута (1304–1377), посетивший Хорезм в 1333 году, отмечал, что организация и контроль за исполнением исламских ритуалов в Хорезме имели свои особенности, которые не встречались в других исламских странах, которые он посетил. Он писал: «Заведено, что каждый муаззин обходит дома, расположенные поблизости от его мечети, извещая о наступлении часа молитвы. Того, кто не присутствовал на общей молитве, имам бьет в присутствии общины. В каждой мечети висит для этого плетень. Кроме того, налагается штраф в размере пяти динаров, которые расходуются в пользу мечети и для угощения бедняков и неимущих» [10, с. 73–74]. Очевидно, что речь идет об институте райса или мухтасиба, отвечавшего за исполнением религиозных молитв, порядков и др. Ибн Баттута сообщает интересные сведения о суде в Хорезме, который каждый день проходил в доме золотоордынского наместника – эмира. Суд проводился судьей-казием вместе с факихами и писцами, а также шейхами и тюрокскими эмирами. Если дело относилось к шариатским, то решение по ним выносил казий, а по другим делам решение выносили эмиры [10, с. 76–77]. Таким образом, признавалось существование дел, не относившихся к шариату, видимо касающихся христиан и других немусульманских групп населения.

Как отмечал Е. Бертельс, до монгольского нашествия господствующим литературным языком в Средней Азии продолжал оставаться персидский. Караханиды делали попытки ввести родной язык в литературу [4]. В Хорезме жили и творили поэты и ученые создававшие произведения на арабском и персидском языках. Известный хорезмийский ученый Абу-л-Касим Махмуд ибн ‘Умар аз-Замахшари (ум. 1144 г.) был ученым-мутазилитом, который прекрасно знал арабский язык и литературу. Он написал комментарий к Корану под названием «Ал-Кашшаф». [58, р. 238]. Одним из его учеников аз-Замахшари был Мухаммед б. Абу-л-Касим ал-Баккали ал-Хорезми (ум. в 1166–1167 или в 1176–1177 гг.). Он был автором многих трудов и известным в Хорезме знатоком арабского языка [26, с. 67].

Персидский и арабский языки доминировали в литературе эпохи хорезмшахов (1097–1221). В Хорезме жил известный поэт родом из Балха Рашид ад-Дин Мухаммед ибн Мухаммед ибн ‘Абд ал-Джалил ал-‘Умар, более известный как Ватват (1087/1089–1177/1183), писавший на арабском и персидском языках [32]. Рашид ад-дину Ватвату принадлежат два сборника на арабском языке, посвященных внукам хорезмшаха Атсыза «Расаил араби» («Арабские послания»), и «Гурар ал-аквал ва-дурар ал-амсал» («Достоинейшие высказывания и жемчужины изречений»). Еще он составил сборники речей халифов ‘Умара и ‘Усмана с комментариями на персидском языке, которые он посвятил одному из внуков хорезмшаха Атсыза [32, с. 27–28].

Выходец из Хорезма Ахмад б. ‘Умар Наджм ад-дин *шайх* Абу-л-Джаннаб или Наджм ад-дин Кубра (1145–1221) был основателем нового суфийского тариката [33, р. 2–3]. Его сочинения были написаны на арабском и персидском языках. В Хорезме он построил ханаку, в которой подготовил ряд знаменитых суфиев, включая шейха Маджд ад-дина ал-Багдади (ум. 1219), ставшего одним из учителей знаменитого суфийского поэта Фарид ад-дина Аттара (ум. ок. 1225). Среди учеников Наджм ад-дин Кубра источники перечисляют Баба Камала Джанди, Сайф ад-дина Бахарзи (умер в 1260 г.) и др. [33, р. 3]. ДеВиз подчеркивал особую роль Кубра в культурном наследии тюркского населения Центральной Азии [39, р. 59]. Последователи Кубра установили связи со степной областью к северу от Хорезма, часто путешествуя в Дешти-и-Кипчак и в города Золотой Орды.

По данным Бейхаки, в XI в. Все еще существовала письменность на хорезмийском языке [8, с. 80]. Видимо, к XII веку или раньше стал применяться арабский алфавит, что подтверждается сочинениями XII–XIII вв. Хорезмийская лексика содержится в рукописи сочинения хорезмийского законоведа XIII века Наджм ад-дина Абу-р-раджа Мухтара аз-Захида ал-Газмини (ум. в 1260 г.) «Кынйат ал-мунйа ли-татмим ал-гунйа» («Приобретение желанного для пополнения достаточного»), трактате «Джелал ал-Имади», и некоторых других сочинениях хорезмийских юристов XII–XIII вв. [29]. Один из списков «Кынйат ал-мунйа ли-татмим ал-гунйа» был составлен в Хорезме в 1353 году [8, с. 84]. На основе этого материала можно заключить, что по крайней мере к XII веку арабские религиозные термины частично были включены в хорезмийский язык, основанный на арабском алфавите, так, например, *никах* – брак, *халал*, *харам* и другие. Но в некоторых случаях арабские термины были заменены на хорезмийские синонимы, так вместо *махра* использовался термин *кабин* [29, с. 66–67, 82].

Ценный материал по религиозной лексике тюркского населения Хорезма содержится в более поздних списках «Мукаддимат ал-адаб» Абу-л-Касима Махмуда ибн ‘Умара аз-Замахшари. По данным Тогана, в предисловии, которое он написал, Махмуд аз-Замахшари утверждал, что хорезмшах Атсыз предпочитал арабский язык другим языкам и приказал ему написать копию для дворцовой библиотеки [55, s. 81; 38, р. 7]. Существует много разных списков «Мукаддимат ал-адаб» и в одном из ранних списков зафиксировано небольшое число хорезмийских слов. Тюркский компонент в словаре появился лишь в золотоордынский период.

Суфизм и исламские святые Хорезма

Ислам в Хорезме был представлен религиозной элитой улемов, создававшей различные теологические и правоведческие сочинения, отдельным сословием сейидов, суфийским учением и культом местных святых, который был адаптирован к исламской практике.

Исследователи подчеркивали, что центральное место в исламской мифологии занимали сказания, связанные с пророком Мухаммадом [24, с. 24]. Согласно Джалал ад-дину Руми, чьи стихи были очень популярны в оазисах Центральной Азии, часто пророк Мухаммад приводится в качестве образца и примера для мусульман и выделяются его сподвижники, которые «подобны путеводным звездам» и отмечается: «когда ты с шейхом, то далеко отстоишь от зла» [22, с. 27, 65]. В «Нахдж ал-Фарадис» ярко подчеркивается значение Пророка как образца и примера в обыденной жизни и повседневных обрядах [25, с. 65], а также его образ рассматривается в роли справедливого правителя [25, с. 70]. В «Мухаббат-намэ» Мухаммад назван шахом пророков и подчеркивает, что не надо расстраивать потомков пророка – сейидов [31, с. 70, 104].

Суфизм представляет собой сложное явление в истории ислама, которое интерпретируется на основе различных религиозных, философских, социальных и литературных подходов. Существовали разные ритуальные практики суфийских орденов, усложненные адаптацией к местным историко-культурным условиям. Термин «суфизм» применяют к ряду школ исламской мистической философии и теологии, религиозных орденов, которые оказали влияние на развитие исламских обществ. Суфизм также служил социально-религиозной силой в исламизации населения [45, р. 595]. Термин суфизм включает в себя сложную философию, поэзию, а также архитектуру суфийских обителей – *ханак* [47, р. 93, 95]. В Хорезме суфизм был представлен учениями нескольких суфийских братств. Левобережье Сырдарьи в ее среднем и нижнем течении находилось под влиянием Хорезма и кубравийского *тариката*.

С X века в исламском мире возникает культ святых, что было обусловлено разными причинами. Частью исламской практики в Хорезме считался культ исламских святых. Хаким Ата был местным святым Хорезма, который был позже включен в суфийскую линию Йасавия. Первые сведения о хорезмийском святом Хубби (Хубби ходжа) были приведены поэтом Алишером Навои в XV веке, который писал, что образ его популярен среди тюрок [20, с. 416]. Позже легенды о нем были записаны и проанализированы Я.Гулямовым. Он отмечал, что в преданиях жителей Хорезма говорилось, что «задолго до воцарения Феридуна и даже Джемшида на этой реке жил юноша, который стал властителем реки. Его звали «Хубби». Позднее образ Хубби превратился в историческую личность и под именем Хубби Ходжа вошел в литературу: у шейха Хаким-ата Бакиргани было три сына; младшего из них звали Хубби Ходжа [9, с. 30–32]. Алишер Навои упоминает хорезмийского святого суфия Хожа Абдулвафои Хорезми, которого народ Хорезма называл земным ангелом [19, с. 7–8]. Его мюридом был Мавлоно Хусайн Хорезми, написавший на хорезмийском тюркском комментарии к месневи Джалалиддина Руми [19, с. 8]. Существовали женские святые Хорезма. Навои сообщает сведения о женских суфиях Хорезма, например, Имраъатун Хоразмия [20, с. 492]. В средние века в Хорезме сформировались культы Сулеймана Бакиргани (Хаким-ата), Наджм ад-дина Кубра, Шейх Шарафа, Исмамут-ата, Сайид Ахмед (Саид-ата), Абу Муслима и др [23, с. 51].

Историки и этнографы выявили, что культ Абу Муслима прочно укоренился в представлениях народов, населяющих территорию Южного Хорезма и связанных с ним территорий. Вероятно, культ его сподвижников – Ахмеда Замчи и Мизрабшаха начал складываться при хорезмшахах-Ануштегинидах [18, с. 57; 15, с. 146].

Хорезм занимает центральное место в развитии традиций о суфийском святом Сайид-ата. Сайид-ата (жил в конце XIII-начале XIV вв.) считался вторым халифом Занги ата, который жил в Ташкенте и был учеником Хаким ата. У Занги ата были четыре халифа: Узун Хасан-ата, Сайид-ата, Садр-ата и Бадр-ата. По данным А.Навои, Сайид-ата был последователем Ходжа Ахмеда Йасави и был известен в тюркском улусе [20, с. 419]. В источниках с XV по начало XX в. ему приписывают начало обращения в ислам населения Дешт-и Кипчака. Он был включен в суфийскую силу орден Йасавия, по крайней мере, начиная с XV века [40, р. 245; 42]. ДеВиз считает, что Хорезм занимает центральное место в развитии традиций о Сайид-ата, и является важным местом наследия Сайид-ата с точки зрения святилища, о его роли в истории суфизма [40, р. 245–261; 42]. Потомки Сайид-ата стали одним из связующих нитей между Хорезмом и золотоордынской политической, религиозной элитой.

Катастрофический удар по Хорезму был нанесен Тимуром (1370–1405). В 1388 году он организовал пятый поход на Хорезм, вывез лучших мастеров и улема в центральные области Мавераннахра, что подорвало основы развития региона [27, с. 187].

Таким образом, особенности религиозной культуры Хорезма заключались в следующем: мультиэтничность и мультилингвальность Хорезма, в котором были представлены следующие языки: тюркский, персидский, арабский и исчезающий хорезмийский. В культуре исламские и неисламские элементы сосуществовали, так, например, исламская практика и Навруз, местные святые: Хубби, суфийские святые, гадательные книги. Книжная культура Хорезма до походов Чингиз-хана была основана на персидском, арабском и хорезмийском языках. Сочинения на тюркском языке в подражание сочинениям на персидском языке появились только в золотоордынский период.

Исламские сочинения золотоордынской эпохи

Большое значение в пропаганде идей ислама играл язык. По мнению А.Муминова, среди части улемов Центральной Азии существовало мнение, о том, что персидский язык может быть вторым священным языком ислама. Улемы часто давали проповеди горожанам по-персидски, цитировали хадисы не только на арабском, но и в персидском переводе [49, р. 204]. Труды Кубра были написаны на арабском и персидском языках. Вместе с тем, в середине XIII в. некоторые исламские законоведы Хорезма в переписке использовали и хорезмийский язык, но на основе арабского алфавита. Как свидетельствуют источники, в половине и конце XIV в. и в южном и в северном Хорезме были люди, знавшие хорезмийский язык [8, с. 87–88].

Отметим, что для осуществления перевода Корана на персидский язык требовался законодательный акт, происходили дискуссии среди улемов [50, р. 301–307]. К сожалению, нет никаких исследований о таких дискуссиях по вопросу о переводе священной книги на тюркские языки в Центральной Азии. Известно, что тюркские улемы в эпоху Караханидов или даже в более раннюю эпоху составили перевод Корана на тюркский язык.

По мнению Е.Бертельса, захват Чингизидами стран Среднего Востока повлекло за собой изменение отношения к персидскому языку, который перестали смотреть как на признак аристократичности. Была подготовлена почва к расцвету среднеазиатско-тюркской литературы, которым был отмечен XV век [4, с. 433]. На наш взгляд, в этом сложном процессе несомненно была основная роль политической элиты Золотой Орды, которая поощряла развитие тюркоязычной литературы.

Как отмечают исследователи, в Улусе Джучи были оседлые тюркские центры с устоявшимися культурными традициями, каковыми были Хорезм и Булгар [1, с. 83–84]. Территории Средней Сырдарьи также имели важное значение в культурной истории Золотой Орды. Вызывает интерес предположение о том, что существовала близость литературных традиций в предмонгольский период в Хорезме и Волжской Булгарии [1, с. 86].

Среди других регионов Центральной Азии Хорезм выделяется тем, что уже в XIII веке тюркский язык был доминирующим, что определило его особое место в тюркской истории. Исламизация и тюркизация Хорезма нашла отражение в создании литературных, научных и религиозных сочинений и переводе арабских и персидских произведений на тюркский язык. Выдающийся ученый-энциклопедист Бируни (973–1048) в произведении «Памятники минувших поколений», написанном около 1000 года, приводит тюркские названия месяцев и годов по

животному циклу, которые использовало тюркское население Центральной Азии [3, с. 87–89].

В целом, в Улусе Джучи с момента его возникновения доминировало тюркоязычное население, а золотоордынские актовые материалы второй половины XIV века свидетельствуют о единстве официального языка Золотой Орды, хотя и существовала определенная вариативность, которая зависела от языковых особенностей того или иного региона огромной территории Улуса Джучи [1, с. 83, 86]. Известно, что небольшая часть политической элиты Улуса Джучи сохраняла монгольский язык до 40–х гг. XIV в. [1, с. 110].

Как отмечали исследователи, хорезмийско-тюркский язык имеет большое значение в истории языка, поскольку является переходным от караханидско-тюркского к чагатайско-тюркскому [44, р. 2; 35, р. 10]. Интересно предположение, что уйгурские литературные традиции в Улусе Джучи получают широкое распространение в золотоордынский период. Сохранившиеся золотоордынские актовые материалы могут служить основным доказательством активного применения уйгурского письма [1, с. 85, 112].

С XIII века в низовьях Хорезма и Сырдарьи на основе языка караханидской эпохи сформировался хорезмский тюркский, оказавшийся под влиянием огузского и кыпчакского наречий и он стал языком литературы среднеазиатского тюркского языка [46, р. 18]. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, «некоторый элемент среднеазиатского тюрки был принесен выходцами из Хорезма, игравшими в Золотой Орде огромную роль» [28, с.78]. Также предполагают, что хорезмский тюркский – это название, данное тюркскому языку, который образовался в результате смешения караханидского тюркского языка, огузского тюркского языка, составляющего юго-западную ветвь, и кыпчакского тюркского языка, составляющего северо-западную ветвь тюркского языка [43, р. 53]. Некоторые лингвисты используют термин хорезмийско-золотоордынский тюркский [59; 56, р. 4–6]. Также используют термин тюрко-татарский язык [21, с. 1, 92].

Одним из самых ранних тюркских произведений является «Кисса-и Йусуф», написанная булгарским поэтом Кул Али в 1232 г. а также «Киссас ал-анбия» хорезмийского поэта Насир ад-Дина Бурхан ад-Дина углы Рабгузи (1311 гг.). Сочинения типа «Киссас ал-анбия» – истории пророков были упрощенными популярными религиозными произведениями для просвещения масс [52, р. 85].

Вхождение Хорезма в состав Золотой Орды, где тюркский язык был доминирующим, сыграло значительную роль в развитии тюркской исламской и художественной литературы. В 1363 году появился перевод Корана на хорезмийском тюркском языке. Другие переводы Корана на хорезмийско-тюркском языке найдены в Мешхеде. Мешхедская копия 1337 года занимает особое место среди других переводов Корана. В этом списке перевода Корана заметно использование тюркских эквивалентов арабским религиозным терминам и выражениям. Например, традиционная формула «во имя Аллаха» переведено как «başladım Tangrı atı birlе» [53, р. 87–152].

Сочинение аз-Замахшари «Мукаддимат ал-адаб» существует в разных списках. Самый старый экземпляр словаря, переведенный на хорезмский тюркский язык, относится к 1257 году. Все существующие произведения созданы после 1231 года, то есть после уничтожения государства Хорезмшахов [34]. Начиная с XIII века в словарь аз-Замахшари была включена тюркская часть. Тюркскую часть копии Шустера исследовал Нури Юдже [57]. Одной из замечательных особенностей шустерского списка «Мукаддимат ал-адаба» является то, что большинство тюркских религиозных слов в произведении используются вместе с их

арабскими синонимами [48, р. 458]. В нем встречаются слова древнетюркского происхождения (Taŋrı, İdi, yazuq, yek и т. д.), а некоторые являются новыми производными словами (tutunmak, okuğ, orlağucı, uığaqlı и т. д.). Эти тюркские слова были заменены арабскими и персидскими словами в более поздние периоды. Например, bütmeğen – “кафир, зиндик”, tutunmak – “сабр”, okuğ – “дуа”, uığaqlı – “харам”, uığaksız – “халал” [48, р. 453–457].

Исследователи различают средневековую придворную исламскую культуру [52, р. 69], включавшую ритуалы, документы и культуру исламских ученых – улема. Определенные жанры исламской литературы можно определить как придворные, созданные для правителя и окружения [52, р. 75]. Одним из наиболее известных исламо-тюркских сочинений, которые позволяют нам говорить о суфизме в мире Золотой Орды является «Киссас ал-анбия» Рабгузи («Рассказы о пророках»), составленного около 1310 г. в Рибат-и Огуз в Туркестане для местного чингизида Насир ад-дина Токбуги [60, р. 264–271].

Сочинение «Сирадж ул-Кулуб», было написано на тюркском языке в 1335 году неизвестным автором. Произведение является переводом с арабского на хорезмийско-тюркский [56]. Сам автор язык сочинения называет тюркским – туркча [56, р. 97]. «Муйин ул-Мурид» был религиозным сочинением, написанном в Ургенче в 1313 году. Содержание этой работы показывает, что она была предназначена для последователей суфийского ордена [60, р. 264–271]. Это первый поэтический катехизис на тюркском языке. В нем излагаются основные исламские знания, такие как вера, молитва, пост, закят, халаль, харам, поведение и нравственности и др. [35, р. 6].

Исламизация и тюркизация Хорезма нашла отражение в создании литературных, научных и религиозных произведений и переводе арабских и персидских произведений на тюркский язык. «Мухаббат-намэ» – поэтическое произведение, написанное Хорезми в 1353 году во дворце Мухаммеда Ходжи Бека из племени кунграт в Сыгнаке в Сырдарье, которое служит примером классической литературы, сформировавшейся в Золотой Орде. Мухаммед Ходжа Бек был в родстве с правителем Золотой Орды Джанибек-ханом [31, с. 74]. Поэт приводит слова своего покровителя: «я хочу, чтобы ты на нашем языке в эту зиму книгу написал при мне», что говорит о том, тюркский язык был родным для этого представителя политической элиты Золотой Орды [31, с. 71]. Поэт сравнивает Мухаммед Ходжа бека с мужеством халифа Али [31, с. 76]. Термин Тенгри используется и в «Мухаббат-намэ» Хорезми [31, с. 27].

Интересным источником является гадальная книга (фал китаб), написанная на хорезмийско-тюркском языке в XIV веке. Рукопись хранится в музее Топкапы и состоит из 58 листов. По мнению исследователей, автор этой книги писал свое произведение на хорезмийско-тюркском языке [51, р. 1–30]. Эта книга, написанная до 1362 года, является первой гадательной книгой в истории тюркской литературы, написанной под влиянием ислама [51].

В XIV веке на хорезмийско-тюркском языке была составлена поэма «Джава-хир ал-асрар» неизвестного автора. Она содержит как тюркские, так и немалочисленные арабо-персидские религиозные термины: Аллах, арвах (душа), дев (демон), ибадат (молитва), малак (ангел), муфтий, мюрид, зикр и др. [36, р. 290, 300–302].

Ослабление внутренних связей между отдельными регионами Улуса Джучи приводит к разрушению консолидационных процессов и самостоятельному развитию официального языка новых государственных образований. Наряду с диа-

лектными элементами в официальный тюркский язык начинают все более проникать арабские и персидские заимствования [1, с. 87–88].

Заключение

Таким образом, религиозная культура Хорезма имела свои особенности, которые проявлялись в том, что в ней сосуществовали исламские и неисламские элементы, так, например, исламская практика и традиции празднования Навруза, культ местных святых, суфийских деятелей и др. Книжная культура Хорезма до походов Чингиз-хана была основана на персидском, арабском и хорезмийском языках. Сочинения на тюркском языке в подражание сочинениям на персидском языке появились только в золотоордынский период.

В эпоху Золотой Орды возросла роль тюркского языка в распространении знаний об исламе. Использование тюркского языка в литературе и официальной документации, начиная с 1340-х годов, поддерживались золотоордынской политической элитой. Инновации золотоордынской эпохи заключались в увеличении исламской терминологии на тюркском языке, а также в стремлении создать общий тюркский литературный язык в Золотой Орде на основе традиций Булгарии, присырдарьинских областей и Хорезма. В формировании тюркоязычной улемы Хорезм также сыграл определенную роль. Происходило взаимодействие между суфийскими тарикатами Кубравия и Йассавия, представители которых играли ведущую роль в Улусе Джучи. Потомки суфийского святого Сейид-Ата стали одним из связующих нитей между Хорезмом и золотоордынской политической, религиозной элитой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзалов Л.Ф. Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011. 252 с.
2. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное. Пер. с перс. И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой. Общая и научная редакция, предисловие, комментарии И.Р. Гибадуллина. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 1044 с.
3. Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения, I. Ташкент. АН Узб ССР. 1957. 487 с.
4. Бертельс Е.Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. Т. 3. М.: Наука, 1965. 524 с.
5. Бугарчёв А.И., Петров П.Н. Этапы медного монетного обращения в Булгарском вилайате (вторая половина XIII – первая треть XIV вв.) // Поволжская археология. 2013. № 1 (3). С. 216–231.
6. Вайнберг Б.И. К истории Кунгратских Суфи // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 г. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 104–114
7. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: историко-археологическое исследование. Астрахань: Астраханский университет, 2007. 191 с.
8. Волин С.Л. Новый источник для изучения хорезмийского языка // Записки Института востоковедения АН СССР. М.-Л., 1939. Т. VII. С. 79–91.
9. Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1957. 314 с.
10. Ибрагимов Н.Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука, 1988. 126 с.
11. Измайлов И.Л. Ислам в Золотой Орде // Ислам в Среднем Поволжье: История и современность. Очерки. Под ред. Р.М.Мухаметшина. Казань: Изд-во «Инсан», 2001.

12. Измайлов И.Л. Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности // История и современность. 2011. № 2. С. 34–51.
13. Исхаков Д.М. Институт сеййидов в Улусе Джучи и поздnezолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2011. 228 с.
14. Исхаков Д.М. Проблема «окончательной» исламизации Улуса Джучи при хане Узбеке // Ислам и власть в Золотой Орде. Под ред. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012.
15. Маликов А.М. Культ Абу Муслима и его сподвижников в Центральной Азии: варианты мифологизации // Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 141–160.
16. Материалы по истории туркмен и Туркмении, Том I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.-Л.: АН СССР, 1939. 612 с.
17. Миргалеев И.М., Абызова Р.Р. Шихабетдин Марджани о Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 1. С. 181–198. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.181-198
18. Мурадов Р. Ахмад замчи (культовый комплекс) // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Т. II / Под ред. С.М. Прокурова. М.: Восточная литература, 2018. 645 с.
19. Навоий Алишер. Мукаммал асарлар тўплами. Йигирма томлик. Ўн учинчи том. Мажолис ун-Нафоис. Тошкент: Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси «Фан» нашриёти, 1997.
20. Навоий Алишер. Насойим ул-мухаббат мин шамойим ул-футувват. Мукаммал асарлар тўплами. Йигирма жилдлик. 17-жилд. Араб ва форс матини таржима килиб, нашрга тайёрловчи ва махсус мух. С. Рафиддинов. Тошкент: «Фан» нашриёти, 2001.
21. Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. Казань: Казанский государственный университет, 2004. 376 с.
22. Руми, Джалал ад-дин. Сокровища воспоминания. Суфийская поэзия. Пер. Л. Тираспольского. М.: ИИФ ДИАС лтд; 1998. 192 с.
23. Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.: Наука, 1983. 212 с.
24. Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. Ташкент: Издательство АН Узбекской ССР, 1960. 90 с.
25. Сайфетдинова, Э.Г. Источники религиозной мысли в Золотой Орде (по материалам произведения «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари) / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 164 с.
26. Собрание восточных рукописей. Т. 4. Т., 1957.
27. Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // Нумизматика и эпиграфика. Т. V. 1965. С. 179–224.
28. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. 274 с.
29. Фрейман А.А. Хорезмийские глоссы в сочинении «Кынйат ал-мунийа...» «Приобретение желанного...») хорезмийского законоведа XIII в. Наджм ад-Дин абур-Раджа Мухтар ибн-Махмуд аз-Захиди ал-Газмини // Советское востоковедение. Т. 6. Л.-М., 1949.
30. Хакимзянов Ф.С. О поволжском варианте среднетюркского литературного языка // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. Казань, 1983. С. 3–24.
31. Хорезми, Мухаббат-наме. Перевод Э.Н.Наджиба. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 273 с.
32. Чалисова Н. Ю. Рашид ад-Дин Ватват и его трактат «Сады волшебства в тонкостях поэзии». // Рашид ад-Дин Ватват. Сады волшебства в тонкостях поэзии. Пер. с перс. Н.Ю. Чалисовой. М.: Наука, 1985. С. 9–82.

33. Algar H. Introduction // Abdallāh Ibn Muḥammad Nağm ad-Dīn Rāzī. The path of God's bondsmen from origin to return. Delmar, NY: Caravan Books, 1982.
34. Ata A. Harezm-Altnordu Türkçesi, TDAD: 36, İstanbul: Kebikeç Yayınları. 2002.
35. Berbercan M. T. Türk Tercüme Edebiyatı Üzerine İncelemeler: Harezm Türkçesi ile İlk Adaptasyonlar," Dede Korkut Türk Dili ve Edebiyatı Araştırmaları Dergisi, IV, Ordu, 2015, pp. 1–11.
36. Bodrogligeti A. The fragments of the Cavahirul-asrar // *Central Asiatic Journal* 16, no. 4. 1972, pp. 290–303.
37. Boltabayev S. Harezm türkçesiyle yazılmış yeni bir eser: Tenzîlû's-sâlihîn // IX. Uluslararası türk dili kurultayı Bilge Tonyukuk Anısına (Ankara: 26–30 Eylül 2021). Ankara, 2021.
38. Cihan S. Mukaddimetü'l-edeb (yozgat nüshası)-(giriş, metin, notlar, sözlük-dizin). Doktora tezi. Ankara 2021.
39. DeWeese D. Bābā Kamāl Jandī and the Kubravī Tradition among the Turks of Central Asia // *Der Islam* 71.1, 1994, pp. 58–94.
40. DeWeese D. The Sayyid Atā'ī Presence in Khwārazm during the 16th and Early 17th Centuries. *Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel*, ed. Devin DeWeese (Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, Indiana University Uralic and Altaic Series, Vol. 167, 2001): pp. 245–281.
41. DeWeese D. Mapping Khwārazmian Connections in the History of Sufi Traditions: Local Embeddedness, Regional Networks, and Global Ties of the Sufi Communities of Khwārazm. // *Eurasian Studies* 14.1–2 (2016), pp. 37–97.
42. DeWeese D. Ata'īya order. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ataiyya-order-a-branch-of-the-yasaviya-sufi-brotherhood-especially-active-in-karazm-from-the-8th-14th-century> (дата обращения 12.05.2023).
43. Doğan C. "Mirâc-nâme Harezm Türkçesiyle mi yazılmıştır?." *Türkoloji Dergisi* 22, 2018, no. 1, pp. 52–98.
44. Eckmann J. Harezm, Kıpçak ve Çağatay Türkçesi Üzerine Araştırmalar. Ed. by O.F. Sertkaya. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2011.
45. Elias J.J. A Review of the "Encyclopaedia Iranica" // *Iranian Studies*, 1998, Vol. 31, No. 3/4, (Summer – Autumn), pp. 595–613.
46. Hacıeminoğlu N. Harezm Türkçesi Grameri, İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, Ankara. 1997.
47. Hofer N. The Popularisation of Sufism in Ayyubid and Mamluk Egypt, 1173–1325. Edinburgh: University Press, 2015.
48. Memmedova A. Mukaddimetü'l-Edeb'de Türkçe İslami terimler // *Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi* 4, 2017, no. 2, pp. 449–462.
49. Muminov A. Dihqāns and sacred families in Central Asia // *Sayyids and Sharifs in Muslim Societies: The Living Links to the Prophet*. Edited by Kazuo Morimoto. London and New York: Routledge, 2012, pp. 198–209.
50. Muminov A. Disputes in Bukhara on the Persian translation of the Qur'an // *Mélanges de l'Université Saint-Joseph* 59. 2006, pp. 301–307.
51. Onur S. Harezm Türkçesiyle yazılmış bir fal kitabı // *Modern Türklük Araştırmaları Dergisi* 17. 2021, no. 1, pp. 96–119.
52. Shoshan B. High culture and popular culture in medieval Islam // *Studia Islamica* 73, 1991, pp. 67–107.
53. Şimşek Y. Türkçe ilk kur'an tercümelerinden meşhed nüshasının (293 No.) Türk dili tarihindeki yeri ve önemi." *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten* 67. 2019, pp. 87–152.
54. Togan Z.V. "Harezm'de Yazılmış Eski Türkçe Eserler", *Türkiyat Mecmuası* II, 1926, pp. 331–345.
55. Togan Z.V. Zimahseri'nin Dog'u Türkçesi ile "Mukaddimetü'l-Edeb"i, *Türkiyat Mecmuası*, 14, İstanbul, 1965.

56. Yaman Ü. Doğu Türkçesi ile Yazılan Sirâcü'l Kulûb (Gramer-Metin-Çeviri-Dizin). T.C. İstanbul Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Türk Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı Eski Türk Dili Bilim Dalı, Doktora Tezi, İstanbul, 2015.

57. Yüce N. Ebu'l-Kâsım Cârullâh Mahmûd bin 'Omar bin Muhammed bin Ahmed ez-Zamahşari el-Hvârizmi Mukaddimetü"-Edeb. Hvarizm Türkçesi ile tercümeli Şuşter nüshası. Giriş, dil özellikleri, metin, indeks. 2-ci basqı. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1993.

58. Ulvi Murat Kılavuz, The Mu'tazilism of al-Zamakhsharî: A Bahshamî or a Hûsaynî? // *Ilahiyat studies*, 2021, vol. 12, no. 2, Summer / Fall.

59. Ünlü S. Harezm Altınordu Türkçesi Sözlüğü. Konya: Eğitim Kitabevi, 2012.

60. Schamiloglu U. Reflections on the Islamic Literature of the Golden Horde: On the Occasion of the Publication of the Qalandar-nâme. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 2, pp. 264–271. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-2.264-271.

61. Walmsley N. The Yasaviyya in the Nasâ'im al-mahabba of 'Alî Shîr Navâ'î: A Case Study in Central Asian Hagiography. // *Journal of Sufi studies* 3, no. 1, 2014, pp. 38–66.

Сведения об авторе: Азим Маннонович Маликов – кандидат исторических наук, ассистент профессора отдела Азиатских исследований Университета Палацкого в Оломоуце (77900, ул. Свободы, 26, Оломоуц, Чешская Республика); ORCID: 0000-0002-0173-2014. E-mail: azimmal2018@gmail.com

Поступила 15.09.2023

Принята к публикации 20.11.2023

Опубликована 29.12.2023

REFERENCES

1. Abzalov L.F. And Khan's scribes. From the history of the formation and development of the clerical service of the khans of the Golden Horde. Kazan: YaZ Publ., 2011. 252 p. (In Russian)

2. Abu Bakr Qalandar Rumi. Qalandar-name: favorites. Translation from pers. I.R. Gibadullin, M.R. Shamsimukhametova. General and scientific edition, preface, comments by I.R. Gibadullin. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 1044 p. (In Russian)

3. Abu Reykhan Biruni. Selected works, I. Tashkent: Uzbek SSR Academy of Sciences Publ., 1957. (In Russian)

4. Bertels E.E. Selected works. Sufism and Sufi Literature. Vol. 3. Moscow: Nauka, 1965. (In Russian)

5. Bugarchev A.I., Petrov P.N. Stages of copper coin circulation in the Bulgar vilayat (second half of the 13th – first third of the 14th centuries). *Povolzhskaya Arkheologiya=The Volga River Region Archaeology*. 2013, 1 (3), pp. 216–231. (In Russian)

6. Weinberg B.I. On the history of the Kungurat Sufis. *Field research of the Khorezm expedition in 1957*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1960, pp. 104–114 (In Russian)

7. Vasiliev D.V. Islam in the Golden Horde: a historical and archaeological study. Astrakhan: Astrakhan State University Publ., 2007. (In Russian)

8. Volin S.L. A new source for the study of the Khorezmian language. Notes of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences, VII, 1939, 79–91. (In Russian)

9. Gulyamov Ya.G. The history of irrigation of Khorezm from ancient times to the present day. T., 1957. (In Russian)
10. Ibragimov N.N. Ibn Battuta and his travels in Central Asia. Moscow, 1988. (In Russian)
11. Izmailov I.L. Islam in the Golden Horde. Islam in the Middle Volga: History and Modernity. Essays. Ed. R.M. Mukhametshina. Kazan: Insan Publ., 2001. (In Russian)
12. Izmailov I.L. *Islam in the Volga Bulgaria: distribution and regional features*. History and Modernity 2 (2011), pp. 34–51. (In Russian)
13. Iskhakov D.M. Institute of seyyids in the Ulus of Jochi and the late Golden Horde Turko-Tatar states. Kazan: Fen Publ., 2011. 228 p. (In Russian)
14. Iskhakov D.M. The problem of the "final" Islamization of Ulus Jochi under Khan Uzbek. *Islam and power in the Golden Horde*. Ed. by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2012. (In Russian)
15. Malikov A.M. The Cult of Abu Muslim and His Companions in Central Asia: Options for Mythologization. *Etnograficheskoye obozreniye = Ethnographic Review*, vol. 3. 2020, pp. 141–160. (In Russian)
16. Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan, Volume I. 7th–15th centuries. Arabic and Persian sources. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1939. 612 p.
17. Mirgaleev I.M., Abyzova R.R. Shihabuddin Marjani on the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 181–198. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.181-198 (In Russian)
18. Muradov R. Ahmad zamchi (cult complex). Islam on the territory of the former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary. Vol. II. Ed. by CM. Prozorov. Moscow: Eastern Literature, 2018. 645 p. (In Russian)
19. Navoiy Alisher. Mukammal asarlar. Yigirma Tomlik. On Uchinchi Tom. Majolis un-Nafois. Tashkent: Publishing house "Fan" of the the Uzbek SSR Academy of Sciences, 1997. (In Uzbek)
20. Navoiy Alisher. Nasoyim ul-muhabbat min shamoyim ul-futuvvat. Mukammal asarlar warmly. Yigirma zhildlik. 17-zhild. Arab wa force matnini tarzxima kilib, nashrga tayerlovchi wa mahsus flies. S. Rafiddinov. Tashkent: Fan, 2001. (In Uzbek)
21. Nuriyeva F. Formation and functioning of the Turkic-Tatar literary language of the Golden Horde period: Abstract diss. ... Doctor of Philological Sciences. Kazan, 2004. (In Russian)
22. Rumi, Jalal ad-din. Treasures of memories. Sufi poetry. Per. L. Tiraspolsky. Moscow: IIF DIAS ltd; 1998. 192 p. (In Russian)
23. Snesev G.P. Khorezm legends as a source on the history of religious cults in Central Asia. Moscow: Nauka Publ., 1983. 212 p. (In Russian)
24. Sukhareva O.A. Islam in Uzbekistan. Tashkent: publishing house of the Uzbek SSR Academy of Sciences, 1960. 90 p. (In Russian)
25. Sayfetdinova E.G. Sources of Religious Thought in the Golden Horde (Based on the Work "Nakhj al-Faradis" by Mahmud al-Bulgari). Ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 164 p. (In Russian)
26. The Collection of oriental manuscripts of the Uzbek SSR Academy of Sciences. Tashkent, 1952, vol 4. (In Russian)
27. Fedorov-Davydov G.A. Numismatics of Khorezm of the Golden Horde period. *Numismatics and epigraphy*. 1965, vol. V, pp. 179–224. (In Russian)
28. Fedorov-Davydov G.A. Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde khans. Moscow, 1966. 274 p. (In Russian)
29. Freiman A.A. Khorezmian glosses in the work "Kynyat al-muniya..." "Acquisition of the desired..." by a Khorezmian jurist of the 13th century. Najm ad-Din abu-r-Raja Mukhtar ibn-Mahmud al-Zahidi al-Gazmini. *Soviet Oriental Studies*. Vol. 6. Leningrad-Moscow, 1949. (In Russian)

30. Khakimzyanov F.S. On the Volga variant of the Middle Turkic literary language. *Historical and linguistic analysis of old written monuments*. Kazan, 1983, pp. 3–24. (In Russian)
31. Khorezmi. Mukhabbat-name. Transcription, translation, notes and pointers by E.Nadzhip. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1961. 275 p. (In Russian)
32. Chalisova N.Yu. Rashid ad-Din Vatwat and his treatise "Gardens of Magic in the Subtleties of Poetry"b.. Rashid ad-Din Watwat. Gardens of magic in the subtleties of poetry. Tr. from pers. N.Yu. Chalisova. Moscow: Nauka, 1985, p. 9–82. (In Russian)
33. Algar H. Introduction. Abdallāh Ibn Muḥammad Naḡm ad-Dīn Rāzī. The path of God's bondsmen from origin to return. Delmar, NY: Caravan Books, 1982.
34. Ata A. Harezmi-Altınordu Türkçesi, TDAD: 36, İstanbul: Kebikeç Yayınları. 2002. (In Turkish)
35. Berbercan M. T. "Türk Tercüme Edebiyatı Üzerine İncelemeler: Harezmi Türkçesi ile İlk Adaptasyonlar," Dede Korkut Türk Dili ve Edebiyatı Araştırmaları Dergisi, IV, Ordu, 2015, pp. 1–11. (In Turkish)
36. Bodrogligeti, A. The fragments of the Cavahirul-asrar. *Central Asiatic Journal* 16, no. 4. 1972, pp. 290–303.
37. Boltabayev S. Harezmi türkçesiyle yazılmış yeni bir eser: tenzîlû's-sâlihîn. IX. Uluslararası türk dili kurultayı Bilge Tonyukuk Anısına (Ankara: 26-30 Eylül 2021). Ankara, 2021. (In Turkish)
38. Cihan, Serkan. Mukaddimetü'l-edeb (yozgat nüshası)-(giriş, metin, notlar, sözlük-dizin). Doktora tezi. Ankara 2021. (In Turkish)
39. DeWeese D. Bābā Kamāl Jandī and the Kubravī Tradition among the Turks of Central Asia. *Der Islam* 71.1. 1994, pp. 58–94.
40. DeWeese D. The Sayyid Atā'ī Presence in Khwārazm during the 16th and Early 17th Centuries. *Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel*, ed. Devin DeWeese (Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, Indiana University Uralic and Altaic Series, vol. 167, 2001, pp. 245–281.
41. DeWeese D. Mapping Khwārazmian Connections in the History of Sufi Traditions: Local Embeddedness, Regional Networks, and Global Ties of the Sufi Communities of Khwārazm.. *Eurasian Studies* 14.1–2, 2016, pp. 37–97.
42. DeWeese, D. Ata'īya order. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ataiyya-order-a-branch-of-the-yasaviya-sufi-brotherhood-especially-active-in-karazm-from-the-8th-14th-century> (access data 12.05.2023).
43. Doğan C. "Mirâc-nâme Harezmi Türkçesiyle mi yazılmıştır?." *Türkoloji Dergisi* 22, no. 1. 2018, pp. 52–98.
44. Eckmann, J. Harezmi, Kıpçak ve Çağatay Türkçesi Üzerine Araştırmalar, Ed. by O.F. Sertkaya. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2011. (In Turkish)
45. Elias J.J. A Review of the "Encyclopaedia Iranica". *Iranian Studies*, 1998, vol. 31, no. 3/4, (Summer – Autumn), pp. 595–613.
46. Hacıeminoğlu N. Harezmi Türkçesi Grameri, İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, Ankara, 1997. (In Turkish)
47. Hofer N. The Popularisation of Sufism in Ayyubid and Mamluk Egypt, 1173–1325. Edinburgh: University Press, 2015.
48. Memmedova A. Mukaddimetü'l-Edeb'de Türkçe İslami terimler. *Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi*, 4, no. 2, 2017, pp. 449–462. (In Turkish)
49. Muminov A. Dihqāns and sacred families in Central Asia. Sayyids and Sharifs in Muslim Societies: The Living Links to the Prophet. Edited by Kazuo Morimoto. London and New York: Routledge, 2012: 198–209.
50. Muminov A. "Disputes in Bukhara on the Persian translation of the Qur'an." *Mélanges de l'Université Saint-Joseph*, 59, 2006, pp. 301–307.
51. Onur S. Harezmi Türkçesiyle yazılmış bir fal kitabı. *Modern Türklük Araştırmaları Dergisi* 17, no. 1, 2020, pp. 96–119. (In Turkish)

52. Shoshan B. High culture and popular culture in medieval Islam. *Studia Islamica*, 73, 1991, pp. 67–107.
53. Şimşek Y. Türkçe ilk kur'an tercümelerinden meşhed nüshasının (293 No.) Türk dili tarihindeki yeri ve önemi." *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten*, 67, 2019, pp. 87–152. (In Turkish)
54. Togan Z.V. Harezm'de Yazılmış Eski Türkçe Eserler, *Türkiyat Mecmuası* II, 1926, pp. 331–345. (In Turkish)
55. Togan Z.V. Zimahseri'nin Do÷u Türkçesi ile "Mukaddimetü'l-Edeb"i, *Türkiyat Mecmuası*, 14, İstanbul 1965. (In Turkish)
56. Yaman Ü. "Doğu Türkçesi ile Yazılan Sirâcü'l Kulûb (Gramer-Metin-Çeviri-Dizin)", T.C. İstanbul Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Türk Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı Eski Türk Dili Bilim Dalı, Doktora Tezi, İstanbul, 2015. (In Turkish)
57. Yüce N. Ebu'l-Kâsım Cârullâh Mahmûd bin 'Omar bin Muhammed bin Ahmed ez-Zamahşari el-Hvârizmi Mukaddimetü'l-Edeb. Hvarizm Türkçesi ile tercümeli Şufter nüshası. Giriş, dil özellikleri, metin, indeks. 2-ci basqı. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1993. (In Turkish)
58. Ulvi M.K. The Mu'tazilism of al-Zamakhsharî: A Bahshamî or a Hısaynî?. *İlahiyat studies*, 2021, vol. 12, no. 2 (Summer / Fall).
59. Ünlü S. Harezm Altınordu Türkçesi Sözlüğü. Konya: Eğitim Kitabevi. 2012. (In Turkish)
60. Schamiloglu U. Reflections on the Islamic Literature of the Golden Horde: On the Occasion of the Publication of the Qalandar-nâme. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 2, pp. 264–271. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-2.264-271.
61. Walmsley N. The Yasaviyya in the Nasâ'im al-maḥabba of 'Alî Shîr Navâ'î: A Case Study in Central Asian Hagiography. *Journal of Sufi studies* 3, no. 1. 2014, pp. 38–66.

About the author: Azim M. Malikov – Cand. Sci. (History), Assistant Professor at the Department of Asian Studies, Palacky University in Olomouc (26, Svoboda Str., Olomouc 77900, Czech Republic); ORCID: 0000-0002-0173-2014. E-mail: azimmal2018@gmail.com

Received September 15, 2023

Accepted for publication November 20, 2023

Published December 29, 2023

**«МЫ ДАДИМ ПРОЧЕСТЬ ТЕБЕ,
И ТЫ НЕ ЗАБУДЕШЬ!» (КОРАН, 87: 6).
РАССКАЗ О КАЗАНСКОМ ХАНЕ И ЛОВКОМ ВЕЗИРЕ**

И.В. Зайцев

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
ilyaAugust@yandex.ru*

Цель исследования: проанализировать текст и представить перевод анекдота-латифе о ловком везире казанского хана.

Материалы исследования: архив Ризаэтдина Фахретдина.

Результаты и научная новизна исследования: в основе исследования публикация и перевод текста, анекдота-латифе о ловком везире казанского хана, избежавшем смерти с помощью хитроумного прочтения неогласованного персидского текста по-арабски. Латифе сохранилось в архиве и с большой долей вероятности принадлежит перу весьма плодовитого поэта и высокообразованного представителя мусульманского духовенства Волго-Уралья 'Али Чокрый ((1827/28–1889). Представленный для исследования список на данный момент хранится в Институте восточных рукописей Российской академии наук в Санкт-Петербурге. Именно в его составе и хранится публикуемый анекдот. Данный анекдот о «Сонкор-бике Каланисе» также имеет персидское происхождение, поскольку возник в тюркской среде, где хорошо знали фарси. Возможно, он относится к эпохе Казанского ханства, однако никаких известий о существовании в этом государстве должности везира при хане мы не имеем. Впрочем, как пример обыгрывания слов анекдотического свойства, этот рассказ вполне мог появиться в Поволжье еще в раннее Средневековье. Ведь основан он на разнице в чтении арабского языка и тюркской речи, записанной арабским письмом. Тюрки и арабы столкнулись с этой проблемой, как только Ислам проник в тюркскую среду и началось знакомство с Кораном. Таким образом, «Лятифе о казанском хане и его везире» – не просто интересный и забавный анекдот, но поучительная филологическая головоломка, пришедшая на ум искушенному знатоку трех языков ислама – арабского, фарси и тюрки.

Ключевые слова: история, источниковедение, Коран, Казанское ханство, латифе, 'Али Чокрый, Ризаэтдин Фахретдин

Для цитирования: Зайцев И.В. «Мы дадим прочесть тебе, и ты не забудешь!» (Коран, 87: 6). Рассказ о казанском хане и ловком везире // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 834–842. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.834-842 EDN: KLFPSN

© Зайцев И.В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

**“WE WILL GIVE YOU RECITE,
AND YOU WILL NOT FORGET” (QURAN, 87:6).
A TALE OF THE KAZAN KHAN AND HIS CLEVER VIZIER**

I.V. Zaytsev

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ilyaAugust@yandex.ru*

Abstract: *Purpose* of the study: To analyze the text and present a translation of the latifeh anecdote about the clever vizier of the Kazan Khan.

Research materials: The archive of Rizaetdin Fakhretudin.

Results and scientific novelty of the study: the study is based on the publication and translation of the text, an anecdote – latifeh – about the clever vizier of the Kazan Khan who escaped death with the help of a cunning reading of an unvoiced Persian text in Arabic. The latifeh has been preserved in the archive and with a high degree of probability belongs to the pen of a very prolific poet and highly educated representative of the Muslim clergy of the Volga-Ural region, 'Ali Chokry ((1827/28–1889). The list presented for research is currently stored in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg. It is in its composition that the published anecdote is stored. This anecdote about “Sonkor-bik Kalanis” is also of Persian origin, since it arose in a Turkic environment where Farsi was well known. Perhaps it refers to the era of the Kazan Khanate, but we have no information about the existence in that state of the position of vizier under the khan. However, as an example of playing on words of an anecdotal nature, this story could well have appeared in the Volga region in the early Middle Ages. After all, it is based on the difference in reading the Arabic language and Turkic speech recorded in Arabic script. The Turks and Arabs faced this problem as soon as Islam penetrated the Turkic environment and their acquaintance with the Koran began. Thus, the “Latifeh about the Kazan Khan and his Vizier” is not just an interesting and funny anecdote, but an instructive philological puzzle that came to the mind of a sophisticated connoisseur of the three major languages of Islam – Arabic, Farsi, and Turkic.

Keywords: History, source study, Koran, Kazan Khanate, latifeh, Ali Chokry, Riza ad-Din b. Fahr ad-Din. ‘Ali

For citation: Zaytsev I.V. “We will give you recite, and you will not forget” (Quran, 87:6). A tale of the Kazan Khan and his clever vizier. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 834–842. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.834-842 (In Russian)

Излишне говорить о том, какую огромную роль играл Коран в литературной жизни мусульман Волго-Уралья.

В фонде Ризаэтдина Фахретдина сохранился весьма любопытный текст, который имеет прямое отношение не только к восприятию текста Корана в тюркской среде, но и, как кажется, к истории Казанского ханства¹.

Первый лист с оборотом занят своего рода предисловием на арабском языке, посвященном вопросам стилистики. Текст написан коричневыми чернилами почерком *наسخ*.

На обороте синими чернилами пометка Ризаэтдина Фахретдина: *على الجفرى ترجمه* ². Какой перевод имелся в виду и сохранился ли он, мне выяснить не удалось. Далее автор (переписчик?) переходит на тюрки.

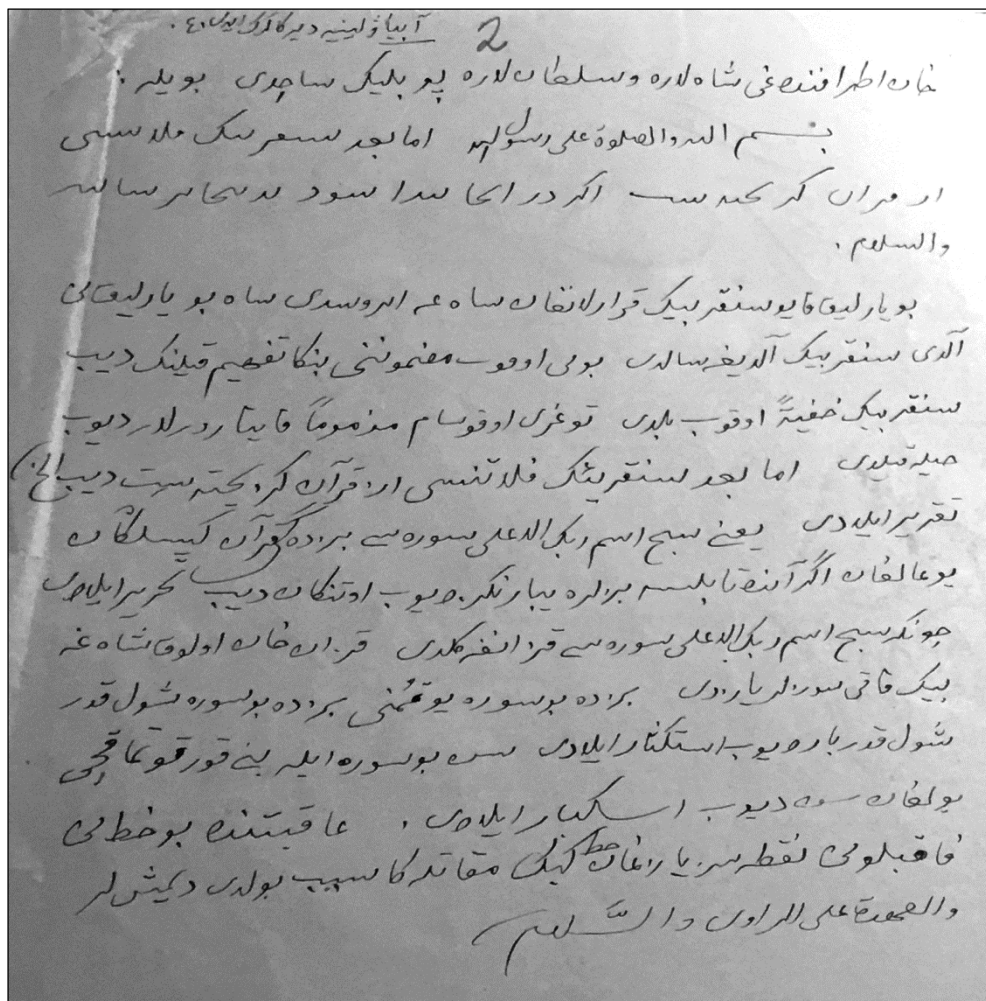
¹ Архив востоковедов ИВР РАН, ф.131, оп.2, ед.хр. 57, лл.102–103.

فالمحبب اللاحق يسلم المحبب اللاحق وفيه الحظ من قدر نفسه والبر بملكهم
قوله بسفر نيك قلنا في آخر قوله نقول تل من كفل
اقول بارك نكا محسن حبب الكرام ولحمه صهنة المكثر فانه قد
استخرج بالظاهر محاية يستنبط بالفاظ ولا يمكن الشرح بالخارجة والحال
ان ذلك المعنى لم يحظر في قلب الكاتب وهذا الفحوى حدية الاثبات في المطالب
شكر الله السعي المحرر ثم انه لم يقع واقعه فطوئته فقد سرته والظاهر محوثة
وجراي محلوذة وقراي محسوثة قوله بعائكم الى المحبب اللاحق الادنى في
رعاية السجع في دعائكم الى المحبب اللاحق برباها الواو في لفظ اللاحق ليطلق مع
الاحمد واللاحق والاحمد واللاحق اسم منه اسماء له نكا يضاف اليه لفظ العبد
كما ضافته الى لفظ لفظ الرضا كما فعل المدرس التارخاني اعني به انه سما ابنه
بعبد اللاحق وهو يستعمله في كتابه والكاتب المحرر انما عدل عن اللاحق
مع لزومه في رعاية السجع لعدم السماع وعمل التارخاني ليس بجي وهو كثير
الصداع حيث سما ولدا له بوصف محمد وآخر بوصف #محمدا وقد سرق
الاسماء من ابناء الارخان
ثم اني وعديت في المكتوب الاول تنقيط هذا المقال باللطيفة المعول
فاصرره بالتركيب لئلا يعجز التعمية الحرفية
لطفه
قار ان خاني نيك برونير بارايدي مستقر نيك قلنا نيسي
ديب نام دارايدي بركون خان برونير آراسندة مخالفة توشند وزيتر
خان دان قورق قاجدي ايكني برسلكان غباروب وزيتر نيك بابنه احد
خان

Архив востоковедов ИВР РАН (Санкт-Петербург), ф. 131, оп. 2, ед.хр. 57, л. 102об.

Archive of Orientalists of the St. Petersburg Institute of Oriental Manuscripts
of the Russian Academy of Sciences, f. 131, op. 2, storage unit 57, sheet 102 turn.

² Или же даже «к биографии 'Али ал-Чукри», если воспринимать слово ترجمه в более узком значении.

Архив востоковедов ИВР РАН (Санкт-Петербург), ф. 131, оп. 2, ед.хр. 57, л. 103.

Archive of Orientalists of the St. Petersburg Institute of Oriental Manuscripts
of the Russian Academy of Sciences, f. 131, op. 2, storage unit 57, sheet 103.

Текст

[л.102об.]

لطیفه

قازان خانى ننگ بر وزيرى بار ايدى سنقر نيك قلانىس
ديب نام دار ايدى بركون خان برله وزير آراسنده مخالفه توشدى وزير
خان دان قورق ب قاچدى ايكنچى بر سلطان غه باروب وزيرليك بابنى آچدى

[л.103]

خان اطرافنده غى شاه لاره و سلطان لاره پولىك ساچدى بويله:
بسم الله و الصلوة على رسول الله اما بعد سنقر نيك قلانىس
ار فران كر حدس اكر در احا سدا سود بد بحانر ساهه

والسلام

بو يارليق قابو سنقر بيك قرار لانغان شاه غه ايرو سدى شاه بو يارليق نى
الدى سنقر بيك آلدیغه سالدى بونى اوقوب مضموننى بنكا تفهيم قلىنك ديب
سنقر بيك خفيه اوقوب بلدى توغرى اوقوسام مزموماً قايتارور لار ديوپ
حيله قىلدى اما بعد سنقر بيك فلاتنيىس از قرآن كريخته است ديب الخ
تقرير ايلادى يعنى سبح اسم ربك الاعلى سورة سى بزده كى قرآن كيسلكان
يو عالغان اگر آنده تابلسه بزلره يبارنكز ديوپ اوتنكان ديب تحرير ايلادى
چونكه سبح اسم ربك الاعلى سورة سى قزانغه كلدى قازان خان اولوق شاه غه
بيك قاتى سوزلر يازدى بزده بو سورة يوقمىنى بزده بو سورة شول قدر
شول قدر يار ديوپ استنكار ايلادى سن بو سورة ايله بنى قورقو تماقچى
بولغان سن ديوپ استنكار ايلادى عاقبتنده بوخط نى
فاق بلونى نقطه سز ياز غان حطك بك مقاتله كا سبب بولدى ديمش لر
والعهدة على الراوى والسلام

Перевод

«У казанского хана был один везир. Звали его Сонкорник³ Каланис. Однажды между ханом и везиром возникла ссора. Везир, убоявшись хана, бежал. Придя к другому султану, он получил там чин везира⁴. Хан же отправил соседним шахам и султанам такой ярлык⁵:

Во имя Аллаха и молитвы за посланника Аллаха! А после этого: Сонкор-бик Каланис....⁶

ار فران كر حدس اكر در ا بها ندا سود بد بها برساند

И мир!

Итак, этот ярлык говорил шаху, что делать с Сонкор-биком. Шах взял этот ярлык и послал за Сонкором. Прочитав его, он сказал Сонкору: «объясни мне его смысл». Сонкор прочитал его потихоньку и (все) понял. «Если я прочту его верно, меня вернут назад, унизив». Он схитрил, сказав: «А после: Мы дадим прочесть тебе, и ты не забудешь из Корана ушло. И так далее»⁷. – И так объяснил: «То есть, это о суре «Славь имя Господа твоего Всевышнего»⁸. – «В нашем Коране она отсутствует. Если найдется у вас, отправьте нам». Казанский хан написал великому шаху очень плохие слова, потому что сура «Славь имя Господа твоего Всевышнего» дошла до Казани. Разве нет у нас этой суры? У нас эта сура еще как есть. Так говоря, он действовал надменно». «Ты хотел напугать меня этой сурой?» – и проявил высокомерие. В конце он написал без точек слова «примите письмо». Говорят, [прочитанные как] «Я убью тебя», они стали причиной убийства.

³ Написано именно с такой огласовкой. Ниже он пишется в виде Сонкор-бик.

⁴ Дословно: «открыл врата своего везирства».

⁵ К этому слову переписчик сделал пояснение: آيلاق لينيه т.е. «объявление». В действительности в тексте написано не «ярлык», а слово «публик». Вероятно, автор и переписчик текста хотел написать: «публичное объявление».

⁶ Далее идет неогласованный арабографичный текст на персидском: از قزان گريختهست اگر در آنجا پيدا شود بدینجا برساند [его] сюда». Далее в ответе Сонкора шаху он читает его по-арабски (8-я строка).

⁷ Т.е. по тексту – «если найдется у вас, то пришлите».

⁸ Коран, 87:1.

А за верность этого я не ручаюсь⁹. И мир!»¹⁰.

Перед нами латифе (анекдот). В чем соль этого анекдота? В умелом обыгрывании имени везира и названия города Казани с аятами Священного Корана. Дело в том, что форма имени везира – видимость тюркского или даже греческого имени. В действительности это слова 6-го аята той же суры 87 «Всевышний»: «санукриука фалатанса» سَنُفِّرُكَ فَلَاتَنْسَى

«Мы дадим прочесть тебе, и ты не забудешь».

Умный везир превращает свое неогласованное имя в 6-ой аят 87 суры, неогласованный топоним Казань в название Священной книги, а персидский текст с просьбой вернуть его хану в просьбу о присылке в Казань «пропавшего» там аята. Тем самым «Сонкор-бик Каланис» меняет суть письма, спасая себя от неминуемой казни.

Похожий прием ловкого использования текста Корана (вернее, искажения его первоначального смысла) для достижения корыстных целей встречается в средневековой литературе, при этом не арабской, но тесно связанной с исламом. Так, в одной из персидских новелл некто Башар (возможно, Бишр) вынудил некоего Лавваха через судью заплатить ему 19 динаров, аргументируя это аятом لَوَاحَةٌ لِلْبَشَرِ عَلَيْهَا تِسْعَةُ عَشَرَ (лаввахатун ли-л-башари алайха тис'ата 'ашара) (Коран, 74: 29–30) [1, с. 105, 305]: то есть, как бы «Лаввах должен Башару девятнадцать (динаров)» [6, с. 48]¹¹.

В действительности конечно, в этих двух аятах Корана речь идет совсем о другом. В мрачном и очень впечатляющем описании геенны говорится об адском пламени в Преисподней: «Откуда ты мог знать, что такое Преисподняя? Она не щадит и не оставляет. Она жжет человеческое тело. При нем девятнадцать [ангелов-стражей ада – И.З.]». Любопытно, что этот рассказ о Башаре и Лаввахе был довольно рано переведен с фарси на татарский язык и известен нам по рукописи из собрания Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Этот сборник носит название «Маджмуа ал-хикаят» (مجموع الحكايت) и состоит из двух частей. Первую часть с персидского языка на татарский перевел Нурмухаммад бин Галим. Вторую часть перевел Мухаммадрахим бин Рафик Казани. Переписчик – он же. Переписана рукопись была в 1785 г.¹²

Судя по всему, публикуемый анекдот о «Сонкор-бике Каланисе» также имеет персидское происхождение (в том смысле, что он скорее всего возник в тюркской среде, где хорошо знали фарси). Относится ли он к эпохе Казанского ханства? Вполне возможно, хотя надо понимать, что никаких известий о существовании в этом государстве должности везира при хане мы не имеем. Впрочем, как пример обыгрывания слов анекдотического свойства, этот рассказ вполне мог появиться в Поволжье еще в раннее Средневековье. Ведь основан он на разнице в чтении арабского языка и тюркской речи, записанной арабским письмом. Тюрки и арабы столкнулись с этой проблемой, как только Ислам проник в тюркскую среду, и началось знакомство с Кораном. Примеры такой арабо-тюркской омо-

⁹ Расхожее арабское выражение. Дословно значит: «ответственность лежит на рассказчике этого».

¹⁰ Т.е. конец.

¹¹ Рукопись ИВР РАН А 103 (Средняя Азия (?), XVIII в.). (17-ый рассказ в рукописи ИВР РАН, переписанной в Средней Азии в XVIII в.). Указанием на эту параллель я обязан Д.А. Морозову.

¹² Лист 38. Рукопись оцифрована. Режим доступа: <http://miras.info/projects/mirasxane/manuscript/209-madzhmug-al-hikajat.html> (дата обращения 11.08.2023).

ними с примерами из Священной книги мы встречаем еще у Махмуда Кашгарского (XI в.) [4].

Автор этого короткого текста, видимо, был неплохо знаком с риторическими приемами, усиливающими восприятие текста. Он использует ритмический рисунок тюркской речи с глагольными окончаниями отрезков предложения; намеренно играет близкими по написанию и звучанию арабскими словоформами (مزموماً - استكبار - استكثار ; مضموننى).

Весьма возможно, что ключ к разгадке авторства – пометка Ризаэтдина Фахретдина на заглавном листе рукописи с упоминанием Мухаммад-Али ал-Чукри (Гали Чокрый). Этот суфий, весьма плодовитый поэт и высокообразованный представитель мусульманского духовенства Волго-Уралья (1827/28 – 1889), первая печатная книга которого будет посвящена правильному чтению Корана, а переписка рукописей была одним из основных его занятий.

Мухаммад-‘Али Чукри уделял пристальное внимание технической стороне поэзии. Языки мусульманских тюркских народов в большинстве своём не имеют долгих гласных, поэтому доведённая до совершенства арабскими и персидскими поэтами ритмическая система ‘аруд, построенная на чередовании долгих и кратких слогов, была приспособлена к тюркским языкам за счёт создания сложной системы приравниваний: открытые слоги считаются краткими, закрытые – долгими, арабские и персидские заимствования сохраняют исконную долготу и краткость. Мастерство поэта включало в себя, в том числе умение создавать соответствующие нормам ‘аруда и одновременно звучащие живо строки и требовало не только таланта, но и изощрённых расчётов. Мухаммад-‘Али Чукри владел этой техникой достаточно хорошо, его стихи можно прочесть без запинок. Классическая арабская, персидская и ориентирующаяся на них тюркская поэзия базируется на строгих формах строфы с чётко определёнными схемами рифмовки. Мухаммад-‘Али Чукри и здесь достиг большого мастерства. Его излюбленными приёмами было создание касыд, в которых рифмовались не только концы бейтов, но и четверти внутри них, то есть получалась касыда, каждый бейт которой представлял строфу мурабба‘. Поверх филигранно сложной рифмовки ложился *тавиших* – актростих. Именно так написан *opus magnum* поэта – агиографический справочник «Знамёна предводителя». Начальные строки бейтов в поэмах Мухаммада-‘Али Чукри обычно представляют собой его подпись, имя того, кому посвящено произведение или содержат важные даты, зашифрованные в численных значениях букв [5].

Важно, что Казань и ее история занимали в творчестве Чукри заметное место: он написал «Мадх-и Казан» – стихотворную хвалу городу и его истории, в которой сравнивал татарскую столицу с Дамаском и Багдадом, проводя при этом прямую преемственность между Казанью и древним Булгаром [3, с. 513–524]¹³.

‘Арифиллах б. ‘Али (Гарифулла Кииков, сын Чукри) состоял в переписке с Р. Фахретдином и мог снабжать того сведениями о своём отце для «Асар». Сохранилось письмо Киикову от Мурада Рамзи, где тот извиняется, что не написал об ‘Али Чукри в примечаниях к переводу «Рашахат»¹⁴. Это свидетельствует о том, что сын прилагал усилия к увековечению памяти отца. Р. Фахретдинов действительно составил короткий очерк об ‘Али Чукри, который вошёл в последний том «Асар», опубликованный уже посмертно. Среди прочего он упоминает хо-

¹³ Впрочем, мы до конца не можем быть уверены, что в тексте речь действительно идет о хане Казани на Волге, а не о хулагуидском «Газан-хане».

¹⁴ Мурад Рамзи, по мнению М. Кемпера не упоминал Чукри в своих текстах сознательно [3, с. 496].

рошее знание арабского языка у 'Али Чукри. Возможно, документ рассматривался Р. Фахретдином как материал для характеристики 'Али Чукри в биографическом очерке, а не как прямой источник сведений о его биографии. С большой вероятностью документ написан рукой сына 'Али Чукри 'Арифуллах.

Часть рукописей Мухаммад-'Али и его сына 'Арифуллах были в 1925 г. переданы муфтию Риззатдину Фахретдину, который отправил их вместе со своими документами академику А.Н. Самойловичу. Сейчас они хранятся в Институте восточных рукописей Российской академии наук в Санкт-Петербурге, составляя отдельный фонд. Именно в его составе и хранится публикуемый анекдот. Вполне возможно, что поэта и тонкого знатока языков, воспитанного в персидском каноне 'Али Чукри привлекла эта новелла.

Анекдоты-латифе появились в арабо-персидской литературе очень рано [7]. Жанр латифе проник в османскую словесность: достаточно вспомнить Латифе Лямии и знаменитые рассказы о 40 везирях. Латифе в татарской литературе также были хорошо известны и источником его появления была, скорее всего, Средняя Азия: пример казанского сборника 1785 г. это хорошо доказывает.

В новое время к нему обращались и классики. Можно вспомнить сказочную повесть Каюма Насыри о жизни и деятельности известного восточного ученого, философа и поэта Авиценны. Это перевод-переработка забавных и поучительных историй о мудреце Абу 'Али Ибн Сина и его брате Абульхарисе, в которой действуют падишахи Багдада, Бухары, Кирмана, царь Египта и проч. Первое ее издание выпущено в 1881 году [2].

Как бы то ни было, «Лятифе о казанском хане и его везире» – не просто интересный и забавный анекдот, но поучительная филологическая головоломка, пришедшая на ум искушенному знатоку трех языков ислама – арабского, фарси и тюрки.

Благодарность. Автор выражает благодарность И.Р. Саитбатталову за помощь, оказанную в процессе написания статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Восточная новелла. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 320 с.
2. Каюм Насыри. Избранные произведения. Казань: Татарское книжное издательство, 1977. 254 с.
3. Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: исламский дискурс под русским господством. Казань: Российский исламский университет, 2008. 655 с.
4. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288с.
5. Мухаммад-'Али Чукури 'Арифуллах Басарави. Булгарские хроники, или Приближение ['Али] Гари / Вступит. статья, транскрипция, пер. и комм. И.Р. Саитбатталова. М.: ООО «Садра», 2021. 200 с.
6. Туманович Н.Н. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып.6 Фольклор (занимательные рассказы и повести). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1981. 144 с.
7. Das Kitab al-Wuzara wa-l-Kuttab al-Gahsiyari. In Faximile herausgegeben von Hans Mzik. Leipzig, (Bibliothek Araischer Histori ker und Geographen). 1926. 535 p.

Сведения об авторе: Илья Владимирович Зайцев – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (117036, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9862-8511; ResearcherID: C-7839-2018. E-mail: ilyaAugust@yandex.ru

Поступила 18.08.2023

Принята к публикации 21.11.2023

Опубликована 29.12.2023

REFERENCES

1. Eastern novella. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1963. 320 p. (In Russian)
2. Kayum Nasyri. Selected Works. Kazan: Tatar book Publ., 1977. 254 p. (In Russian)
3. Kemper M. Sufis and scholars in Tatarstan and Bashkortostan: Islamic discourse under Russian domination. Kazan: Rossiyskiy islamskiy universitet, 2008. 655 p. (In Russian)
4. Mahmud al-Kashgari. Divan lugat at-turk (Collection of Turkic words). Almaty: Dayk-Press, 2005. 1288 p. (In Russian)
5. Mukhammad-‘Ali Chukuri ‘Arifullakh Basaravi. Bulgarian Chronicles, or Approximation [‘Ali] Gari / Vstupit. stat’ya, transkriptsiya, per. i komm. I.R. Saitbattalova. Moscow: OOO «Sadra», 2021. 200 p. (In Russian)
6. Tumanovich N.N. Description of Persian and Tajik manuscripts of the Institute of Oriental Studies. Vol. 6: Folklore (entertaining stories and tales). Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1981. 144 p. (In Russian)
7. Das Kitab al-Wuzara wa-l-Kuttab al-Gahsiyari. In Faximile herausgegeben von Hans Mzik. Leipzig, (Bibliothek Araischer Historiker und Geographen). 1926. 535 p. (In German)

About the author: Il’ya V. Zaytsev – Dr. Sci. (History), Senior Researcher Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitriy Ulyanov Str., Moscow 117036, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9862-8511; ResearcherID: C-7839-2018. E-mail: ilyaAugust@yandex.ru

Received August 18, 2023

Accepted for publication November 21, 2023

Published December 29, 2023

**ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ТАТАРСКОГО
СОСЛОВИЯ В КАЗАНСКОМ ХАНСТВЕ
(КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

Д.М. Исхаков

*Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
Тобольск, Российская Федерация*

*Редакция журнала «Туган жир. Родной край»
Казань, Российская Федерация
monitoring_vkt@mail.ru*

Цель исследования: несмотря на издание значительного числа трудов по истории Казанского ханства, в том числе и с переосмыслением старых подходов к изучению феодального сословия этого государства, напрямую связанного с золотоордынскими татарами, проблема становления и развития данной государствообразующей страты, восходившей в Казанском юрте к татарам Булгарского вилайета Улуса Джучи, еще далека от окончательного решения. В данном исследовании мы сосредоточились на анализе всего комплекса вопросов, связанных с формированием татарского слоя государства, контролировавшего его, а еще и на том, как в Казанском ханстве, так и в его политическом предшественнике в лице Булгарского вилайета, правящее сословие было выстроено на клановых основаниях, а сама система власти базировалась на институте карача-беков. Система карача-беков, изначально опиравшаяся на 4 ведущие кланы, существовала как Булгарском вилайете, так и Казанском ханстве, хотя состав правящих кланов в них различался. Но для того, чтобы раскрыть особенности кланового состава этих двух политий, был проведен детальный – насколько позволяют источники – анализ всей совокупности информации относительно присутствовавших там кланов. Кроме того выяснялся и вопрос о соотношении у татар Казанского ханства кочевого и оседлого хозяйства.

Материалы исследования: в работе были использованы данные русских летописей, татарский источник «Дафтар-и Чингиз-наме», труды Утемиша-хаджи, Абдулгаффара Кырыми, Кадыр Али-бека, материалы дипломатических переписок XVI в., эпиграфические материалы и исторические предания, генеалогические данные, связанные со знатными татарами.

Результаты и научная новизна исследования: проведенное исследование показало, что Казанское ханство не унаследовало прежний клановый состав татарского населения времен Булгарского вилайета, он был иной, характерный для правого крыла Золотой Орды и позже Большеордынско-Крымской политии. Кроме того, изучение вопросов, имеющих отношение к становлению татарской страты (сословия) Казанского ханства, позволило сформулировать гипотезу о том, что она частично продолжала вести кочевой образ жизни весь период существования этого юрта, находясь в сложном взаимодействии с татарами Ногайской Орды, что позволяет по новому взглянуть в целом на вопрос формирования этнической общности «казанских татар», включая и такой его аспект, как территориальные ее границы.

© Исхаков Д.М., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Золотая Орда (Улус Джучи), Булгарский вилайет, Казанский вилайет, Казанское ханство, татарское сословие, клановая структура, система 4-х карача-беков

Для цитирования: Исхаков Д.М. Проблема становления татарского сословия в Казанском ханстве (конкретно-исторические и теоретические аспекты) // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 843–862. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.843-862 EDN: OQZSRS

THE FORMATION PROBLEM OF THE TATAR CLASS IN THE KAZAN KHANATE (SPECIFIC HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECTS)

D.M. Iskhakov

*Tobolsk Complex Research Station
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Tobolsk, Russian Federation*

*Editorial board of the Journal "Tugan Jir. Native Land"
Kazan, Russian Federation
monitoring_vkt@mail.ru*

Abstract: *The purpose of the study:* Despite the publication of a significant number of works on the history of the Kazan Khanate, including the rethinking of old approaches to the study of the feudal class of this state, directly related to the Golden Horde Tatars, the problem of the formation and development of this state-forming stratum, which ascended in the Kazan yurt to the Tatars of Bulgar Vilayet Ulus Jochi, is still far from a final consensus. In this study, we focused on the analysis of the entire complex of issues related to the formation of the Tatar layer of the state that controlled it, and also on how both in the Kazan Khanate and in its political predecessor in the person of the Bulgar Vilayet, the ruling class was built on a clan basis. The system of power itself was based on the institution of Karacha-beks. The system of Karacha-beks, originally based on 4 leading clans, existed both in the Bulgar vilayet and in the Kazan Khanate, although the composition of the ruling clans in them differed. But in order to reveal the peculiarities of the clan composition of these two polities, a detailed – as far as the sources allow – analysis of the totality of information regarding the clans present there was carried out. In addition, the question of the ratio of nomadic and settled economy among the Tatars of the Kazan Khanate was also clarified.

Research materials: the data of Russian chronicles, the Tatar source "Daftar-i Chingiz-name", the works of Utemish-hadzhi, Abdulgaffar Kyrimi, Kadyr Ali-bek, materials of diplomatic correspondence of the 16th century, epigraphic materials, historical legends, and genealogical data were used in the work, associated with noble Tatars.

Results and novelty of the study: The study showed that the Kazan Khanate did not inherit the former clan composition of the Tatar population of the time of the Bulgar vilayet, it was different, characteristic of the right wing of the Golden Horde and later the Greater Horde-Crimean polity. In addition, research of issues related to the formation of the Tatar stratum (estate) of the Kazan Khanate made it possible to formulate a hypothesis that it partially continued to lead a nomadic lifestyle throughout the entire period of the existence of this yurt, being in a complex interaction with the Tatars of the Nogai Horde. That allows us to take a new look in general at the question of the formation of the ethnic community of the "Kazan Tatars", including such aspects as its territorial borders.

Keywords: Golden Horde (Ulus Jochi), Bulgar vilayet, Kazan vilayet, Kazan khanate, Tatar class, clan structure, system of four Karacha-beks

For citation: Iskhakov D.M. The formation problem of the Tatar class in the Kazan Khanate (specific historical and theoretical aspects). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 843–862. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.843-862 (In Russian)

Татары в Булгарском вилайете в XIV – начале XV вв.

Несмотря на то, что административно-территориальные границы Булгарского вилайета (улуса) Золотой Орды в XIV – начале XV вв., как и XIII в., остаются до конца не проясненными – а они с течением времени могли и меняться – довольно уверенно можно утверждать, что Казанское ханство возникло на основе данного владения, чей столичный центр вначале находился в г. Булгаре, затем, после нашествия Тимура в 1391 и 1395 годах, переместившись (скорее всего, около 1410/1411 гг.) в Старую Казань (*Иске Казан*), в начальный период именовавшуюся и как «Новый Булгар» / «*Болгар ал-жэдит*» [11].

Из-за того, что в Улусе Джучи Булгарский вилайет относился к ханскому домену [16, с. 128, 133–134], было бы вполне уместно ожидать там присутствия представителей государствообразующего в Золотой Орде «татарского» сословия и до появления в пределах этого владения в конце 1430-х годов хана Улуг Мухаммада со своими людьми. Действительно, факт нахождения татар в Булгарском вилайете еще до прихода туда группы во главе с ханом Улуг Мухаммадом в исторической литературе признается [5, с. 190, 450]. Однако источников, подтверждающих это, даже для XIV – начала XV вв., не так много, в основном о нахождении татар на данной территории пишут русские летописи, причем лишь с эпохи «Великой замятни». Чтобы иметь общее представление о том, каким материалом мы можем оперировать для этого периода, вкратце рассмотрим известия русских летописей о населении Булгарского вилайета.

Согласно «Рогожской летописи», описывающей действия новгородских ушкуйников в 1360 г. по р. Каме, когда те захватили «град бесерменской ... Жюкомен[ь]» (подразумевается Жукотин – Д.И.), за подобные действия «погании бесермена прогневались» [24, с. 69]. Так применительно к населению Булгарского вилайета начинает использоваться термин «бесермены», под которым может подразумеваться исповедание ислама, особенно, с определением «поганные». Однако, этноконфессиональная ситуация в данном ареале была более сложной, что обнаруживается в последующих летописных сообщениях. Скажем, по «Типографской летописи» видно, что двигавшиеся по Волге новгородские ушкуйники, не так далеко от района Нижнего Новгорода, но перед тем, как доплыть до г. Булгара, «избиша ... множество Татаръ и Бесермень и Ормень» [26, с. 124]. Имея в виду, что в данном случае скорее всего речь идет о прибрежных территориях вдоль Волги, можно полагать, тут подразумеваются земли Булгарского вилайета. Далее, из «Рогожской летописи» мы обнаруживаем, что в 1361 г., в условиях «Великой замятни», «князь ордынский» по имени Булат-Темир, занял г. Булгар, а в 1367 г. он, по-видимому, действуя оттуда, появился на территории Нижегородского княжества с «ратью Татарскою», но потерпев поражение бежал за р. Пьяну и затем ушел «в Орду», где был убит по распоряжению золотоордынского хана Азиза [24, с. 70, 85]. Хотя из этого сообщения не вполне ясно, какая конкретно территория имеется в виду под «Ордой» – земли Булгарского вилайета из-за их вхождения в ханский домен тоже могли быть отнесены к ней – приведенное сообщение может свидетельствовать в пользу присутствия в указанном владении «татарской рати», возглавлявшийся находившемся с 1361 г. в г. Булгаре

«ордынским князем», по поводу клановой принадлежности которого позже мы еще выдвинем одну гипотезу, которая будет свидетельствовать в пользу нахождения Булат-Темира именно в рассматриваемом владении.

Население Булгарского вилайета и в дальнейшем в русских летописях продолжает маркироваться двояко, как «татары» и «бесермены». Например, в 1375 г. новгородские ушкунники, действовавшие в районе г.Костромы, когда они попали «на низъ к Новгороду Нижнему и тамо много ... зла сътвориша, Бесермень исьсекоша» [27, с. 191]. Затем, при походе русских войск в 1376 г. на Булгары, выступившие оттуда против них войска в «Рогожской летописи» и «Типографской летописи» поименованы «погании Бесерменове» [24, с. 116; 21, с. 401]. Но вышедшие навстречу наступавшей русской рати войска защитников г. Булгара оказались своеобразными – часть их «выехаша на вельблюдохъ» [24, с. 116; 21, с. 401]. Хотя группа на верблюдах выезжала для того, чтобы напугать коней русских всадников, этот пример показывает наличие в составе обороняющих г. Булгар приверженцев кочевой традиции, умевших обращаться с верблюдами. Такое умение вряд ли было характерно для оседлых жителей этой территории, стало быть мы тут видим проявление иной этнокультурной традиции, характерной для татар-золотоордынцев. Получается, что несмотря на общую маркировку жителей Булгарского вилайета как «бесермен», то есть, мусульман, состав населения этого владения не был этнически однородным. И действительно, из летописных сообщений, освещающих более поздние события, происходившие на территории данного владения, мы об этом можем узнать достаточно конкретно.

Скажем, при описании похода московских войск в 1399 г. против Булгарского вилайета, когда они достигли успеха, в «Типографской летописи» есть следующие строки: «...град Болгары, Жукотин, Казань, Керменьчук и всю землю их повоеваша, и много бесермен и татар побиша, а землю татарскую плениша» [26, с. 167; 21, с. 453]. Из приведенного летописного сообщения отчетливо видно, что «бесермены» и «татары» являлись двумя самостоятельными группами населения данного владения, бывшего частью «земли татарской», то есть Золотой Орды. Такого рода характеристики населения Булгарского (Казанского) вилайета накануне прихода туда хана Улуг Мухаммада в русских летописях есть еще. В частности, обращают на себя внимание сообщения отдельных летописей («Уваровская летопись. Летописный свод 1518 г.», «Никоновская летопись»), рассказывающих о рати правителей Булгарского / Казанского владения на Галич и Кострому зимой 1428–1429 гг., когда в этих войсках фигурируют «татары и бесермены» [27, с. 248; 23, Т. XII. с. 8]. В связи с тем, что во главе указанного войска находились не названный по имени царевич, то есть, султан, и «князь Али баба» – а это на самом деле «казанский вотчич» Али-бек/Али-бей, приведенное известие однозначно относится к Казанскому вилайету, где фигурируют уже знакомые нам две группы населения.

Исходя из летописного сообщения 1428–1429 гг., в котором в войсках Казанского вилайета указано на присутствие «царевича», в условиях даже распадавшейся Золотой Орды могущего быть только султаном – Чингизидом, отметим и другие более ранние случаи упоминания применительно к данному владению «царевичей». Так например, согласно сообщению «Рогожской летописи», рассказывающей о захвате в июле 1410 г. сторонниками Нижегородского князя Даниила Борисовича г. Владимира, в составе его войск отмечается царевич Талыч со 150 или 1500 воинов-татар [28, с. 97, 266]. Когда в ответ на эти действия зимой 1410–1411 гг. состоялся поход московских войск, в числе войск Нижегородского княжества отмечается присутствие «Болгарских князей, и Жукотинских и Мордовских» [24, с. 485].

Но вот в описании того же события в «Никоновской летописи», после упоминания союзников Нижегородского княжества в лице «Болгарских князи и Жукотинских», сделано следующее весьма примечательное заключение: «...сташа (после победы над противником – Д.И.) же на костехъ князи Новгородские Нижнего Новгорода и князи Казаньстии» [23, т. XI, с. 215]. В итоге получается, что в описанных событиях были задействованы военные силы Казанского вилайета, следовательно и царевич Талыч с воинами-татарами был оттуда же.

Как известно, накануне названных событий, в 1408 г., происходил поход Идегея на Москву. Тогда в направлении Нижнего Новгорода действовал отдельный ордынский отряд во главе с названным царевичем. Отряд состоял из «многих Татар», а также «Болгарской силы» и «Мордвы». Этой группой были захвачены Нижний Новгород и Городец, а далее планировалось идти на Кострому и Вологду, но внезапно пришла «весть» от Идегея с повелением срочно возвращаться в «Орду» [24, с. 484]. Принимая во внимание, что действия указанного выше отряда имели отношение к получению князем Даниилом Борисовичем ярлыка на Нижегородское княжение [3, с. 153], царевичем, стоявшем во главе ордынского отряда, мог быть уже знакомый нам султан Талыч, хотя А.А. Горский, разбиравший рассмотренный эпизод, склонялся к мнению, что им был царевич Ентяк (Ектяк), «управлявший Волжской Булгарией» [3, с. 153]. Действительно, этого султана тоже нельзя сбрасывать со счета, так как он фигурирует уже в событиях 1398-1399 гг., связанных с тем же Нижегородским княжеством, когда князь Семен Дмитриевич приходил под Нижний Новгород с войсками, в составе которых присутствовал царевич Ентяк с отрядом в 1000 татар. После безуспешного наступления этот отряд, по «Никоновской летописи», «возвратишася во свою землю въ Казань». Именно в ответ на этот поход и состоялся уже отмечавшийся рейд московских войск «на Казань», закончившийся взятием «Болгар, Жукотина, Казани и Керменчюха, и иных много городов» [23, т. XI, с. 164; 21, с. 453]. Поэтому и в данном случае налицо присутствие султана и подчиненного ему отряда из «татар», в Булгарском вилайете, находившемся на стадии превращения в Казанский вилайет.

Но присутствие в этом владении царевичей (султанов) было характерно не только для конца XIV – первых десятилетий XV вв., но и для более раннего времени. Речь идет о содержании русских летописных известий за 1370 и 1376 гг., связанных с Булгарским вилайетом, когда там обнаруживается Махмет султан сын Бака (обзор этих сообщений с их интерпретацией, см.: [11, с. 30–31]). В данном случае это важно, так как с султанами обычно находились и татары-воины.

Именно вследствие этого следует обратить внимание на такой татарский исторический источник конца XVII в., как «Дафтар-и Чингиз-наме», являющийся собранием народных преданий и дастанов. Кроме других материалов там имеются легендарные данные о периоде походов Тимура на Золотую Орду, в том числе на земли Булгарского вилайета. Этот источник нами ранее уже был тщательно проанализирован [10, 7, 11], поэтому ниже приведем лишь некоторые наши общие выводы, имеющие отношение к обнаружению в данном владении социально-политической структуры его населения, имеющей прямое отношение к золотоордынским татарам с клановым делением.

В «Дафтар-и Чингиз-наме» в рассказе о приходе Аксак Тимура на территорию Булгарского вилайета – другие исторические источники об этом молчат – говорится о том, что тогда там находились 124 «великих/старших беков» (*олуг бик*), из которых четверо являлись не просто беками, а «знатными шахзаде» (*асыл шахзадэлэр*) [4, б. 60]. Нами была высказана гипотеза о том, что эта четверка (их

имена: Икбали, Кол-Гали, Хаши и Миркаши) со стороны матерей могла принадлежать к «Алтын уруку», являясь одновременно карачабеками и лидерами ведущих татарских кланов. Они, кстати, могли контролировать четыре основные городские центра Булгарского вилайета (Булгар, Джукетау, Иске Казан/Казань, Кирменчук), известные в конце XIV в. Более того, это четырехчастное деление во главе с карачабеками могло отражать и крыльевое деление, существовавшее в данном владении. Об этом, по нашему мнению, говорят материалы по «Перекопской Орде» периода интронизации Хаджи-Гирея в Крыму в 1443 г., когда его привезли и посадили на крымский трон представители двух кланов – барынов и ширинов, очевидно, считавшихся старшими. Таким же образом в Булгарском вилайете в начале XV в. обычно фигурируют две группы князей – «Болгарские» и «Джукетауские». Не исключено, что именно беки этих двух административных центров имея в своем подчинении еще по одному более «младшему» клану, могли контролировать разные крылья войск Булгарского вилайета. Проблема в том, какие конкретно кланы тогда в этом владении находились. Прямых данных на этот счет в источниках не сохранилось, поэтому приходится использовать косвенные данные.

При обращении к анализу дастана «Туляк и Сусылу» появляется возможность определения клановой принадлежности одного из четырех «олуг беков» из «Дафтар-и Чингиз-наме». Речь идет о Миркаши-беке, который мог происходить из клана кыйат, фигурируя в дастане «Туляк и Сусылу» в качестве отца главного героя эпоса, Туляка [11, с. 36–37]. В связи с тем, что сам Туляк по дастану имел прямое отношение к хану Абдаллаху (Габдулле), от которого выводились легендарные правители Булгарского/Казанского вилайета, включая «казанского вотчича» Али/Гали бея, все «Булгарско/Казанские князья» могли принадлежать к этому же, некогда «царственному» клану Монгольской империи.

При детальном разборе в Булгарском вилайете обнаруживаются следы и других татарских кланов. Так, уже говорилось об «ордынском князе» Булат-Темире. Хотя имя его отца ранее на монетах читалось как «Нуган», сейчас считается, что его звали «Токла бий» [5, с. 461]. В этом случае, более чем вероятно, мы имеем дело с Товлу/Тоглу бием из клана канглы [16, с. 150], являвшемся темником и стоявшем во главе клановых войск как «ордынский князь». Так как Булат-Темир именовался этим же титулом, то он тоже, скорее всего, являлся вождем этого же клана с аналогичным статусом. Другой, заслуживающий внимания материал содержится в татарском дастане «Амет, сын Гайсы». Анализ его содержания позволяет сделать вывод о том, что главный его герой – Амет-бий, согласно дастану являвшийся еще и зятем хана Джанибека (1342–1357), некоторое время скрывался где-то на территории Поволжья, судя по всему, в Булгарском вилайете, точнее, в районе его восточной зоны. Теперь известно, что он принадлежал к сильному клану уйшын [11, с. 47]. Затем наше внимание привлекла династийная хроника среднеазиатских кунгратов. Там содержится указание на то, что прежде чем оказаться в районе Хорезма, их предводитель Акхадай-бахадур при хане Узбеке (1312–1342) правил «странами Булгар, Черкес и Казан» [41, pp. 366–367]. Имея в виду активную роль кунгратов в Золотой Орде еще в начальный период правления там хана Улуг Мухаммада, сообщение вышеназванной династийной хроники следует принять во внимание, тем более, что оно перекликается с некоторыми поздними татарскими источниками. Речь идет о персоязычном сочинении «Хикайат» XVIII в. из Поволжья, указывающем на проживание в районе впадения р. Демы в Белую, в местности «Торатау» (сейчас эта территория г. Уфы) некоего «кунгратского хана», находившегося в «крепости Кунграт» [2, с. 697]. Так как эта зона входила в состав Казанского ханства [12, с. 7], а ранее она, несомненно, относилась к Булгарскому вилай-

ету [11, с. 48–49], приведенные сведения могут подтвердить присутствие в этом владении клана кунграт в XIV в., возможно, и несколько позже. Наконец, имеются генеалогические данные, указывающие на пребывание в районе Билярского городища, а также в других ареалах северо-западного Приуралья, клана буркут, находившегося там еще в составе подчиненных Шибану в период завоевания Волжской Булгарии в 1236 г., войск [11, с. 45–46].

Важно иметь в виду, что в момент захвата территории этого государства у Шибана имелись войска из клановых подразделений кыйат, кунграт, буркут и тумэн. В случае с последним кланом следует отметить, что его наименование в виде эпонима фигурирует в генеалогии группы табын (вначале она находилась в составе сибирских татар, затем вошла в состав башкир и татар), чьим предком считался Майкы-бий из племени уйшын [11, с. 50–52]. Принимая во внимание эти и другие данные, нами ранее была высказана гипотеза о том, что сам Шибан, возможно и его потомки, владели восточной частью бывшего Булгарского государства – от г. Биляра и далее в Приуралье [17]. Не исключено, что нахождение Шибанидов в Казанском ханстве в конце XV в., могло быть связано с историческим правом этого рода на данную территорию. Тогда не было случайностью и нахождение указанных татарских кланов в Булгарском вилайете в XIV – начале XV вв.

Таким образом, золотоордынские «татары», то есть, представители государствообразующего сословия Золотой Орды, на территории Булгарского вилайета присутствовали со времени завоевания Волжской Булгарии. О том, что «татары» тут действительно имелись, свидетельствуют не только русские летописи, но и эпиграфический материал из Булгара. Последний содержит упоминания о султанах, эмирах, беках, хатунах, бике, а также о военно-служилой знати в лице «йори» (это скорее всего чура) [5, с. 456]. На отдельных эпиграфических памятниках с этой территории есть упоминание (надгробие за 720 г.х./1320 г.), что памятник поставлен «у гробницы эмира великого» по имени Ахмед хаджи сына Муфамика внука Му Хусейна Насара Булгарского [40, с. 1355–1356]. Термин «эмир великий» тут скорее всего соответствует более позднему золотоордынскому «ордынскому князю» и татарскому «улу бею», а «насар Булгарский» надо понимать как «контролер, руководитель» Булгарского вилайета.

Несмотря на наличие в Булгарском вилайете «татар», старое население Волжской Булгарии продолжало сохраняться, превратившись со времени завоевания в зависимое, «черное» сословие. Оно то и именовалось в русских летописях, как можно думать, «бесерменами» [34], в особенности тогда, когда наряду с этой группой на территории Булгарского Вилайета упоминались и «татары», тоже являвшиеся особой этносословной общностью. Пришедшая с Улуг Мухаммадом новая группа золотоордынских татар, первоначально бывшая относительно немногочисленной, явно включилась в уже существовавшую ранее социально-политическую структуру Булгарского вилайета.

Татары в Казанском ханстве: формирование верхней сословной страты общества и ее клановая структура

Приход группы татар во главе с ханом Улуг Мухаммадом на территорию Казанского вилайета возможно было в некотором роде случайным событием. Во всяком случае, Утемиш-хаджи сообщает, что «вилаят Казань» был захвачен ордынскими выходцами во главе с Улуг Мухаммадом у «Албай Алтун бая» какой-то «хитростью» [38, с. 80, 155]. Это же известие есть и у Абдулгаффара Кырыми, но с важным уточнением, что хан «пошел на Казань и с хитростью захватил Казань у Алтуной султана из рода Шибана» [19, с. 84]. В итоге выясняется, что «Алтун бай»

Утемиша-хаджи – это султан «Алтунай» из Шибанидов, а вот его «Албай» явно соответствует убитому в 1445 г. «казанскому вотчичу» Али/Гали (по «Воскресной летописи – «Либеи») – бею, скорее всего являвшемся «Булгарским/Казанским князем», находившемся при Шибаниде Алтунай-султани [11, с. 61]. Дополнительным доказательством сказанному является появление в переписке Ивана IV с ногайским мурзой Урусом (1576 г.) выражения «...и Алибаев, и Алтынб[ае]в [юрт] и Болгарской» [20, с. 47]. Разбавивший это место документа В.В. Трепавлов заключил, что оно является «обозначением части Казанского ханства посредством имен первых правителей местного удела», добавив, что их надо увязывать с легендарным правителем Булгарского вилайета ханом Абдуллоем/Габдуллоем [20, с. 82]. Но пришедшие с ханом Улуг Мухаммадом и затем ставшие в Казанском ханстве правящим сословием золотоордынские татары стали практически последним слагаемым местного татарского сообщества, как мы видели, существовавшего на этой территории задолго до событий 1430-х годов.

К сожалению, мы не имеем источников, описывающих взаимодействие прежних и новых групп татар. Вообще-то оно не могло быть простым, особенно при различиях клановых структур «старых» и «новых» татар. Правда, можно допустить, что какие-то прежние клановые группы могли просто уйти в другие регионы. На это, например, наталкивает старинная поволжско-татарская легенда, рассказывающая о переселении населения из Булгара в Иске Казань. В ней по ходу рассказа сообщается об уходе в дальнейшем из Иске Казани Галим-бека (в других версиях это Алтын-бек, что более точно) из-за «нелюбви» к названному центру, в «Тобол-Туру» [15, б. 58]. Несмотря на то, что в этой легенде личности двух «сыновей» хана Абдуллы (Габдуллы) путаются, сам факт ухода части татар Казанского вилайета во главе с Шибанидом Алтунаем (так звали на самом деле легендарного Алтын-бека) в Сибирь после прихода Улуг Мухаммада, был вполне возможен. Тем более, что имеется еще одно такого же рода известие, приводимое без хронологической привязки в уже отмечавшемся персоязычном «Хикайате». Там оно возникает по ходу рассказа о кунгратском хане по имени Тура (Тюра), когда жители отмеченной выше «крепости Кункират» во главе со своим ханом уходят в «Ургенч», где основывают одноименную крепость «Кункират» [2, с. 697]. Так как кунграты в какой-то период своей истории явно находились на территории Булгарского вилайета (см. выше), это сообщение заслуживает внимания, хотя конечно оно может иметь отношение и к другому периоду (разбор сообщения см.: [11, с. 48–49]). Но у Утемиша-хаджи есть один рассказ, который может подкрепить сказанное выше. Он пишет, что после смерти Идегея его сыновья разбрелись по разным направлениям, а двое – Кейкуват и Нуретдин, «сбежали в сторону Туры и направились в эль башкурт» [38, с. 72]. Это известие имеется и у Абдулгаффара Кырыми, но он немного по другому формулирует эту мысль: «После сражения Кейкубад и Нуретдин отправились в вилайет Тура и оказались среди народа башкурдов» [19, с. 78]. Хотя обычно «вилайет Тура» предпочитают связывать с сибирским владением с центром в г. Чимги-Тура [36, с. 58–59], смущает подчеркивание ухода вышеназванных двух сыновей Идегея в «эль башкурт», когда они оказались в конечном счете «среди народа башкурдов». Конечно, можно было бы думать, что выражение «в сторону Туры» Утемиша-хаджи или «в вилайет Тура» Абдулгаффара Кырыми, указывали лишь на общее направление бегства сыновей Идегея из Поволжья в сторону Сибири. Но два момента не позволяют сделать такое заключение. Во-первых, в рассказе Утемиша-хаджи о Хаджи-Мухаммед-хане, основателе Тюменского ханства, есть указание на то, что он «собрал Башкурт, Алатырь, Мокши и захватил в стороне Шехр-и Болгара... Шахр-и Тура знаменитые владения мангытов...» [38, с. 83]. Тут создается

впечатление, что местность «Шахр-и Тура» находилась где-то в направлении (или по соседству) Булгара. Некоторые авторы полагают, что в данном случае подразумевается лишь политическая связь нескольких владений, находившихся в руках Шибанидов [36, с. 59]. Однако, возможно и другое объяснение приведенных мест из источников. Дело в том, что в приведенном сообщении из «Хикайята» возникает впечатление, что под сидевшем в «крепости Кункират» хане по имени «Тура/Тюра» надо видеть некоторого династа из Шибанидов, жившего в Приуралье, в «вилайете Тура». Разбавивший исторические предания башкир о жившем на месте современного г. Уфы «Тюра/Тура-хане» Ж.М. Сабитов также оставляет место для какой-то не вполне ясной связи легендарной личности, по имени которого мог быть назван «вилайет Тура», с Приуральем [30]. Хотя нельзя исключить того, что под «туринскими ханами», «Туринским вилайетом» подразумевались какие-то смежные, но подчиненные Шибанидам, владения в Приуральско-Западно-Сибирской зоне. Из «Хикайята» вытекает, что центр данного владения скорее всего находился в районе современного г. Уфы. В результате сообщение «Хикайята» о возможном уходе кунгратов из Южного Приуралья в Среднюю Азию приобретает дополнительную историчность. То, что подобный уход мог быть связан с обоснованием в Казанском вилайете группы во главе с ханом Улуг Мухаммадом, вытекает в том числе и из того, что этот хан как раз лишился золотоордынского трона из-за предательства главы кунгратов Айдар (Хайдар)-бека, стоявшего во главе многочисленного (их было 3 тумена) эля кунгратов [38, с. 80; 19, с. 84]. Уход прежних групп золотоордынских татар из Булгарского/Казанского вилайета в связи с приходом группы во главе с Улуг Мухаммадом был облегчен тем, что они еще скорее всего в своей массе являлись кочевниками.

Но внедрение пришедших с ханом Улуг Мухаммадом золотоордынских татар в Казанский вилайет вряд ли привело к изменению социально-политической структуры данного владения. Действительно, согласно «Софийской II летописи», «Московскому летописному своду конца XV века» [22, с. 167; 27, с. 282], а также более поздней «Никоновской летописи» [23, т. 12, с. 122], описывающих поход русских войск на Казань в 1469 г., жители посада этого города названы как «бесермени и Татары», то есть, в государстве сохранились две прежние социальные страты. Однако, клановый состав собственно татар явно изменился, ибо вместе с ханом Улу-Мухаммедом сюда пришли новые кланы, на которых и сосредоточим наше внимание.

Из русских летописей видно, что первоначально с этим ханом находилось не так много воинов – их было 3 – 3,5 тыс. человек [12, с. 74]. Не случайно в «Никоновской летописи» при описании Белевской битвы 1437 г., сказано: «...а царю (хану Улуг Мухаммаду – Д.И.) вmale тогда сушу» [23, т. 12, с. 24]. Но в дальнейшем, надо признать, ситуация могла измениться, на это намекают некоторые летописные сообщения. Так, в «Московском летописном своде конца XV в.», а также в «Никоновской летописи» в известиях за 1447 г., говорится: «...царь Казанский Махмутекъ посла князей своих со *многую силою* (выделено нами – Д.И.) воевати отчину великого князя» [27, с. 210; 23, т. 12, с. 73]. А в «Казанском летописце» есть такой пассаж: «...И начаша збиратися ко царю мнози варвари от различных стран, от Золотыя Орды и от Астрахани, от Азуева, и от Крыма» [25, с. 19]. Хотя к последнему, позднему по времени написания, источнику надо относиться критически, есть другие данные, подтверждающие возможность постепенного увеличения численности татар в Казанском ханстве. Скажем, когда московский великий князь Василий II 7 июля 1445 г. сразился с имевшими 1,5 тыс. войско сыновьями Улуг Мухаммада под Суздалем, татары одержали победу,

возможно, все-же имея «превосходящие силы» [1, с. 63]. 25 августа того же года когда хан Улуг Мухаммад из Нижнего Новгорода (Старого) двинулся к Курмышу, про его группу уже сказано: «...з детми своими и съ всею Ордою своею» [23, т. 12, с. 66]. Здесь надо обратить внимание на термин «Орда», использованный летописью применительно к объединению во главе с ханом Улуг Мухаммадом – такое наименование обозначает государственноорганизованную политику, а не просто бродячую группу беглых татар.

Безусловно, вместе с Улуг Мухаммадом в Казанский вилайет прибыли представители его личных кланов, так называемые «каучины», во главе со своими беками, являвшимися одновременно воеводами и именовавшимися «даражными князьями» или карача-беками. Так как данная тема нами уже достаточно детально исследовалась в другой работе [12], ниже остановимся лишь на тех ее аспектах, которые на основе новых источников могут быть уточнены и дополнены. В первую очередь в данном случае нас будет интересовать вопрос о конкретных кланах, которые прибыли с Улуг Мухаммадом в Казанский вилайет.

Можно считать уже установленным, что социально-политическое устройство Орды Улуг Мухаммада, а затем его сына Махмута, ставшего первым независимым казанским ханом, основывалось на так называемой системе четырех карача-беков. Наиболее раннюю информацию на этот счет можно обнаружить в русских летописях, которые под 1437 г. в группе Улуг Мухаммада отмечают двоих «дараг-князей» (это Усеин Сараев и Усень-Хозя) [23, т. 12, с. 24]. Эти князья и были карача-беками. На самом деле таких князей было четверо и особый, «четвертной» характер структуры владетельных «Казанских князей», достаточно ясно проглядывает из русских летописей и других источников. В частности, при описании взятия Шибанидом ханом Мамуком г. Казани в 1496 г. при помощи ногайских войск, в руках хана, согласно ряду русских летописей (Софийской II, Типографской, Львовской), восходящих к концу XIV, XV – началу XVI вв.) [22, с. 347; 26, с. 242; 29, с. 471] оказались именно четверо «князей Казанских» (их имена: Калимет, Урак, Садыр и Агиш). Эта информация содержится и в более поздней «Никоновской летописи» [23, т. 12, с. 243]. Названные «князи Казанские» и являлись в Казанском ханстве карача-беками [22, с. 358; 29, с. 478; 23, т. 12, с. 250]. Другое подтверждение сказанному: именно «князи Казанские», не поладив с Шибанидом Мамуком, от него ушли и отправили в Москву своего посланца Бараш сейида с просьбой прислать вместо ставшего им не угодным Мухаммед-Амина, другого хана. А когда тот был прислан и его «посадиша на царство», последовала акция приведения «к шерти ... всех князей Казанскихъ, и уланов и земскихъ людеи по их вере» [22, с. 347; 26, с. 243; 29, с. 472]. Посаждение очередного хана на престол, потом принесение присяги на верность со «всею землею», было как раз делом карачабеков. Еще одним аргументом, подтверждающим данное заключение, является нахождение в войсках во главе с Шибанидом султаном Агалаком, в 1499 г. наступавшем на Казань, названного Урака, определенного в «Львовской летописи» и «Никоновской летописи» как «князь Казанских князей» [29, с. 478; 23, т. 12, с. 250], то есть он являлся беклярибеком, по неизвестной причине (скорее всего, присягнув на верность хану Мамуку) вынужденно покинувшем пределы Казанского ханства после смены там хана. Далее будет приведен еще один аргумент, согласно которому уже в 1487 г. в Казанском ханстве был карача-бек из клана ширин – а это одно из важных звеньев системы карача-беков данного юрта. Существование в этом татарском юрте именно четырех карача-беков вытекает и из договора бывшего казанского хана Абдыл-Латыфа/Абдул-Латыфа за 1508 г., в котором обговорены особые права татар

«Ширинова роду и Барынова и Аргынова и Кипчакова» [32, с. 51]. Тут подразумевается укорененность указанных четырех кланов прежде всего в Казанском ханстве, но они же были правящими родами в Крымском и Касимовском ханствах, куда могли выехать беспрепятственно. Хотя в последнем юрте к 1600 г. свои прежние позиции сумели сохранить лишь представители кланов аргын и кыпчак [18, с. 170], прежде там имелись и Ширины, более того, из них скорее всего были беярибеки [12, с. 190, 205]. На самом деле эта система из четырех правящих кланов (ширин, барын, аргын, кыпчак) в Казанском ханстве являлась всего лишь «клоном» аналогичной системы Крымского юрта (еще ранее – нерасчлененного еще окончательно Крымско-Большеордынского владения) времени правления там хана Улуг Мухаммада (детальнее см.: [12]).

С течением времени эта система четырех правящих родов в Казанском ханстве была модифицирована за счет появления в ее структуре пятого клана мангыт, что скорее всего произошло по мере усиления Ногайской Орды ближе к концу XV в. Впрочем, то же самое произошло и в Крымском, затем и в Касимовском ханствах. И тут надо отметить, что еще одним доказательством существования в Казанском ханстве системы четырех (затем пяти) карача-беков, является фиксация на территории Казанского уезда во второй половине XVI – начале XVII вв. так называемых «дорог»: Арской, Алатской, Галицкой, Зюрейской и Ногайской, являвшихся в период ханства административно-территориальными образованиями, контролировавшимися карача-беками, прежними «дараг-князьями». Наименование «Ногайской дороги» прямо свидетельствует о контроле над этой территорией мангытских князей. В целом на сегодня уже достаточно надежно установлена принадлежность Арской дороги клану кыпчак, Галицкой (возможно, с Алатской дорогой вместе) – к клану аргын [12].

Теперь следует сосредоточиться на доказательстве изначального, со времени основания Казанского ханства, присутствия «старинных», на деле «нукерских» кланов, доставшихся хану Улуг Мухаммаду в наследство еще со времен Токтамыша.

Выше была отмечена личность одного из «дараг-князей» хана Улуг Мухаммада по имени Усеин Сараев. Нами уже высказывалось мнение о том, что князь из Казанского ханства Шаптак Сараевич, фигурирующий в переписке 1455–1456 гг. с московским митрополитом Ионой, являлся сыном Усеина Сараева [12, с. 15]. В последнее время Р.А. Беспалов попытался отождествить князя Усеина Сараева с постельником Улуг Мухаммада, «братаничем», то есть, племянником, «князя великого ордынского» Тегини из клана ширин [1, с. 58; 27, с. 249]. Думается, что это – ошибка, так как одним из наиболее известных в окружении хана Улуг Мухаммада знатных лиц являлся князь Сарай из клана барын. Именно он фигурирует в качестве одного из двух главных (второй – Айдар-бек из клана кунграт) предводителей войск хана Джелалетдина б. Токтамыша [38, с. 64–65; 19, с. 77–78]. Принимая во внимание, что на крымский престол Хаджи-Гирей был приглашен также по решению «татар барынских и ширинских» [13, с. 19], особая роль клана барын как карача-бейского рода у наследников хана Тохтамыша, в том числе и в Казанском ханстве, не подлежит сомнению. Поэтому можно думать, что барын Усеин-бек из рода Сарай-бека оказался в этом юрте еще в составе пришедшей туда с ханом Улуг Мухаммадом группы. Судя по тому, что его сын (?) Шаптак Сараевич переписывался со знатным москвичом – митрополитом Ионой, статус у него был высокий, явно карача-бейский.

Нахождение представителей клана аргын в составе воинов хана Улуг Мухаммада также документировано достаточно надежно – на той территории Ка-

занского ханства, где они осели (а это земли Галицкой дороги), существуют известные под названием «*Зур Караужа*» и «*Кече Караужа*» села, чьи основатели считались генетически связанными с князем Чурой Нарыковым, хорошо известным из истории Казанского ханства первой половины XVI в. и бывшем беком клана аргын. Между тем, Кара-Ходжа (*Кара-Хужа*) фигурирует в эпосе «Идегей» как бий аргынов, а в «Зафер-наме» он упоминается около 1405 г. как посланник хана Токтамыша к эмиру Тимуру [14, №3, б. 30]. Из этих сведений напрашивается вывод, что Кара-Ходжа-бек, глава аргынов, в конце концов оказался в окружении хана Улуг Мухаммада и вместе с ним переселился в Казанский вилайет, где его именем и были названы указанные выше селения.

Насчет нахождения клана кыпчак в Орде Улуг Мухаммада однозначно свидетельствуют генеалогии «Арских князей», восходящие к родословной Кара-бека (о принадлежности этого рода к клану кыпчак, детальнее см.: [9]). Об их появлении на территории Казанского вилайета с этим ханом говорят два факта. Во-первых, в одной из версий данной родословной рядом с потомком Кара-бека по имени Мирсаит (правнук Кара-бека) стояла приписка, что его родословная линия идет с 867 г.х. (1462–1463 гг.) [12, с. 34]. Во-вторых, и некоторые другие генеалогические звенья «Арских князей» в реальности тоже восходят к середине XV в. [6, с. 98–99].

У нас нет только надежных данных о присутствии у Улуг Мухаммада клана ширин. Но если учесть, что Тегине-бек из племени ширин совместно с Хайдар-беком из клана кунграт являлся инициатором поднятия молодого Улуг Мухаммада на ханский трон, а также то, что затем он являлся одним из воевод этого хана [36, с. 70–71, 76; 19, с. 76, 80], какой-то ширинский князь непременно должен был позже находиться около этого хана. Прямых данных такого рода еще не обнаружено, но есть косвенные свидетельства на этот счет. Наше внимание в связи с этим вопросом привлекла информация, имеющая отношение к «Алегамовым царевым людям», то есть группе знати из Казанского ханства, вынужденной покинуть его пределы после интронизации там в 1487 г. при русской поддержке Мухаммед-Амина, сопровождавшейся уводом хана Ильхама в Московское великое княжество и репрессиями против казанских «князей и уланов», сторонников низложенного хана [23, т. 12, с. 219]. Среди бежавших тогда знатных татар фигурировали Утеш и его сын Бегиш [31, с. 84, 86, 96–97, 130, 131]. Они вначале ушли в Ногайскую Орду, затем оказались (возможно, не все) в Тюменском ханстве. Изучение документов позволило установить, что Бегиш и его сын Утеш являлись по клановой принадлежности Ширинами [32, с. 73]. А в письме крымского хана Менгли-Гирея в Москву от 1509 г., хлопотавшего по просьбе крымских Ширинов об их возвращении в Крым, прямо сказано: «Ширин Бигишевъ сын Утеш ... царев (казанского хана – Д.И.) холоп карачъ былъ» [Там же]. Так обнаруживаются следы клана ширин в Казанском ханстве в 1480-х годах. А это позволяет обратиться к проблеме их более раннего присутствия там. В этой связи нужно рассмотреть к тому самому второму «дараг-князю» Усеин-Ходже, в 1437 г. находившемуся при хане Улуг Мухаммаде. Так вот, как раз его имя весьма напоминает имя постельничьего этого хана (летописная форма «Усеинъ») в сообщении за 1432 г. А он то был племянником бека племени ширин Тегини, заодно являвшемся главой правого крыла Большой Орды, где ханом стал Улуг Мухаммад. Еще одним аргументом в пользу такого предположения может быть уже отмечавшийся крымский пример участия Ширинов, наряду с Барынами, в приглашении Хаджи-Гирея на крымский престол. В данном случае они выступали как «старшие» племени. Не будем забывать, что и в Казанском ханстве в первой половине

XVI в. у Ширинов фиксируется статус беклярибеков [12, с. 68, 77]. И такой статус у них скорее всего шел еще с начального периода образования Казанского ханства. Если это так, то и «князь Казанских князей» – беклярибек Урак мог принадлежать к этому же клану.

Так как Орда Улуг Мухаммада являлась осколком «материнской» Большой Орды, точнее, ее правого крыла, она и основывалась на тех названных четырех кланах, которые занимали там ведущее положение. А кунграты, которые вначале находились около хана Улуг Мухаммада, были, скорее всего, кланом левого крыла. Во главе этих четырех кланов стояли карача-беки, а один бек – в данном случае из рода Ширинов – являлся беклярибеком (князь князей). Вот эта социально-политическая структура, как уже было сказано, и легла в основание Казанского ханства. Позже она была дополнена мангытами. Если другие кланы и оставались на территории этого государства, они уже имели иной, более низкий статус. А правящее сословие Казанского ханства, образовавшее там этносословную страту «татар», состояло из названных ведущих кланов, вместе составлявших основные воинские силы ханства, так сказать, его гвардию, о чем еще ниже скажем отдельно.

Правящее татарское сословие этого ханства весьма ясно предстает из русских летописных сообщений, описывающих некоторые важные события, происходившие в Казанском ханстве в середине XVI в. Вот например в челобитной, отправленной Ивану IV в 1551 г. от «всей Казанской земли» («земля» в данном случае это вилайет, область), говорилось: «Кудайгул улан в головах да Муралей князь и вся земля Казанская и молны и сеиты и шихи и шихзаде и молзаде, имамы, азии, афазы и уланы и мурзы и ички дворные и задворные казаки и Чюваша и Черемиса и Мордва и Тарханы и Можары» [23, т. 13, с. 157]. Если из данного летописного сообщения исключить религиозных деятелей и перечень «черного» ясачного населения в лице конкретных этнических общностей, остающиеся группы во главе с Кудайгул уланом (а это Чингизид неправящей семьи) и князем Муралеем (Нургалеем), бывшем беклярибеком из клана Ширин, являлись представителями корпорации «татар», состоявшей из групп уланов, князей и мурз, а также примыкавших к ним казаков (ички – дворцовые и задворные казаки), в последнем случае также являвшихся низкоранговыми сотенными и десятными князьями и стоявшими под их началом рядовыми воинами – татарами. Это и было правящее сословие ханства из собственно татар с клановым делением, происходившее непосредственно от золотоордынских татар. Мусульманское духовенство, несомненно относившееся, особенно в высшем звене, к этому же сословию, могло происходить не только из золотоордынских татар, но этот вопрос нуждается в отдельном изучении.

Численность представителей татарского сословия в ханстве изначально была не очень большой. По нашему мнению, составлявшие ядро армии Казанского ханства клановые войска к середине XVI в. могли насчитывать около 12 тыс. воинов [12, с. 69, 78]. Теперь мы имеем новые данные, позволяющие уточнить численность татар в начальные десятилетия XVI в. Речь идет об обнаруженных и проанализированных В.В. Трепавловым материалах из «Литовской метрики». Там сохранилось обращение из Казани, отправленное 15 августа 1520 г. крымскому хану Мухаммед-Гирею I с просьбой прислать для занятия казанского престола одного из представителей династии Гиреев. В 7-й книге записей «Литовской метрики» сохранился перевод послания Мухаммед-Гирея I польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I с кратким пересказом полученного из Казани документа – обращения казанской знати к крымскому хану. А там

имелась следующая важная для нас информация: «... с Казани добрых кнежат приехало, что всех казанцовъ листь принесли... А мы маемъ отецких детеи двадцать тысяч...» [35, с. 602]. Разобравший это место послания В.В. Трепавлов пришел к выводу, что 20000 «отецких детей» – это «благородные» люди, потомки знатных и славных родов, то есть военно-служилый слой населения Казанского ханства [35 с. 604, 606]. Как было уже показано, он действительно состоял из представителей 4–5 знатных кланов во главе со своими наследственными вождями, восходившими генеологически ко времени Улуг Мухаммада (иногда и дальше). Вот эти «отецкие дети» и образовывали в Казанском ханстве особое татарское сословие, правящий слой государства. По всей видимости, из этих 20 тыс. татар и набирались клановые войска ханства численностью в 12 тыс. чел. годных к воинской службе взрослых воинов-всадников. Кстати, в Крымском ханстве в 1543 г. клановых войск насчитывалось также около 10 тыс. чел., а в XV в. использовалось выражение «Крымский тумен», фактически подразумевающее ту же численность воинов-татар в Крыму [13, с. 41]. Если иметь в виду недорослей мужского пола и женскую половину татарской части населения Казанского ханства, численность всего правящего сословия в этом юрте могла достигать до 150 тыс.чел. (но не более 200 тыс.чел) [8; 13, с. 37].

В данном случае возникает один сложный вопрос, который не только не решен, но в полной мере даже не сформулирован. Речь идет о том, что не все представители татарского сословия – напомним, что во времена хана Улуг Мухаммада это были еще кочевники – в начальный период формирования Казанского ханства могли сразу войти в центральные районы государства, где было значительное число городских поселений и до 700 сельских населенных пунктов [39] и быстро перейти к оседлости. Знать, да, она могла проживать в столице ханства и в даружных центрах вроде крепости Арск (об этом детальнее см.: [6]). Там со своими князьями могли находиться и определенное число «дворных» (ички) казачков. О том, что простые татары-воины находились и в центральных, оседло-земледельческих зонах ханства, свидетельствуют писцовые и переписные книги Казанского уезда второй половины XVI – первых десятилетий XVII вв., отмечающие и не знатных служилых татар. Кроме того, есть информация из «Казанского летописца», описывающего довольно подробно и со знанием деталей момент бегства главы клана аргын Чуры-бека Нарыкова – с ним тогда находились «500 служащих раб его (это видимо чура – воины-нукеры – Д.И.), во оружиях одяенны; всех ратних с нимъ 1000» [25, с. 55]. Так как последняя цифра может отражать и присутствие в отряде князя Чуры Нарыкова воинов других князей (а они там имелись), скорее всего надо ориентироваться на первую цифру, то есть при беке насчитывалось 500 человек воинов из клановых войск аргынов. Однако, в некоторых источниках мы обнаруживаем иные цифры. Так, в казахских версиях дастана о Чура (Шора)-батыре, у него и его ближайших знатных родственников, отмечаются 6 тыс. воинов [14, №4, б. 21]. А из русских летописей известно, что под началом Чуры Нарыкова во время похода 1540 г. находились 8 тыс. воинов, правда, они были не только из татар [14, №4, б. 21]. В итоге более достоверной выглядит число воинов Казанского ханства из клана аргын в 6 тыс. чел. Где же в таком случае основная часть этих воинов (а это, напомним, было конное войско!) находилась? Думается, что они продолжали оставаться на южных степных рубежах Казанского ханства. Недаром казахские и башкирские генеалогические и эпические материалы (см.: [14, №3, б. 24–29] связывают Чуру Нарыкова не только с кланом аргын, но и с родом тама и «тамйан/таман/төмән», нахо-

дившемся в каком-то (фратриальном?) союзе с племенем аргын, в конце концов оказавшемся в составе Среднего Жуза казахов (род тамйан был и у башкир).

Аналогично мы обнаруживаем части клана кыпчак в бассейнах рек Кинели, Самары и далее еще южнее, в составе казахов, а также башкир [12, с. 147–148; 9, с. 92]. Хотя можно было бы думать, что в данном случае мы имеем дело с кланом кыпчак, входившем в состав и Ногайской Орды – а там он точно был [37, с. 501] – допустимо и другое предположение: так как точные границы Казанского ханства в юго-восточном направлении не известны, а само появление и закрепление ногайцев в закамских районах произошло довольно поздно – не ранее конца XV – начала XVI вв. [37, с. 138], указанные представители клана кыпчак могли первоначально быть частью казанских людей. В данном случае следует принять во внимание и особый статус Ногайской Орды, без Чингизида во главе она не могла считаться полноценным юртом, что мы в источниках наблюдаем многократно. Поэтому, в определенные периоды ногайцы или их часть могли войти в сотрудничество с Казанским ханством, превратившись в вассалов казанского хана. Такие отношения хорошо просматриваются на примере, когда московский великий князь Иван III дозволил зависевшему от него казанскому хану Мухаммед-Амину жениться на дочери ногайского бия Мусы (1490 г.). Трактовка указанного политического брака со стороны Москвы была следующей: «...чтобы тебе (то есть, хану Мухаммед-Амину – Д.И.) Муса прямой слуга и друг был» [37, с. 137]. Есть и народные предания, свидетельствующие о подчиненности ногайцев казанским ханам [12, с. 150]. По ним получается, что ногайцы, похоже их часть, подчинялись казанским – мангытским князьям, что подразумевает вхождение в территорию Ногайской дороги, где были записаны такие предания. То есть эти группы находились под юрисдикцией Казанского ханства или имели двойное подчинение – ногайскому бию и казанскому хану. Именно в восточной зоне данного ареала, находившегося на северо-западе Приуралья, имелся целый ряд клановых образований, представители которых могли еще вести кочевой или полукочевой образ жизни, находясь одновременно под юрисдикциями Казанского ханства и Ногайской Орды (подробнее см.: [12]). Следовательно, проблема вхождения в состав Казанского ханства закамских ареалов, в том числе и Камско-Бельской, а также и более южных зон, требует дальнейшего исследования.

В целом, в свете рассмотренных предварительных данных существующая традиция считать татарское население Казанского ханства полностью оседлым, нуждается в пересмотре. В рассуждениях в указанном русле следует принять к сведению и ситуацию в Крымском ханстве, где лишь в середине XVI в. его хану Сахиб-Гирею удалось принудить кочевников перейти к оседлости. Согласно преданиям, он приказал поломать арбы, отвел им земли в Крыму с тем, чтобы построить дома и создать деревни [33, с. 12]. Между тем, в южных ареалах Казанского ханства также имелись прекрасные пастбища, которыми позже, как известно, активно пользовалось население Ногайской Орды.

В результате полагать, что привыкшие вести кочевой образ жизни клановые группы, придя на территорию Казанского вилайета во главе с ханом Улуг Мухаммадом, все дружно забрались внутрь государства, сразу перейдя к традиции оседлости, было бы несколько опрометчиво. Тем более, что об относительно позднем оседании золотоордынских татар Крымского юрта, как мы видели, источники достаточно красноречивы. На это следует обратить внимание в том числе и потому, что Орда Улуг Мухаммада, оказавшаяся в Казанском вилайете, была всего лишь частью крымско-большеордынских татар. Поэтому у нас есть основания полагать, что в Казанском ханстве пришедшие с Улуг Мухаммадом клановые группы в ос-

новном продолжали сохранять свои кочевые традиции, тем более, когда они после усиления Ногайской Орды оказались в орбите влияния этой политики и мангытских беков. К ним могли добавиться и такие же кочевые или полuosедлые группы, жившие на северо-западе Южного Приуралья еще до начала XV в. Правда, без дополнительного изучения всего комплекса вопросов, связанных с этой проблемой, она останется всего лишь гипотезой, хотя и фундированной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспалов Р.А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437–1445) // Золотоордынская цивилизация. Сб. ст. Вып. 5. Казань: ООО «Фолиант»; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 53–70.
2. Гибадуллин И.Р. Анонимное персидское сочинение «Хикаят»: источник по истории Волго-Уралья // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 687–719. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.687-719
3. Горский А.А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV в. // Средневековая Русь. Кн. 4. М.: Индрик, 2004. С. 140–170.
4. Дафтэре Чыңгыз-намә. Казан: “Иман” нәшрияты, 2000. 44 б.
5. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. 1051 с.
6. Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства.). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 224 с.
7. Исхаков Д.М. Булгарский вилайет накануне образования Казанского ханства: новый взгляд на известные проблемы // Гасырлар авазы–Эхо веков. 2009. № 2. С. 133–138.
8. Исхаков Д.М. Демографическая ситуация в татарских ханствах Поволжья // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань, 2002. С. 141–148.
9. Исхаков Д.М. История рода Яушевых в Средневековый период и кимакская проблема. Воронеж: ООО «Фаворит», 2018. 116 с.
10. Исхаков Д.М. Князья казанские, князья болгарские // Гасырлар авазы–Эхо веков. 2005. № 2 (41). С. 161–171.
11. Исхаков Д.М. Между Булгаром и Казанью: этнополитические процессы в Булгарском (Казанском) вилайете в 60–70-х годах XIV – 40-х годах XV веков. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 68 с.
12. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание. Казань: Мастер-Лайн, 1998. 276 с.
13. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 142 с.
14. Исхаков Д.М. Халкыбызның эпик әсәрләрендә милли тарихыбыз. Өченче язма: “Чура батыр” дастаны һәм “Киләчәк буыннарны кисәтү” // Туган жир. Родной край. 2019. №3. Б. 12–38; №4. Б. 13–33.
15. Исхаков Д.М. Халкыбызның эпик әсәрләрендә милли тарих (“Түләк һәм Сусылу”, “Ак Күбәк”, “Идегәй”, “Чура батыр” дастаннарына һәм тарихи риваятьләргә анализ): Монография. Казан: ООО “Грумант” / Туган жир. Родной край. 2022. II. Специальный номер. С. 10–170.
16. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.

17. Исхаков Д.М., Тычинских З.А. О шибанидском «следе» в Булгарском вилайете Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 128–145.
18. Кадыр Али-бек. Джами ат-таварих. Факсимиле рукописи / авт. издания текста, исслед., критического текста, перевода с тюрки, словаря. Р.Алимов; под науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2022. 544 с.
19. Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Кн. I: Транскр., факсимиле. / Серия «Язма мирас. Письменное наследие. Textual Heritage» Вып. 1 / Транскр. Дерья Дерин Пашоглу; отв.ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш.Мароджани АН РТ, 2014. 420 с.; Кн. 2. Перевод. Вып. 2 / Перевод с османского А.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисл. и коммент. И.М. Миргалеева. Казань: Инт-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
20. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. М.: Ин-т российской истории РАН, 2003. 92 с.
21. Приселков М.Д. Троицкая летопись: реконструкция текста. 2-е изд. СПб.: Наука, 2002. 512 с.
22. ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 240 с.
23. ПСРЛ. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.; Т. XII. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.; Т. XIII. М.: Языки русской культуры, 2000. 454 с.
24. ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
25. ПСРЛ. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.
26. ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
27. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.
28. ПСРЛ. Т. XXVII. Никоноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 418 с.
29. Русские летописи. Т. 4. Львовская летопись. Рязань, 1999. 714 с.
30. Сабитов Ж.М. Башкирские ханы Бачман и Тура // Сибирский сборник. Казань: Изд-во «Яз», 2011. С. 63–69.
31. Сборник РИО. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордою и с Турцией: с 1474 по 1505 г. Эпоха свержения монгольского ига в России. Т. I. СПб., 1884. 558 с.
32. Сборник РИО. Т. 95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордою и с Турцией. 1508–1521. Т. II. / Под ред. Г.Ф. Карпова и Г.Ф. Штендмана. СПб., 1895. 706 с.
33. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московского университета. Вып. 61. История. Т. 2. 1940. С. 3–71.
34. Тихомиров М.Н. Бесермены в русских источниках // Тихомиров М.Н. Российское государство XV – XVI веков. М.: Наука, 1973. С. 84–90.
35. Трепавлов В.В. «Отецкие дети»: элита Казанского ханства в Литовской метрике // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 600–611. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.600-611
36. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
37. Тюменское и Сибирское ханства. Коллективная монография. Казань: Изд. Казан. ун-та, 2018. 560 с.
38. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскр. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; пер. на русс. яз. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая

и научная ред. И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

39. Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Вып. I. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1971. С. 272–291.

40. Эрдман П.В. О надгробных надписях в Болгарах (1342–1358) // Заволжский муравей: ч. III. Кн. 23. 1832. С. 1342–1363.

41. Bregel Yuri. Tribal Tradition and dynastic history: the early rulers of the Qongrats according to Munis // Asian and African Studies. 16. 1982, pp. 357–398.

Сведения об авторе: Дамир Мавлявеевич Исхаков – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН, главный редактор журнала «Туган жир. Родной край» (420132, ул. Маршала Чуйкова, 67А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7556-8667. E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Поступила 23.08.2023

Принята к публикации 30.11.2023

Опубликована 29.12.2023

REFERENCES

1. Bespalov R.A. Khan Ulu-Muhammad and the states of Eastern Europe: from Belev to Kazan (1437–1445). *Golden Horde Civilization*. Coll. of articles. Iss. 5. Kazan: OOO «Foliant»; Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2012, pp. 53–70. (In Russian)

2. Gibadullin I.R. An Anonymous Persian Work – “Hikayat”: A Source on the History of the Volga-Ural Region. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 687–719. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.687-719 (In Russian)

3. Gorskiy A.A. The fate of the Nizhny Novgorod and Suzdal principalities in the late 14th – mid-15th centuries. *Medieval Rus'*. Book. 4. Moscow: Indrik, 2004, pp. 140–170. (In Russian)

4. Daftere Chingiz-name. Kazan: “Iman” nāshriyat, 2000. 44 p. (In Tatar)

5. History of the Tatars from ancient times in seven volumes. Vol. III. Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th – mid 15th century. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009. 1051 p. (In Russian)

6. Iskhakov D.M. Arsk princes and Nukrat Tatars (Historical and ethnographic information, genealogies, clan affiliation, place in the socio-political structure of the Kazan Khanate and the Russian state). Kazan: Fen Publ., 2010. 224 p. (In Russian)

7. Iskhakov D.M. Bulgar vilayat on the eve of the formation of the Kazan Khanate: a new look on the well-known problems. *Gasyrlar avazy=Echo of the Centuries*. 2009, no. 2. pp. 133–138. (In Russian)

8. Iskhakov D.M. Demographic Situation in the Tatar Khanates of the Volga Region. The Kazan Khanate: Current Research Issues. Kazan, 2002, pp. 141–148. (In Russian)

9. Iskhakov D.M. History of the Yaushev Family in the Medieval Period and the Kimek Problem. Voronezh: OOO «Favorit», 2018. 116 p. (In Russian)

10. Iskhakov D.M. Kazan Princes, Bulgar Princes. *Gasyrlar avazy=Echo of the Centuries*. 2005, no. 2 (41), pp. 161–171. (In Russian)

11. Iskhakov D.M. Between Bulgar and Kazan: Ethnopolitical Processes in the Bulgar (Kazan) Vilayet in the 60s–70s of the 14th – 40s of the 15th centuries. Kazan: Fen Publ., 2013. 68 p. (In Russian)

12. Iskhakov D.M. From Medieval Tatars to Tatars of the New Time (Ethnological View of the History of the Volga-Ural Tatars of the 15–17th centuries). Scientific Edition. Kazan: Master-Layn, 1998. 276 p. (In Russian)
13. Iskhakov D.M. Turkic-Tatar States of the 15th–16th centuries. Kazan: Tatar. Book publ., 2009. 142 p. (In Russian)
14. Iskhakov D.M. Our People's Epic Works. Third Essay: "Chura Batyr" Epic and "Analysis of Kilachek Buynnar Stories". *Tugan jir=Native Land*. 2019. №3, pp. 12–38; №4, pp. 13–33. (In Tatar)
15. Iskhakov D.M. Our People's Epic Works ("Tulak and Susylu," "Ak Kubeck," "Idegey," "Chura Batyr" Epics and Analyzing Historical Narratives). A monograph. Kazan: OOO "Grumant" / *Tugan jir=Native Land*. 2022. II. Special issue, pp. 10–170. (In Tatar)
16. Iskhakov D.M., Izmaylov I.L. Ethnopolitical History of the Tatars (3rd – Mid-16th Century). Kazan: RITs «Shkola», 2007. 356 p. (In Russian)
17. Iskhakov D.M., Tychinskikh Z.A. About the Shibaniid "Trace" in the Bulgar Vilayet of the Ulus of Jochi. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2013, no. 2, pp. 128–145. (In Russian)
18. Kadyr Ali-bek. Jami at-Tavarikh. Facsimile of the Manuscript / Author of the edition of the text, research, critical text, translation from Turkish, dictionary R. Alimov; under the scientific editorship of I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2022. 544 p. (In Russian)
19. Kyrymi Abdulgaffar. Umdat al-Ahbar. Book I: Transcription, facsimile. / Series "Yazma Miras. Written Heritage. Textual Heritage" Iss. 1 / Transcription by Deria Derin Pashoglu; responsible editor I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2014. 420 p.; Book 2. Translation. Iss. 2 / Translation from Ottoman by A.N. Karimova, I.M. Mirgaleev; general and scientific editing, preface, and commentary by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2018. 200 p. (In Russian)
20. Ambassadorial Book on Relations of Russia with the Nogai Horde. Moscow: Institute of the Russian History of RAN, 2003. 92 p. (In Russian)
21. Priselkov M.D. Troitskaya Chronicle: Text Reconstruction. 2-e izd. St. Petersburg: Nauka, 2002. 512 p. (In Russian)
22. Complete Collection of Russian Chronicles Vol. VI. Iss. 2. Sofia Second Chronicle. Moscow: Languages of Russian Culture, 2001. 240 p. (In Russian)
23. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XI. Chronicle Collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 264 p.; Vol. XII. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 272 p.; Vol. XIII. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 454 p. (In Russian)
24. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XV. Rogozh chonicler. Tver Collection. Moscow: Languages of Russian Culture. 2000. 432 p. (In Russian)
25. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XIX. History of the Kazan Kingdom (Kazan Chonicler). Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 328 p. (In Russian)
26. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXIV. Typographic Chronicle. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 288 p. (In Russian)
27. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXV. Moscow Chronicle Compilation of the Late 15th Century. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 488 p. (In Russian)
28. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXVII. Nikanor Chronicle. Abridged Chronicle Compilations of the Late 15th Century. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1962. 418 p. (In Russian)
29. Russian Chronicles. Vol. 4. L'vov Chronicle. Ryazan, 1999. 714 p. (In Russian)
30. Sabitov Zh.M. Bashkir Khans Bachman and Tura. Siberian Collection. Kazan: Yaz Publ., 2011, pp. 63–69. (In Russian)

31. Collection of the Russian Historical Society. Vol. 41. Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with the Crimean and Nogai Hordes and with Turkey: from 1474 to 1505. The Era of the Overthrow of the Mongol Yoke in Russia. Vol. I. St. Petersburg, 1884. 558 p. (In Russian)
32. Collection of the Russian Historical Society. Vol. 95. Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with the Crimean and Nogai Hordes and with Turkey. 1508–1521. Vol. II. Ed. by G.F. Karpov and G.F. Shtendman. St. Petersburg, 1895. 706 p. (In Russian)
33. Syroechkovskiy V.E. Muhammad-Geray and His Vassals. *Scientific Notes of Moscow University*, Issue 61. History, vol. 2. 1940, pp. 3–71. (In Russian)
34. Tikhomirov M.N. Besermen in Russian Sources. Tikhomirov M.N. Russian State in the 15th – 16th Centuries. Moscow: Nauka, 1973. p. 84–90. (In Russian)
35. Trepavlov V.V. The “Father’s Sons”: The Elite of the Kazan Khanate in the Lithuanian Metrica. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 3, pp. 600–611. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.600-611 (In Russian)
36. Trepavlov V.V. History of the Nogai Horde. Moscow: Oriental Literature Publ., 2002. 752 p. (In Russian)
37. Tyumen and Siberian Khanates. Collective Monograph. Kazan: Kazan State University Publ., 2018. 560 p. (In Russian)
38. Utemish-Hadji. Qara Tawarikh. Transcription by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova, Z.T. Khafizova; translation into Russian by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova; general and scientific editing by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2017. 312 p. (In Russian)
39. Chernyshev E.I. Settlements of the Kazan Khanate (According to Scribe Books). Issues of Ethnogenesis of Turkic-Speaking Peoples of the Middle Volga Region. Vol. I. Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature and History Publ., 1971, pp. 272–291. (In Russian)
40. Erdman P.V. On Tombstone Inscriptions in Bolghar (1342–1358). *Zavolzhskiy muravey*: Part. III. Book. 23. 1832, pp. 1342–1363. (In Russian)
41. Bregel Yuri. Tribal Tradition and dynastic history: the early rulers of the Qongrats according to Munis. *Asian and African Studies*. 16. 1982, pp. 357–398.

About the authors: Damir M. Iskhakov – Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Editor in Chief of the Journal “Tugan Jir. Native Land” (67A, Marshal Chuikov Str., Kazan 420132, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7556-8667. E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Received August 23, 2023

Accepted for publication November 30, 2023

Published December 29, 2023

ЧИНГИ-ТУРА В ИСТОРИИ ТЮМЕНСКОГО ХАНСТВА**Д.Н. Маслюженко ¹, Е.А. Рябинина ²***Курганский государственный университет
Курган, Российская Федерация**¹ denmas13@yandex.ru, ² realdenim77@yandex.ru*

Цель исследования: выявить основные этапы эволюции статуса Чинги-туры как политического центра Тюменского ханства.

Материалы исследования: работа проведена на основе анализа опубликованных источников (летописи, посольские документы, грамоты и договора, записки путешественников, данные картографии и результаты археологических раскопок).

Результаты и научная новизна. В исторических исследованиях, во многом под влиянием различных редакций т.н. «сибирских летописей», существует традиционная концепция о связи Чинги-туры, прежде всего, с деятельностью князей из династии Тайбугидов, с отъездом которых в Искер-Сибирь город практически прекратил свое существование. Однако, более комплексный подход к источникам, в том числе археологическим, позволяет по-иному рассмотреть на этот вопрос.

Становление города (с учетом специфики использования этого термина к сибирским реалиям), связанного именно с Улусом Джучи, видимо, относится к последней четверти XIII века, когда здесь меняется население и Чинги-тура становится одним из центров на трансуральском торговом пути. Экономическое и возможно административное значение Чинги-туры в XIII–XIV вв. стало основой для ее политического возвышения в первой трети следующего столетия, когда она оказалась центром притяжения для тех Шибанидов, которые будут бороться за объединение всех владений представителей этой династии в единое государство. Причем до конца 1420-х гг. город находился под контролем представителей племени буркут, история которых очевидно связана с сибирскими Тайбугидами. Только при Абу-л-Хайре после 1431 года за Чинги-турой (Тюменью русских источников) закрепляется статус тронного места, что является резонной основой для наименования самого государства Тюменским ханством. Специфика города долгое время определялась тем, что он находился на северной границе этого степного государства, что значительно усложняло его развитие.

Также вопреки сложившейся историографической традиции можно говорить о том, что Чинги-тура не была заброшена после смерти или убийства тюменского хана Ибрахима (Ибака) не позднее 1495 года. Крах города связан с кризисом самого Тюменского ханства в конце 1510-х гг. Несмотря на явное уменьшение его значения город продолжал существовать и играть определенную роль в политической идеологии внука Ибрахима хана Кучума, а окончательно он был заброшен татарами после похода Ермака. Благодаря этому, к 1586 году, то есть к моменту строительства неподалеку русской Тюмени, он уже назывался только «пустым городищем». Дальнейшее понимание роли Чинги-туры в истории сибирской государственности Шибанидов невозможно без срочного продолжения археологических раскопок остатков сохранившегося до наших дней городища.

© Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: история, Чинги-тура, Тюменское ханство, Сибирское ханство, государство, Шибаниды, Кучум

Для цитирования: Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Чинги-тура в истории Тюменского ханства // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 863–880. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.863-880 EDN: RIVVMH

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан (Грант № AP09258941 «Роль и значение династии Шибанидов в истории Золотой Орды, Ак Орды и Казахского ханства (XIII–XVII вв.)»).

CHINGI-TURA IN THE HISTORY OF THE TYUMEN KHANATE

*D.N. Maslyuzhenko*¹, *E.A. Ryabinina*²

Kurgan State University

Kurgan, Russian Federation

¹ denmas13@yandex.ru, ² realdenim77@yandex.ru

Abstract: Purpose: To identify the main evolution stages of the status of the settlement of Chingi-tura as the political center of the Tyumen Khanate.

Research materials: The work was carried out on the basis of an analysis of published sources (chronicles, embassy documents, letters, contracts, travelers' notes, cartography data, and results of archaeological excavations).

Results and scientific novelty. In historical research, largely under the influence of various editions of the so-called "Siberian chronicles," there is a traditional concept about the connection of Chingi-tura, first of all, with the activities of the princes from the Taibugid dynasty. The city practically stopped existing with their departure to Isker-Siberia. However, a more comprehensive approach to sources, including archaeological ones, allows for considering this issue in a different way.

The formation of the city (taking into account the specifics of applying this term to Siberian realities), was associated specifically with the Ulus of Jochi, dating back to the last quarter of the 13th century when the population changed there and Chingi-tura became one of the centers on the Transural trade route. The economic and possibly administrative significance of Chingi-tura in the 13th–14th centuries became the basis for its political rise in the first third of the next century. It appeared to be the center that attracted those Shibanids who would fight for uniting all lands of that dynasty's representatives into a single state. Moreover, until the end of 1420 the city was under the control of representatives of the Burkut tribe whose history is obviously connected with the Siberian Taibugids. Only after 1431, in the time of Abu-l-Khair, did Chingi-tura receive the status of a throne place (Tyumen of Russian sources) which is a reasonable basis to refer to the state as the Tyumen Khanate. For a long time, the specificity of the city was determined by the fact that it was located on the northern border of this steppe state, something which greatly complicated its development.

Also, contrary to the established historiographic tradition, it can be said that Chingi-tura was not abandoned after the death or murder of the Tyumen Khan Ibrahim (Ibak) no later than 1495. The collapse of the city is associated with the crisis of the Tyumen Khanate itself in late 1510. Despite the apparent decrease of its importance, the city continued to exist and play a certain role in the political ideology of Khan Kuchum, a grandson of Ibrahim. It was finally abandoned by the Tatars after Yermak's campaign. Owing to this, by 1586, the time of the construction of Russian Tyumen nearby, it was already called as "an empty settlement". Further understanding of Chingi-tura role in the history of the Siberian

statehood of the Shibanids is impossible without the urgent continuation of archaeological excavations of the settlement remains that have survived to this day.

Keywords: History, Chingi-tura, Tyumen Khanate, Siberian Khanate, state, Shibanids, Kuchum

For citation: Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Chingi-tura in the History of the Tyumen Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 863–880. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.863-880 (In Russian)

Financial Support: The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AR09258941 “The role and significance of the Shibanid dynasty in the history of the Golden Horde, Ak Horde and the Kazakh Khanate (13th–17th centuries)”).

Чинги-тура, Чимги-тура, Чингин, Чинги, Жанги-тура, Цимги-тура¹ – многочисленные названия того города, на месте которого была построена в 1586 году одна из первых русских крепостей в Западной Сибири Тюмень. Он по праву является одним из самых забытых городских центров в истории сибирской средневековой государственности. «Сменившей» его Сибири (Искеру) в этом отношении повезло гораздо больше, в том числе и из-за масштабных археологических работ, которые проводились там на протяжении более столетия, итоги которых были подведены в недавно вышедшей коллективной монографии А.П. Зыкова, П.А. Косинцева и В.В. Трепавлова [19], почти сразу спровоцировав дискуссию [4; 24]. Можно согласиться с мнением омского археолога и историка С.Ф. Татаурова: «На наш взгляд, значимость Искера следует искать в российской истории, в самом факте включения Сибири в состав Российского государства. Для Москвы Искер стал символом легитимности объявления Ивана Грозного правителем Сибири» [45, с. 157]. Именно в контексте такого высказывания необходимо рассмотреть, как на протяжении нескольких столетий менялся политический статус Чинги-туры в контексте общей истории государственности Шибанидов в Западной Сибири.

Нам представляется, что применительно к двум этим центрам, как и вообще различным городам, городкам и крепостям на сибирских просторах, дискуссия об их городском статусе бесполезна, особенно если пытаться применять к ним концепты урбанизации, выработанные для крупнейших центров цивилизаций Евразии. Многие крепости Западной Сибири были действующими политическими, административными и экономическими центрами различных сообществ и вполне соответствовали отдельным признакам городской культуры. В конечном итоге «современные исследователи единодушны в том, что нет единого критерия, который бы указывал на универсальные признаки города» [15, с. 322]. В этом отношении тобольский ямщик Иван Черепанов еще 150 лет назад в своем

¹ В источниках за описываемым городом закрепились такие названия как Чинги-тура, Чимги-тура, Чингин, Чинги, Жанги-тура, Тюмень и наконец просто Тура. Единства относительно названия нет и среди исследователей, среди которых в качестве изначального названия предлагается и Цымги-тура, то есть «дерновый город». В силу этого в своей статье мы будем использовать в авторском тексте как синонимичные Чинги-тура или Чимги-тура, сохраняя в цитатах и пересказе точек зрения иных исследователей их написания. Нам кажется симптоматичным, что в конечном итоге среди татар, которые выступали информаторами сибирских летописцев и историков, название города оказалось связано с Чинги-бием (Чингиз-ханом), который оказал непосредственное влияние на его основание. По этой причине и в название статьи мы поставили именно Чинги-тура.

краеведческом сочинении писал: «Причем татары оное место Чимги тура называют, а что сие имя Тура на татарском и бухарском языках – значит город или крепость»².

Впервые данные сибирских летописей и татарских легенд об этом городе свел Г.Ф. Миллер в своем «Описания Сибирского царства» [29, с. 186–190]. Вслед за авторами летописей он обратил внимание на связь Чинги-туры с князем Тайбугой, основателем известной сибирской княжеской династии, а также заложил основы выявления этапов становления города через призму истории представителей этой семьи, что практически не подвергалось сомнению в следующие столетия [см. например: 54, с. 18–19]. Впервые отдельная работа по истории Тюмени, включая дорусский период, была написана одним из крупнейших сибирских краеведов XIX века А.А. Абрамовым в 1858 г. [1].

Несмотря на частое упоминание этого населенного пункта в краеведческой и археологической литературе последующих полутора столетий, большинство авторов в той или иной степени пересказывали тот же круг источников, иногда добавляя к ним данные иных русских летописей и западноевропейской картографии [27, с. 97–98; 44, с. 231–232]. При этом только в недавней работе В.В. Трепавлова на основании архивных данных и ранее не использованных восточных источников был поднят вопрос о судьбе этого города в XVI веке, в том числе в контексте похода Ермака [19, с. 21, 25].

В последние два десятилетия общее положение в изучении Чинги-туры начинает меняться, что связано с циклом работ по ее картографии, археологии и истории. Так, И.В. Белич посвятил одну из своих статей происхождению и значению раннего названия г. Тюмень, которое, по его мнению, звучало как «Цымги-тура», то есть «Дерновый город» [8, с. 27]. Отметим, что для не-лингвистов сложно оценить точность соответствующей аргументации И.В. Белича, в результате в нашей статье будут использованы более традиционные названия Чинги или Чимги-тура. Нельзя не отметить здесь недавнюю точку зрения И.А. Мустакимова, который, анализируя сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» сделал предположение, что происхождение топонимов Чинги/Чимги-тура или Тюмень может быть связано с проживанием здесь некоего коллектива (клана или племени?) с синонимичными этнонимами «тюмень» и «чимги» [30, с. 237, 244].

В другой работе И.В. Белича был подробно разобран чертеж г. Тюмени рубежа XVII–XVIII вв. и отражение в нем топографии «Царева городища», то есть интересующего нас города [7], что оказало определенное влияние на последующие реконструкции его структуры археологами. Так, принято делить остатки Чинги-туры на три части, то есть Царева, Большое и Малое городище, которые имели укрепления в виде линий рва и вала, в одном месте – их двойной линии. В 2006, 2007–2009, 2011 гг. под руководством тюменских археологов Т.С. Измер, Т.Н. Рафиковой и Н.П. Матвеевой было заложено 5 раскопов на территории Царева городища, то есть цитадели Чинги-туры. К этому времени фактически полностью был уничтожен культурный слой Большого городища, а на Царевом – в значительной степени переотложен. В результате оказалось, что Чинги-тура существовала на месте предшествующего городища бакальской археологической культуры, которое датируется в промежутке от 990 до 1280 гг. (с вероятностью в 95,4%). В литературе обсуждался вопрос о том, что носители этой культуры могли принять участие в культурогенезе отдельных групп сибирских татар [см. например: 22, с. 27–28]. Несмотря на разрушение слоя, полученные данные радио-

² Летопись сибирская тобольского ямщика Ивана Черепанова 1760 г. / Библиотека ТГИАМЗ. № 12137. Л.14.

углеродного анализа позволили соотнести некоторые постройки города с периодом между 1280–1530 гг. По всей видимости, это хронологически маркирует время существования интересующей нас Чинги-туры Улуса Джучи и Тюменского ханства [41, с. 11–15]. Н.П. Матвеева уточнила, что на территории памятника выявлены многочисленные следы пожаров, в том числе два сгоревших дома датированы промежутком 1520–1670 гг., что, по мнению исследовательницы, может быть связано со взятием Туры Ермаком [28, с. 175].

При отсутствии четких маркеров выделения памятников Тюменского и Сибирского ханства эти даты чрезвычайно важны, поскольку, например, А.А. Адамов настаивает на отсутствии городищ со слоем XV–XVI вв. в центральных районах ханства, кроме Искера [2, с. 8]. При этом он уточняет, что, по его мнению, «городище Чимги-тура существовало как крупный хозяйственный центр в XIII–XIV вв.» [3, с. 15]. Необходимо обратить внимание на еще один момент из описания раскопок Чинги-туры: постройки этого времени в основном были наземные и большего размера чем в предшествующем слое. Н.П. Матвеева считает, что это может свидетельствовать о их принадлежности «более зажиточному населению», так как их строительство требует больших затрат на рабочую силу, материалы и отопление в зимнее время. Причем на площадке городища эти дома занимают центральное положение, «то есть могли принадлежать отдельному кварталу или улице» [28, с. 174]. Подтверждением торговых функций Чинги-туры являются обнаруженные в разных постройках разбитые гончарные среднеазиатские кувшины с плоским дном, которые были распространены в Золотой Орде в XIV веке, а также кости верблюдов [28, с. 174]. В принципе эти находки укладываются в имеющееся в историографии предположение о том, что Чинги-тура была построена на пересечении широтных и меридиональных торговых путей или через нее проходил Северный трансконтинентальный торговый путь в XIII–XV вв., что способствовало образованию именно здесь известных ханств Шибанидов [26; 12, с. 23]. Его функционирование явно было связано с Тюменскими воротами Казани и Тюменским волоком через Уральские горы [18, с. 21; 26, с. 98], что подтверждает тесные связи с Казанским ханством.

Возможным ответом на вопрос о маркерах памятников археологии позднего средневековья на юге Западной Сибири может быть и то, что на протяжении XV века существовали значительные инерции в материальной культуре населения, корни которого уходили в период единства Улуса Джучи. Очевидно, что сохранение традиционного образа жизни не могло привести к значительной и тем более одномоментной модернизации самих артефактов, а, следовательно, попытки отделить маркеры XIII–XIV вв. от XV в., по крайней мере, для Западной Сибири, на наш взгляд, невозможны на данном этапе археологического изучения. Некоторые политические изменения несколько опережали текущие процессы в культуре, тем более, что стоит поставить два вопроса, на которые у нас сейчас нет ответов. Во-первых, насколько новые политические процессы для населения были действительно новыми или же все это рассматривалось как «инерция единства», по весьма меткому выражению В.В. Трепавлова [47, с. 11–15]? Во-вторых, а разве в иных случаях политические процессы меняли материальную культуру и производство одномоментно? Ведь, например, кочевнические древности предмонгольского времени на Южном Урале, в Поволжье и некоторых других регионах многие археологи датируют в рамках IX–XIII вв., хотя, казалось бы, на последнее столетие уже падает образование Монгольской империи и Золотой Орды, однако, не меняет материальную культуру населения. Представляется, что подобная аналогия вполне оправдана и относительно ситуации позднего средне-

вековья на юге Западной Сибири, а, следовательно, единственной возможностью датировать памятники XV–XVI вв. является не традиционная археологическая типология, а только данные радиоуглеродных датировок.

Потенциальным датирующим основанием, кроме радиоуглеродного датирования, могла бы быть единственная найденная во время раскопок Чинги-туры монета, которую М.М. Чореф отнес к периоду правления Кильдибека, то есть 762–763 г.х. (?) или 1362 г. [52, с. 101], однако, ее очень плохое состояние вряд ли позволяет быть настолько точным в атрибуции. Недаром К.В. Карцова отнесла эту монету «либо до правления Джанибека (до 1340–х гг.), либо после правления Хизр-хана (после 60-х гг. XIV в.), вполне возможно, что и времени Токтамыша» [28, с. 174–175].

Археологическая датировка памятника отчасти может быть откорректирована данными иных источников. Традиционно считается, что впервые Чинги-тура (анонимный город с флагом, обозначающим административный центр) была обозначена на карте итальянских купцов Франциско и Доминико Пицигани в 1367 г. и под названием *Singui* указана на карте Каталонского атласа 1375 г. [8, с. 30; 17, с. 131; 19, с. 24; 26, с. 97].

Относительно первого указания никто, кроме В.Л. Егорова, не обратил внимание на то, что рядом с этим городом на латыни написано «*civites qued marmogea*» [17, с. 131]. Судя по имеющейся копии этой карты [58], в действительности там написано «*Ciuitas que dicitur marmogea*», то есть «город, зовущийся мраморным». Анализ карты на сайте Library of Congress показывает, что на самом деле там имеется надпись *Sebug*, причем обозначающая не город, а некую территорию, что схоже с известным описанием Иоганки-венгра. Расположенный ниже город с флагом явно должен быть административным центром, но связать его с Чинги-турой можно только в том случае, если мы перенесем на данный портолан наши современные представления. Ведь и *Sibug* здесь расположена не за Уралом, которого на карте нет, а у истоков Волги. На данный момент и с учетом приведенный выше надписи следует отказаться от принятой точки зрения о том, что на карте Пицигани есть какие-либо города в Западной Сибири.

В таком случае самым ранним упоминанием города мог бы стать Каталонский атлас Авраама и Йегуды Крескеса, но и здесь не все так просто. *Sebug* в атласе обозначен как город с флагом с джучидской тамгой, хотя имеются и некоторые пересечения с картой Пицигани, в том числе приведенная выше латинская надпись. Вся проблема в том, можно ли трактовать *Singui* здесь как Чинги-туру. А.Г. Юрченко пишет по этому поводу: «На карте же видим невообразимую ситуацию. Крескес Авраам соединил северный путь в Югру с восточными городами Таримского бассейна и Тангута (*Camull*, *Siacur*, *Singuj*, *Jachion*, *Sugur*, *Cigicalas* – все названия взяты им из книги Марко Поло)» [56, с. 250]. Действительно в «Книге о разнообразии мира» есть город с таким названием, который на русский язык переводят как Сингуи, расположенный на современной территории Китая [37, с. 294]. Таким образом, анализ самих карт, вопреки сложившейся историографии, свидетельствует в пользу отказа от точки зрения о том, что на них имеется указание на Чинги-туру. Даже в отношении Сибири необходимо гораздо осторожнее трактовать его как Сибирь-Искер [18, с. 22–24], поскольку это может быть только наименованием территории.

С исторической точки зрения Чинги-туру традиционно связывают с сибирской княжеской династией Тайбугидов, что основано на информации различных редакций т.н. «Сибирских летописей». На их основании с теми или иными вариациями этот сюжет описан абсолютно во всех исследованиях по истории государственно-

сти в Западной Сибири XV–XVI вв. В Румянцевском летописце содержится, наверное, самая простая версия. Здесь основателем города считается сын царя Она Тайбуга, который после убийства отца «...прииде на реку Туру и созда град и на рече Чингиден». В Есиповской летописи уточняется, что убийцей царя был простой человек «Чингис», который и отпустил Тайбугу покорять Иртыш и Обь и потом основать город [36, с. 32, 46]. Савва Есипов относительно рассказа «О царстве же Сибирском и о княжении...» опирался на некий летописец татарский и устные рассказы, в том числе вполне возможно и тобольских татар [6; 36, с. 42]. Еще Г.Ф. Миллер, разбирая эти известия, писал «... в честь Чинги назвал Чинги-дином» [29, с. 186], что соответствует и контексту летописного описания. Несколько отличающийся концепт предлагал С.У. Ремезов в своей «Сибирской истории», которая была создана в 1690-е – 1703 гг. В частности, у него Она «... Чингыз царь Тюменской войной преодолел... Тюмень же слыла Онцимки», но при этом у него отсутствует знаковая фигура Тайбуги [43, с. 318]. Ему вторит тобольский ямщик Иван Черепанов: «Последуя второму описанию Ремезова... Чингиз город он Тайбуга не строил, потому что в нем жилище свое имел Чингиз хан, от которого Тайбуга вольность... получил»³. В сибирско-татарском дастане «Ильдан и Гольдан», записанном в XIX веке, строительство города также связано с восставшим против хана Онсома и его брата Иртышака Чанги-бием [57, с. 17–19]. В результате различия заключаются не столько во времени строительства Чинги-туры, сколько в том, кто именно это сделал – сам Чингиз-хан или Тайбуга, действовавший от его руки. Недаром В.И. Семенова предположила, что «данные легенды созданы... в моменты усобицы в XV в. и отредактированы уже при Кучуме» [42, с. 50], то есть в период усиления противоречий между потомками монгольского хана Шибанидами и князьями Тайбугидами. Понятно, что, скорее всего, сам монгольский каан не принимал в этом участие, но в любом случае эти источники отсылают именно к событиям первой четверти XIII века. Это примерно совпадает с датами полученными археологами при раскопках и свидетельствующими не столько о времени основания Туры, сколько о произошедшей здесь смене населения. Впрочем, необходимо признать, что от первого столетия функционирования города в рамках Монгольской империи и Улуса Джучи у нас нет иной информации.

На основании сообщения монаха Иоганки 1320 г. нами ранее было сделано предположение, что в Чинги-туре мог быть центр отдельного вилайета под управлением ордынского судьи в период правления хана Узбека, однако интерпретация этого сюжета после публикации перевода Романа Хауталы должна быть изменена. Татарский судья находился в «земле Сибур», название которой совпадает со знаменитой страной Сибир-Ибир в описаниях восточных авторов как крайнего восточного предела власти золотоордынских ханов. При этом не ясно использовалось ли это понятие в его узком смысле (район впадения Тобола в Иртыш) или же в широком как обозначение всего пространства от Урала до Иртыша. При этом ранее не обращалось внимание на примечательную фразу в послании этого судьи относительно привлечения христианских проповедников: «И если они захотят обитать в городах, мы построим им церкви и дома в любом месте в Сибуре, где они захотят. Если же они захотят следовать за нашими лагерьями, мы предоставим им все необходимое». Иоганка заканчивает свое послание фразой «Написано в лагере тартар рядом с Баскардией...» [51, с. 306–307]. Таким образом, конкретизируется, что судьи вели кочевой образ жизни, хотя на территории Сибура (Сибирского вилайета) явно были некие города. Несмотря на не-

³ Летопись сибирская тобольского ямщика Ивана Черепанова 1760 г. / Библиотека ТГИАМЗ. № 12137. Л.16.

сравнимые объемы раскопок Чинги-Туры и Искера, по массе престижных вещей, которые могут быть отнесены к ордынскому периоду, последний гораздо богаче. Это либо свидетельствует о его большем значении в системе торговли и налогообложения, либо в очередной раз заставляет нас сожалеть о почти полном разрушении культурного слоя города.

В результате Чинги-тура упоминается в источниках только в контексте событий конца Великой Замятни. В татарском источнике «Дафтар-и Чингиз-наме» юртом Урус-хана из Тукай-Тимуридов названа именно Тура [30, с. 243, ком.72], что было возможно только в 1370-е гг. Под названием Тюмень она впервые попала в поле зрения русских летописцев в контексте поражения и убийства в 1406 году близ нее хана Токтамыша внуком Уруса Шадибеком: «в Сибирской земли близ Тюмени» [49, с. 70]. В конце XIV – начале XV века эти земли оказались под контролем мангытов во главе с Идегеем и его ставленников из Тукай-Тимуридов в лице Шадибека и Чекре [55, С. 34–35]. После гибели Идегея сыновья мангытского бия Кейкубад и Нур ад-Дин «отправились в вилайет Тура» [20, с. 78, 195]. Очевидно, что источники разного происхождения в это время под Сибирской землей и вилайетом Тура (Туранским) понимали одну и ту же территорию.

Ситуация изменилась после возведения Идегея на ханский престол в 1419 году Хаджи-Мухаммада Шибанида. В начале 1420-х гг. он захватил «Шехр-и Тура», которое названо знаменитым владением мангытов [50, с. 83]. Это сообщение может фиксировать начальный этап перехода юга Западной Сибири под контроль новых династов. В конце этого же десятилетия другой Шибанид Махмуд-Ходжа в союзе с родами Туранского вилайета воевал против конгратов и салджиутов [11, с. 40]. Судя по дальнейшим событиям, сам вилайет и его центр находились под контролем представителей клана буркут.

Именно они в 1430 г. передали город новому лидеру Шибанидов хану Абу-л-Хайру, заняв не только ведущее положение в его окружении, но и выдав за него свою представительницу. Фигура этого правителя для становления Чинги-туры чрезвычайно важна, поскольку при нем в описании города в источниках появляется фраза «местопребывания трона государства и средоточия божьей помощи» [25, с. 143–144]. При этом возникает резонный вопрос: имел ли этот город подобный статус или же он только был сформирован и закреплен именно Абу-л-Хайром? Ведь до этого невозможно однозначно связать с Чинги-турой какого-либо хана, кроме Токтамыша и Хаджи-Мухаммада, хотя при них он не упоминается именно в контексте тронного места. Еще в 1965 г. Э.Л. Кинан в качестве одного из «традиционных престольных мест суверенной власти» также называет именно Тюмень в Сибири [53, с. 74], но складывается впечатление, что именно при Абу-л-Хайре этот новый статус города получил свое реальное оформление. Симптоматично, что именно этот хан «объявил независимость своего государства от потомков» Тукай-Тимура [5, с. 48], тем самым дистанцировавшись и от более ранней связи Туры с ними.

Вопрос о том, когда же за Чинги-турой закрепился некий столичный или престольный статус, как кажется вообще не возникал в историографии, однозначного ответа на него на данный момент быть не может, но это не могло произойти ранее правления Абу-л-Хайра. Очевидно, что в условиях постепенного распада Улуса Джучи и формирования локальных ханских династий им могли быть необходимы особые города, к которым привязывались определенные политические институты или места сбора и концентрации налогов. Л.Ф. Недашковский довольно метко указал, что «города монгольских государств объединяет высокий уровень развития торговли и денежного обращения, а также их «несто-

личность» – политическим центром, резиденцией хана и правительства, являлась кочевая ставка (орда)» [31, с. 107], что в целом было характерно и для Шибанидов. Кочевой характер элиты Тюменского ханства во главе с ханами из династии Шибанидов действительно приводил к тому, что главным политическим центром власти была кочевая ставка правителя. Эта традиция сложилась при Абу-л-Хайре и оставалась таковой при следующем хане уже из числа потомков Хаджи-Мухаммада Ибрахима, которые находились в постоянном движении в подконтрольной степной зоне, лишь иногда подкочевывая к Туре [25, с. 163; 34, с. 274].

Дополнительным фактором в этом могла быть и специфика расположения Чинги-туры на самом севере ханских владений, фактически уже в таежной зоне, которая не слишком подходила для постоянного пребывания ханского двора. Это и объясняло передачу города Абу-л-Хайром под управление ханских чиновников – даруг из числа представителей тарханов, дурманов и найманов, почти так же как это было позднее сделано в отношении присырдарьинских городов [25, с. 159–160; 30, с. 233]. Б.А. Ахмедов со ссылкой на «Таварих-и Гузида Нусрат-наме» писал, что Абу-л-Хайру жители Жанги (Чинги)-Туры платили ясак [5, с. 94]. Представляется, что, если автор прав, то это говорит о довольно специфичном статусе этого престольного города и его населения, по крайней мере в период правления указанного хана.

Осенью 1446 года Абу-л-Хайр «решил отправиться для зимовки на завоевание Сыгнака» [25, с. 159], после чего этот город под управлением оглана Мане (потомка сына Джучи Тангута), видимо, стал формальной столицей Узбекского ханства Абу-л-Хайра, который значительную часть времени проводил в своей кочевой ставке. Огромное по размеру ханство при Абу-л-Хайре не только считалось собственностью всей ханской семьи, но и было разделено на отдельные улусы Чингизидов, в том числе Тюменский юрт, что позволяло Абу-л-Хайру носить титул Хан-и Бузург [25, с. 159–160]. Вполне возможно, что в результате во второй половине 1440-х гг. в Тюменском вилайете от лица узбекского лидера стали управлять сыновья Хаджи-Мухаммада Махмуд и Саййидек [32], что после поражения Абу-л-Хайра в 1457 году стало основой для сепаратизма тюменских Шибанидов и, видимо, возвращения в Туру буркутов.

В результате новый тюменский хан Ибрахим б. Махмуд, скорее всего, в 1470-е гг., также породнился с буркутами, которых довольно убедительно можно связать с княжеской династией Тайбугидов сибирских летописей. Их князь и ханский зять Мар (Умар/Омар) контролировал Чинги-туру. Вскоре хан «Упак зятя своего уби и градом облада» [36, с. 47], то есть Ибак поставил ее под свой прямой контроль, правил здесь «и владе много лет» [36, с. 47]. Сыновья Мара (кстати, в летописях даже нет намек на их возможное родство с ханом, чья дочь вполне могла быть их матерью) проживали при дворе хана Ибаке: «Маровы дети Одер да Ябулак живяства во граде Чимгидене у казанского царя у Упака» [36, с. 47, 118]. Также имеются указания и на проживание здесь беглых казанских аристократов: «у Ибреима царя в Тюмени живет» [38, с. 33–34]. Не менее симптоматично наличие приставки «Тюменский» в ханской титулатуре самого Ибрахима [16, с. 138, 196]. Исходя из этого, можно предположить, что Чинги-тура (Тюмень) сохранила статус престольного места Тюменского ханства, хотя и делила его с реальным центром политической власти в ханском Орду-базаре. В целом это повторяет аналогичные схемы предшествующего периода и находит прямые аналоги в Улусе Джучи.

Однако, между 1493–1495 гг. сын Адера «князь Мамет воста после смерти отца своего з ближними своими на казанскаго царя Упака» [36, с. 118], и «по

сем... Мамет... град свой Чингиден разруши» [36, с. 32, 47; см. позиции исследователей по этому вопросу: 19, с. 24]. Данная летописная фраза чрезвычайно важна с точки зрения дальнейшего функционирования этого города. В этом отношении напомним, что брат и преемник Ибрахима Мамук вскоре после этих событий организовал поход на Казань, что вряд ли было возможно в условиях потери собственной столицы и при наличии сепаратизма княжеской династии. Возникает резонный вопрос и о том, куда же возвращался после казанской неудачи брат и наследник Ибрахима новый тюменский хан Мамук: «вскоре поиде от Казани в свояси и на пути умре» [33, с. 243]. Не менее сложно тогда трактовать и фразу из Вычегодско-Вымской летописи относительно событий весны 1505 года: «...пришед из Тюмени на Великую Пермь ратью сибирский царь Кулуг Салтан и без вести приступиша» [13, с. 264; 35, с. 99]. Таким образом, вопреки позиции информаторов сибирских летописцев Чинги-тура (Тюмень) не могла быть заброшена в середине 1490-х гг. и сохраняла статус престольного града в последующие десятилетия.

Представляется, что более критичным был тот самый промежуток 1520–1530-х гг., который заметен по радиоуглеродным датам. К этому времени все известные нам представители Шибанидов покидают регион, оказавшись у Ногаев, в Москве или на Сырдарье. В результате Чинги-тура на самом деле могла не только утратить статус, но и оказаться заброшенной. Так, Сигизмунд Герберштейн писал после пребывания в Москве в 1517 и 1526 гг.: «... Тюмень, которой владеют князья угорские, платящие, как говорят, дань великому князю» [14, с. 157]. Хотя в другом сообщении и указывал, что государь «царства Тюмень» татарин и «...он не так давно причинил большой ущерб Московиту, то весьма вероятно, что эти племена, будучи ему соседями, скорее ему и подчиняются» [14, с. 161]. С учетом косвенного характера этих упоминаний можно предположить, что в период между его двумя поездками Чинги-тура перешла от Шибанидов к неким угорским князьям (ближайшими были владения воинственного Пелымского княжества). В результате в Москве в 1536 г. стало известно, что ногайский мирза Шейх-Мамай, потомок Ибрахима по женской линии, «детей отпускает к Асай-мырзе, да Кан-мурзу (возможно, старший сын Шейх-Мамая Хан, – Д.М.) Туру воевать» [39, с. 155]. Если переход города под контроль угорских князей действительно произошел, то для ногайских родственников и союзников Шибанидов возвращение контроля над ней носило принципиальный характер.

Еще более сложно реконструировать историю города в период правления в Западной Сибири внуков Ибрахима Ахмад-Гирея и Кучума. Предшествующее название города и вилайета Тура почти исчезает из источников, хотя отдельные упоминания свидетельствуют: «после этого страна Тура в тюркской историографии стала считаться владением Кучума» [19, с. 25; 48, с. 387]. В одном из документов русско-ногайской переписки Кучум назван царем «тюменским и сибирским» [40, с. 268–269]. Это интересным образом совпадает с указанием на цитателе Чинги-туры «Пустое Кучумово городище» на русской карте рубежа XVII–XVIII вв. [7, с. 153], хотя, как справедливо отметил В.В. Трепавлов, не ясно то, когда именно здесь жил Кучум [19, с. 25]. При этом наименование «Тюменское городище» в отношении Туры использовано уже в документах 1586 г., что явно фиксирует заброшенный характер этого места к данному году [7, с. 154]. Судя по всему, этот чертеж принадлежал либо С.У. Ремезову, либо его сыну Леонтию, которые и в отношении Сибири как раз указали «Кучумово городище» [7, с. 154]. Еще одним упоминанием связи Кучума с Чинги-турой может быть заявление внука Кучума Девлет-Гирея относительно «чимкисских людей» и «Чимгисского

города»: «... тот улус отца моего и деда» [29, с. 478]. Скорее всего, лишь эти косвенные указания, вместе с некоторыми нюансами европейской картографии, согласно традиции которой еще вплоть до 1594 г. названием государства и территории является Тюмень со столицей в городе Великая Тюмень [23], позволяют говорить о продолжении бытования города в XVI веке, что увязывается и с поздними радиоуглеродными датами.

Также косвенным подтверждением существования города в это время может быть указание в Ремезовской и Кунгурской летописях на взятие Тюмени (Чингида) 1 августа 1582 года во время похода Ермака [21, с. 5; 29, с. 217; 44, с. 318]. Летописные тексты довольно противоречивы в отношении взятия города без сопротивления или же наоборот с боем [43, с. 371], на что указывала и Н.П. Матвеева [28, с. 175], так же, как и относительно обнаружения здесь «многие припасы и богатства» и дальнейшей зимовки казаков. Представляется, что при всей недоказуемости т.н. «длинной хронологии», в рамках которой Тюмень как место зимовки отряда Ермака носит принципиальный характер, сама возможность этого свидетельствует не только о том, что город не был разрушен или заброшен, как об этом указывается в более ранних летописях Есиповской группы, но и продолжал, вплоть до взятия Ермаком, функционировать как торговый центр [29, с. 216–217; 43, с. 318], хотя, видимо, и утратил свое бывшее политическое значение в результате событий первой половины XVI века. Эти предположения вполне согласуются с указанием на заброшенное городище после 1586 года, то есть уже к началу строительства русской крепости.

Осознание важности контроля над бывшим престольным градом с позиций создания новой идеологии русской власти в Сибири привело к тому, что именно около него московские воеводы И. Мясной и В. Сукин построят один из первых городов Тюмень: «и постявиша сии воеводы град Тюмень над рекою Турою, иже прежде бысть у бисерман имянуеми град Чингидис» [36, с. 312]. Былую значимость этого престольного владения, видимо, еще в конце XVI века осознавали и представители татарской элиты. Так, «престол Тура» у Кадыр Али-бека Джалаира является третьим по значимости после Казани и Астрахани в титуле царя Борис Годунова [10, с. 543]. Этот момент представляется принципиально важным: для князя из окружения казахского царевича Ураз-Мухаммада, являвшегося пасынком Кучума [9, с. 375], престольное место продолжало находиться в Туре, то есть Чинги-туре, а не в Искере – Сибири.

Таким образом, по косвенным указаниям источников и их корреляции с археологическими данными представляется возможным реконструировать некоторые этапы функционирования Чинги-туры в процессе ее становления в качестве престольного и столичного центра Тюменского ханства. Таковым этот город, несмотря на несколько веков истории, был только между 1430–1510-ми гг., в дальнейшем сохраняя лишь определенный идеологический флер своей прошлой истории, хотя следует отказаться от версии о разрушении Туры в конце XV века. Представляется, что материалы письменных источников по этому вопросу уже фактически исчерпаны и вряд ли раскроют нам больше, особенно о механизме передачи этого города от управлявших им даруг и князей к ханам. Несмотря на общее понимание основных функции подобных поселенческих комплексов в Западной Сибири [19, с. 20–22], следует признать верным предположение С.Ф. Татаурова: «В отличие от европейских столиц, судьба Чимги-Туры, Кизыл-Туры и самого Искера показывает, что правители тюрко-татарских государств не ставили перед собой цель развития и укрепления своих столиц, а скорее наоборот – в случае возникновения неблагоприятной ситуации разрушали или просто бросали свои города. Наи-

более правильно считать сибирские города временными ханскими ставками, во время пребывания в которых хан укреплял свою политическую власть, осуществлял сбор налогов, проверял охрану границ и т.д., то есть осуществлял функции государственного правителя. В его отсутствии в этих городах проживало сравнительно небольшое количество жителей и такой же небольшой гарнизон» [46, с. 60]. Очевидно, что только комплексные археологические работы в тех местах, где еще сохранился культурный слой этого города, позволят нам прийти к возможному новому пониманию роли Чинги-туры в истории сибирской государственности, в том числе решить вопрос о том, почему возникают такие колоссальные различия в объеме и качестве артефактов с Искером.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Н. Город Тюмень // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 50. Отдел II. Часть неофициальная. С. 712–715.
2. Адамов А.А. К вопросу о городах Сибирского ханства // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространства (XV–XVI вв.)». Тезисы. Симферополь, 2013. С. 6–8.
3. Адамов А.А. Новые данные о денежном обращении в Сибирском юрте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурологи и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (62). Ч. 11. С. 13–16.
4. Адамов А.А. Кучумово городище – столичный город в Сибири или исторический миф (археологические факты и исторические предположения) // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 2. С. 359–373. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-2.359-373
5. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965. 196 с.
6. Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С.Ремезова // Исторические известия, изданные Историческим обществом при Императорском Московском университете. 1916. № 3–4. С. 3–8.
7. Белич И.В. Чертеж г.Тюмени рубежа XVII–XVIII вв. и топография «Царева городища (Чимги/Цымги-туры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. Вып. 11. С. 143–163.
8. Белич И.В. Цымги-Тура. К вопросу о происхождении и значении раннего имени г.Тюмень // Тюркологический сборник. 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2009. С. 14–34.
9. Беляков А.В. Царицы сибирские // Золотоордынское обозрение. 2019. Т.7, № 2. С. 372–391. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.372-391
10. Березин И.Н. Татарский летописец. Современник Борис Федоровича Годунова // Московитянин. 1851. № 24. Кн. 2. С. 540–554.
11. Валиди Тоган А. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
12. Воротынцев Л.В. Северный трансконтинентальный торговый путь в монгольскую эпоху (XIII–XV вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 19–26. DOI: 10.17223/19988613/62/3
13. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. С. 241–270.
14. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Издательство Московского университета, 1998. 420 с.

15. Города средневековых империй Дальнего Востока. М.: ИВЛ, 2018. 367 с.: ил.
16. Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. Ч. 1. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1978. 630 с.
17. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.
18. Зыков А.П. Городище Искер: Исторические мифы и археологические реальности // Сибирские татары: Материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск, 1998. С. 22–24.
19. Зыков А.П., Косинцев П.А. Трепавлов В.В. Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Наука – Восточная литература, 2017. 559 с.
20. Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
21. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб.: Типография Ф.Г. Елеонского и К, 1880. 108 с.
22. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Монография. Курган, 2008. 168 с.
23. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Территория Тюменского и Сибирского ханства на западноевропейских картах XVI – начала XVII вв. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. С. 23–26.
24. Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф. Искер как мифологема в изучении истории Сибирского ханства // Золотоордынское обозрение. № 4. 2015. С. 135–150.
25. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.
26. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Пути сообщения Сибирских ханств // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 95–101.
27. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. 260 с.
28. Матвеева Н.П. Чимги-тура (Царево городище) // Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 172–176.
29. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1999. 630 с.
30. Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых Джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2011. С. 228–248.
31. Недашковский Л.Ф. Исторические особенности золотоордынского города // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2018. № 38 (3–4). С. 97–116.
32. Парунин А.В. Начало внешнеполитической деятельности шибанида Ибак-хана // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. №6. С. 91–100.
33. Полное собрание русских летописей. Т.12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб: Типография И. Н. Скороходова, 1901. 266 с.
34. Полное собрание русских летописей. Т.26. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 416 с.
35. Полное собрание русских летописей. Т.37. Устюжские и вологодские летописи XVI—XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 235 с.

36. Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 383 с.
37. Поло М. Книга о разнообразии мира // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 192–380.
38. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1984. 99 с.
39. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1995. 356 с.
40. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч.ХI. СПб.: При Императорской Академии наук, 1801. 315 с.
41. Рафикова Т.Н. Результаты изучения Царева городища (2007–2009 гг.) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2011. С. 11–15.
42. Семенова В.И. Археология и картография города Тюмени (о соотношении русской и местной традиций в городском ландшафте) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 48–51.
43. Сибирские летописи. Издание Императорской археографической комиссии. СПб.: Типография И.Н.Скорородова, 1907. 464 с.
44. Соболев В.И. История сибирских ханств [по археологическим материалам]. Новосибирск: Наука, 2008. 356 с.
45. Татауров С.Ф. Мифологемы Сибирских ханств: города // Сибирский сборник. Вып. 3. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. С. 152–160.
46. Татауров С.Ф. Тюрко-татарские города Западной Сибири в XIV–XVI вв. в археологических и исторических исследованиях // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А.Федорова-Давыдова. Казань, Ялта, Кишинев, 2016. С. 58–60.
47. Трепавлов В.В. Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 11–15.
48. Трепавлов В.В. Родоначальник Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник. 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2009. С. 370–395.
49. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 128 с.
50. Утемиш-хаджи. Кара-таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой, З.Т.Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева // Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
51. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 976 с.
52. Чореф М.М. К вопросу о характере обращения медной монеты в Западной Сибири в ордынский период // Ab origine. Археолого-этнографический сборник. Вып. 8. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2016. С. 97–104.
53. Шамильоглу Ю. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 260 с.

54. Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 8–51.
55. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / под ред. А.З.Бунятова. Баку: Элм, 1984. 88 с.
56. Юрченко А.Г. Город Башкорт в Каталонском атласе 1375 года: факты и интерпретации // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Международный научный симпозиум, посвященный памяти Н.А. Мажитова. Сборник материалов. Уфа: Мир печати, 2018. С. 242–261.
57. Илдан белен Голдан (дастан) // Мирас. 2002. №3. С. 17–31.
58. Manuscript copy of 1367 manuscript chart of the Mediterranean, with the Black and Caspian Seas, and the coasts of northwest Africa and western Europe. URL: <https://www.loc.gov/resource/g5672m.ct004121/?r=-0.034,-0.175,1.413,0.846,0> (дата обращения 29.05.2023)

Сведения об авторах: Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, директор Гуманитарного института Курганского государственного университета (640020, ул. Советская, 63, корп. 4, Курган, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8302-1277, ResearcherID: J-9551-2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

Елена Алексеевна Рябинина – старший преподаватель кафедры «История и документоведение» Курганского государственного университета (640020, ул. Советская, 63, корп. 4, Курган, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-3854-1817. E-mail: realdenim77@yandex.ru

Поступила 07.06.2023

Принята к публикации 10.11.2023

Опубликована 29.12.2023

REFERENCES

1. Abramov N. The city of Tyumen. *Tobolsk provincial vedomosti*, 1858, no. 50, Division II, Unofficial part, pp. 712–715. (In Russian)
2. Adamov A.A. On the question of the cities of the Siberian Khanate. *V International Bulgarian Forum "Political and Ethno-cultural interaction of states and peoples in the Post-Golden Horde space (15th–16th centuries)". Theses*. Simferopol, 2013, pp. 6–8. (In Russian)
3. Adamov A.A. New data on monetary circulation in the Siberian yurt. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 2015, no. 12 (62), p. 11, pp. 13–16. (In Russian)
4. Adamov A.A. The Kuchum Settlement: The Capital of Siberia or a Historical Myth (Archaeological Facts and Historical Assumptions). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*, 2021, vol. 9, no. 2, pp. 359–373. DOI: 10.22378/2313- 6197.2021-9-2.359-373 (In Russian)
5. Akhmedov B.A. The state of nomadic Uzbeks. Moscow: Nauka, The Main editorial Office of Oriental Literature, 1965, 196 p. (In Russian)
6. Bakhrushin S.V. Native legends in S.Remezov's "Siberian History". *Historical News published by the Historical Society at the Imperial Moscow University*, 1916, no. 3–4, pp. 3–8. (In Russian)
7. Belich I.V. Drawing city of Tyumen of the turn of the 17th–18th centuries and the topography of the “Tsarev settlement” (Chimgi/Tsymgi-tura). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2009, no. 11, pp. 143–163. (In Russian)

8. Belich I.V. On the etymology, semantics and history of the origin of the medieval name of Tyumen. *Bulletin of archaeology, anthropology and Ethnography*, 2007, no. 7, pp. 143–157. (In Russian)
9. Belyakov A.V. Siberian Queens. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 372–391. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.372-391(In Russian)
10. Berezin I.N. Tatar chronicler. A Contemporary Of Boris Fyodorovich Godunov. *Moskovitjanin*, 1851, Iss. 24, book 2, pp. 540–554. (In Russian)
11. Validi Togan A. History of Bashkirs. Ufa, Kitap Publ, 2010. 352 p. (In Russian)
12. Vorotyntsev L.V. The Northern transcontinental trade route in the Mongolian epoch (13th–15th centuries). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin. History*, 2019, no. 62, pp. 19–26. DOI: 10.17223/19988613/62/3 (In Russian)
13. Vychehda-Vym chronicle. *Historical-philological collection of the Komi branch of the USSR Academy of Sciences*. Syktyvkar: Komi Publ., 1958, vol. 4, pp. 241–270. (In Russian)
14. Gerbershtejn S. Notes on Muscovite Affairs. Moscow: Moscow State Publishing University Publ., 1998. 420 p. (In Russian)
15. Cities of the medieval empires of the Far East. Moscow: IVL, 2018, 367 p. (In Russian)
16. State archive of Russia of the 16th century. The experience of reconstruction. Moscow: Institute of History SSSR, 1978, part 1, 630 p. (In Russian)
17. Egorov V.L. Historical geography of the Golden Horde of the 13th–14th centuries. Moscow: Nauka, 1985, 246 p. (In Russian)
18. Zykov A.P. Isker settlement: Historical myths and archaeological realities. *Siberian Tatars: Materials of the I Siberian Symposium "Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia"*, Omsk, 1998, pp. 22–24. (In Russian)
19. Zykov A.P., Kosintsev P.A., Trepavlov V.V. The Town of Sibir – The Ancient Settlement of Isker (Historical-Archaeological Research). Moscow: Nauka, 2017. 559 p.
20. Kyrymi Abulgaffar. Umdet ar-akbar. Book 2.: Translation. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018, 200 p. (In Russian)
21. Brief Siberian Chronicle (Kungur) with 154 drawings. St. Petersburg: Printing house of F.G.Eleonsky and K, 1880. 108 p. (In Russian)
22. Maslyuzhenko D.N. Ethno-political history of the forest-steppe Pritobol'ya in the middle ages. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2008, 168 p. (In Russian)
23. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. The territory of the Tyumen and Siberian khanate on Western European maps of the 16th – early 17th centuries. *History, economy and culture of the medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia. Materials of the IV all-Russian (national) scientific conference*. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2020, pp. 23–26. (In Russian)
24. Maslyuzhenko D.N., Tataurov S.F. Isker as a mythologem in the study of history of the Siberian khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2015, no. 4, pp. 136–137. (In Russian)
25. Materials on the history of the Kazakh khanate in the 15th–18th centuries (extract from the Persian and Turkic writings). Compiled by S.K. Ibragimov and others. Alma-Ata, Nauka Publ., 1969. 652 p. (In Russian)
26. Matveev A.V., Tataurov S.F. Ways of communication of Siberian khanates. *Omsk Scientific Bulletin*, 2011, no. 3, pp. 95–101. (In Russian)
27. Matveev A.V., Tataurov S.F. Siberian khanate: political and military aspects of history. Kazan: Fen Publ., 2012. 260 p. (In Russian)
28. Matveeva N.P. Chinggi-tura (Tsarevo settlement). *Tyumen and Siberian khanates*. Kazan: Kazan State University Publ., 2018. C. 172–176. (In Russian)

29. Miller G.F. History Of Siberia. Vol. I. Moscow: Vostochnay literatyra Publ., 1999, 630 p. (In Russian)
30. Mustakimov I.A. Information of "Tavarikh-I guzida – Nusrat-name" on the possession of some descendants of Juchi Khan. *Turkological collection. 2009–2010: the Turkic peoples of Eurasia in antiquity and the middle ages*. Moscow, Eastern literature Publ., 2011, pp. 228–248 (In Russian)
31. Nedashkovskiy L.F. Historical features of the Golden Horde city. *Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*, 2018, № 38 (3–4), pp. 97–116. (In Russian)
32. Parunin A.V. The beginning of the foreign policy activity of the Ibak Khan Shibanid. *Medieval Turkic-Tatar states*, 2014, no. 6, pp. 91–100.
33. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 12. Chronicle collection, called Patriarchal or Nikon Chronicle. St. Petersburg, 1901. 266 p. (In Russian)
34. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 26. Vologda-Perm chronicle. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1959, 416 p. (In Russian)
35. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 37. Ustyug and Vologda chronicles. Leningrad: Nauka, 1982, 228 p. (In Russian)
36. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 36. The Siberian Chronicles. Part 1. The group Esipov chronicle. Moscow: Nauka, 1987, 383 p. (In Russian)
37. Polo M. The book about the diversity of the world. *Travels to Eastern countries*. Moscow: Mysl', 1997, pp. 192–380. (In Russian)
38. Ambassadorial book on Russia's relations with the Nogai Horde. 1489–1508. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1984, 87 p. (In Russian)
39. Embassy of the book on the relations of Russia with the Nogai Horde, 1489–1549. Makhachkala, 1995. 356 p. (In Russian)
40. The continuation of the ancient Russian bibliophica. Vol. XI. Saint-Petersburg, 1801, 315 p. (In Russian)
41. Rafikova T.N. Results of the study of Tsarev settlement (2007–2009). *History, economy and culture of medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia. Materials of the international conference*. Kurgan: Kurgan State University, 2011, pp. 11–15. (In Russian)
42. Semenova V.I. Archeology and cartography of the city of Tyumen (on the correlation of Russian and local traditions in the urban landscape). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin. History*, 2013, no. 3 (23), pp. 48–51. (In Russian)
43. The Siberian Chronicles. The publication of the Imperial archaeological Commission. St. Petersburg, of I.N. Skorokhodov, 1907, 462 p. (In Russian)
44. Sobolev V.I. The history of Siberian khanates (on archaeological materials). Novosibirsk: Science, 2008. 356 p. (In Russian)
45. Tataurov S.F. Mythologems of the Siberian Khanate: the towns. *Siberian collection*. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2015, Iss. 3, pp. 152–159. (In Russian)
46. Tataurov S.F. Turkic-Tatar cities of Western Siberia in the 14th–16th century in archaeological and historical research. *Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space. Historical geography of the Golden Horde. Materials of the Seventh International Conference dedicated to the memory of G.A.Fedorov-Davydov*. Kazan: Yalta, Kishinev, 2016, pp. 58–60. (In Russian)
47. Trepavlov V.V. Jochi ulus in the 15th–16th centuries: inertia of unity. *Golden Horde Civilization. Materials of the International Scientific Conference "Political and socio-economic history of the Golden Horde (13th–15th centuries)"*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 11–15. (In Russian)
48. Trepavlov V.V. The founders Ashtarkhanids in Desht-i Kipchak (notes on the pre-history of the dynasty of Bukhara). *Turkological collection. 2007–2008: the History and culture of the Turkic peoples of Russia and adjacent countries*. Moscow: Vostochnay literatyra Publ., 2009, pp. 370–395. (In Russian)

49. Ustyug chronicle vault (Archangel City chronicle). Ed. by K.N.Serbina. Institute of History SSSR, 1950, 128 p. (In Russian)
50. Utemish-khadzhi. Kara tavarih. Transcription by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova, Z.T. Khafizova; translation into Russian by I.M. Mirgaleev, E.G. Saifetdinova; general and scientific editing by I.M. Mirgaleev. Series "Yazma Miras. Written heritage. Textual heritage". Vol. 4. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, 312 p. (In Russian)
51. Hautala R. In the lands of "Northern Tartary": Information from Latin sources about the Golden Horde during the reign of Khan Uzbek (1313–1341). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019, 976 p. (In Russian)
52. Choref M.M. On the question of the nature of the circulation of a copper coin in Western Siberia during the Horde period. *Ab origine. Archaeological and ethnographic collection*. Iss. 8. Tyumen: Tyumen State University, 2016, pp. 97–104 (In Russian)
53. Shamiloglu Yu. Tribal politics and social structure in the Golden Horde. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 260 p. (In Russian)
54. Shashkov A.T. The beginning of joining Siberia. *Problems in the history of Russia. Eurasian Borderland*. Ekaterinburg: Volot, 2001, Iss. 4, pp. 8–51. (In Russian)
55. Shil'tberger I. Journey through Europe, Asia and Africa from 1394 to 1427. Baku, Elm, 1984, pp. 35–36. (In Russian)
56. Yurchenko A.G. The city of Bashkort in the Catalan Atlas of 1375: facts and interpretations. Ancient and medieval Societies of Eurasia: the Crossroads of Cultures. *International Scientific Symposium dedicated to the memory of N.A. Mazhitov. Collection of materials*. Ufa: The World of Printing, 2018, pp. 242–261. (In Russian)
57. Ildan belen Goldan (dastan). *Miras*, 2002, no. 3, pp. 17–31. (In Tatar)
58. Manuscript copy of 1367 manuscript chart of the Mediterranean, with the Black and Caspian Seas, and the coasts of northwest Africa and western Europe. URL: <https://www.loc.gov/resource/g5672m.ct004121/?r=-0.034,-0.175,1.413,0.846,0> (access date 29.05.2023)

About the authors: Denis N. Maslyuzhenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (63, building 4, Sovetskaya Str., Kurgan 640020, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8302-1277, ResearcherID: J-9551-2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

Elena A. Ryabinina – Senior Lecturer of the Department of "History and Documentation", Kurgan State University (63, building 4, Sovetskaya Str., Kurgan 640020, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-3854-1817. E-mail: realdenim77@yandex.ru

Received June 7, 2023

Accepted for publication November 10, 2023

Published December 29, 2023

МОСКВА, ЛИТВА, ОРДА И ПОСЛЕДНИЕ ЗАВЕЩАНИЯ ВАСИЛИЯ I

С.В. Полехов

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Москва, Российская Федерация
sergey.polekhov@gmail.com*

Цель исследования: Выяснить, почему великому князю владимирскому и московскому Василию I пришлось дважды за последние годы правления составлять завещание и отправлять его на утверждение к своему тестю, великому князю литовскому Витовту, и какую роль в этом сыграл ордынский фактор.

Материалы исследования: Завещания Василия I и других московских Рюриковичей, русские летописи, послания Витовта и сановников Тевтонского ордена.

Результаты и научная новизна: Как выяснили исследователи, причиной составления третьего завещания Василия I между 1423 и 1425 гг., вскоре после второго его завещания, утверждённого гарантом – великим князем литовским Витовтом, стала выдача ханом Улуг Мухаммадом ярлыка на Нижегородское княжение Даниилу Борисовичу, означавшая восстановление Нижегородского княжества, независимого от Москвы. В статье приведены аргументы в пользу того, что Улуг Мухаммад, выдавая ярлык на Нижегородское княжение, действовал самостоятельно: хотя он и был союзником Витовта, эта акция шла вразрез с намерениями великого князя литовского, заинтересованного в переходе московского престола к его малолетнему внуку Василию Васильевичу (в условиях возможных претензий на власть со стороны Юрия Дмитриевича – брата Василия I и союзника Свидригайла, соперника Витовта) и как можно скорейшем утверждении соответствующего завещания Василия I. Несмотря на борьбу за власть в Орде в начале 20-х гг. XV в., Улуг Мухаммад располагал достаточным потенциалом, чтобы в случае необходимости помочь Даниилу Борисовичу реализовать права на Нижний Новгород. Поскольку Витовт не смог обеспечить передачу Василию Васильевичу отцовских владений вместе с Нижним Новгородом, что показало ограниченность его возможностей на ордынском направлении, то для порядок утверждения третьего завещания Василия I был иным, чем у второго: сначала его подписал митрополит Фотий, затем к нему привесили печати Василий I и трое его братьев, и лишь затем оно было скреплено печатью Витовта.

Ключевые слова: Василий I, Витовт, Улуг Мухаммад, Нижегородское княжение, Тевтонский орден, княжеское завещание, духовная грамота, московско-литовские отношения

Для цитирования: Полехов С.В. Москва, Литва, Орда и последние завещания Василия I // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 881–901. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.881-901 EDN: VLDWPV

© Полехов С.В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

MOSCOW, LITHUANIA, THE HORDE AND THE LAST TESTAMENTS OF VASILY I

S.V. Polekhov

*Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation
sergey.polekhov@gmail.com*

Abstract: *Research objectives:* To ascertain why Grand Prince Vasily I of Vladimir and Moscow had to make his will twice in the last years of his reign and ask his father-in-law, Grand Duke Vytautas of Lithuania, to confirm it, and what the role played by the Golden Horde in these events was.

Research materials: Testaments of Vasily I and other Rurikids of Moscow, Russian chronicles, letters of Vytautas and dignitaries of the Teutonic Order.

Results and novelty of the research: According to the research, the reason for Vasily I drawing up the third testament between 1423 and 1425, shortly after his second testament approved by the guarantor, Grand Duke Vytautas of Lithuania, was the granting of a yarliq by Khan Ulugh Muhammad to Prince Daniil Borisovich that meant the restoration of the Principality of Nizhny Novgorod independent of Moscow. The paper provides arguments that by doing so, Ulugh Muhammad was acting independently. Although he was Vytautas' ally, his action was contrary to the intentions of the Grand Duke of Lithuania who was interested in seeing his underage grandson Vasily Vasil'evich's succession to the throne because Vasily I's brother Yury Dmitrievich, an ally of Vytautas' rival Švitrigaila, could aspire to it. Despite the struggle for power in the Horde in the early 1420s, Ulugh Muhammad seems to have had enough power to help Daniil Borisovich realize his claim to Nizhny Novgorod. Since Vytautas was not able to provide Vasily Vasil'evich with Nizhny Novgorod as a part of Vasily I's possessions, which showed the limits of his possibilities regarding the Horde, the third testament was made in a different way than the second one: at the beginning it was signed by Metropolitan Photios, then sealed by Vasily I and his three brothers, and at the very end by Vytautas.

Keywords: Vasily I, Vytautas, Ulugh Muhammad, Principality of Nizhny Novgorod, Teutonic Order, princely testament, Moscow-Lithuanian relations

For citation: Polekhov S.V. Moscow, Lithuania, the Horde and the last testaments of Vasily I. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 881–901. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.881-901 (In Russian)

Financial Support: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

Памяти Вадима Винцеровича Трепавлова
(1960–2023)

В основе настоящей работы лежат наблюдения автора этих строк над двумя последними завещаниями (по средневековой русской терминологии – духовными, или душевными, грамотами) великого князя владимирского и московского Василия I [23; 24]. Анализ оформления их оригиналов, типологии, расположения и способов прикрепления привешенных к ним печатей великого князя литовского Александра Витовта¹ подтвердили соображения об очередности составления завещаний его московского зятя, высказывавшиеся в литературе начиная с И.Б. Грекова, а недавно подкреплённые новыми аргументами А.А. Горского [7; 4]².

В результате всестороннего комплексного анализа у исследователей сложился консенсус относительно следующей картины событий. К началу марта 1423 г. в Москве было составлено *второе завещание* Василия I, которое митрополит Фотий и дьяк Алексей Стромилов повезли к Витовту³; по всей видимости, в Москве остался список, сохранившийся до наших дней⁴. Поскольку Средокрестное воскресенье (середина Великого поста) в 1423 г. приходилось на 7 марта, а путь от Москвы до Смоленска, где вскоре произошла встреча Витовта с его дочерью Софьей и внуком Василием [27, с. 167; 28, с. 181–182; 29, с. 245–246; 32, с. 95–96, 262]⁵, занимал не менее 10 дней [15, с. 511], то встреча митрополита и дьяка с Витовтом могла состояться не ранее второй половины марта (даже в том случае, если они встретились с ним не в Смоленске, а проехали какое-то расстояние навстречу ему, когда он направлялся туда из Литовской земли). Эту грамоту утвердили Фотий и Витовт, но не утвердил Василий I⁶. На этом основании уже

¹ Ср. описание печати указанного типа в недавно вышедшем фундаментальном труде о сфрагистике и геральдике Витовта: [72, р. 153–163]. Соображения С.В. Белецкого, который первым правильно атрибутировал печать Витовта при втором завещании Василия I [2], недавно были воспроизведены в книге: [1, с. 137–139, 143]. Вопреки высказанному здесь мнению, хорошо документированные для этого периода взаимоотношения Василия I и Витовта [14] не дают оснований вслед за В.Д. Белецким говорить о вассальной зависимости Московского княжества от Литовского или о его включении в состав владений Витовта.

² К сожалению, работа В.А. Кучкина [20], формально посвящённая хронологии завещаний Василия I, а фактически представляющая собой неумелую и анахроничную попытку отстоять традиционные представления о ней, восходящие к XVIII в., практически не принесла позитивных результатов, которые соответствовали бы современному уровню развития науки (обогатив её лишь отдельными интересными наблюдениями и замечаниями), хотя и дала определённый импульс исследованиям, вызвав появление указанного полемиического отклика – статьи А.А. Горского [4].

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 135, отд. I, рубр. I, № 15; публикация: [12, № 22].

⁴ РГАДА, ф. 135, отд. I, рубр. I, № 16.

⁵ В летописи говорится, что их поездка состоялась «тое же зимы». Зимой на Руси считалось время от 25 декабря по 24 марта [8, с. 11]. Значит, Софья с восьмилетним Василием могли явиться в Смоленск к концу марта – началу апреля (если «тое же зимы» они выехали из Москвы).

⁶ Об этом несомненно свидетельствует размещение подписи Фотия, печати Витовта в правой части листа и отсутствие печати Василия I и всяких следов её прикрепления, хотя для неё оставлено место в левой части листа [24, с. 193–194, 197–199 и илл. 1–2 на вклейке]. Заключение же В.А. Кучкина, будто это завещание великого князя московского и не планировалось скреплять его печатью [20, с. 53], объясняется лишь полным незнанием учёного с практикой оформления документов в литовской великокняжеской канцелярии, где в случае прикрепления к грамоте одной печати было принято привешивать её к

А.Б. Мазуров и А.Ю. Никандров, изучавшие подлинник, справедливо заключили: эту грамоту «рассматривали как своего рода согласованный проект, но по каким-то причинам не утвердили с московской стороны окончательно», поскольку грамоту подтвердили Фотий и Витовт, но не утвердил сам завещатель – Василий I [21, с. 239]. Затем, в промежутке между мартом 1423 г. и 27 февраля 1425 г., была составлена новая версия душевной грамоты – *третье завещание* Василия I⁷. При этом в текст были внесены не только стилистические изменения и правки (которые свидетельствуют о поиске более точных и удачных формулировок), но и содержательные. Важнейшие из них следующие. Более определённо сформулировано благословение Василия Васильевича великим княжением (первоначально Владимирским, а к концу первой четверти XV в. правомерно говорить о нём как о Владимирском и Московском), и подчеркнуто, что Василию I оно досталось от отца. Более осторожно сформулировано распоряжение, касающееся передачи Нижнего Новгорода наследнику московского престола: если во втором завещании Василий I определённо «благословлял» сына Нижним Новгородом, то в третьем он делал это с оговоркой: «оже ми дасть Богъ Новъгородъ Нижнии...» Наконец, среди братьев, которым Василий I «приказывает» своего сына, появился князь Константин Дмитриевич, а из перечня бояр исчез Михаил Фёдорович. Завершается третья грамота строгой санкцией, которой не было в предыдущей версии завещания. Новую грамоту сначала утвердили митрополит Фотий (это произошло ещё в процессе написания чистового экземпляра), великий князь московский и его братья, и лишь затем – великий князь литовский. Время её составления предположительно уточняет И.Г. Пономарёва: в третьем завещании московского князя, в отличие от второго, среди бояр-«послухов» отсутствует Михаил Фёдорович. Его идентификация с Михаилом Фёдоровичем Крюком Фоминским, который в последний раз упоминается 20 января 1424 г. [37, с. 108–110; 39, с. 587], позволила исследовательнице определить *terminus non ante quem* составления новой грамоты. Впрочем, нельзя исключать, что боярин отсутствовал по другой причине, скажем, по болезни.

С точки зрения процедуры утверждения последняя душевная грамота Василия I выбивается из дипломатической практики московских великих князей. До конца первой четверти XV в. они утверждались либо печатью одного лишь завещателя, как первая душевная грамота Ивана Калиты, обе душевные грамоты Ивана Красного, вторая душевная грамота Дмитрия Донского, первая душевная грамота самого Василия I [12, № 1а, 4, 12, 20], либо печатями завещателя и его братьев, как душевная грамота Симеона Гордого [12, № 3], либо печатями завещателя и митрополита, как первая душевная грамота Дмитрия Донского [12, № 8]. Лишь вторая душевная грамота Ивана Калиты была скреплена не только великокняжеской, но и, вероятно, ханской печатью (она была серебряной позолоченной и до настоящего времени не сохранилась, но существовала ещё в XVIII – начале XIX в.) [12, № 1б; 18, с. 65; 17, с. 129–132]. Чем же объясняется такая сложная и необычная процедура в случае завещания Василия I? Почему ему пришлось переписывать почти утверждённое завещание? И какую роль в этом сыграли отношения Московского княжества с его соседями – Литвой и Ордой? Поискам ответов на эти вопросы и посвящена настоящая работа.

Ещё А.Е. Пресняков обратил внимание на слова боярина И.Д. Всеволожского, который в Орде, обосновывая претензии Василия II на великое княжение,

середине нижнего края листа [73, с. 173–174, 178], и стремлением во что бы то ни стало подвести аргументацию под заранее заданный тезис.

⁷ РГАДА, ф. 135, отд. I, рубр. I, № 13; публикация: [12, № 21].

ссылался на волю Улуг Мухаммеда [29, с. 249; 31, с. 103; 40, с. 458; 5, с. 137–139]. Вместе с тем, как показывают недавние исследования А.А. Горского, ключевую роль в судьбе последнего завещания Василия I сыграло вокняжение Даниила Борисовича в Нижнем Новгороде с санкции хана Улуг Мухаммеда: к этому событию относится замечание в жалованной грамоте князя Даниила Нижегородскому Благовещенскому монастырю о том, что он «вышел на свою отчину от Махметя царя в другой ряд» [6, с. 62, 66, прим. 269; 4, с. 31–32]. Под именем «Махметя царя», к которому ездил Даниил Борисович, русским источникам известен не кто иной, как Улуг Мухаммед [5, с. 145]. Следует иметь в виду, что Василий I боролся за включение Нижнего Новгорода и тянувших к нему земель в состав своих владений практически с начала правления, время от времени сталкиваясь с восстановлением самостоятельного Нижегородского (или Суздальско-Нижегородского) княжения местной ветви Рюриковичей, представители которой не раз выступали в союзе с Ордой, кочевья которой соседствовали с нижегородскими землями, располагаясь ниже по течению Волги. Политический инструментарий, к которому прибегал Василий I для достижения своих целей, был достаточно широким – от отправки ратей против нижегородских князей до династических браков, выделения владений князьям (как московского, так и суздальского дома), раздачи сёл и привилегий светским и духовным землевладельцам или подтверждения прав на них, смены юрисдикции монастырей [54; 53; см. также: 6, с. 46–66; 48, с. 187–192]. К началу 20-х гг. московские князья более десяти лет вели напряжённую борьбу за Нижний Новгород с князем Даниилом Борисовичем, который вокняжился там между концом 1408 и 1410 г., а в 1415 г. перед лицом приближающегося войска во главе с Юрием Дмитриевичем, братом Василия I, бежал в Орду. В 1417 г. Даниил явился в Москву, а попытки решить «нижегородскую проблему» в последующие годы были отмечены пребыванием в Нижнем Новгороде князя Константина Дмитриевича (ещё одного брата Василия I) в 1418 г. и передачей после этого тамошнего стола суздальскому князю Александру Ивановичу, женившемуся на Василисе, дочери великого князя московского. Впрочем, спустя несколько лет Александр скончался, и уже 20 февраля 1423 г. нижегородскими землями вновь распорядился Василий I [6, с. 62; 55, с. 342–349; 47, с. 283], что отразилось и в его втором завещании. Однако уже в 1424 г. мы опять видим на нижегородском княжении Даниила Борисовича, который именуется великим князем и в этом качестве подтверждает недавнее пожалование Василия I нижегородскому Благовещенскому монастырю [6, с. 62–66; 4, с. 31–32]⁸. По мнению А.А. Горского, «платой за поддержку прав будущего Василия II на престол и могла стать уступка Нижнего Новгорода Даниилу Борисовичу», которую Улуг Мухаммед мог санкционировать прямо в Великом княжестве Литовском, во время встречи Софьи и Василия Васильевича с Витовтом, по указанию или с ведома последнего [6, с. 62–67; 4, с. 22, 33]. А.А. Горский ссылается на то, что Даниил Борисович был по матери внуком Ольгерда, т.е. двоюродным племянником Витовта. Однако с 80-х гг. XIV в. отношения между Ольгердовичами и Кейстутовичами были далеко не самыми дружественными, иногда переходя в открытую вражду: можно вспомнить ликвидацию Витовтом крупнейших удельных княжений в ВКЛ или его неприязненные отношения со Свид-

⁸ О локализации этого пожалования см.: [19, с. 223] (в этой полемической статье, впервые опубликованной в 1968 г., приводится датировка грамоты Даниила Борисовича 1442 г., бытовавшая до обнаружения ряда новых источников в недавние годы). Интерпретация грамот, которыми было оформлено это пожалование, в позднейшей статье того же автора [20, с. 45], носит ярко выраженный характер *ad hoc*, «под тезис».

ригайлом, которого несколько раз спасало лишь заступничество Ягайла [70]. О контактах Витовта с нижегородскими князьями нет никаких сведений.

Если принять логику А.А. Горского, то возникает вопрос: зачем Витовту понадобилось одновременно утверждать завещание Василия I и пересматривать его условия, тем самым ставя под угрозу его реализацию (что было бы, если бы Василий не успел пересмотреть условия своего завещания, а Витовт – утвердить новый его вариант)? И почему ни митрополит Фотий, ни искушённый в канцелярских тонкостях Алексей Стромиллов, ни Софья Витовтовна не подготовили уточнённый вариант душевной грамоты Василия I во время встречи с Витовтом? Этот вопрос тем более актуален, если иметь в виду, сколь принципиальное значение имел для Витовта переход престола к Василию Васильевичу. Об этом свидетельствует тот факт, что ради встречи в Смоленске с дочерью и митрополитом Фотием он отказался от поездки в Кезмарк (ныне – г. Кежмарок в Словакии), где 30 марта 1423 г. был утверждён договор об урегулировании отношений с римским и венгерским королём Сигизмундом Люксембургским. Вместе с польским королём Владиславом Ягайлом и его сановниками на этот съезд отправились советники великого князя литовского [71, s. 81].

Заинтересованность Витовта в скорейшем утверждении завещания его зятя понятна: Василий Васильевич приходился внуком литовскому правителю, а его малолетство открывало перед Витовтом перспективы упрочения и расширения его позиций на русских землях, соседствовавших с Великим княжеством Литовским, а следовательно, и своей власти на его территории. Но есть ещё один аспект, который нельзя упускать из виду. Претензии Юрия Дмитриевича на московский престол угрожали положению самого Витовта внутри Великого княжества Литовского. Если Василий II приходился Витовту внуком, то Юрий Дмитриевич был свояком Свидригайла Ольгердовича, что дало о себе знать во время династических войн в Литовском и Московском государствах в первой половине 30-х гг. XV в. [22]. С конца XIV в. Свидригайло несколько раз выступал против Витовта, то примиряясь с ним, то вновь нарушая данные обещания. И хотя последнее такое примирение было достигнуто в августе 1420 г., никто не мог быть уверен в том, что младший Ольгердович останется верным присяге.

В свою очередь, заинтересованность Василия I в скорейшем утверждении последней воли объяснялась тем, что его здоровье ухудшалось. Об этом свидетельствует следующий факт. Несмотря на московско-литовское сближение, происходившее с 1418–1419 гг.⁹, интенсивный обмен посольствами и участие московского войска в войне Польши и Литвы с Тевтонским орденом в 1422 г. [14, с. 84–85]¹⁰, после которой в Москву отправилась княгиня Анастасия, дочь Васи-

⁹ Автор специального исследования о московско-литовских взаимоотношениях в 20-е годы XV в. Д.И. Иванов относил начало потепления в этих отношениях примерно к 1420 г. [14, с. 81–83]. Между тем ряд источников свидетельствует, что оно началось раньше – в конце 1418 – начале 1419 г. Этот вопрос я рассматриваю в отдельной работе.

¹⁰ Об участии в походе Ягайла и Витовта в Пруссию московских войск сообщает послание комтура Рейна великому магистру 1422 г., которое я ранее ошибочно относил к 1414 г. [60], тверских – Тверской сборник [26, с. 488], тверских и московских – Псковская II летопись [41, с. 39]. По этой причине в ряде летописных сводов читается известие об этом походе: «Того же лѣта король Ягайло да Витовтъ ходили къ Марьиноу городоу Нѣмецкыя земли воевати» [35, с. 142; 25, с. 262; 27, с. 166; 30, с. 182; 31, с. 100, 268, 342]. Эти сведения не совсем точны: даже если отряды союзников и доходили до Мариенбурга, его осада не входила в планы польско-литовского командования, боевые действия разворачивались южнее [56, s. 141–155; 59, S. 621–622]. В поздней Устюжской лето-

лия I и супруга князя Олельки Владимировича, завещание Василия I к Витовту повёз не сам он, а митрополит Фотий и дьяк Алексей Стромилов, тогда как великий князь московский направился в Коломну [29, с. 245, 246]. Трудно объяснить отказ московского правителя от встречи с собственным тестем, отношения с которым в это время были далеки от конфликтных, для утверждения собственного завещания, иными причинами, нежели состояние здоровья Василия I¹¹. Это заставляет думать, что московский князь приступил к оформлению завещания, не дожидаясь ханского ярлыка. Василий спешил передать престол сыну, которому тогда исполнилось лишь 7 лет.

Обратимся к другой части тезиса А.А. Горского – о том, что в момент выдачи ярлыка на Нижегородское княжение Улуг Мухаммед находился где-то во владениях Витовта. В этой связи правомерно задать двумя вопросами:

1. В какой момент своей борьбы за власть в Орде Улуг Мухаммед выдал Даниилу Борисовичу ярлык на Нижегородское княжение?

2. Как складывалась для Улуг Мухаммеда эта борьба?

Ответ на первый из этих вопросов следует из вышеприведённых соображений: Улуг Мухаммед выдал Даниилу Борисовичу ярлык на Нижегородское княжение не ранее марта 1423 г. Мог ли он в это время находиться у Витовта и, соответственно, мог ли этот шаг быть согласован с великим князем литовским или санкционирован им?

Вопрос о борьбе за власть в Орде в первой половине 20-х гг. XV в. является сложным и запутанным, поскольку введение в научный оборот новых источников и реинтерпретация уже известных ведут к пересмотру картины событий, утвердившейся в литературе [44, с. 194–199]. Одна из сложностей, как недавно отметил Р.Ю. Рева, состоит в том, что мусульманское имя Мухаммад носили пять участников борьбы за ханский престол: «Шибанид Хаджи Мухаммад; Тука-тимуриды – Мухаммад-Барак, Улу-Мухаммад, Кучик-Мухаммад сын Токтамыша и Кучук-Мухаммад сын Тимура» [43, с. 80]. Оспаривая правомерность традиционного отождествления всех Мухаммедов, упоминаемых в источниках, с Улуг Мухаммедом, исследователь пишет: «Самым вероятным является то, что одновременно в разных частях государства воцарились несколько ханов с именем Мухаммад. Дело в том, что к этому моменту сложились несколько лагерей непримиримых соперников, которые ни при каких обстоятельствах не поддерживали бы воцарение ханов, принадлежащих другой группировке, и попытались бы интронизировать собственных ставленников. Вероятнее всего, потомки Идигея сделали ханом Хаджи-Мухаммада, а в войске противников ханом стал Кучук-Мухаммад сын Токтамыша. Кто из них является «Мухаммад-ханом» 822–826 г. х. и не слились ли под одним именем сведения о деятельности двух персонажей, ещё предстоит выяснить будущим исследователям» [43, с. 90]. Р.Ю. Рева склоняется к мысли о том, что Мухаммед, побеждённый Барак-ханом не позже лета 1423 г., – это Хаджи-Мухаммед¹², который, по-видимому, был при этом

писи эти сведения отразились и вовсе в искажённом виде: сказано, будто Ягайло и Витовт взяли Мариенбург [34, с. 40, 83].

¹¹ В источнике, который остался вне поля зрения Д.И. Иванова, – послании комтура Дюнабурга ливонскому магистру Ордена от 2 января 1422 г. о недавнем посольстве его слуги в Литву – передаются ходившие там разговоры о намерении Витовта и Ягайла тайно провести съезд с московским князем [67, № 2576, Sp. 789–791]. Но состоялся ли этот съезд, неизвестно.

¹² Таким же образом трактуется это известие (впрочем, без специальной аргументации) и в работе: [36, с. 161, прим. 7].

убит, тогда как Улуг Мухаммед занял крымский престол лишь в 1424 г. при поддержке Витовта [43, с. 92–93; ср.: 42, с. 716–719].

Всестороннее рассмотрение этого вопроса с привлечением нумизматических источников, на которые во многом опирается Р.Ю. Рева (при известных сложностях их интерпретации, отмеченных им самим), увело бы слишком далеко от темы настоящей работы. Я сосредоточусь на письменных источниках, уделяя особое внимание тем из них, которые касаются взаимоотношений с татарами Гедиминовичей – правителей Польши и Литвы, тем более что их известия практически не задействованы в работах по истории Орды. Хотелось бы надеяться, что в дальнейшем они будут использованы историками Орды для комплексной реконструкции её политической истории в начале 20-х гг. XV в.

Начнём, однако, с источников хорошо известных. 14 марта 1428 г. Улуг Мухаммед писал Мураду II, вспоминая историю взаимоотношений своих предков с предками этого султана: «Затем, когда всевышний милостью своей вверил высокое место наших прежних братьев-ханов нам, между нами... торе¹³, вспыхнула вражда, и в последующее время события развивались так, что престол достался Бараку» [49, с. 54]. Итак, к моменту разгрома Бараком в первой половине – середине 1423 г. (о чём речь пойдёт ниже) Улуг Мухаммед некоторое время занимал ханский престол.

Сохранился целый ряд свидетельств об участии татар в уже упоминавшейся войне Польши и ВКЛ с Тевтонским орденом 1422 г. Ещё до начала военных действий, 26 апреля этого года, комтур Торна писал великому магистру со ссылкой на информатора, недавно побывавшего в Польше, что татары собираются в поход, и если они отправятся не в Чехию, то наиболее вероятная цель этого похода – Пруссия; после этого сообщения сановник советовал главе Ордена отправить послов в Литву и разузнать, как обстоят дела¹⁴. К этому времени Витовт то ли собирался отправить, то ли уже отправил каких-то татар на помощь Сигизмунду Корибутовичу в Чехию: об этом римский и венгерский король Сигизмунд Люксембургский писал дерптскому епископу 1 мая 1422 г.¹⁵ Впрочем, не исключено, что в этом случае речь шла о татарах, проживавших на территории Великого княжества Литовского. Как бы то ни было, татарские войска приняли участие в войне с Тевтонским орденом, начавшейся в конце июня того же года, и пришли они именно из Орды. 5 августа 1422 г. фогт Диршау писал верховному маршалу Ордена из г. Лобау (ныне – соответственно г. Тчев Поморского воеводства и г. Любава Мазурско-Варминского воеводства Польши). По его словам, в прошедшую субботу, т.е. 1 августа, войска Витовта и Ягайла осадили его замок, перекрыли воду и ведут обстрел, но ущерба замку пока не причинили. За прошедшее время осаждаемым удалось взять в плен одного из осаждавших, который рассказал о состоянии войск Гедиминовичей, а также сообщил, что «в прошедшую субботу на помощь Витовту

¹³ Согласно примечанию Т.И. Султанова, «торе – термин рассматриваемого периода, употреблявшийся для обозначения нецарствовавших ханских потомков» [49, с. 56]. Многообразием отмечен опущенный мною номер строки, указанный в данной публикации.

¹⁴ «...ist uns wol worhaftig gesaget, das herczog Wytowt sich stark besammelt unde der Tatern itczunt faste czu felde legen, und wer is, das sy nicht worden volczihen ken Beheem, so wolden sy dessem lande czu, so dewchte uns wol, genediger meyster, das ir boten ken Litawen sendit unde eyn solchs eygentlichen czu dirfaren...» (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (Berlin), Ordensbriefarchiv (GStAPK, OBA) 3712; краткое содержание: [57, № 1000]).

¹⁵ В разных списках послания употреблены разные формы глагола – «destinat» («отправляет») и «destinavit» («отправил») [65, № 56, S. 99 (417); 67, № 2594, Sp. 815; 57, № 1001, p. 549–550].

в эту землю прибыл татарский хан с изрядным войском и находится при нём»¹⁶. Это известие поясняет пассаж Длугоша, который после рассказа о заключении «вечного мира» с Орденом и роспуске войск союзников упоминает о татарах, которые напали на последние отряды поляков (*in extrema agmina Polonorum*) и за это были ими атакованы и убиты [58, р. 183]. Место этого рассказа в труде краковско-го каноника показывает, что описанные им столкновения произошли там, где растались союзники, в Пруссии или по пути оттуда. Несомненно, часть татар, помогавших Гедиминовичам в Пруссии, попала в плен: ещё в августе 1425 г. Витовт добивался от великого магистра возвращения двух татар, Манурека и Семёна (?), содержащихся в плену у данцигского бюргера¹⁷.

Кем же был хан, явившийся в Пруссию? Понятно, что им не мог быть ни Худайдат, в те же самые дни разбитый Бараком¹⁸, ни сам Барак. Ещё один Чингисид, Девлет-Берди, впоследствии упоминаемый как союзник Витовта [33, с. 59, 76; ср.: 57, № 1223], в это время, скорее всего, был в Крыму, где утверждал свою власть [36, с. 174–176; 10, с. 153–154], – ситуация, мало подходящая для далёкого похода. Остаётся Улуг Мухаммед, позднее также известный в качестве союзника великого князя литовского. Судя по наличию в Орде как минимум четырёх ханов-соперников, обстановка там в это время была подобна той, о которой Витовт писал великому магистру Ордена 1 января 1425 г., когда шесть ханов, «возведённых [на престол]», боролись за власть над всей Ордой¹⁹.

Второе свидетельство, способное пролить новый свет на расстановку сил в Орде, содержится в послании верховного маршала Ордена Людвиг фон Ландзее венгерскому и римскому королю Сигизмунду Люксембургскому от 28 января 1423 г. [74, № 47]. Ландзее в это время находился во Вроцлаве (Бреслау), а король – в Пресбурге (Пожонь, ныне – Братислава) и других населённых пунктах, ныне расположенных в северо-западной Словакии [62, S. 106; 63, р. 112–113]. Список этого послания Ландзее незамедлительно, уже на следующий день после его отправки, отослал великому магистру Ордена Паулю фон Русдорфу, благодаря чему оно и дошло до наших дней. Содержание же его сводилось к следующему. Во Вроцлаве некий доброжелатель Ордена сообщил верховному маршалу, что Витовт и Ягайло намерены вскоре отправить послов на съезд с «многими языческими племенами» «в татарском Поле, расположенном между Татарией и Русью», и со-

¹⁶ «Ouch sal wissen euwir ersamkeit, das am sonnobende nehest vorgangen ist komen der Tatherissche keyser mit eynem suberlichen hufen folkes Wytoud zcu holffe uf dys land, und ist bey im, und das hot uns der gefangene bekant, das ys also sey» (GStAPK, OBA 3858).

¹⁷ «Anno 25 montag nach Bartolomei aus Novogrotkten Wytoldt schreibett an hoem[eister], das ehr mit allen vleiß trachte und spere auf die gefangnen, das ehr die dem hoem[eister] wider zuschicke; bitt der hoem[eister] wol dergleichen auch thun, doch wer ehr vorstendigett, das 2 Tattharn, Manurek und Simen, bei einem burger zu Danczke sindt, das im der hoem[eister] auch widerumb zuschicken wolde» (Lietuvos Mokslo akademijos Vrublevskių bibliotekos Rankraščių skyrius (Vilnius) (LMAVB RS), F 15–73, p. 210).

¹⁸ Даже с учётом того, что, как установил Р.А. Беспалов, известие о приходе Барака на Одоев в 1422 г. дублирует известие о приходе туда Худайдата 1424 г. [3], не вызывает сомнений предшествующее ему сообщение – о том, что «царь Баракъ поби Куидодата» [28, с. 181–182; 29, с. 245; 32, с. 95–96, 261].

¹⁹ «...das keiserthum in Tatharn in im selbir groslich geczwehit und geteilt ist, also, das itczundt sechs dirhaben keiser do sint, der iclicher umb das kaiserthum steet und arbet» [57, № 1181]. В переводе, предложенном ранее [3, с. 207], не было адекватно отражено значение слова «dirhaben», которое в данном случае означает «возведённых [на царство]» (ср. современный немецкий глагол «erheben»). Очевидно, подразумевалось, что каждый из претендентов на власть над всей Ордой уже признаётся «царём» («императором») в какой-то из её частей.

бираются летом следующего, 1424 года напасть на Пруссию и Силезию, причём в Силезии Гедиминовичи планируют действовать совместно с гуситами, а к нападению на римского короля рассчитывают склонить турок. Последнее должно было удержать Сигизмунда от помощи Ордену в случае новой его войны с Польшей и Литвой. В конце письма орденский сановник настоятельно советовал королю добиться заключения «вечного прочного мира» между государствами Гедиминовичей и Орденом. В записке, приложенной к письму, Ландзее добавлял, что Витовт и Ягайло намерены добиваться заключения трёхлетнего перемирия между татарами и турками. С этой целью оба правителя отправили к ним представительные посольства: так, Витовта в них представляет его русский писец, и оба Гедиминовича уже располагают полномочием хана на заключение такого перемирия с султаном. Даже если султан не согласится на такое перемирие, писал Ландзее, великий князь литовский сделает всё возможное, чтобы турки напали на римского короля, пока Гедиминовичи будут воевать в Пруссии и Силезии.

Для оценки приведённой информации необходимо иметь в виду, что 27 сентября 1422 г. (после войны, о которой речь шла выше) представители Польши, ВКЛ и Ордена лишь договорились о заключении «вечного мира» и согласовали его условия. Предстояла его ратификация, то есть обмен грамотами сторон с печатями их многочисленных представителей. Руководство Ордена, изнурённого войной, как никогда нуждалось в «вечном мире», но стремилось добиться пересмотра предварительно согласованных условий при участии Сигизмунда Люксембургского. Тот, в свою очередь, угрожал новой войной Ягайлу и Витовту, чтобы отвлечь их внимание от поддержки гуситов, низложивших его с чешского престола, и пытался втянуть Орден в этот план обещаниями обширных территориальных приращений за счёт Польского и Литовского государств. Людвиг фон Ландзее своим письмом пытался убедить Сигизмунда Люксембургского в необходимости поддерживать Орден [69, S. 62–78, особенно с. 70]²⁰: ведь в противном случае от рук неверных пострадает не только Орден, но и владения Сигизмунда.

Судя по подробностям, сообщаемым в письме, за ними стоял некий реальный источник. Коль скоро во Вроцлаве о намерениях Гедиминовичей было известно уже к концу января 1423 г., отправка посольств предшествовала этой дате. Вместе с тем наиболее вероятно, что Витовт и Ягайло договорились о посольствах уже после того, как была достигнута договорённость о заключении «вечного мира» с Орденом. Наиболее вероятно, что это произошло в конце декабря 1422 г., когда Ягайло по заведённому обычаю на Рождество Христово гостил в Литве у двоюродного брата [61, s. 98]. Из сведений, сообщённых орденским сановником, можно заключить, что хан, на чью помощь возлагали надежды Витовт и Ягайло, к этому времени уже некоторое время был их союзником. Стало быть, скорее всего, речь шла о том же самом хане, который приходил на помощь к правителям Польши и Литвы несколькими месяцами ранее²¹.

²⁰ Следует отметить, что надежды орденского руководства на римского короля не оправдались: согласно Кезмаркскому договору 1423 г., о котором уже говорилось выше, Сигизмунд призывал Мельненский мир Польши и ВКЛ с Тевтонским орденом, а правители этих государств обещали отказаться от сотрудничества с гуситами и помочь восстановлению власти Сигизмунда в Чехии.

²¹ По мнению Г. Агоштона и И.В. Зайцева, упоминание миссии Йозы Турка (Iosa Turcus) от Сигизмунда Люксембургского в его жалованной грамоте от 6 февраля 1428 г. к «принцу Магомету, господину татар Орды», увенчавшейся договорённостью о выступлении против турок, касается поездки к Улуг Мухаммеду между 1421 и 1423 гг. и объясняет происхождение послания Улуг Мухаммеда Мураду II от 14 марта 1428 г.: «Письмо Улуг-Мухаммеда выглядит как первое официальное послание, призванное восстановить дип-

Можно заключить, что вскоре после войны 1422 г. он удалился в Орду²².

Однако вскоре после описываемых событий ситуация изменилась. Уже во время «летовки» 1423 г., по сообщению Абд-ар-Раззака Самарканди, из Хорезма к Шахруху прибыл нукер его наместника, эмира Шахмелика, и сообщил, что «Барак-оглан захватил орду Мухаммад-хана и утвердил в тех краях свою власть; большая часть улуса Узбекского подчинилась и покорилась ему» [46, с. 196; 49, с. 58]²³. Если принимать точку зрения Т.И. Султанова, который датировал прибытие к Шахруху весной 1423 г., то победу Барака следовало бы относить к началу 1423 г. Но, возможно, она была одержана примерно в апреле или начале мая, поскольку под 17 мая в массарии Каффы отмечена выплата двум татарам – послам солхатских беев, которые «сочли нужным оповестить консула с нарочным о каких-то событиях в чужой орде» [36, с. 177, прим. 38; 10, с. 156–159]. Поскольку в сообщении Абд-ар-Раззака Самарканди говорится лишь об Узбекском улусе (землях к востоку от Волги), и то не обо всём, но о большей его части, то не исключено, что и после этого Улуг Мухаммед некоторое время оставался в Дешт-и Кипчаке и сохранял за собой какую-то власть. По сведениям другого хрониста, каирского современника событий Бедреддина Элайни, в 826 г. х. (15 декабря 1422 г. – 4 декабря 1423 г.) «государем земель Дештских, столица которых Сарай, был султан Мухаммедхан, из рода Чингисхана» [45, с. 533; ср.: 44, с. 198]. Конечно, потерпев поражение от Барака, Улуг Мухаммед мог бежать к Витовту. Но борьба Улуг Мухаммеда за власть в Орде продолжалась и в 1423, и в 1424 гг. Скорее всего, именно он в конце 1423 г. контактировал с Крымским улусом, над которым пытался установить контроль, и Каффой [10, с. 158–166]. Широко известно послание Витовта верховному магистру Тевтонского ордена Паулю фон Русдорфу от 22 июня 1424 г., в котором он сообщал, что его друг «татарский хан Махмет» взял полную власть в Орде [57, № 1159]²⁴. Впрочем, как уже говорилось, всего спустя всего полгода Витовт писал о новом витке борьбы за верховную власть среди Чингисидов [57, № 1181].

Таким образом, имеются серьезные основания полагать, что, хотя трон под Улуг Мухаммедом и шатался, он и во второй половине 1422-го, и в 1423 г. со-

ломатические отношения после длительного перерыва. Причину этого разрыва следует, видимо, искать в возобновлении союза Тохтамыша с Тимуром в самом начале XV в.» [13, с. 49–54]. Впрочем, в этой идентификации нет уверенности [11, с. 203–204].

²² По мнению А.А. Горского, пребыванием Улуг Мухаммеда у Витовта наиболее логично объясняется набег его соперника Барака на Одоев осенью 1422 г. [5, с. 137–138]. Однако уже после выхода в свет книги А.А. Горского Р.А. Беспалов в специальной работе привёл аргументы в пользу того, что в данном случае в ряде летописей было продублировано известие о набеге на Одоев другого хана – Худайдата, слившееся с сообщением о его разгроме Бараком в сражении, состоявшемся, вероятно, как раз осенью 1422 г. [3].

²³ Цитата и датировка приводятся по работе Т.И. Султанова, с учётом того, что он опирался на рукопись «Зубдат ат-таварих, Хафиз-и Аbru» из Оксфорда, недоступную при подготовке указанного тома сборника источников по истории Орды [49, с. 55, прим. 2; с. 58, прим. 22; 46, с. 104].

²⁴ В этой связи следует обратить внимание на хронологически приуроченное известие из летописной «Похвалы Витовта»: «Сему царю Давлади-Бердию немного время побывшю, и тому мимо шедшю, симь же старейшинамь ордынскимь слышавшим, яко славный господарь близ есть Киева, и приидоша сами, и поклонилася славному господарю великому князю Витовту, и дары многи принесоша, и просят у него царя, онь же даль имь иного царя именемь Магмета» (цит. по Слуцкой летописи: [33, с. 76]; пунктуация незначительно изменена). Именно в июле–сентябре 1424 г. Витовт побывал на Волыни и Подолье [71, с. 83].

хранял военный потенциал и какую-то власть в Орде, где и находился, более того, участвовал в борьбе за Крымский улус. Кроме того, если принять предположение А.А. Горского о поездке Даниила Борисовича к Улуг Мухаммеду в Литву, а не в Орду, то остаётся непонятным, какой смысл имело обращение этого князя к хану, лишённому фактической власти в степи; на что мог рассчитывать этот князь, если Витовт только что санкционировал переход и великого княжения, и Нижнего Новгорода после смерти Василия I к его сыну; и почему великий князь литовский фактически согласился на восстановление Нижегородского княжества нашедшим у него прибежище ханом, тем самым ставя под угрозу реализацию завещания Василия I, которое сам же только что одобрил.

Всё встаёт на свои места, если исходить из того, что русские князья ездили к Улуг Мухаммеду уже после того, как Витовт утвердил второе завещание Василия I, а хан, хотя и являлся союзником великого князя литовского, проявил самостоятельность в вопросе о судьбе Нижнего Новгорода. В таком случае вырисовывается следующая картина событий. Сначала Василий I обратился к Витовту, зная о его весе в восточноевропейской политике в целом и о влиянии на ордынские дела (или во всяком случае попытках оказывать такое влияние) в частности, и лишь затем, после утверждения второго завещания, решил получить ханскую санкцию²⁵. Когда же он обратился за ярлыком к Улуг Мухаммеду, выяснилось, что тот решил восстановить Нижегородское княжество (что, по-видимому, сопровождалось обращением к хану Даниила Борисовича). Тогда-то и понадобилось редактировать и заново утверждать завещание. Это предопределило изменения в тексте душевной грамоты: с одной стороны, были высказаны сомнения в будущей принадлежности Нижнего Новгорода Василию II; с другой стороны, более определённо говорилось о воле Василия I в отношении Московского великого княжества, её нарушение обставлялось более серьёзными санкциями, был расширен и круг родственников Василия I – гарантов его завещания: в их число был включён Константин Дмитриевич, с которым Василий совсем недавно враждовал. К сожалению, ни итинерарий Витовта за этот период, ни сведения, которые можно отнести к Улуг Мухаммеду, не позволяют дополнительно уточнить хронологию этих событий. Летом и осенью 1424 г. Витовт объезжал юг Великого княжества Литовского, но известны как минимум два случая, когда послы Пскова при настоятельной необходимости являлись к нему туда – оба раза в Кременец на Волини, в 1421 и 1424 гг. [16, с. 79; 41, с. 39–40; 71, с. 77, 83]. Как свидетельствует пример уже упоминавшегося Кезмарского договора, польско-литовский экземпляр которого сохранился в подлиннике в Венском архиве, для привешивания печати великого князя к документу его присутствие не было обязательным. Впрочем, манера прикрепления печати в обоих случаях свидетельствует о том, что делалось это сотрудниками литовской великокняжеской канцелярии, а прежде чем утвердить завещание зятя, Витовт должен был ознакомиться с его содержанием. Из рассказов об отражении набега Худайдата в конце 1424 г. можно лишь заключить, что между Витовтом и Василием I в этот период поддерживались контакты [30, с. 182–183; 31, с. 100].

Как бы ни датировать составление и утверждение последнего завещания Василия I, можно констатировать следующее. Ханский ярлык на Нижегородское княжение показал Василию I, сколь ненадёжно полагаться на правителей соседних государств в стремлении обеспечить престол Василию Васильевичу. Все

²⁵ И.Б. Греков объяснял обращение Василия I к Витовту тем, что на Волге в начале 20-х годов господствовали противники этих великих князей – ханы Худайдат и Барак [7, с. 143–144].

они, хотя и санкционировали передачу великого княжения Василию Васильевичу, не были заинтересованы в чрезмерном усилении Москвы. В восстановлении Улуг Мухаммедом Нижегородского княжества ярко проявилась политика Орды по отношению к восточноевропейским государствам, целью которой было не допустить чрезмерного их усиления, – политика, которую ордынские ханы старались проводить и впоследствии, несмотря на все неурядицы в своих владениях [50]. В данном случае объектом ордынской политики стало соседнее с ордынскими кочевьями Нижегородское княжество, правители которого, в том числе Даниил Борисович, сохраняли тесные связи с ней (о чём говорит его участие в совместных военных акциях 1410–1411 гг., обращение за ярлыками и бегство в Орду в 1415 г.). В свою очередь, возможности Витовта как гаранта, вопреки средневековым панегиристам и некоторым современным историкам [например: 36, с. 183; 20, с. 53], ограничивались объективными факторами – скоростью коммуникации и особенностями военной логистики. Как свидетельствует его итинерарий, большую часть времени он проводил вдали от границы своих владений с Великим княжеством Московским, в «Литовской земле». И он, и последующие литовские правители рассматривали эту часть ВКЛ как «самые дальние русские земли» государства²⁶, а поездки туда были редкими и планировались заранее, не говоря уже о таком масштабном мероприятии, как сбор сил для военного похода [71]. Поэтому в случае вспышки династической борьбы между московскими Рюриковичами Витовт не мог немедленно отреагировать на неё. И сам великий князь литовский, и его современники хорошо понимали, что масштабные успехи требуют затрат больших ресурсов и благоприятного стечения обстоятельств. Далеко не безграничны были и возможности Витовта повлиять на ситуацию в Орде. В этих обстоятельствах Василию I следовало заручиться поддержкой членов собственного княжеского дома. Об этом говорит и появление Константина Дмитриевича среди гарантов завещания, и снабжение грамоты печатями братьев Василия I (на предыдущей душевной грамоте для их печатей просто не было предусмотрено места), и ещё одно немаловажное обстоятельство. Как свидетельствует способ прикрепления печатей к последнему завещанию московского князя, сначала его удостоверил Фотий, затем – Василий I и его братья, и лишь после этого – Витовт, хотя для его печати и было оставлено почётное второе место.

Соображения, которыми руководствовались Василий I и его окружение в последние годы его княжения, полностью оправдались после его смерти. Когда Юрий Дмитриевич отказался подчиниться Василию II, на него воздействовали Фотий (уговорами) и дядя Василия (демонстрацией военной силы), тогда как с Витовтом были проведены консультации [38, с. 173–175], что в дальнейшем не помешало ему воспользоваться малолетством Василия II и другими обстоятельствами, которые благоприятствовали усилению позиций великого князя литовского на землях Руси, соседствовавших с его владениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белецкий В.Д., Белецкий С.В. «Архив» актовых печатей из раскопок в Довмонтовом городе Пскова. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2022. 468, [1] с.

²⁶ Так их определял сам Витовт в знаменитом послании великому магистру Ордена 1427 г.: «*unser Rusische weitiste lande*» [57, № 1298, р. 778]. Аналогично в документе великого князя литовского Александра от 10 апреля 1499 г. Смоленская земля охарактеризована как «*вкраины*» [66, № 318, р. 208].

2. Белецкий С.В. Признавал ли Василий Московский вассальную зависимость от Литвы? // *Согласие. Издание Литовского движения за Перестройку*. 1990. 29 января – 4 февраля. № 5 (27). С. 13.
3. Беспалов Р.А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // *Верхнее Подонье: Археология. История*. Вып. 4. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2009. С. 205–210.
4. Горский А.А. Завещания Василия I Дмитриевича: проблемы последовательности и датировки // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2017. № 1 (67). С. 20–34.
5. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2003. 212, [2] с.
6. Горский А.А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М.: Индрик, 2010. 174 с.
7. Греков И.Б. К вопросу о датировке так называемой «второй духовной грамоты» московского князя Василия I // *Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова*. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 141–145.
8. Громов М.Н. Время и его восприятие в Древней Руси // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2009. № 2 (36). С. 7–17.
9. Гулевич В.П. Крым и «императоры Солхата» в 1400–1430 гг.: хронология правления и статус правителей // *Золотоордынское обозрение*. 2014. № 4 (6). С. 166–197.
10. Гулевич В.П. От ордынского Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань: Изд-во Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2018. 491 с.
11. Гулевич В.П., Хаутала Р. Малоизвестный источник о посольстве Сигизмунда Люксембургского в Каффу 1412 г. // *Золотоордынское обозрение*. 2018. Т. 6, № 1. С. 199–211. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.199-211
12. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 586 с., 2 л. табл.
13. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI в.). М.: Рудомино, 2004. 215, [1] с.
14. Иванов Д.И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // *Средневековая Русь*. Вып. 2. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 79–115.
15. Итинерарий С. Герберштейна // Герберштейн С. Записки о Московии. Т. 2. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 509–511.
16. Кудрявцев О.Ф. Великая Русь рыцаря де Ланноа. Первое западное описание Руси // *Родина*. 2003. № 12. С. 76–79.
17. Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2008. № 2 (32). С. 129–132.
18. Кучкин В.А. Итоги реставрации духовных грамот Ивана Калиты // *Отечественная история*. 1992. № 6. С. 62–70.
19. Кучкин В.А. Подделки действительные или мнимые? // Кучкин В.А. *Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средневековье*. Нижний Новгород: Кварц, 2011. С. 215–226.
20. Кучкин В.А. Три завещания Василия I // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2016. № 2 (64). С. 33–54.
21. Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. О датировке завещаний Василия I // Мазуров А. Б., Никандров А.Ю. *Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв.* Коломна: Инлайт, 2008. С. 232–239.
22. Полехов С.В. Браки князя Свидригайла Ольгердовича // *По любви, въ правду, безо всякие хитрости*. Сборник статей. М.: Индрик, 2014. С. 235–268.

23. Полехов С.В. Последнее завещание Василия I и политическая ситуация в Восточной Европе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 97–98.
24. Полехов С.В. Последние завещания Василия I и печати Витовта // Средневековая Русь. Вып. 12. М.: Индрик, 2016. С. 183–200.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 5. СПб.: В типографии Э. Праца, 1851. VI, 283 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 15. М.: Языки русской культуры, 2000. XII с., 186 стб., 29 с.; V с., 504 стб., 35 с.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 18. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1913. [III], 316 с.
28. Полное собрание русских летописей. Т. 24. Пг.: 2-я Государственная типография, 1921. 272 с.
29. Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 470 с.
30. Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 415 с.
31. Полное собрание русских летописей. Т. 27. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 418 с.
32. Полное собрание русских летописей. Т. 28. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 411 с., 4 л. факс.
33. Полное собрание русских летописей. Т. 35. М.: Наука, 1980. 235 с.
34. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л.: Наука, 1982. 227 с., 3 л. ил.
35. Полное собрание русских летописей. Т. 39. М.: Наука, 1994. 204, [1] с.
36. Пономарёв А.Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 158–190.
37. Пономарёва И.Г. К хронологии завещаний московского великого князя Василия Дмитриевича // Русское средневековье. Сборник статей в честь профессора Ю. Г. Алексеева. М.: Дрвслехранилище, 2012. С. 103–110.
38. Пономарёва И.Г. Кто управлял Московским великим княжеством в 1425–1432 гг.? // Средневековая Русь. Вып. 9. М.: Индрик, 2011. С. 167–196.
39. Пономарёва И.Г. О ярлыке хана Улуг Мухаммада на великое княжение Московское Василию II // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 583–592. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.583-592.
40. Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М.: Территория, 1998. 496 с.
41. Псковские летописи / Подг. А. Н. Насонов. Вып. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 366 с.
42. Рева Р.Ю. Борьба за власть в первой половине XV века // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 704–729.
43. Рева Р.Ю. Мухаммад-Барак и его время. Обзор нумизматических и письменных источников // Нумизматика Золотой Орды. № 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 80–104.
44. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 275 с.
45. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.: Типография Академии наук, 1884. 564 с.
46. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 308 с.
47. Соболевский А.И. Материалы и заметки по древнерусской литературе. VI–XIII // Известия Отделения русского языка и словесности. Пг.: Типография Императорской Академии наук, 1915. Т. XX. Кн. 1. С. 261–290.

48. Стефанович П.С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М.: Индрик, 2008. С. 148–269.
49. Султанов Т.И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник. 1973. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1975. С. 53–61.
50. Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию акад. Г.Г. Литаврина. М.: Наука, 2001. С. 172–196.
51. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 472 с.
52. Чеченков П.В. Борьба за восстановление суверенитета Нижегородского княжества (конец XIV – первая половина XV века) // Восемь столетий нижегородской истории: в 2 т. Т. 1: XII–XIX века / Отв. ред. П. В. Чеченков. 2-е изд., доп. Нижний Новгород: Научно-издательский центр НГТУ, 2021. С. 97–125.
53. Чеченков П. В. Механизмы и этапы поглощения Нижегородского княжества // Нижегородский историко-филологический сборник. (В печати.)
54. Чеченков П.В. Пути московской политики в Нижегородском княжестве (первая половина XV в.) // Государство и общество в России XV – начала XX века: сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб.: Наука, 2007. С. 94–105.
55. Чеченков П.В. Суздальские Рюриковичи и правители Золотой Орды в первой четверти XV в. // Мининские чтения: труды научной конференции, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2007. С. 339–354.
56. Biskup M. Wojny Polski z Zakonem Krzyżackim, 1308–1521. Oświęcim, 2017. 412 p.
57. Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae, 1376–1430 / Ed. A. Prochaska. (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 6.) Cracoviae: Sumptibus Academiae Literarum Cracoviensis, Typis Vlad. L. Anczyc et Comp., 1882. CXVI, 1113 p.
58. Długossii J. Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Liber XI (1413–1430). Varsaviae: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000. 464 p.
59. Ekdahl S. Der Krieg zwischen dem Deutschen Orden und Polen-Litauen im Jahre 1422 // Zeitschrift für Ostforschung. 1964. Bd. 13. H. 4. S. 614–651.
60. Ekdahl S. Moscow troops in the wars of Poland and Lithuania with the Teutonic Order in Prussia in 1414 and 1422: Two timeline questions // Quaestiones Mediae Aevi Novae. 2020. Vol. 25. P. 181–192.
61. Gąsiorowski A. Itinerarium króla Władysława Jagiełły 1386–1434. Wyd. 2, poprawione i uzupełnione. (Itineraria Jagiellonów. T. 2.) Warszawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2015. 172 p.
62. Itinerar König und Kaiser Sigismunds von Luxemburg, 1368–1437 / Hg. von J. K. Hoensch. (Studien zu den Luxemburgern und ihrer Zeit. Bd. 6.) Warendorf: Fahlbusch Verlag, 1995. 172 p.
63. Itineraria regum et reginarum Hungariae (1382–1438) / Ed. P. Engel, N. C. Tóth. Budapestini, 2005. 188 p.
64. Kodeks dyplomatyczny Litwy / Wyd. E. Raczyński. Wrocław: Sumptibus Sigismundi Schletter, 1845. 391 p.
65. Liber cancellariae Stanislai Ciołek. Ein Formelbuch der polnischen Königskanzlei aus der Zeit der husitischen Bewegung / Hg. von J. Caro. Bd. 1. Wien: In Commission bei Karl Gerold's Sohn, 1871. 228 p.
66. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Užrašymų knyga 6 / Par. A. Baliulis. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2007. 516 p.

67. Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 5 / Hg. von F.G. von Bunge. Riga: Im Verlage von Nikolai Kymmell, 1867. 80, 1072 p.
68. Neitmann K. Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen 1230–1449. Studien zur Diplomatie eines spätmittelalterlichen Territorialstaates. (Neue Forschungen zur Brandenburg-Preussischen Geschichte. Bd. 6.) Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1986. XIV, 692 p.
69. Neitmann K. Zur Revindikationspolitik des Deutschen Ordens nach Tannenberg. Die Auseinandersetzung zwischen dem Deutschen Orden und Polen-Litauen um die Ratifizierung des Friedensvertrages vom Melno-See 1422/23 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1983. Bd. 31. P. 50–80.
70. Petrauskas R. Gedimainičiai, Algirdaičiai, Jogailaičiai – stirps regia Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje // Lietuva–Lenkija–Švedija: Europos dinastinės jungtys ir istoriniai-kultūriniai ryšiai. Vilnius: Nacionalinis muziejus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2014. P. 22–34.
71. Polechow S. Itinerarium Witolda, wielkiego księcia litewskiego: 4/5 VIII 1392 – 27 X 1430 // Rocznik Lituaniistyczny. T. 5. Rok 2019. Warszawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2019. P. 9–120. DOI: 10.12775/RL.2019.5.01.
72. Rimša E. Lietuvos didžiojo kunigaikščio Vytauto antspaudai ir žemių heraldika. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2016. 191, [1] p.
73. Rimša E. Pieczęcie miast Wielkiego Księstwa Litewskiego. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2007. 1259 p.
74. Scriptorum rerum Silesiacarum. Bd. 6: Geschichtsquellen der Hussitenkriege / Hg. von C. Grünhagen. Breslau: Josef Max & Comp., 1871. X, 192 p.

Сведения об авторе: Сергей Владимирович Полехов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119606, пр. Вернадского, 82, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-7866-7663. E-mail: sergey.polekhov@gmail.com

Поступила 20.09.2023

Принята к публикации 01.12.2023

Опубликована 29.12.2023

REFERENCES

1. Beletskii V.D., Beletskii S.V. The „Archive” of Official Seals Excavated in the Dovmont Town, Pskov. St. Petersburg: The State Hermitage Museum, 2022. 468, [1] p. (In Russian)
2. Beletskii S.V. Did Vasily of Moscow recognize his vassal dependence on Lithuania? *Consent. The newspaper of the Lithuanian movement for Perestroika*, 1990, 29 January – 4 February, no. 5 (27), p. 13. (In Russian)
3. Bepalov R.A. The battle of the Upper Oka lands feudals with khan Kuidadat in the autumn of 1424. *Upper Don territory. Archaeology. History*. Iss. 4. Tula: State Museum-Reserve “Kulikovo pole”, 2009. pp. 205–210. (In Russian)
4. Gorskii A.A. The Testaments of Vasily I Dmitrievich: Order and Dating. *Old Rus’: problems of medievistics*, 2017, no. 1 (67), pp. 20–34. (In Russian)
5. Gorskii A.A. Moscow and the Horde. Moscow: Nauka, 2003. 212, [2] p. (In Russian)
6. Gorskii A.A. *From Lands to Grand Principalities: “Primysly” of Russian princes in the second half of the XIII – XV centuries*. Moscow: Indrik, 2010. 174 p. (In Russian)

7. Grekov I.B. On the dating of the so-called “second testament” of prince Vasily I of Moscow. *Problems of sociopolitical history of Russia and Slavic countries. Collected articles to the 70th anniversary of academician M.N. Tikhomirov*. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury, 1963, pp. 141–145. (In Russian)
8. Gromov M.N. The Time and its Perception in Old Rus’. *Old Rus’: problems of medievalistics*, 2009, no. 2 (36), pp. 7–17. (In Russian)
9. Gulevich V.P. Crimea and the “Emperors of Solkhat” in 1400–1430: A Chronology of the Reign and the Status of the Rulers. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*, 2014, no. 4 (6), pp. 166–197. (In Russian)
10. Gulevich V.P. *From the Horde’s Ulus to the Girays’ Khanate: Crimea in 1399–1502*. Kazan: Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2018. 491 p. (In Russian)
11. Gulevich V.P., Hautala R. A Little-known Source on the Embassy of Sigismund of Luxemburg to Caffa in 1412. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 199–211. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.199-211 (In Russian)
12. Testaments and treaties of grand and apanage princes from the 14th to the 16th century. Ed. L.V. Cherepnin. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1950. 586, [2] p. (In Russian)
13. Zaitsev I.V. Between Moscow and Istanbul. The Jochid States, Moscow and the Ottoman Empire from the early 15th to the first half of the 16th century. Moscow: Rudomino, 2004. 215, [1] p. (In Russian)
14. Ivanov D.I. The relations between Moscow and Lithuania in the 1420s. *Medieval Rus’*, Iss. 2. Moscow: Editorial URSS, 1999, pp. 79–115. (In Russian)
15. Sigismund von Herberstein’s itineraries. *Gerbershtein S. Notes about Muscovy*, vol. 2. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2008, pp. 509–511. (In Russian)
16. Kudryavtsev O. F. Great Rus’ of knight de Lannoy. The first Western description of Rus’. *Rodina=Homeland*, 2003, no. 12, pp. 76–79. (In Russian)
17. Kuchkin V.A. Publication of the testaments of the Moscow princes of the 14th century. The second testament of grand prince Ivan Danilovich Kalita. *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievalistiki = Old Russia. The questions of middle ages*, 2008, no. 2 (32), pp. 129–132. (In Russian)
18. Kuchkin V.A. The results of the restoration of Ivan Kalita’s testaments. *Otechestvennaya istoriya =Native History*, 1992, no. 6, pp. 62–70. (In Russian)
19. Kuchkin V.A. Real or alleged forgeries? Kuchkin V.A. *The country between Volga and Oka and Nizhny Novgorod in the Middle Ages*. Nizhnii Novgorod: Kvarts, 2011, pp. 215–226. (In Russian)
20. Kuchkin V.A. Three testaments of Vasily I. *Old Rus’: problems of medievalistics*, 2016, no. 2 (64), pp. 33–54. (In Russian)
21. Mazurov A.B., Nikandrov A.Yu. On the dating of the testaments of Vasily I. Mazurov A.B., Nikandrov A.Yu. *A Russian apanage in the age of the united state formation. The Principality of Serpukhov from mid-14th to the first half of the 15th century*. Kolomna: Inlait, 2008, pp. 232–239. (In Russian)
22. Polekhov S.V. Prince Švitrigaila Algirdaitis’ marriages. „Po lyubvi, v” pravdu, bezo vsyokie khitrosti”. *Collected articles*. Moscow: Indrik, 2014, pp. 235–268. (In Russian)
23. Polekhov S.V. The last testament of Vasily I and political situation in East Europe. *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievalistiki =Old Russia. The questions of middle ages*, 2015, no. 3 (61), pp. 97–98. (In Russian)
24. Polekhov S.V. The last testaments of Casily I and Vytautas’ seals. *Medieval Rus’*, Iss. 12. Moscow: Indrik, 2016, pp. 183–200. (In Russian)
25. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 5. St. Petersburg: V tipografii E. Pratsa, 1851. VI, 283 p. (In Russian)

26. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 15. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. XII p., 186 col., 29 p.; V p., 504 col., 35 p. (In Russian)
27. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 18. St. Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1913. [III], 316 p. (In Russian)
28. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 24. Petrograd: 2-ya Gosudarstvennaya tipografiya, 1921. 272 p. (In Russian)
29. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 25. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1949. 470 p. (In Russian)
30. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 26. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1959. 415 p. (In Russian)
31. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 27. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1962. 418 p. (In Russian)
32. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 28. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1963. 411, 4 p. (In Russian)
33. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 35. Moscow: Nauka, 1980. 235 p. (In Russian)
34. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 37. Leningrad: Nauka, 1982. 227, 3 p. (In Russian)
35. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 39. Moscow: Nauka, 1994. 204, [1] p. (In Russian)
36. Ponomarev A.L. The Early Khans of Crimea: the Chronology of the Turmoil in the Accounts of the Genoese Treasury of Caffa, 1420s. *Zolotoordynskoe obozrenie* = *Golden Horde Review*, 2013, no. 2, pp. 158–190. (In Russian)
37. Ponomareva I.G. On the chronology of the testaments of grand prince Vasily Dmitrievich of Moscow. *The Russian Middle Ages. Collected articles in honor of professor Yury G. Alekseev*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2012, pp. 103–110. (In Russian)
38. Ponomareva I. G. Who ruled the Grand Principality of Moscow in 1425–1432? *Medieval Rus'*. Iss. 9. Moscow: Indrik, 2011, pp. 167–196. (In Russian)
39. Ponomareva I.G. About the Yarliq of Ulugh Muhammad Khan Approving the Rule of Grand Prince Vasily II. *Zolotoordynskoe obozrenie*=*Golden Horde Review*, 2021, vol. 9, no. 3, pp. 583–592. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.583-592 (In Russian)
40. Presnyakov A.E. The formation of the Great Russian State. Moscow: Territoriya, 1998. 496 p. (In Russian)
41. The Chronicles of Pskov, Iss. 2. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1955. 366 p. (In Russian)
42. Reva R.Yu. The struggle for power in the first half of the 15th century. *The Golden Horde in the World history*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 704–729. (In Russian)
43. Reva R. Yu. Muhammad-Barak and his time. A review of coins and written sources. *Numismatics of the Golden Horde*, no. 5. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2015, pp. 80–104. (In Russian)
44. Safargaliev M.G. The disintegration of the Golden Horde. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 275 p. (In Russian)
45. The Collection of materials relating to the history of the Golden Horde, vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya Akademii nauk, 1884. 564 p. (In Russian)
46. The Collection of materials relating to the history of the Golden Horde, vol. 2. Moscow -Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1941. 308 p. (In Russian)
47. Sobolevskii A.I. Materials and notes on the Old Russian literature. VI–XIII. *News of the Section of the Russian Language and Literature*. Petrograd: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1915. Vol. XX. Kn. 1, pp. 261–290. (In Russian)
48. Stefanovich P.S. The prince and the boyars: the oath of fidelity and the right to leave. Gorskii A.A., Kuchkin V.A., Lukin P.V., Stefanovich P. S. *Old Rus': essays on political and social composition*. Moscow: Indrik, 2008, pp. 148–269. (In Russian)

49. Sultanov T.I. The letter of khan Ulug Muhammad of the Golden Horde to sultan Murad II of Turkey. *Turcological collection*, 1973. Moscow: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1975, pp. 53–61. (In Russian)
50. Florya B.N. The Horde and the states of East Europe in the mid-15th century (1430–1460). *The Slavs and the nomadic world. To the 75th anniversary of academician Gennady G. Litavrin*. Moscow: Nauka, 2001, pp. 172–196. (In Russian)
51. Cherepnin L.V. The Russian feudal archives of the 14th – 15th centuries, part 1. Moscow -Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1948. 472 p. (In Russian)
52. Chechenkov P.V. The struggle for the restoration of the sovereignty of the Principality of Nizhny Novgorod (from the late 14th to the first half of the 15th century). *Eight centuries of the history of Nizhny Novgorod*, vol. 1: 12th – 19th centuries. 2nd ed. Nizhnii Novgorod: Nauchno-izdatel'skii tsentr NGTU, 2021, pp. 97–125. (In Russian)
53. Chechenkov P.V. Mechanisms and stages of absorption of the Nizhny Novgorod principality. *Nizhny Novgorod historical and philological collection* (In print.) (In Russian)
54. Chechenkov P.V. The paths of Moscow politics in the Nizhny Novgorod principality (the first half of the 15th century). *State and society in Russia in the 15th – early 20th centuries: a collection of articles in memory of Nikolai Evgenievich Nosov*. St. Petersburg: Nauka, 2007, pp. 94–105. (In Russian)
55. Chechenkov P.V. Suzdal Rurikovich and the rulers of the Golden Horde in the first quarter of the 15th century. *Minin readings: proceedings of a scientific conference, N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (October 20–21, 2006)*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University Publ., 2007, pp. 339–354. (In Russian)
56. Biskup M. The wars of Poland with the Teutonic Order, 1308–1521. Oświęcim, 2017, 412 p. (In Polish)
57. Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae, 1376–1430, ed. A. Prochaska. Cracoviae: Sumptibus Academiae Literarum Cracoviensis, Typis Vlad. L. Anczyc et Comp., 1882. CXVI, 1113 p. (In Latin, German and Polish)
58. Długossii J. Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Liber XI (1413–1430). Varsaviae: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000. 464 p. (In Latin)
59. Ekdahl S. Der Krieg zwischen dem Deutschen Orden und Polen-Litauen im Jahre 1422 [The war between the Teutonic Order and Poland-Lithuania in 1422]. *Zeitschrift für Ostforschung*, 1964, Bd. 13, H. 4, pp. 614–651. (In German)
60. Ekdahl S. Moscow troops in the wars of Poland and Lithuania with the Teutonic Order in Prussia in 1414 and 1422: Two timeline questions. *Quaestiones Mediaevali Novae*, 2020, vol. 25, pp. 181–192.
61. Gąsiorowski A. Itinerarium króla Władysława Jagiełły 1386–1434 [The itinerary of king Władysław Jagiełło 1386–1434]. 2nd ed. Warszawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2015. 172 p. (In Polish)
62. Itinerar König und Kaiser Sigismunds von Luxemburg, 1368–1437 [The itinerary of king and emperor Sigismund of Luxemburg, 1368–1437], ed. by J.K. Hoensch. Warendorf: Fahlbusch Verlag, 1995. 172 p. (In German)
63. Itineraria regum et reginarum Hungariae (1382–1438), ed. by P. Engel, N.C. Tóth. Budapestini, 2005. 188 p. (In Latin and Hungarian)
64. Kodeks dyplomatyczny Litwy [The diplomatic codex of Lithuania], ed. by E. Raczynski. Wrocław: Sumptibus Sigismundi Schletter, 1845. 391 p. (In Latin and German)
65. Liber cancellariae Stanisłai Ciołek. Ein Formelbuch der polnischen Königskanzlei aus der Zeit der husitischen Bewegung [Liber cancellariae Stanisłai Ciołek. A formulae book of the Polish royal chancery from the age of the Hussite movement], ed. by J. Caro, vol. 1. Wien: In Commission bei Karl Gerold's Sohn, 1871. 228 p.
66. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Užrašymų knyga 6 [Lithuanian Metrica. Book No. 6 (1494–1506). Book of Inscriptions 6], ed. by A. Baliulis. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2007. 516 p. (In Ruthenian and Lithuanian)

67. Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten, vol. 5, ed. by F.G. von Bunge. Riga: Im Verlage von Nikolai Kymmell, 1867. 80, 1072 p. (In German and Latin)

68. Neitmann K. Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen 1230–1449. Studien zur Diplomatie eines spätmittelalterlichen Territorialstaates [The state treaties of the Teutonic Order in Prussia, 1230–1449. Studies on the diplomacy of a late medieval territorial state]. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1986. XIV, 692 p. (In German)

69. Neitmann K. Zur Revindikationspolitik des Deutschen Ordens nach Tannenberg. Die Auseinandersetzung zwischen dem Deutschen Orden und Polen-Litauen um die Ratifizierung des Friedensvertrages vom Melno-See 1422/23 [To the revisionist policy of the Teutonic Order after Tannenberg/Grunwald. The conflict between the Teutonic Order and Poland-Lithuania about the ratification of the peace treaty of lake Mielno in 1422/23]. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1983, vol. 31, pp. 50–80. (In German)

70. Petrauskas R. Gediminaičiai, Algirdaičiai, Jogailaičiai – stirps regia Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje [Gediminids, Algirdids, Jagiellonians – stirps regia in the Grand Duchy of Lithuania]. Lietuva–Lenkija–Švedija: Europos dinastinės jungtys ir istoriniai-kultūriniai ryšiai [Lithuania – Poland – Sweden: European dynastic connections and historical and cultural ties]. Vilnius: Nacionalinis muziejus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2014, pp. 22–34. (In Lithuanian)

71. Polechow S. Itinerarium Witolda, wielkiego księcia litewskiego: 4/5 VIII 1392 – 27 X 1430 [The itinerary of grand duke Vytautas of Lithuania: 4/5 August 1392 – 27 October 1430]. Rocznik Lituanistyczny [The yearbook for Lithuanian studies], vol. 5 (2019). Warszawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2019, pp. 9–120. DOI: 10.12775/RL.2019.5.01 (In Polish)

72. Rimša E. Lietuvos didžiojo kunigaikščio Vytauto antspaudai ir žemių heraldika [The seals and territorial heraldry of grand duke Vytautas of Lithuania]. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2016. 191, [1] p. (In Lithuanian)

73. Rimša E. Pieczęcie miast Wielkiego Księstwa Litewskiego [The seals of the cities and towns of the Grand Duchy of Lithuania]. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2007. 1259 p. (In Polish)

74. Scriptores rerum Silesiacarum, vol. 6: Geschichtsquellen der Hussitenkriege [The historical sources on the Hussite wars]. Breslau: Josef Max & Comp., 1871. X, 192 p. (In German)

About the author: Sergey V. Polekhov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow at the School of Advanced Studies in the Humanities of the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadskiy Avenue, Moscow 119606, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-7866-7663. E-mail: sergey.polekhov@gmail.com

Received September 20, 2023

Accepted for publication December 1, 2023

Published December 29, 2023

FINDING THE GUARDIANS OF ROYAL BLOOD: OBSERVATIONS ON THE SUPPLY OF EUNUCHS TO THE HAREM IN THE OTTOMAN EMPIRE AND THE CRIMEAN KHANATE THROUGH CASE STUDIES AND DOCUMENTS

Ayhan Ürkündağ¹, Alper Başer²

¹ *Ministry of National Education*

Usak, Turkey

aurkundag@gmail.com

² *Afyon Kocatepe University*

Afyonkarahisar, Turkey

baseralperhidayet@gmail.com

Abstract: *Research objectives:* The first aim of this study, which deals with the supply process of the eunuchs, who formed the backbone of the harem organization in the Ottoman Empire and the Crimean Khanate, is to determine how the career of the eunuchs began in the palace of the sultan or the khan.

Research materials: The main sources of data for this research are documents held within the Department of Ottoman Archives of the Presidency of the Republic of Turkey Directorate of State. Upon these documents, Ottoman and Crimean chronicles of the period were examined and evaluated.

Research and novelty of the research: Both the Ottoman Empire and the Crimean Khanate established harem organizations and started employing eunuchs soon after the foundation of the state. These people, who were called eunuchs or castrates and had lost their masculinity due to natural or unnatural causes, were the backbone of the harem organization. It was found that the main method for supplying eunuchs to the harem was purchasing them from specialized merchants. Both states made efforts to identify children who had lost their masculinity due to natural causes and employ them in the harem. More over, in a very rare event in Ottoman history, Gazanfer and Cafer Aghas volunteered to be castrated out of a desire to be close to the Sultan during the reign of Selim II. The Ottoman administration paid special attention to social as well as physical characteristics of the eunuchs to be employed, and, for example, preferred that they learn Turkish in the Ottoman harem, under their own supervision. It was also observed that the Crimean Khanate attached great importance to the harem organization as in the Ottoman Empire. However, it has been revealed that the institutionalization in the harem organization was underdeveloped than in the Ottoman harem and that at least some of the eunuchs were part of the khan's entourage and moved away from the palace when the khan was dethroned. It's also been revealed that sometimes the information in the primary sources contradicts with the documents produced by the bureaucracy of the period. It's been determined that a special emphasis was placed on the shaping of the eunuchs with the Ottoman high culture, and those who somehow lost their manhood, even if they were Muslims, lost their individual identity and were transformed into an officer belonging to the state.

© Ürkündağ A., Başer A., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Keywords: History, documents, Ottoman Empire, Crimean Khanate, Eunuch, Harem, Slavery

For citation: Ürkündağ A., Başer A. Finding the Guardians of Royal Blood: Observations on the Supply of eunuchs to the Harem in the Ottoman Empire and the Crimean Khanate through case studies and documents. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 902–917. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.902-917

Introduction

In Turkish-Mongol states, the ruling dynasty was considered to be sacred. In semi-nomadic Turkish states on the steppes, this dynasty was the Ashina family, and in Mongol states, it was the family of Genghis Khan and his male lineage. In all the states that succeeded one another from Göktürks to the Ottoman Empire and from Genghis Khan's empire to the Crimean Khanate, shedding the blood of a member of these dynasties was considered to bring bad luck. Because of this belief, which arose from the notion that the dynasty had sacred origins, dynasty members both in the Ottoman Empire and in Mongol states were killed by triangulation [18, p. 71–79]. How, then, to protect this sacred blood that passes from father to son? Historically, the answer to this question was found in preventing all physical contact between mothers of future rulers and other men.

Informed by this thinking, rulers from ancient ages onwards have built quarters in their palaces where no men were allowed other than themselves. Called harem [24, p. 132] in Turkish-Islamic states, these places were designed to be secluded areas, while providing easy access to the ruler himself. In addition to the Sumerians, Babylonians and Assyrians, who founded the first states in Mesopotamia, the Egyptian Empire and the early states established in Anatolia had harem-like institutions. The Persian Empire in modern-day Iran and the Chinese Empire in the Far East also had harem organizations in the palaces of their rulers [6, p. 1–185].

As structures called harem started to be built in the palaces of rulers, strong guards were needed to make sure that women living in these quarters were not disturbed by stranger men and kept secluded from others. This inevitably brings to mind the famous Latin saying “*Quis custodiet ipsos custodes* / “Who will guard the guards themselves?” Applied to this case, the problem is how to prevent the guards hired to protect women from having contact with the women they guard as males. The answer to this question was found in male servants called eunuchs [30, p. 1; 12, p. 4–7] who had lost their masculinity or whose sexuality was taken from them.

Throughout history and in diverse regions of the world, kings and emperors who ruled over societies with wildly different cultures and beliefs employed castrated male officials for their harems. The first examples of castrated males being used as servants were seen in Sumerian states founded in Mesopotamia. Eunuchs also served in the harem quarters of the palaces of Babylonians and Assyrians, who lived in the same region. Kings of the Hittite Empire, which was the first big state to be established in Anatolia, also employed castrated officials in their palaces [6, p. 195–304]. In the Far East, on the other hand, the Chinese Empire was the state that made the heaviest use of eunuchs. A large number of castrated officials served in the emperor's palace from ancient ages to the beginning of the 20th century. Use of eunuchs was a common practice in the palaces of Persian kings and in Indian lands as well. On the other hand, Greek states and the Roman Empire employed eunuchs too [7, p. 11–14, 19–21; 27, p. 185–189; 11, p. 11–33].

In the history of Islam, harem-like organizations did not exist during the reigns of Prophet Muhammad and the first four caliphs because rulers of the Islamic state at that time lived in humble dwellings. The first harem organization in the history of Islamic states was founded during the reign of the Umayyad dynasty, but the institutionalization and development of the harem took place under the Abbasid rule. Called *Harim Dar al-Khilafa*, the harem featured prominently in the political life of the Abbasid state [21, p. 97; 24, p. 132–133]. From the Abbasids onwards, the harem became one of the main institutions of the Islamic state.

The first Turkish-Mongol states, which had a semi-nomadic life style, naturally did not have an institutionalized harem organization. Harem organizations were first seen in Uyghurs, who transitioned to a sedentary way of life and started building palaces. As the Turks converted to Islam and sedentary living became the norm, harem as a part of the palace started to spread as well. Seljuk [24, p. 134; 34, p. 299], Mamluk [35, p. 101] and Safavid [8, p. 27–30] states all had elaborate harem organizations.

In this article, the examples cited from the documents and chronicles will rectify the deficiencies in the literature by embodying what happened in the procurement process of the eunuchs, the most important element of the harem organization in the Turkish-Islamic states. The information passed along from the documents and chronicles will contribute to the understanding of the supply process of the eunuchs in the Ottoman Empire as well as the Crimean Khanate and the palace organization of the Islamic states and the role of the eunuchs in different cultures. For instance, while the inaccuracy of the information in some sources, such as the search for ugliness in eunuchs is revealed [2, p. 25–26; 31, p. 30, 155]¹, the existence of a conscious policy for eunuchs to adopt Ottoman high culture is also perceived from the documents².

The Emergence of the Harem Organization and the First Eunuchs Employed in the Ottoman Empire and the Crimean Khanate

We know that harem organizations existed in Ottoman rulers' palaces from the earliest years onwards. Where there is a harem, there must be castrated servants as well. However, because of the lack of sources about the harem on the first centuries of the Ottoman Empire, we cannot say anything definitive about the foundation and development of the harem organization, nor about the eunuchs employed in the harem. The oldest record on the employment of eunuchs in the Ottoman Empire is found in a document bearing the name of Sultan Orkhan (reign 1324–1362), dated March 1324 [36, p. 281]. The document states that *Tavaşi Şerefeddin Mukbil*, a freed slave of the Sultan's, was appointed as the trustee of a foundation established in the town of Mekece. The word *tavaşi* preceding the name Şerefeddin shows that the person in question was a eunuch. Was Tavaşi Şerefeddin serving at the Sultan's harem, or was he a personal assistant of Orkhan I? We cannot say anything definitive about this issue. However, the mere mention of Tavaşi Şerefeddin's name in the document is sufficient proof for the presence of eunuchs in the Ottoman bureaucracy from the reign of Orkhan I onwards.

¹ For the statements that ugliness is sought in eunuchs see [2, p. 25–26; 31, p. 30, 155].

² The most basic data on this subject, as seen in the documents, is the order of the Ottoman administration that the eunuchs to be sent to the palace should not speak Turkish. The most important example of the eunuchs' defense by adopting the classical Ottoman culture was the opposition of Agha of Darüssaade (Agha Of the Abode of Felicity) el-Hajj Beshir's opposition to Nadir Shah's proposal on making Jafarism the fifth Islamic sect in the Ottoman Empire. The demand that eunuchs to be sent to the palace should not speak Turkish lasted until the latest years of the empire. For the life of Hacı Beshir Agha, see [32; 13].

According to one view, Orkhan I was the first to have a separate harem organization and employ eunuchs in the harem quarters of the Ottoman palace [22, p. 48], but it has also been argued that employing eunuchs in the harem became common practice during the reign of Mehmed I (from 1413 to 1421), or in another account, during the reign of Murad II (from 1421 to 1451). White eunuchs, called *Akağalar*, served in different departments of the Sultan's palace, including the harem [30, p. 1]. Black eunuchs employed in the palace, called *Karaağalar*, were likely fewer in number in this period compared to *Akağalar*. This is because until the conquest of Egypt by Selim I (reign 1512–1520), it was easier to resource white eunuchs in the lands ruled by the Ottomans. When Egypt became part of the Ottoman Empire in 1517, it became easier to access black eunuchs. As a result, a larger number of black eunuchs started to be employed in the harem organization. Another reason might be that from the end of the 16th century onwards, the Ottomans' advance into Europe has slowed down, and consequently, they were not able to take as many prisoners in wars and raids.

During the reign of Suleiman the Law-giver (from 1520 to 1566), the harem has gained further influence over Ottoman state bureaucracy and politics thanks to the famous Hürrem Sultan originating from the present-day Ukrainian territory. Throughout the reign of the successors of Suleiman II, the power of the harem extended beyond the walls of the palace, and it became one of the main factors in the politics of the state. Naturally, this has also strengthened the position of eunuchs serving in the harem. In particular, when Habeshi Mehmed Agha [15], one of the *Karaağalar*, was appointed the Chief Harem Eunuch [3, p. 1–3] in 1574, black eunuchs started to acquire more power. Moreover, when Murad III (reign 1574–1595) appointed Habeshi Mehmed Agha, the Chief Harem Eunuch, as the minister responsible for Mecca and Medina foundations in 1586 [10, p. 233–238], chief harem eunuchs gained the power to control one of the most important sources of revenue in the country. This has continued until the introduction of the Ministry of Imperial Foundations [25, p. 521–523] in 1826, during the reign of Mahmud II (from 1808 to 1839). From the beginning of the 17th century onwards, the number of white eunuchs in the Ottoman harem declined, whereas the number of black eunuchs has markedly increased. In the 18th century, all eunuchs who served in the harem organization were *Karaağalar*, a fact that did not change until the disintegration of the Ottoman Empire.

When it comes to the Crimean Khanate, on the other hand, there have been only a limited number of studies on the presence of a harem organization in the khanate. The destruction of the khanate's archives in the Russo-Turkish War of 1736–1739, limited the number of studies on the administrative structure of the khanate in general and on the harem in particular. The Crimean Khanate, which rose during the disintegration of the Golden Horde, has become a subordinate political entity of the Ottoman Empire soon after being established.

The state culture and management approach inherited from the Golden Horde started to be a gradually replaced by Ottoman influence. It has been argued that the practice of having a harem in the palace organization and employing eunuchs in the harem had their roots in the Golden Horde state [19, p. 23–24].

Crimean khans built palaces in different places such as Kırkyer, Salacık and Ulaklı but the main palace that has come to symbolize the khanate over time and become an important physical heritage was the Hansaray in Bakhchisaray. Initial construction of the Hansaray began during the reign of Mengli I Giray (1466–1515), and it became the permanent residence of the khans during the reign of Sahip I Giray (1532–1551). We also know for certain that during the reign of Sahib I Giray, the palace had harem quar-

ters, called *Kızlar Sarayı* (Girls' Palace). Hansaray had special quarters reserved as residence for harem eunuchs [14, p. 59–63].

Diplomatic correspondence between the Crimean Khanate and the Grand Duchy of Moscow shows that four eunuchs served in Hansaray in 1630 s. Moreover, Kalgay and Nureddin, the second and the third most powerful positions in the khanate, also had one eunuch each in their palaces. According to Mustafa, a Crimean ambassador in Sweden in 1669, there were 12 eunuchs serving in Hansaray, and it was rare for the Ottomans to gift a eunuch the khanate. The famous Ottoman traveler Evliya Çelebi, who might have personally met Mustafa Agha, also witnessed the presence of black eunuchs in Hansaray. French consul Claude Charles Peyssonnel, who stayed in Crimea between 1754–1758, reported that there were six eunuchs in the palace, with two designated as chief eunuchs (*Kızlar Ağası*)³. Moreover, from the Crimean sicils (juridical records), we know that there was a chief eunuch called Ramazan during the reign of İslam III Giray (1644–1654) [29, p. 96]. Sicil records also show that a Reyhan Agha who passed away before February 1676 was a eunuch who served in Hansaray⁴.

I. Eunuchs Who Lost Their Masculinity Due to Natural Reasons

There were two main processes used for supplying eunuchs to the harem in the Ottoman Empire and the Crimean Khanate. The first was to identify boys who had lost their masculine organs due to various illnesses and employ in the service of the harem. This was very rare, and is difficult to document. However, we do have two examples, one from the Ottoman Empire and the other from the Crimean Khanate. The first example is from the year 1588. The Imperial Harem has learned that Hasan, son of Derviş, born in the Filye neighborhood of Karahisar-ı Şarki, was a eunuch at birth. We do not know who informed the capital that the boy could be employed in the palace. It is likely that the kadi of the town reported the case to Istanbul. The central government ordered the kadi that the boy be immediately sent to Istanbul, and any objections from the relatives of the boy or local officials be disregarded⁵. Unfortunately, we were not able to find any information on whether Hasan, son of Derviş, has actually arrived in Istanbul or served in the palace. This notable rescript about Hasan, son of Derviş, shows that the Ottoman central government was capable of ordering the boy to Istanbul, by force if necessary, even though he was not a slave.

The other example regarding the employment in the harem of boys who lost their masculinity at birth or at an early age comes from the Crimean Khanate. Staatsbibliothek in Berlin has a manuscript of *Tarih-i Said Giray*, written by Said Giray Sultan, one of the members of the Giray family, the ruling dynasty of the Crimean Khanate, which provides an account of the life of Derviş Agha, who was the chief eunuch at, Hansaray, up until his employment in the harem. Derviş Agha himself was

³ [37, p. 266–267; 19, p. 28–29]. An edict sent to Mikhail Fedorovich during the reign of Canibek Giray, dated 1634, mentions eunuchs, and an edict issued one year later, during the reign of İneyet Giray, states that there were four eunuchs who served in the harem, a figure repeated in 1636. These edicts also contain information confirming that Kalgay had his own eunuch [17, No. 24/p.174, No: 30/p.195; No:31/p.203, No. 35/p.216; No:40/ p. 248 For Kalgay's eunuch, see [17 No.40/p.255].

⁴ Otdel Rukopisey Rossiyskoy Natsional'noy Biblioteki, Fond 917, No 21, folia 70a, Saint Petersburg.

⁵ Cumhurbaşkanlığı Osmanlı Arşivi (Presidential Ottoman Archives, henceforth COA) Bab-ı Asaî Divan-ı Hümayun Sicilleri Mühimme Defteri (The Sublime Porte and Imperial Council Sicils and Muhimme Registers, henceforth ADVNSMHHM.d). no: 62, page no:189 rescript no: 427.

the one who told the story of his life to the author of the chronicle from his childhood until his employment in the harem⁶.

Derviş Agha was born in the city of Solhat, also known as the Staryi Krym. Born as a regular boy, Derviş Agha had normal development of his male organs until the age of five. When he reached the age of twelve, he was supposed to be circumcised like all Muslim boys. In the circumcision ceremony, which involved a number of other boys as well, the surgeon to perform the circumcision noticed that Derviş Agha did not have his male organ, and notified his family of the child's special condition. When Saadet III Giray (reign 1717–1724) heard of the event, he employed Derviş Agha in the harem of Hansaray. After the deposition of Saadet III Giray, Derviş Agha went to Rumelia with him. Upon the death of the deposed Khan, Derviş Agha entered into the service of Salih Giray, and upon his death as well, he served Halim Giray (reign 1756–1758). During the reign of Halim Giray, he returned to Bakhchisaray and became the chief eunuch of Hansaray. Having performed the hajj in these years and learned perfect Arabic during his pilgrimage, Derviş Agha continued to serve as eunuch in the harem after his return [28, folio 95a]. Given the information in this biography, Derviş Agha's service in the harem of Hansaray may have started when Saadet III Giray's reign began, which is to say in 1717 at the earliest or in 1724 at the latest, which indicates that he may have been born in 1705 at the earliest. Another point is that the people he served after Saadet III Giray's death were the sons of the deposed khan. Given that Halim Giray's reign started in 1756, Derviş Agha served in the harem of the same family for about forty years⁷. His departure from the harem together with the deposed khan shows that the harem organization in Crimea was not institutionalized, unlike the harem of the Topkapı Palace. In other words, Derviş Agha was not a permanent eunuch of the harem of Hansaray, but a member of Saadet III Giray's household.

⁶ For a transcription of the chapter that narrates the story of Derviş Agha's life, see [28, folio.95 A] "*Ağa-yı dariûs-saade Derviş Ağa mezbûr Eski Kırım'da mâderinden hadım tevellüd idüb peder ve mâderi dahi hâline vâkıf olmayub zirâ âlet-i recüliyyetden beş yaşında uşak olana kadar alâmeti olub hatta bu fakire kendü nakl eylemişdir ki on iki yaşına geldiğimde peder mâderim beni oğlancıklar ile sünnet etmeğe verdikde sünnetci takye kaparım zu'muyla zîr-i pirâheneme girüb bevsede el urub eline bir şey girmeyince ferâgat eyledikde peder mâderimin ol zaman ma'lûmları oldu. Hâsılı ol vakt pederimiz Saadet Giray Hân merhûmun vakti olub hân-ı merhûma işitirdiklerinde andırub harem ağası idüb ba'del-azl Rumiline bile gelüb hân-ı merhûmdan sonra Salih Giray Ağaçeye intisâb onlar da merhûm oldukdan sonra veliyy-ün-niamın harem ağalığı ile kâm-yâb olub (ba'de veliyy-ün-niam hânlık ile Kırımı teşriflerinde harc-râh virüb hacca irsâl idüb ol yolda lisân-ı arabî dahi vâfir tahsil idüb sağ salımm rücu'ı Derviş ağalık lafzına el-hacı kelimesin ilâveyle kesb-i şeref eylemişdir sah) hâla vakt-i tahrirde taht-gâh-ı havâkîn olan Bağçesarayda veliyy-ün-niamın Harem Ağalığında hizmetde der-kâdır hakka ki mezbûr âcûbe-i asr ve nâdire-i dehrdir. Zirâ gerçe ki (cüceler besyârdır. Lakin böyle maderinden bî âlet ve bi hayâ tevellüd iden nâdirdir ve cücelerin de ekseri sah) (maderinden hadım idenler bisyârdır lakin kimin çenesi sagır olsa başı kendiden nişâne ve dest ü pâları kasır olsa da parmakları hıyar berzen gibi şâhdanedir. Amma ki ağa-yı mesfûr münâsib âzaya mâlikse tâ be-kadem dünbesinden mâ-adâ bir uymaz yeri yoktur. Ol yeri hayli büyücek düşmüşdür. Hakk bu ki âkil ve okur ve yazar husûsân tuhfetün-şâhâni kesret isti'mâl itdiğinden bir fakihin yanında ağzın açmağa (canı yoktur) ne canı var. Bundan ziyâde tavsife kalem düzebâne ruhsat verilmedi". We would like to take this opportunity to thank İsmail Bülbül, who let the authors see his unpublished work on *Tarih-i Said Giray Han*. Also, see the valuable work of Barbara Kelnner-Heinkele on *Tarih-i Said Giray Han*, and the part about Derviş Agha [16, p. 62, 101].*

⁷ For more information about the reigns of Saadet Giray III and Halim Giray [20, p. 83–85; 95–96].

Sample Document on the Supply of Natural Eunuchs* 1 Transliteration

Ömer Efendiye teslim olundu.

Fī 2 R (Rebiülaher) sene (9)96

Bā müsvedde-i Ömer Vav

Ḳaraḫışār-ı Şarki Ḳazısına hüküm ki,

Nefs-i Ḳaraḫışār'da Filye mahallesinde Hasan bin Derviş nām emred oğlan māder-zad Tavāşī olub Südde-i Saadet'te istihdām olunmaya ḳābildir deyü i'lām olunmağın buyurdu ki: Vuşul buldukda mezbûru, müşārünileyhe ḳoşub ber-vech-i isticāl Südde-i Saadetime gönderesin mezbûrun bu cānibe gelmesine akrabāsından ve gayrıdan kimesne māni olursa aşla te'allül ü nizā itdirmeyüb emrüm üzere ber-vech-i isticāl işāl idesün deyü emr-i şerīf yazılmışdır.

(Document on Hasan bin Derviş, dated March 1, 1588) Translation

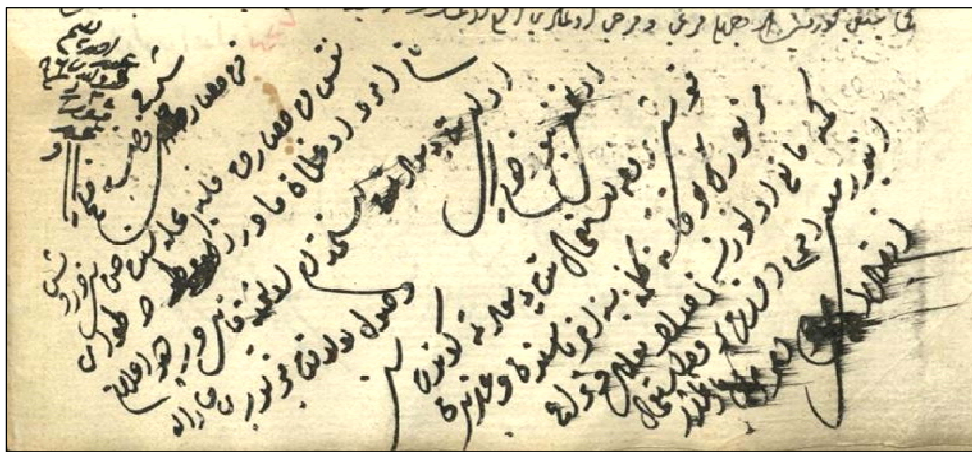
Consigned to Ömer Efendi.

2 R (Rabi al-Thani) year (9)96 (1 March 1588)

Draft written down by Ömer the Vav

Qadi of Şebinkarahisar is hereby ordered:

Having learned that Hasan, son of Derviş, in Filye neighborhood within the borders of Şebinkarahisar, was born a eunuch and is suitable for employment at my harem, I order you to send the person in question to my palace without any delay, upon the receipt of this order. If a relative of the aforementioned person or someone else tries to prevent him from being sent to the palace, do not let them, and make haste to send him over without allowing any trouble to be made or excuses raised, as per my order⁸.

II. Employment of Castrated Eunuchs in the Imperial Harem

By far the most common method for supplying eunuchs to rulers palaces, on the other hand, was finding and purchasing eunuchs whose masculinity was destroyed by experts. Castration was banned within the borders of the Ottoman Empire [33, p. 3]. However, we cannot argue that this ban was always enforced. Slaves brought to slave markets in Egypt were castrated either in camping grounds on the way [27, p. 191] or in Egypt [30, p. 2]. Castration was performed either by Coptic monks or Jewish surgeons. Those who survived the surgery were sold on slave markets and started to serve

* In this article the transliteration of the following Ottoman Turkish texts are based on a modified form of the *International Journal of Middle East Studies*.

⁸ COA, ADVNSMHM.d no: 62, page no:189 rescript no: 427.

in the harems of imperial elites, not least in the harem of the sultan himself. People forced to undergo this surgery were usually young. This was because castrating prepubescent boys was easier, and their scars healed faster. Nevertheless, castration operations did not have a high rate of success.

Castration could be performed in a number of ways. Some of the methods used were called crushing, twisting, partial shaving, and complete shaving. Crushing and twisting were methods usually reserved for animals. For the crushing operation, testicles were laid on a warm surface to soften them. Once the testicles were softened, pressure was applied by hand, in a gradual manner, until the testicles were deformed [5, p. 186]. The twisting operation was performed using specialized equipment. Partial shaving and complete shaving operations, on the other hand, were far more common. In partial shaving, the testicles were removed but the penis was left. This meant that the castrated person could still urinate with comfort. In complete shaving, on the other hand, both the testicles and the penis were entirely removed. A wooden or metal pipe was then attached so that the castrate could urinate [1, p. 35].

As mentioned above, eunuchs employed in the harem in the first centuries of the Ottoman Empire were mostly white. These white eunuchs were supplied from among war prisoners or purchased from slave markets. As the supply of white eunuchs dwindled and their costs increased, black eunuchs started to be brought via Egypt [12, p. 27]. The task of supplying eunuchs to the Ottoman harem was usually given to governors of Egypt. This can be observed from Ottoman archive documents. An order sent to the Beylerbeyi of Egypt in 1574 requests twelve eunuchs for the harem⁹. When many of the eunuchs who served in the harem died because of the plague that broke out in Istanbul in 1722, the sultan sent an order to the governor of Egypt, asking him to find 30 or 40 eunuchs and send them to the capital immediately¹⁰. A couple of years later, in another order sent to the governor of Egypt in 1726, the sultan asked the governor to find about 20 eunuchs for his harem, children and adults, and send them to Istanbul at once¹¹. In another order sent in 1737, the governor of Egypt is again asked to provide 25 eunuchs to be employed in the harem¹². Another order sent to the governor of Egypt a few weeks later commands, using a harsher tone this time, that all eunuchs found in Egypt be sent to Istanbul without any delay¹³. In 1747, Raghib Mehmed Pasha, the Governor of Egypt at the time, was asked to provide 20 eunuchs for the sultan's harem¹⁴. Another order from 1789, similarly to previous orders, asks the governor of Egypt to send eunuchs for the harem¹⁵. From time to time, Ottoman sultans tasked people other than governors of Egypt with supplying the eunuchs needed for their harems. An imperial edict attributed to Abdul Hamid I (reign 1774–1789), noting

⁹ COA, A.DVNSMHM.d no: 26, page no: 226 rescript no: 645, 11 Jumada al-Thani 982/29 September 1574.

¹⁰ COA, Bab-ı Asafi Divan-ı Hümayun Sicilleri Mısır Mühimme Defteri (The Sublime Porte and Imperial Council Sicils and Muhimme Registets on Egypt, henceforth ADVNSMHM.d). A.DVNS.MSR.MHM.d, no: 3, page no: 98, rescript no:273, Early Jumada al-Awwal 1134/ 17–26 February 1722.

¹¹ COA, A.DVNS.MSR.MHM.d, no: 3, page no: 283, rescript no:699, Early Jumada al-Awwal 1139/ 27 October – 5 November 1726.

¹² COA, A.DVNSMHM.d no: 144, page no: 221, rescript no: 706, mid-Rajab 1150/ 4–13 November 1737.

¹³ COA, A.DVNS.MSR.MHM.d, no: 5, page no: 139, rescript no:391, Late Ramadan 1150/12–21 January 1737.

¹⁴ COA, A.DVNS.MSR.MHM.d, no: 6, page no: 158, rescript no:371, Late Rabi' al-Awwal 1160/2–11 April 1747.

¹⁵ Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi (Archive of Topkapı Palace henceafter TSMA).e, document no: 805/73, Date 10 Rajab 1203/ 6 April 1789.

the decline in the number of eunuchs employed in the harem, asks the Grand Admiral of the Navy to find eunuchs from Egypt and bring them to Istanbul. Following the order, the Grand Admiral found 18 eunuchs and sent them to the capital by sea¹⁶.

To find the eunuchs needed for their harems, Ottoman sultans have also worked with slave traders and citizens who had eunuchs, in addition to requesting them from officials. According to a document kept in the archives of Topkapı Palace Museum¹⁷, an official named Sadık negotiated with the owners of two black eunuchs, one a child and the other an adult, following orders. He remarked that the eunuchs were not fit to be employed in the service of the sultan, but he still made an attempt to purchase them. When the owner of the older eunuch demanded 2000 kuruş, Sadık countered with an offer of 1500, which was declined by the slave trader. He was of the opinion that the older eunuch could be purchased by paying a couple hundred additional kuruş to the slave trader. The woman who owned the younger eunuch, on the other hand, asked for 3000 kuruş. She claimed to have paid 2500 kuruş for the young eunuch, whom she had purchased when performing the hajj. Sadık, tasked with the purchase, found the younger eunuch to be a bit expensive even though he had a cute appearance, and recommended purchasing the older eunuch.

Ottoman sultans wanted the eunuchs to be employed in their harems to have certain qualities. Archive records from different periods provide clues as to the qualities sought in eunuchs. The twelve eunuchs requested from Egypt in 1574 were to be from the region of Habesh and not speak any Turkish¹⁸. The orders from 1722 and 1737, on the other hand, describe the qualities of the eunuchs to be purchased for the imperial harem as follows: *hidmete yarâr reşik'ü'l-kadd hüsn'ül-vücuḥ makbûlü'l-kāmet ve matbû'ü'l-lehce mergûb'ul-leh ve memdûhu'l-haslet*¹⁹. In other words, they were to be tall, well-built, have nice bodies, and be well-spoken and well-mannered people. Obviously, the sultan wanted the eunuchs to be employed in his palace to be trained under the strict discipline of the imperial harem. Two different orders from a much later time, also sent to the governor of Egypt and found in muhimme registers, provides clues as to the physical and character traits sought in eunuchs to be employed in the imperial harem of the Ottoman palace.

Sample Document 2 Text

“Nu'mān Çavuşa

Mısır beglerbegisine hüküm ki:

Atebe-i ulyâmda hizmet için Tavâşî lazım olmağın on iki nefer Habeşî ve Nubîyalı Tavâşî gönderilmek emr idüb buyurdum ki vuşûl buldukda emrim mücebince on iki nefer Habeşî Tavâşî tedârik idüb irsâl eylesin. Amma gönderilen Tavâşî acemî olup Türkçe bilir olmaya.

Translation

To Numan Çavuş

Beylerbeyi (governor general of the eyalet) of Egypt is hereby ordered:

Given that eunuchs are needed to serve at my palace, I have ordered that twelve eunuchs from Habesh and Nubia be sent. Upon the receipt of my order, find 12

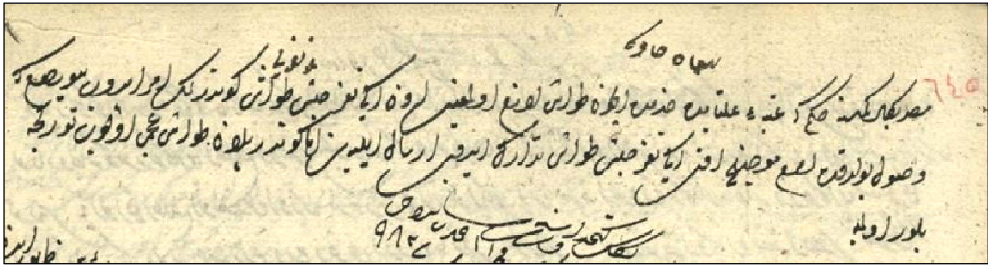
¹⁶ COA, HAT, no: 19/862.

¹⁷ TSMA.e, document no: 154/26-4.

¹⁸ COA, A.DVNSMHM.d no: 26, page no: 226, rescript no: 645, 11 Jumada al-Thani 982/28 September 1574.

¹⁹ COA, A.DVNS.MSR.MHM.d, no: 3, page no: 98, rescript no:273, Early Jumada al-Awwal 1134/ 17–26 February 1722; COA, A.DVNSMHM.d no: 144, page no: 221, rescript no: 706, mid-Rajab 1150/ 4–13 November 1737.

eunuchs from Habesh and send them over. However, the eunuchs to be sent should be novices and not speak Turkish”²⁰.

Sample Document 3 Text

“Mısır Vālīsine hüküm ki:

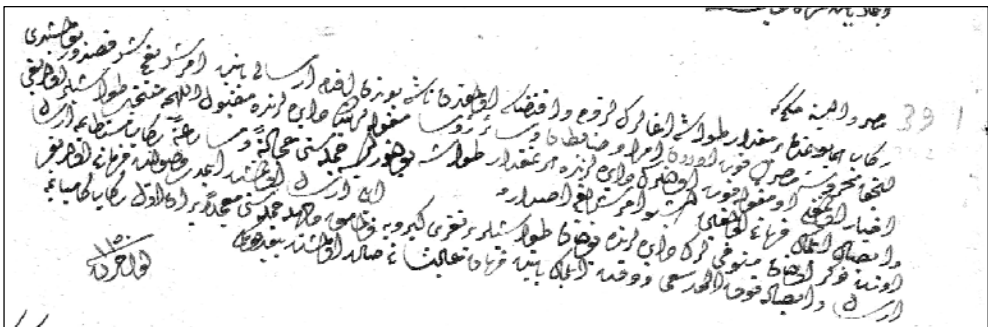
Rikāb-ı hümayūnumda bir miqdār Ṭavāṣī ağaların lüzūm ve iktizāsı olmakdan nāṣī bundan akdem irsālī bābında emr-i şerīfīm şeref-şudūr bulunmuşdu ancak mahrūse-i Mısır’da fevt olan ümerā ve zābitān ve sair rū’esā maḳūlelerinin dāirelerinde maḳbūlū’l-lehçe müntahab Ṭavāṣīler olduḡu ihbār olunmaḡla ve o maḳūle fevt olanların dāirelerinde her ne miqdār Ṭavāṣī bulunur ise cümlesini acāleten ve müsāra’aten rikāb-ı müsteṭābıma irsāl ve işāl eylemen fermānım olmaḡın işbu emr-i şerīfīm işdār ve ile irsāl olmuşdur. İmdi vuşūlünde fermānım olduḡu üzere zikr olunan müteveffāların dāirelerinde bulunan Ṭavāṣīler bir neferi giriye kalmamak vechiyle cümlesini muaccelen bir an evvel rikāb-ı kām-yābıma irsāl ve işāle fevka’l-hadd sa’y-ı diḡḡat eylemen bābında fermān-ı ālī-şānım şādır olmuşdur buyuruldu gibi. Evāḡır-ı N (Ramazān) sene 1150

Translation

“The governor of Egypt is hereby ordered:

A previous order was issued for some eunuchs to be sent over because eunuchs were needed at my palace. Now, having learned that some of the rulers, officers, and leaders who have recently died in Egypt had decent eunuchs in their households, I hereby order you to gather and send all of them quickly here. Now, upon the receipt of this order, do your utmost to make sure that each and every eunuch who served in the households of the aforementioned deceased are sent to my palace.

Late Ramadan, 1150 (January 1738)”²¹.

²⁰ COA, A.DVNSMHM.d no: 26, page no: 226, rescript no: 645, 11 Jumada al-Thani 982/28 September 1574.

²¹ COA, A.DVNS.MSR.MHM.d, no: 5, page no: 139, rescript no:391, Late Ramadan 1150/12–21 January 1737.

Sample Document 4 Text

Mışır Vālisi Vezīr Rağīb Mehmed Paşa'ya hüküm ki,

Harem-i hümayūn işmet-i maḵrūn-u mülūkānemde istihdām ve i'māl için bir mikdār Ṭavāşinin lüzūm ve iktizāsı olmakdan nāşī on beş yaşından yirmişer yaşına varıncaya dek bu sin ve simatda bālā-ḳadd yirmi nefer Ṭavāşī ḳāmet ve inzāmları mevzūn simā ve lehçeleri matbū' sıhhat vech melāhat-siret ve tabi' havşaları olmak vechiyle kemāl-i taharrī ve diḳḳat olunarak intihāb ve ihtiyār olunub lāzım gelen bahāları sadr'āzam ta'yīn ve tahsis kılınān cāizesine maḥsūb olmak şartıyla acāleten ve sur'aten rikāb-ı müstetāb-ı hüsrevāneme tesyīr ve irsāl olunmak fermānım olmağın iş bu emr-i şerīfim işdār ve ile irsāl olunmuştur. İmdī vuşūlünde sen ki vezīr-i müşārūn-ileyhsin bu bābda fuzūlī teḥīr ve tevakkuf itmeyüb dāire-i hümayūn ve işmet-i meşhūnumda istihdāma sezā ve her birinin ḳāmet ve endāmları gāyet mevzūn ve bālā ve simā ve lehçeleri maḳlū' ve hoş edā ve melāhat-tab' ve siret ve şihhat-vech ve talakat-ı havşaları olmak sin ü salları on beşden yirmi yaşına varıncaya dek yirmi nefer Ṭavāşīyi nihāyet-i bāsiret ve taharrī birle intihāb ve ihtiyār eyledikten sonra sadr'āzam tarafına ta'yīn ve tahşis kılınān cāizeden iktizā iden bahāların virüb gāyet acele ve şitāb ve kemāl-i sa'y ve ikbāb ile bir an akdem ve bir kadem mukaddem acāleten ve müsāra'aten rikāb-ı kām-yāb-ı hümayūnuma irsāl ve işāle bezl-i makderet ve mikdār zerre ihmāl ve tesvi'adan ziyāde(?) ve verdiğin bahālarını mikdār ve kemiyet ile i'lām-ı işāret eylesesin Ṭavāşī-i mezkūr dāire-i hümayūn hizmeti için matlub olunmağın muaccelen vurūdu ve her birinin ber-vech-i muharrer şabāhat-ı vech-i ḳāmet ve endāmlarının mevzuniyeti ne rütbede ihtimām ve diḳḳat olunmak icāb itduğū beyāndan müstağni olmağın ana göre ziyāde teyakkuz ve intibāh üzre intihāb ve ihtiyār ve serian ve acilen sevk ve irsāl sa'y-i bi-şumār eylemen bābında emr-i fermān alı-şānım yazılmışdır. Fi Evāhir-i RA (Rebiül-evvel) sene 1160.

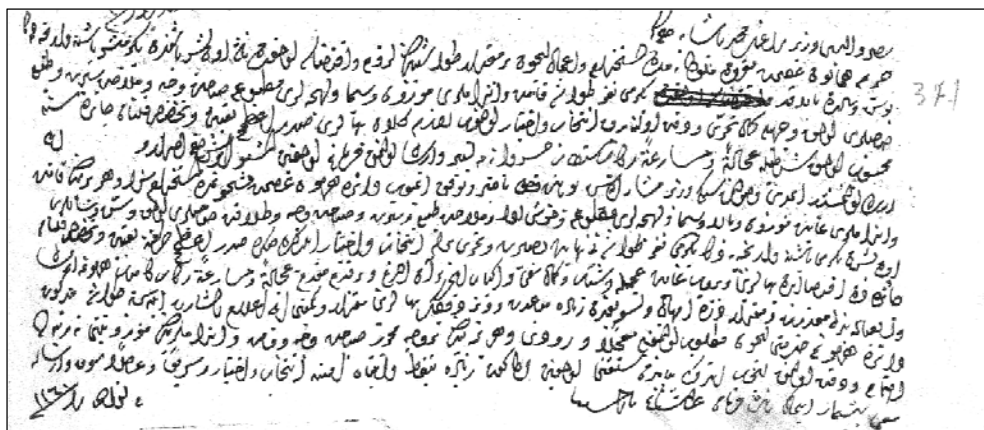
Translation

Raghib Mehmed Pasha, the Governor of Egypt, is hereby ordered:

Given the need for some eunuchs to be employed in the harem quarters of my grand palace, twenty eunuchs ages 15 to 20, who are tall, well-proportioned, and healthy, and have nice features and good manners be selected with utmost care and after close examination, and immediately sent over, with payment to be made on the basis of the Grand Vizier's appraisals. Now, upon the receipt of this order -being a vizier and an agent of the Sultan- carefully select, without any delay, eunuchs ages 15 to 20, who are well-proportioned with nice features, good-looking, well mannered, and healthy, pay their owners the amounts to be determined by the Grand Vizier, record the payments made, and make haste to send them over to my palace. Given that these eunuchs are requested for employment at the Sultan's palace, take utmost care to make sure that they are well-proportioned and have nice facial and bodily features as explained, and send them over in a speedy manner.

Late Rabi' al-Thani 1160 (April 1747)²².

²² COA, A.DVNS.MSR.MHM.d, no: 6, page no: 158, rescript no: 371. This document was previously used in a Ph.D. thesis by Ayhan Ürkündağ, and it was reviewed and re-transcribed for the present article [32, p. 5-6, footnote 32].

III. An Exceptional Case: Voluntary Service As a Eunuch

As noted above, most of the eunuchs who served in the harems of the Ottoman Empire and the Crimean Khanate were slaves who were forced to be castrated and sold by slave traders who made a profit out of this. Voluntary service as a eunuch, on the other hand, was a very rare event, and we were able to find only one example. This rare example involved Gazanfer Agha, who had great influence over state affairs during the reigns of three sultans in late 16th and early 17th centuries. The famous Ottoman historian Hammer had argued that Gazanfer Agha was of Hungarian origin, but recent research conducted by the Italian historian Maria Pia Pedani in Venetian archives showed that he was of Italian origin. In 1559, a Venetian woman traveling with her two daughters and two sons, on her way to visit her husband working as a clerk in Budva, was captured when their ship was attacked by pirates. The woman and her two daughters were released in return for a ransom payment, but the pirates sold the two boys to Prince Selim's (reign 1566–1574) palace in the city of Kütahya. The two brothers, who converted to Islam, took the names Gazanfer and Cafer, and entered into the service of Selim II [23, p. 64].

Gazanfer and Cafer soon distinguished themselves among their peers in the service of the Prince, and got into his inner circle. When he was about to depart for Istanbul from Kütahya, to be crowned upon the death of his father Suleiman the Magnificent in 1566, Selim II, the new sultan, asked the brothers to accompany him to Istanbul and never leave his side. The two brothers were happy to accept the offer, but they had an important decision to make: would they agree to be castrated? Being so close to the Sultan and a part of his personal life came with the condition that they agree to being castrated. Given how unlikely it was for adult men to survive a castration operation, this decision was a very important one indeed. In the end, the two brothers voluntarily made this decision, which meant risking their lives and changed their lives completely, and agreed to be castrated. Following their decision, the two brothers underwent castration operations performed by the head surgeon [9, p. 948–949]. The brothers survived the operations²³, went on to attend the Enderun and served Ottoman sultans for many

²³ Gelibolulu Mustafa Âlî had written that Cafer did not survive the castration operation, but new information found out in recent years make it clear that he did survive the operation and served in the harem for many years. We also know that he served as the Head of the Privy Chamber, and when their mother came to Istanbul upon Gazanfer's invitation, Cafer and his mother visited the Venetian ambassador in Istanbul together. Cafer passed away in late 1582. [23, p. 65–66].

years to come. Moreover, one of the brothers, Gazanfer, climbed the ladder of success very quickly, and in addition to being the Chief Harem Eunuch²⁴, he served as the Head of the Privy Chamber (Hasodabaşı)²⁵ for many years [9, p. 948–949].

Gazanfer Agha later became one of the most important figures in the Ottoman capital and brought first his mother and then his sister and other relatives to Istanbul. His efforts to persuade his mother to convert to Islam were unsuccessful, but his sister did convert. Gazanfer Agha married her sister to a cavalryman (*sipahi*), and through his sister, tried to establish closer ties with the influential women of the harem. Gazanfer Agha, the voluntary eunuch, became an important figure in the Ottoman palace toward the end of the 16th century, with a say on many issues not least on Ottoman-Venetian relations.

REFERENCES

1. Akdemir Hikmet. “Kur’an ve Sünnetin Kölelerin Hadım Edilmesine Yaklaşımı [Castration of Slaves According to Quran and Sunnah]”, *Harran Ü. İlahiyat Fakültesi Dergisi*, year:14, Iss. 21, January-June (Şanlıurfa 2009), p. 29–39.
2. Albertus Bobovius ya da Santuri Ali Ufki Bey’in Anıları Topkapı Sarayı’nda Yaşam, ed. and noted by: Stephanos Yerasimos ve Anne Berthier, translator: Ali Berktaş, İstanbul 2009.
3. Altındağ Ülkü. “Dârüssaâde [The Imperial Harem]”, *TDVİA*, V. 9 İstanbul 1994, pp. 1–3.
4. Altındağ Ülkü. “Has Oda Teşkilatı [Organization of the Privy Chamber]”, *Türk Etnografya Dergisi*, Iss. 14. Ankara, 1974, pp. 97–113.
5. Altıntaş Ayten. “Osmanlı Tıbbında Kastrasyonlar [Castrations in Ottoman Medicine]”, *Türk Üroloji Dergisi*, V. 9, Iss. 3, 1983, pp. 183–188.
6. Çelik Hüsrem. Eski Mezopotamya ve Anadolu Toplumlarında Harem ve Hadımlık Müessesesi [The Institution of Eunuchs in Ancient Mesopotamian and Anatolian Societies], (unpublished Ph.D. thesis), Pamukkale University, Graduate School of Social Sciences. Denizli, 2021.
7. de Marliave Olivier. Hadımların Dünyası – Çağlar Boyunca Hadımlık [The World of the Eunuchs – Eunuchs Throughout the Ages], Doğan Kitap. İstanbul, 2015.
8. Erdoğan Eralp. “Safevi Devleti’nde Harem [Harem in the Safavid State]”, *Türk Tarih Araştırmaları Dergisi*, Year/Vol. 2, Issue/No. 1 Spring (2017), pp. 25–47.
9. Gelibolulu Mustafa Âlî. *Kühû'l-Ahbâr*, Edited by: Ali Çavuşoğlu, TTK Yayınları. Ankara, 2019.
10. Güler Mustafa. Osmanlı Devletinde Haremeyn Vakıfları (16–17. Yüzyıllar [Mecca and Medina Foundations in the Ottoman Empire]), Tarih Ve Tabiat Vakfı Yayınları. İstanbul, 2009.
11. Görez Feyza. Çin Tarihinde Hadım Olgusu ve Hadımların Hanedanlık Yönetim Sistemindeki Etkileri [The Phenomenon of Eunuchs in Chinese History and the Influence of Eunuchs on Dynasty Rule], (unpublished Ph.D. thesis) Ankara University, Graduate School of Social Sciences. Ankara, 2017.
12. Hathaway Jane. *The Chief Eunuch of the Ottoman Harem From African Slave to Power-Broker*, Cambridge University Press, United Kingdom, 2018.

²⁴ Chief Harem Eunuchs (Babüsaade Ağaları) were the highest-ranking officials in the Enderun section of the Topkapı Palace. They were selected from among white eunuchs, or *akağalar*. [26, p. 142].

²⁵ Heads of the Privy Chamber with the sultan day and night, and served him at all times. In the Ottoman world, where one’s position within the state hierarchy was determined by proximity to the sultan, the Privy Chamber in Enderun was one of the most important centers of power. For more information, [4, p. 97–113].

13. Hathaway, Jane. Beshir Agha Chief Eunuch of the Ottoman Imperial Harem, Oxford, 2005.
14. Kañçal-Ferrari Nicole. Kırım'da Kalan Miras Hansaray [Hansaray, Heritage Left in Crimea]. İstanbul, 2005.
15. Karakoç Yıldız. Palace Politics and The Rise of the Chief Black Eunuch in the Ottoman Empire, (unpublished master's thesis), Boğaziçi University. İstanbul, 2005.
16. Kelnner-Heinkele Barbara. Aus den Aufzeichnungen des Said Giray Sultan, Eine Zeitgenössische Quelle zur Gesschichte des Chanats der Krim um die Mitte des Jahrhunderts. Freiburg, 1975.
17. Kırım Yurtına ve Ol Taraflarga Dair Bolgan Yarlıglar ve Hatlar [Edicts and Letters in Crimean Tatar 1520–1742], V. I. (Edited by: Vladimir Vladimiroviç Velyaminov-Hüseyin Feyzhanov, Turkish edition by: Faysal Okan Atasoy. Ankara, 2017.
18. Köprülü Fuad. “Türk ve Moğol Sülalelerinde Hanedan Azasının İdamında Kan Dökme Memnuiyeti” [Prohibition of Shedding Blood in Executions of Members of Ottoman and Mongol Dynasties], *İslâm ve Türk Hukuk Tarihi Araştırmaları ve Vakıf Müessesesi*. İstanbul, 1983, pp. 71–79.
19. Kravets Maryna. “Blacks Beyond The Black Sea: Eunuchs in the Crimean Khanate”, in *Slavery, Islam and Diaspora*, edited by Behnaz A. Mirzai, Ismael Musah Montana, and Paul E. Lovejoy, Trenton, NJ (2009), pp. 21–36
20. Halim Giray. *Gülbün-ü Hânân (Kırım Hanları Tarihi) Değerlendirme-Metin-Tıpkıbasım [History of Crimean Khans – Critique-Text-Facsimile]* Ed. Alper Başer-Alper Günaydın. İstanbul, 2013.
21. Özdemir Mehmet Nadir. İslâm'ın İlk Döneminde Kölelik (Abbasilerin İlk Yüzyılı) [Slavery in the Early Ages of Islam (The First Century of Abbasid Rule), Gökkuşbu Yayınları. İstanbul, 2006.
22. Peirce Leslie P. Harem i Hümayun Osmanlı İmparatorluğu'nda Hükümlanlık ve Kadınlar [The Imperial Harem: Women and Sovereignty in the Ottoman Empire], translated by: Halil Berktaş, Tarih Vakfı Yurt Yayınları. İstanbul, 2012.
23. Ocakacan Levent Kaya. Geç 16. ve Erken 17. yy'da Osmanlı Devleti'ndeki Patronaj İlişkilerinin Gazanfer Ağa Örneği Üzerinden Venedik Belgelerine Göre İncelenmesi [Analyzing the Ottoman Patronage Networks in Venetian Documents at Late 16th and Early 17th Centuries in the Case of Gazanfer Agha], (unpublished Ph.D. thesis), Marmara University, Graduate School of Social Sciences. İstanbul, 2016.
24. Özyaydın Abdülkerim, Bozkurt Nebi. “Harem”, *TDVİA*, V. 16. Ankara, 1999, pp. 132–135.
25. Öztürk Nazif. “Evkâf-ı Hümayun Nezâreti [The Ministry of Imperial Foundations]”, *TDVİA*, V. 11. İstanbul, 1995, pp. 521–524.
26. Pakalın Mehmet Zeki. Osmanlı Tarih Deyimleri ve Sözlüğü [Dictionary of Ottoman Historical Terms and Phrases] V. I, MEB Yayınları. İstanbul, 1983.
27. Penzer Norman Mosley. *Harem*, Alfa Yayınları. İstanbul, 2015.
28. Said Giray Sultan. *Tarih-i Said Giray Han*, Staatsbibliothek Berlin, no. HS. or.923.
29. Sarı Sema Aktaş. 3A-3B Numaralı, 1648–1679 Tarihli Kırım Kadiasker Defterlerine Göre Kırım'da Sosyal Ve Ekonomik Hayat [Social and Economic Life in Crimea According to Crimean Kadiasker Books No. 3A-3B, Dated 1648–1679]. (unpublished master's thesis), Sakarya University, Graduate School of Social Sciences. Sakarya, 2016.
30. Taneri Aydın. “Hadım [Eunuch]”, *TDVİA*, V. 15. Ankara, 1997, pp. 1–3
31. Tavernier Jean-Baptiste. 17. Yüzyılda Topkapı Sarayı. Çev. Teoman Tunçdoğan. İstanbul, 2014.
32. Ürkündağ Ayhan. *Darüssaade Ağası Hacı Beşir Ağa ve Hayratı [Chief Harem Eunuch Hacı Beşir Ağa and His Life]*, (unpublished Ph.D. thesis), Afyon Kocatepe University, Graduate School of Social Sciences. Afyonkarahisar, 2017.
33. Yaran Rahmi. “Hadım (Fıkıh) [Castration (Islamic Law)]”, *TDVİA*, V. 15. Ankara, 1997, p. 3.

34. Yazıcı Nesimi. İlk Türk-İslâm Devletleri Tarihi [History of the First Turkish-Islamic States], Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları. İstanbul, 2014.

35. Yiğit Fatma Akkuş. “Memlûk Devleti’nde Hareme Dair Bazı Tespitler” [Some Observations Regarding the Harem in the Mamluk State], *XVII. Türk Tarih Kongresi (September 15–17, 2014) Kongreye Sunulan Bildiriler, V. 3 (Selçuklu Devleti Ve Beylikler Dönemi Tarihi)*, TTK Yayınları. Ankara, 2018, pp. 101–110.

36. Uzunçarşılı İsmail Hakkı. “Gazi Orhan Bey Vakfiyesi 724 Rebiülevvel–1324 Mart [Ghazi Orhan Bey’s Charter Rabi al-Awwal 724/March 1324]”. *Belleten*, V. V/19 (1941), p. 277–288.

37. Peyssonnel Claude-Charles. *Traité sur le commerce de la Mer Noire*. Vol. 2. Paris, 1787.

About the authors: Ayhan Ürkündağ – Ph.D., History teacher, Ministry of National Education (Usak, Turkey); ORCID: 0000-0001-7101-8142. E-mail: aurkundag@gmail.com

Alper Başer – Ph.D., Historical Faculty, Afyon Kocatepe University (Ahmet Necdet Sezer Kampüsü Merkez, Gazlıgöl Yolu, 03200, Afyonkarahisar Merkez/Afyonkarahisar, Turkey); ORCID: 0000-0002-1700-7474. E-mail: baseralperhidayet@gmail.com

Received August 26, 2023

Accepted for publication November 25, 2023

Published December 29, 2023

В ПОИСКАХ ХРАНИТЕЛЕЙ КОРОЛЕВСКОЙ КРОВИ: НАБЛЮДЕНИЯ ПО ПОСТАВКЕ ЕВНУХОВ В ГАРЕМ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ И ДОКУМЕНТОВ

Айхан Юркундаг¹, Альпер Башер²

¹ *Министерство национального образования
Ушак, Турция
aurkundag@gmail.com*

² *Университет Афьон Коджатепе
Афьонкарахисар, Турция
baseralperhidayet@gmail.com*

Целью данного исследования, посвященного процессу снабжения евнухами, составлявшими часть структуры гарема в Османской империи и Крымском ханстве, является определение того, как осуществлялась поставка евнухов во дворец султана или хана.

Материалы исследования. Основным источником этого исследования являются документы, хранящиеся в Департаменте Османских архивов Государственного директората при Президенте Турецкой Республики. На основе этих документов были изучены и проанализированы османские и крымские хроники исследуемого периода.

Результаты и научная новизна. И Османская империя, и Крымское ханство вскоре после основания своих государств создали структуру гарема и начали использовать евнухов. Евнухи, или как их еще называли – кастраты, составляли костяк структуры гарема. Выяснилось, что основным способом снабжения гарема евнухами была их покупка у специализированных торговцев. Оба государства прилагали уси-

лия по выявлению детей, потерявших мужественность по естественным причинам, и трудоустройству их в гареме. В истории Османской империи отмечается редкий случай добровольной кастрации Газанфера и Кафер Агаса, которые таким образом хотели приблизиться к султану Селиму II. Османская администрация уделяла особое внимание социальным, а также физическим характеристикам нанимаемых евнухов и, например, предпочитала, чтобы они изучали турецкий язык в османском гареме. Было также замечено, что Крымское ханство придавало большое значение организации гарема, как и в Османской империи. Однако выяснилось, что институционализация в организации гарема была слабее, чем у османов, и, что по крайней мере некоторые из евнухов, приближенных к хану, покинули дворец после свержения хана. Выяснилось также, что иногда информация в первоисточниках противоречит документам, подготовленным бюрократическими органами того периода. Установлено, что в рамках высокой османской культуры особое внимание уделялось формированию евнухов, а те, кто каким-либо образом утратил мужественность, даже если они были мусульманами, теряли свою индивидуальную идентичность и превращались в офицеров, принадлежащих государству.

Ключевые слова: история, документы, Османская империя, Крымское ханство, евнух, гарем, рабство

Для цитирования: Ürkündağ A., Başer A. Finding the Guardians of Toyal Blood: Observations on the Supply of eunuchs to the Harem in the Ottoman Empire and the Crimean Khanate through case studies and documents // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 902–917. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.902-917 EDN: WSMNIZ

Сведения об авторах: Айхан Юркундаг – Ph.D., преподаватель истории, Министерство национального образования (Ушак, Турция); ORCID: 0000-0001-7101-8142. E-mail: aurkundag@gmail.com

Альпер Башер – Ph.D., исторический факультет, Университет Афьон Коджатапе (Афьонкарахисар, Турция); ORCID: 0000-0002-1700-7474. E-mail: baseralperhidayet@gmail.com

Поступила 26.08.2023

Принята к публикации 25.11.2023

Опубликована 29.12.2023

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СТЕРЕОТИПОВ ОБ ИНОЗЕМЦАХ И ЯСАКЕ В РОССИИ XVI–XVII ВВ.

Г.Х. Самигулов

*Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
Челябинск, Российская Федерация
gayas_@mail.ru*

Целью исследования является рассмотрение некоторых достаточно активно используемых стереотипов и их обоснованности.

Материалы исследования: Поводом к написанию предлагаемой статьи публикации стала работа А.Ю. Конева «Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков», а материалом послужили опубликованные и вновь выявленные архивные материалы.

Результаты и научная новизна. В рамках настоящей статьи можно выделить два сюжета о стереотипах, достаточно разных по характеру, но касающихся, в значительной степени, одной группы населения России XVI–XVIII вв. – ясачных людей или ясачных иноземцев. Согласно первому, некрещеное нерусское население Российского государства не относилось к подданным русского царя, или относилось не в полной мере. Никаких реальных обоснований этой точки зрения авторы обычно не приводят, а если пытаются писать что-то, то указывают на ограничения, касавшиеся некрещёных ясачных и служилых людей и на крещение, как на способ получения дополнительных преференций (реализации социального лифта). При этом, если мы обратимся к документам первой половины и середины XVIII в., то увидим, что у чиновников и ученых того времени не было никаких сомнений в том, что ясачное некрещёное население является русскими подданными с момента вхождения их территорий в состав Московского государства. С большой долей вероятности мы можем признать, что формирование этого стереотипа восходит к периоду преобладания идеологии «Самодержавие, Православие, Народность» и является результатом экстраполяции на ситуацию XVI–XVII вв. представлений второй половины XIX в. Второй стереотип менее явный, но достаточно серьёзный. Он заключается в игнорировании информации, содержащейся в огромном пласте документов XVI–XVII вв., а именно указаний на то, что ясак взимался с вотчин, и основанием для уплаты ясака было наличие вотчинных земель. Верно и обратное – уплата ясака давала права на вотчинные земли. Эта информация содержится в царских указах, наказах воеводам, то есть законодательных документах. Но до настоящего момента основная масса специалистов, занимающихся вопросами истории Поволжья, Урала, Сибири просто не замечает этих мест в документах. Это своеобразный стереотип игнорирования очевидного. Между тем, исходя из текста этих документов, очевидно, что рассматривать ясак можно только имея в виду статус земель, с которых он выплачивался, обозначенный в источниках. Научная новизна исследования в значительной степени заключается в попытке прочтения и трансляции источников (зачастую давно опубликованных и хорошо известных) так, как они есть, отбрасывая «фильтры», формируемые историографической традицией.

© Самигулов Г.Х., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: история, иноземцы, ясак, вотчина, владение, указ, оброк, поместье

Для цитирования: Самигулов Г.Х. Скромное обаяние современных стереотипов об иноземцах и ясаке в России XVI–XVII вв. // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 918–933. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.918-933 EDN: ZVHQSE

THE HUMBLE CHARM OF MODERN STEREOTYPES ABOUT FOREIGNERS AND YASAK IN RUSSIA DURING THE 16TH – 17TH CENTURIES

G.Kh. Samigulov

*South Ural State University
(National Research University)
Chelyabinsk, Russian Federation
gayas_@mail.ru*

Abstract: Research objectives: The main purpose of the study is to consider some fairly actively used stereotypes and their validity.

Research materials: The reason for writing the proposed publication article was the work of A.Yu. Konev “The phenomenon of ‘foreignism’, yasak and gift exchange: the peoples of the Volga region, the Urals and Siberia in Russia at the end of the 16th – beginning of the 18th centuries.” Published and newly discovered archival materials were its source basis.

Results and novelty of the research: Within the framework of this article, we can distinguish two plots about stereotypes, quite different in nature, but relating, to a large extent, to one group of the population of Russia in the 16th–18th centuries – yasak people or yasak foreigners. According to the first stereotype, the unbaptized non-Russian population of the Russian state were not among the subjects of the Russian tsar, or at least not to the full extent. The authors usually do not provide any real justification for this point of view, but if they try to do so, they point to restrictions regarding unbaptized yasak and service people and to baptism as a way to obtain additional preferences (implementing a rise in social standing).

At the same time, if we turn to the documents of the middle of the 18th century, we will see that officials and scientists of that time had no doubts that the yasak unbaptized population were Russian subjects from the moment their territories became part of this state. With a high degree of probability, we can admit that the formation of this stereotype dates back to the period of the predominance of the ideologeme "Autocracy, Orthodoxy, Nationality" and is the result of extrapolation to the situation of the 16th–17th centuries representations of the second half of the 19th century.

The second stereotype is less obvious, but quite serious. It consists of ignoring the information contained in a huge layer of documents of the 16th–17th centuries, namely, indications that yasak was collected from estates, and the presence of patrimonial lands was the basis for paying yasak. The reverse is also true – the payment of yasak gave rights to patrimonial lands. This information is contained in tsars’ decrees, orders to governors – that is, legislative documents.

But until now, the bulk of specialists dealing with the history of the Volga region, the Urals, and Siberia simply did not notice these places in the documents. This is a kind of stereotype of ignoring the obvious. Meanwhile, based on the text of these documents, it is obvious that yasak can be considered only bearing in mind the status of the lands from

which it was paid, indicated in the sources. This is true for territories from the Volga region to Central Siberia. Obviously, the time has come to change approaches to these issues.

The scientific novelty of the study lies largely in the attempt to read and translate sources (often long published and well-known) as they were, discarding the “filters” formed by the historiographical tradition.

Keywords: History, foreigners, yasak, votchina, estate, edict, servage, mansion

For citation: Samigulov G.Kh. The humble charm of modern stereotypes about foreigners and yasak in Russia during the 16th–17th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 918–933. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.918-933 (In Russian)

Предлагаемая статья является продолжением дискуссии, начатой мной четыре года назад и ответом на публикацию А.Ю. Конева «Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков» [7]. В первую очередь хотелось бы поблагодарить моего оппонента за формулировку и аргументацию позиций по «иноземцам» и ясаку, изложенные в рассматриваемой статье. Остальное в тексте ниже.

Настоящая публикация не носит характера повествования, это, скорее, критический разбор ряда замечаний, положений и утверждений А.Ю. Конева. Объём настоящей публикации ограничен, поэтому разбору будут подвергнуты отдельные положения и сюжеты статьи уважаемого Ю.А. Конева. Прошу извинить – на полный обзор статьи не хватит объёма никакой журнальной публикации.

Замечание А.Ю. Конева, которое акцентирует внимание на достаточно важном моменте: «мое мнение о том, что статус сибирского ясачного населения не был четко определен в нормативно-правовых документах XVII в. и критика тезиса Л.И. Шерстовой о немедленной, «с самого начала присоединения Сибири», инкорпорации аборигенов в социально-экономическую структуру государства не означают, что я полагаю, будто ясачное население не было включено в социальную систему Российского государства вовсе, как пишет Г.Х. Самигулов; просто мы имеем дело не с единовременными акциями, а с процессом. Мое скептическое отношение к факту существования сословий в Московском царстве XVI–XVII вв. и выведение за пределы тогдашней иерархии «чинов» сибирских «иноземцев» также не дают оснований делать за меня вывод о «невключенности» последних в российскую социальную структуру. Вопрос в механизмах и особенностях этого включения. К тому же «чинами» не исчерпывалось все многообразие социальных категорий в России того времени» [7, с. 763]. Основанием для моего вывода послужил конкретный тезис А.Ю. Конева, от которого он, кстати, не отказался: «Словосочетание «ясачные иноземцы», на мой взгляд, само по себе выводило автохтонное население за рамки чиновного деления Московской Руси. Войти в него «ясачному человеку» можно было только приняв крещение, верстаясь затем в число служилых людей или пребывая на положении холопов у русских» [8, с. 139]. Очень сложно трактовать эту фразу иначе, как признание ясачных иноземцев людьми, бывшими вне социальной структуры Российского государства, поскольку словом «чины» обозначались социальные страты российского общества того времени. Фраза «всех чинов люди» означала всё правоспособное население государства. То есть А.Ю. Конев чётко и ясно обозначил, что «на его взгляд», ясачные иноземцы не входили в социальную структуру Московской Руси – мне совершенно не ясно, в каком месте я делаю вывод за Алексея Юрьевича. И далее по поводу процитированного пассажа по пунктам:

1. Я на примерах из документов XVII в. показал, что ясачные люди (ясачные иноземцы) составляли один из чинов Российского государства [15, с. 348]. Продублирую фрагмент одного из документов, 1640 г., царская грамота уфимскому воеводе Ивану Салтыкову о запрещении всяких чинов людей держать в холопстве по закладным кабалам...: «которые всяких чинов люди, крещены и не крещеные, наперед сего жили и ныне живут в закладах у всяких чинов людей, велеть жить тяглым в тягле, а ясашным в ясаке, по прежнему...» [4, с. 271]. Из приведённого фрагмента царского указа ясно, что некрещёные ясачные люди входили в состав чинов Московского государства. Таким образом, процитированный тезис А.Ю. Конева был дезавуирован, поскольку была показана несостоятельность основного посыла. Тем не менее, Алексей Юрьевич воспроизвёл эту формулу в своём докладе на конференции в Казани весной 2021 г.

2. «Процесс» упоминаемый А.Ю. Коневым уже не в первый раз, им совершенно не описан, разве что мы должны воспринимать как описание процесса ту схему, которую он указал в цитированном фрагменте про иноземцев. Но в таком случае уважаемый оппонент описал не процесс включения ясачных иноземцев как таковых в социальную структуру Российского государства, а процесс их перехода в другое состояние, как он сам же и пишет, т.е. в группы служилых людей или холопов у русских. При этом, повторяюсь, прописанная оппонентом схема изначально бессмысленна, поскольку ясачные люди входили в число чинов Российского государства.

3. Указывать холопов в качестве группы, войдя в которую (бывшие) ясачные иноземцы якобы становились частью чиновного мира России, как минимум странно, поскольку холопы как раз к чинам Российского государства не относились – не служили, не платили податей, не приносили присягу. Они были собственностью своего хозяина. Очень странный путь вхождения в социальную структуру для людей, которые, будучи ясачными иноземцами, приносили присягу (шерть), платили ясак.

4. Фразу Алексея Юрьевича *«К тому же «чинами» не исчерпывалось все многообразие социальных категорий в России того времени»* мне очень сложно понять/объяснить поскольку: а) этот пассаж имел бы смысл, если бы это я в своей статье настаивал на использовании слова «чин» для обозначения социальных страт Российского государства. Но в реальности именно А.Ю. Конев использовал фразу *«Словосочетание «ясачные иноземцы», на мой взгляд, само по себе вывело автохтонное население за рамки чиновного деления Московской Руси»*, поэтому это примечание выглядит как минимум странно; б) уважаемый оппонент не привёл в своей работе других систем социальных категорий, подобных чинам, существовавших в России того времени.

Ещё один фрагмент из работы уважаемого оппонента: *«заслуживает внимания затронутый Г.Х. Самигуловым вопрос о связи понятия ясака и «службы», ясака и «вотчинных прав» на угодья, находившихся во владении автохтонов. Напомню, что на материалах Западной Сибири XVII в. к этой теме обращался В.И. Шунков. Но рассматривать данный сюжет в контексте критики тезиса о «невключенности» ясачного населения в структуру Русского государства, как уже было отмечено выше, не имеет особого смысла»* [7, с. 763].

Напомню, что моя статья называется «Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен», а вопрос «включённости/невключённости» ясачного населения в структуру Российского государства даже не выделен в особый раздел [15, с. 348–350]. «Неуместный» сюжет о ясаке, вотчинах ясачных людей и их месте в социальной структуре Российского государства составляет отдельный раздел статьи с названи-

ем «Что такое ясак и кто такие ясачные люди» [15, с. 350–362]. Вообще, оппонент трижды в своей статье подчеркнул, что моя статья посвящена именно теме «*критики тезиса о «невключенности» ясачного населения в структуру Русского государства*». На самом деле статья посвящена совершенно другому, о чём ниже.

«На мой взгляд, имеет смысл обсуждать не «отсутствие»/«присутствие» ясачных и иных «иноземцев» в структуре России XVI–XVII вв., а исследовать вопросы о специфике и эволюции их положения в системе формирующейся империи, о содержании и значении термина «иноземцы» применительно к нерусскому населению окраин, расширяя хронологию до середины XVIII в. В этом контексте логично продолжить дискуссию и о правомерности применения сословной парадигмы при изучении социально-правового статуса «ясачных людей» в России второй половины XVI–XVII вв.» [7, с. 763–764].

Тот самый раздел «Что такое ясак и кто такие ясачные люди» как раз посвящен предварительным изысканиям места ясачных иноземцев в социальной структуре российского общества, дифференцированности понятий «ясак» и «ясачные люди» в практике XVII–XVIII вв., краткому обзору юридических документов, в которых отображены права и обязанности ясачного населения, некоторым особенностям вотчинного землевладения «иноземцев» в Поволжье сравнительно с ситуацией на Урале и в Западной Сибири; и даже хронологические рамки документов, использованных в ней, охватывают период до середины XVIII в. И основное содержание моей статьи именно констатация наличия вотчинного землевладения ясачных людей от Поволжья до Сибири и жёсткой связи обязанности платить ясак с правом (привилегией) владеть вотчинными землями. Что касается сословной парадигмы, то никто до сих пор не обосновал её неуместность и этого достаточно.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Иноземцы: кто и где

Проанализировав указы казанским воеводам, опубликованные В.Д. Дмитриевым уважаемый оппонент пришел к выводу, что «словом иноземцы в Поволжье XVII в. обозначались «литва», «немцы», и «черкасы», и возможно, татары из числа «служилых». При этом ясашные люди обозначены как особая группа наряду или в противопоставлении «иноземцам», нередко получая этнонимическую конкретизацию» [7, с. 768]. Эти рассуждения А.Ю. Коневым используются для формального обоснования весьма спорного утверждения, что использование понятия «иноземец» в отношении ясачного (в первую очередь) населения характерно именно для Сибири, а присутствие его в документах, касающихся европейской части России ничтожно. При этом в рассматриваемой А.Ю. Коневым моей работе было показано, что в публикации П.И. Игнаткина, на которую опирался уважаемый оппонент в одной из своих статей, половина упоминаемых случаев использования понятия «иноземцы» относится к Приуралью, а не к Сибири [15, с. 346]. Кроме того, в той же статье я привёл выдержку из документа конца XVII в., где слово «иноземцы» использовано именно в отношении поволжского ясачного населения [15, с. 347]. Приведу ещё подборку выдержек из разных документов, касающихся европейской части Московского государства XVII – начала XVIII в.:

1647 г.: Указ царя Алексея Михайловича Романовскому воеводе А.А. Малышкину: «...и ты б романовских татар и иных никаких иноземцов силно в православную христианскую веру крестить не велел» [4, с. 118–119]. Октябрь 1661 г.: «...отпущены из Астарахани на государевом бусе за море на Караганское пристанище Астараханские посадские и верховых городов торговые люди и иноземцы с

товарами... и как Русские торговые люди, и стрельцы, и пушкари, и Юртовские Татаровя учнут в бусу грузитца...» [5, с. 257–258]. Май 1687 7.: «Ехать, из Астарахани, за море на Караганскую пристань Великих Государей на бусе, а на той бусе отпущены Верховых городов и Астараханские торговые Русские люди и иноземцы с товары, для торгу» [1, с. 265]. 1670 г., доездная грамота: ««И буде кто скажет, что та земля в есак и в поместье или служилым татаром или кому на оброк отдана, и у тех людей иматъ особы сдушевныя скаски за руками, а у иноземцев за их знамены» [9, с. 48]. 1688 г., владенная запись Алатырский уезд: «про ту порозжую землю велено сыскать большим повальным обыском, многими людьми, всякими сыски накрепко, русскими по святой непорочной евангельской заповеди Господней, а иноземцы по их вере, по шерти» [10, с. 164]. 1697 г.: «Окольнічему и воеводам князю Петру Лукичу с товарищи, будучи в Казани, проведывать в иноземцах тайно между ними шатости и измены; и буде в измене станут на кого извещать, и Окольнічему и Воеводам по явным подлинным извѣтам, кто на кого известит измену и шатость, посылать дворян добрых и знающих и безкорыстных, кому б можно верить, и велеть тех людей приводить в Казань» [12, с. 297]; ««Которые купчины всякие из-за моря и иноземцы и Астраханские жители иноземцы ж и Астраханцы, которые будут посланы с ними в приставах...» [12, с. 302]; ««На Мензелинских иноземцах с бобровых гонов и с рыбных ловель оброку 8 рублей 31 алтын 4 геньги» [12, с. 308]. Наказ Курмышскому воеводе 1701 г.: «А курмышан дворян, и детей боярских, и всяких русских, и жилецких людей, мурз, и татар, и черемису в управных во всяких делах судить и расправу меж ими чинить по указу Великого Государя и вправду безволокитно. А с судных дел пошлыны, и пересуд и правой десяток иматъ с русских людей и с иноземцев по указу Государя и по Уложенной книге 156 (1648) году» [9, с. 19] и т.д.

Таким образом, выражение «иноземцы» в действительности вполне использовалось для обозначения как служилого, так и ясачного нерусского населения Поволжья и Урала в XVII – начале XVIII в., и ограничивать территорию использования этого понятия только Сибирью нет никаких оснований.

Подданство

Достаточно примечательны рассуждения о подданстве, приведенные в работе А.Ю. Конева. Точнее, это не рассуждения, а компиляция мнений нескольких авторов: «П.С. Шаблей заключает, что в XV–XVII вв. институт подданства в Руси/России был лишен «четкой, сугубо правовой, определенности». Представление о подданстве связывалось с «покорностью царю и признанием легитимности его власти», и само по себе присоединение «ещё не означало установления подданства в правовом смысле». И.Г. Шауро обосновала положение о том, что в России ко второй половине XVI века термин «подданство» приобрел новое содержание и означал уже не крепостную зависимость, как ранее, а принадлежность к населению страны. До конца XVII в. «государство отдавало предпочтение крещению в православие, как способу принятия подданства», хотя существовал и второй путь – «натурализация в форме присяги на верность», при этом нормативного акта, регулировавшего принятие подданства, выработано не было. Т.А. Опарина полагает, что в XVI–XVII вв., «не сделав новых подданных членами русской церкви, правительство не приравнило их к русским гражданам. Иновѣрцы подданными в полном смысле этого слова так и не становились» [7, с. 765].

Что касается позиции Т.А. Опариной, то она была рассмотрена в моей предыдущей статье [15, с. 348–350] и дублировать здесь ту аргументацию не имеет смысла. Можно лишь констатировать, что никаких обоснований тезиса о «неполном подданстве» иноземцев в её работе нет.

Остановлюсь подробнее на исследовании И.Г. Шауро «Возникновение и развитие института подданства в России в XVI – начале XX вв.» [21], как к «профильному» исследованию по рассматриваемой в данной ситуации теме. Я обратился к полному тексту исследования, поскольку автореферат диссертации [22], к которому апеллирует А.Ю. Конев, не содержит подробной аргументации, а лишь общее изложение содержания и выводы, что вполне естественно.

Итак, И.Г. Шауро в своем исследовании пишет «Анализ правового статуса российского подданного позволяет сделать вывод, что подданный – это субъект, который обладает определенными правами (например, правом собственности, правом торговли, правом образования городских и сельских обществ, правом доступа к государственной службе) и обязанностями (например, соблюдать законы, уплачивать предусмотренные налоги и иные платежи). В свою очередь, государство, осуществляя исключительную и безусловную власть над подданным, оказывает ему защиту на Родине и в пределах других государств» [21, с. 24]. Далее она определяет признаки подданства: «юридическая природа (характер правоотношения); устойчивость во времени и пространстве; всеобъемлемость; дифференцированность взаимных прав, обязанностей и ответственности подданного и государства» [21, с. 27].

А относительно подданства иноверцев просто сообщает: «Необходимо отметить, что вплоть до XVIII века крещение в православную веру считалось основным способом вступления в русское подданство» [21, с. 54]. И всё. И.Г. Шауро нигде не приводит пояснения: на основании каких признаков она делает вывод о том, что не крещеные «внутренние иноземцы» не являлись подданными. Нет анализа соответствия или несоответствия положения ясачного или служилого некрещеного населения сформулированным ей признакам подданства.

Правда, в работе есть цитаты из документов, которые показывают, что крещение могло сыграть роль социального лифта – освобождение (временное) от налогов, возможность вхождения в состав Государева двора (для мурз), получение поместных и денежных окладов и т.д. [21, с. 90–92]. Эти документы говорят именно о поощрении принятия православия, что вполне понятно в стране, где православие было государственной религией. По большому счёту, эти доводы в основном повторяют те, что приведены в работе Т.А. Опариной.

Кому-то может показаться, что это и вправду аргументация, но сама же И.Г. Шауро пишет: «Особую часть подданных Российской Империи составляли крестьяне. По существу они являлись самым многочисленным и самым бесправным сословием. Применительно к ним сложно говорить о какой-либо совокупности прав и обязанностей. Их судьба была долгое время в руках помещика, являющегося для крестьянина "государством". Крестьяне не имели практически никаких прав, и тем более привилегий. Имеющиеся же права не всегда могли реализовать. Соответственно в отношении них у государства не было определенных обязанностей» [21, с. 24–25]. С таким описанием довольно сложно согласиться, учитывая, что в XVII в. далеко не все крестьяне были крепостными, но здесь важна трактовка: православные крестьяне, не обладающие практически никакими правами – это подданные, а ясачные, либо служилые неправославные люди, обычно имеющие привилегии в отношении земли, подданными не являются. Никаких объяснений такой трактовке, повторяю ещё раз, в работе не даётся. Мы должны просто принять это на веру.

Перейдём к работе П.С. Шаблея, на которую также ссылается А.Ю. Конев: «В XV–XVII веках отсутствие единообразного стандарта управления составными частями государства, равно как и ситуационно обусловленные различия в прак-

тике государственно-правовой «кооптации» народов лишали институт подданства в Руси / России чёткой, сугубо правовой, определённости... Таким образом, присоединение само по себе ещё не означало установления подданства в правовом смысле. Отношения подданства, особенно для башкир и народов Сибири, формировались на протекторатной основе, но по мере усиления военного, социально-экономического и политического присутствия России в национальных регионах заключённые на этой основе двухсторонние соглашения о защите и покровительстве, сохранении суверенных прав и институтов рушились» [20, с. 116–117]. У меня в связи с этим текстом сразу возникло много вопросов: как вообще можно судить об установлении или не установлении подданства в «правовом смысле», если «институт подданства» лишен «четкой, сугубо правовой определенности»? Что такое «подданство на протекторатной основе»? Протекторат, это отношения между двумя государствами, и следует ли из этих выкладок автора, что существовало государство Башкирия, с которым Московский царь заключал договор? Были какие-то государства в Западной Сибири после поражения Сибирского ханства, с которыми были заключены договоры? Мне такие факты неизвестны. Какие двухсторонние соглашения имеет в виду автор? То есть, здесь также нет никаких реальных обоснований, а весьма спорные рассуждения умозрительного характера.

В целом складывается такое ощущение, что современные представления о подданстве в России XVI–XVII вв. сложились в российской исторической науке в XIX в. под изрядным воздействием идеологемы «Православие, Самодержавие, Народность» и фактически являлись экстраполяцией на ситуацию Московского государства установок, сформировавшихся в Российской империи в течение первой половины XIX вв.

П.С. Шаблей в своей статье цитирует дореволюционную работу В.М. Гессена: «В то же время утверждалась вполне конкретная национально-государственная идентичность: «быть подданным – значит быть православным; стать подданным – значит креститься в православную христианскую веру» [20, с. 116; 3, с. 203]. В.М. Гессен является так же одним из «источников» работы И.Г. Шауро. А Гессен, в свою очередь, ссылается на работу Д.С. Цветаева [17, с. 7]. Причем эта работа Д.С. Цветаева посвящена иноземцу из «немцев» и Немецкой слободе в Москве. В целом он занимался именно иноземцами-европейцами – католиками и протестантами – и именно этой теме посвящены его основные исследования [18; 19], а это совершенно иная группа населения, нежели жители территорий, вошедших в состав Московского государства в процессе его расширения на восток. О каких-то серьёзных исследованиях в отношении истории внутренних иноземцев, проведённых Д.С. Цветаевым, мне не известно. В.М. Гессен в своём историко-юридическом труде использовал выводы Д.С. Цветаева, распространив их на внутренних иноземцев, очевидно, в связи с отсутствием других работ, пригодных для использования.

Для того, чтобы проиллюстрировать, что подобное восприятие сформировано в действительности идеологическими установками второй четверти – середины XIX в. и ещё веком раньше этот вопрос воспринимался совершенно иначе приведу пару выдержек из источников середины XVIII в.: Рапорт Туринской воеводской канцелярии 1764 г.: «по справке находящие в ведомстве Туринской воеводской канцелярии яшашные крещенные татары во владении своем имеют пашенные земли, и сенные покосы и протчия угодыя по старинному их на тех землях заселению, как они ещё до взятая Сибири и их к российскому подданству и до заведения города Туринска население русских жительствовали и те землями,

сенными покосами и прочими угодами владели без всяких им дач, но почитая они те земли... все своими природными, как то и доньше они имеют, с которых они платят в казну только один положенный на них ясак...»¹. Или из работы П.И. Рычкова: «Нынешние башкирцы... после Казанского взятия спустя года с три, и тако около 1555 году в российское подданство пришли, и за то не токмо те земли, коими они прежде подданства своего владели... И понеже при вступлении их в подданство ...» [14, с. 25]. Цитаты можно продолжить, но смысла не вижу.

Как видим, в XVIII в. чиновники не сомневались, что ясачные иноземцы являются подданными московского царя, причём являются ими с момента включения территорий в состав Московского государства, в одном случае в 1555 г. (по мнению П.И. Рычкова), в другом момент принятия местными татарами русского подданства приурочен к «взятию Сибири». Разумеется, принятие ими подданства состоялось после принесения ими шерти, о чём ниже.

Таким образом, что бы ни писал А.Ю. Конев, речь у него идёт вовсе не о представлениях о подданстве, существовавших (сложившихся) в России конца XVI–XVII вв., а о его собственных и представлениях процитированных им авторов.

Приведу две цитаты: «Особо оговорим, что это слово (иноземцы – Г.С.) не будет заключаться в кавычки (как это часто делается в исторической литературе), поскольку применительно к обществу Московской Руси в рассматриваемые хронологические рамки оно являлось равно таким же названием-определителем социальной группы, как, например, служилые, посадские и промышленные люди, купцы, дворяне, дети боярские (а эти слова-определители в научной исторической литературе не закавычиваются)» [6, с. 31]; «Историческое значение практики шертования заключалось в следующем: с помощью приведения к присяге народы Сибири переходили из категории «чужих», «иностранцев», «изменников» в категорию «подданных»; соответственно, и территории их проживания становились собственностью-вотчиной царя (по аналогии с европейской частью России). Факт развития присяги сибирских иноземцев в тесной связи с практикой крестоцелования – присягой православного населения – свидетельствует о формировании в XVII в. общегосударственного представления о подданстве» [16, с. 26].

Таким образом, А.С. Зуев, П.С. Игнаткин и В.А. Слугина достаточно чётко сформулировали свою точку зрения: после принесения шерти иноземец являлся подданным, само слово иноземец является определением социальной группы наряду с такими понятиями, как посадские, дворяне и т.д.

«Сам по себе факт регулярной сдачи ясака «окладом» не был исчерпывающим признаком преодоления «иноземческого» состояния. Сибирский приказ в конце XVII в. разъяснил, что «в державе Великого Государя Московского государства ... всяких чинов православные христиане и разные иноземцы с земель и с угодьев подати», в том числе «мяхкую рухлядь», платят «неотложно», ибо во всех странах и «природный человек» и «пришлой иноземец» никакими землями «безобразно и безданно не владеют» [7, с. 771]. Вопрос, мог ли не подданный владеть вотчиной? Беда в том, что Алексей Юрьевич так и не привёл хоть одного убедительного аргумента – почему ясачные иноземцы должны были преодолевать это самое иноземческое состояние. Слово «иноземцы», как хорошо обосновали А.С. Зуев, П.С. Игнаткин и В.А. Слугина, было обозначением социальной страты Российского государства. То есть обозначало подданных. Попытки А.Ю. Конева доказать обратное, оказались совершенно несостоятельны.

Укажу на очевидное – в титуле русского царя три первых позиции (после формулы «всёя Руси») занимали обозначения: «царь Казанский», «царь Астра-

¹ Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 341. Оп. 1. Д. 154. Л. 12 об.

ханский» и «царь Сибирский» (с 1599 г.) Подобная формулировка означала, что подданные этих прежде самостоятельных государств перешли в подданство московского царя, естественно, после принесения шерти.

Процедура принятия русского подданства бывшими подданными Казанского ханства в общих чертах описана в Никоновской летописи: «Того ж месяца (октября 1552 года – Г.С.) 10 приехал Никита Казаринов да Камай-мурза, а с ними многие Арские люди, и царю государю били челом, чтобы им государь милость показал, а они всю землю государю бьют челом и ясаки дают. И царь государь черных людей и Арских пожаловал, ясаки на них велел имати прямые, как было при Магделиме царе, и приказал боярину своему князю Александру Борисовичу, а велел их к шерти привести и ясаки на них имати и во всем их управлявати...» [13, с. 221–222].

Ясак и вотчина

«В.Д. Дмитриев уточнил выводы С.В. Бахрушина на более широком материале поволжских народов и подчеркнул, что ясак (денежный и хлебный) у них уже со второй половины XVI в. не являлся данью, а был с одной стороны феодальной рентой, так как «взимался с площади обрабатываемой земли, являвшейся собственностью феодального государства», с другой – выступал государственным налогом. По его мнению ясачные из нерусских народов Поволжья, в отличие от таковых же Приуралья и Сибири, в XVII в. фактически являлись государственным крестьянами» [7, с. 770]. Там обозначено, что понятие «ясак» в Поволжье XVII в. теряло свой первоначальный смысл, означая денежные выплаты с пашенных угодий. Но дело в том, что часть ясачного населения всё ещё сохраняла вотчинные угодья, что, несомненно, перекидывает мостик между ясаком народов Поволжья и народов Урала и Сибири. Основанием владения вотчинными угодьями служила уплата натурального (иногда денежного) оброка с бортных ухжей, бобровых гонов и т.д. (читай – ясака, в его изначальном понимании). В земельных спорах ясачных чуваш Казанского уезда и башкир Уфимского уезда возникали вопросы: «с тех вотчин в нашу казну оброк платят они?»². Так что не исчерпывалось в Поволжье дело одним ясаком с пашни. И я об этом писал в прошлой статье. Но это же не вписывается в стереотипы, правда? Историки 1920-х–1950-х гг. очень хорошо отработали тему в рамках существовавшей парадигмы. К сожалению, она не предусматривала серьёзного восприятия увязки ясак–вотчина, прописанной в документах. Вне её увидеть, что оброк народов Поволжья фактически является заменителем ясака в его исходном виде и обратной его стороной является наличие вотчинных земель, было очень сложно, если вообще возможно. Мне трудно объяснить, почему сложилась такая традиция (не принимать во внимание указание документов на вотчинный характер ясачных угодий и жесткую связь ясака с вотчиной). Но она существует до сих пор.

Алексей Юрьевич любопытным образом обошёл приведённые в моей статье выдержки из царских указов и воеводских отписок, где однозначно прописывалось, что ясачные угодья являлись вотчинами [15, с. 355–356], зато на основании одного (!) документа пришёл к выводу, что «мы имеем прямое указание, что эти угодья тюменских татар в конце XVII в. приравнивались к поместным дачам, а не вотчинам» [7, с. 771]. Очевидно, царские указы не являются прямым указанием... Со своей стороны могу сказать, на примере одного довольно обширного спорного дела середины XVIII в. о земле Акиярских юрт, что при его рассмотрении

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1173. Оп. 1. Д. 92. Л. 3.

использовалась масса статей из разных глав Соборного Уложения, (но все они касаются вотчинного либо поместного землевладения), в том числе статей из глав X, XVI и главы XVII, которая посвящена как раз вотчинным землям, и акты-ые материалы XVIII вв.³

В отношении же понятия «вотчина» А.Ю. Конев в своей статье просто ушёл от темы: «Для анализа того, что в источниках именуется «вотчинами» применительно к владениям ясачного населения, следует изучить возникновение соответствующих прав на эти земли и их документальное оформление в процессе инкорпорации народов постордынских полities в систему Российского государства» [7, с. 764] – мне совершенно не понятно, что помешало ему это сделать? Вроде как и документов довольно много, в том числе опубликованных. Но именно эта тема в его статье не рассмотрена, что не просто странно, а совершенно не объяснимо, ибо в моей статье это лейтмотив: ясак + вотчинные земли. И не просто лейтмотив, но жёстко основанный на архивных материалах. Логично, что если человек берётся отвечать, то отвечает на тему в целом. Алексей Юрьевич, обратился к одной части этой дихотомии, проигнорировав вторую. На мой взгляд, это нонсенс.

Просто приведу цитаты из наказных памятей разным сибирским воеводам⁴: из наказной памяти сургутским воеводам 1599 г.: «А велел ясаки имать рядовые, как кому мочно заплатить, смотря по вотчинам и по промыслом»⁵ и далее по годам такая формулировка сохраняется; из наказной памяти тарскому воеводе: «а велел ясаки имать рядовые, как кому мочно заплатить, смотря по водчинам и по промыслом»⁶ – это выдержка из памяти 1599 г. Практически в тех же формулировках это указание дано и в более поздних памятях: «смотря по вотчинам и по промыслом»⁷.

Или такая формулировка 1616 г.: «И нам бы их пожаловать, за побитых и за мертвых ясачных татар, и которые в полон поиманы, и тех вотчины ныне пусты, нашего ясаку платити с них не велети, а велети бы с них наш ясак имати з живущих татарских ясачных вотчин»⁸. Из наказной памяти енисейскому воеводе 1631 г.: «а велел государь с них имати ясаки рядовые, как кому мочно платити, смотря по вотчинам и по промыслу» [2, с. 94]. Можно спорить о развитии ситуации, но базовые правовые документы достаточно чётко определяют привязку уплаты ясака к вотчине и промыслам. И в моей предыдущей статье это было прописано и также подтверждено документами.

А.Ю. Конев сделал отличный обзор литературы по эволюции ясака, трактовкам его содержания, но практически все цитированные работы не касаются темы вотчинного землевладения. По сути это попытка обойти вопрос вотчинного землевладения цитированием исследований, авторы которых в подавляющем большинстве, вообще не упоминали использование этого определения в отношении ясачных угодий. То есть, ни в одной из этих работ нет анализа понятия «вотчина» применительно к ясачным землям. Соответственно, их выводы могут быть вполне корректны в условиях, когда речь идёт о некоей «просто» земле, с которой взимается ясак. Но эти земли в весьма значительном количестве документов

³ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 47. Оп. 1. Д. 2308. Л. 55–67.

⁴ Приношу благодарность А.В. Белякову, который поделился материалом.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1. Л. 70 об.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 53 об.

⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 74 об., 110, 200 об., 288 об., 493 и т.д.

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 166 об.

(в том числе в царских наказных памятях сибирским воеводам) чётко обозначены как вотчины. По крайней мере, для Западной и частью, Центральной Сибири. Поэтому подобный обзор будет корректен при условии, что автор его соотнесёт с вотчинным характером ясачного землевладения. Поскольку этого в данном случае нет, то для меня большая загадка – зачем вообще это писалось. Попытка отрицать наличие вотчин у ясачного населения через цитирование работ, авторы которых просто не берут во внимание вотчинный характер землевладения ясачного населения, практически бессмысленна. Хотя, подозреваю, на многих коллег такой разбор произвёл впечатление, хотя бы по принципу «во-первых – это красиво!». Красиво. Но бессмысленно. Повторю – после публикации мной некоторого количества цитат из документов, которые чётко показывают, что ясачные угодья являлись вотчинами, а ясак платился именно с вотчины публикация такого обзора имела бы смысл лишь в том случае, если бы А.Ю. Конев доказал, что никаких вотчин не было. Но тему вотчин он опустил, и начал писать про ясак. Спасибо за историографический обзор, но, увы, вопрос о ясаке в отрыве от вотчины смысла не имеет.

Что касается, того, что «Соборное Уложение», якобы, фиксирует только обязанности, но не права, как пишет Алексей Юрьевич [7, с. 773–774]. Это вообще не так, то есть абсолютно. Наверное, ему стоит просто почитать этот документ. И это касается отнюдь не только ясачных и служилых иноземцев, а самых разных групп населения. Там зафиксированы, в первую очередь, права на землю. И да, права на землю служилых и ясачных иноземцев зафиксированы в XVI главе Уложения, посвященной поместным землям. Поэтому мы вполне можем считать «Соборное Уложение» документом, фиксирующим формирование сословий, или предсословных групп, как бы их не обозначали. Но на дискуссию о сословиях, увы, места точно не остаётся.

Замечательный пассаж: «Есть все основания считать, что ясак в Сибири как минимум до начала XVIII в. – отнюдь не налог с земли, а дань за право проживать на ней. Право это реализовывалось в форме пожалования туземцам по признаку «старинны давней», что совпадало, как отметил В.И. Шунков, с представлениями на этот счет, «сложившимися ... у части сибирского населения, еще до прихода русских». Владение «по старине» этими землями, теперь являвшимися «государевыми», со временем осмысливается и закрепляется как владение по праву отбывания тягла» [7, с. 771]. Я напомним, что сам А.Ю. Конев констатировал, что ясачные угодья считались поместьем – с поместных земель, как и с вотчинных, плата – дань, или налог (тягло), не взималась. Условием их владения являлась служба. Это возвращает нас к той самой теме – рассматривать ясак вне контекста вотчинного/поместного землевладения, это позавчерашний день. По крайней мере, для тех территорий, где существование вотчин документально подтверждено. Да, это ломает сложившиеся стереотипы, но это естественный процесс.

И вывод о том, что «ясак у всех групп туземного населения от Урала до Тихого океана в той или иной мере сохранял до начала XVIII в. черты дани, тогда как в Поволжье он уже к XVII в. представлял собою ренту/налог» [7, с. 777], достаточно странен, как и упрек в том, что «Во-вторых, приведенная им (то есть мной – Г.С.) социально-экономическая характеристика ясачных Поволжья была дана еще советскими исследователями 1920–50-х гг.» [7, с. 776]. Я так и не увидел в приведённых им цитатах и в выводах самого А.Ю. Конева указания на то обстоятельство, которое показывает эволюцию ясака в Поволжье, а именно – на наличие у ясачных людей Поволжья вотчин. У меня в статье это прописано и в выводах тоже [15, с. 358, 363]. Поэтому так броско заявлять, что я практически

повторил выводы исследователей столетней давности, всё же не стоило. Но Алексей Юрьевич этой части текста видимо не увидел, как и основной части моей статьи. Я понимаю, что слово «вотчина» в отношении ясачных угодий вообще вызывает у части исследователей идиосинкразию. Увы, документы свидетельствуют о наличии вотчинных угодий у служилых и ясачных иноземцев от Поволжья и до Сибири. И это ещё одно обстоятельство, чётко указывающее на преэминентность политики государства в отношении Сибири. И поэтому вывод про «черты дани», которые якобы сохранял ясак, мягко выражаясь, ставлю под сомнение. По крайней мере, для «всех групп туземного населения от Урала до Тихого океана». Как и вообще все выводы, касающиеся ясака – причину я уже указал. Вне контекста вотчинного/поместного землевладения рассматривать ясак для многих территорий не корректно, по крайней мере, до тех пор, пока не будет доказано обратное.

Вывод о том, что в Поволжье использование термина «иноземцы» в отношении служилых и ясачных некрещёных людей сошло на нет уже в XVII в., в отличие от Сибири, [7, с. 777] не соответствует действительности и это показано выше.

В том, что касается иноземцев, отрицательной коннотации этого термина и якобы их неполного подданства – я очень надеюсь, что мне (и не только мне) не придётся в очередной раз объяснять очевидное: ясачные иноземцы становились подданными после принесения шерти, а отрицательную коннотацию понятие «иноземцы» обретало только в конкретном контексте, так же, как и другие обозначения социальных страт. Не стоит пытаться выдавать свои и чужие стереотипы за «представления о подданстве, существовавшие в XVII в.» Забавно, что в прошлой статье я довольно подробно показал несостоятельность этой точки зрения с опорой на документы, но вместо ответа на аргументы Алексей Юрьевич просто добавил количество публикаций, тиражировавших этот стереотип о не подданстве иноземцев, но не содержащих никаких его обоснований.

Очень характерно, что рассматривая ситуацию с ясачным населением от Поволжья до Сибири А.Ю. Конев деликатно пропустил Урал, точнее, Уфимский уезд. И я его понимаю – в случае с башкирами отрицать наличие у ясачных людей вотчинных прав на землю не получится никоим образом. При этом основания для вотчинного землевладения были те же самые, что и в Сибири – уплата ясака. В Поволжье ситуация отличалась, но вотчинные угодья у части ясачного населения были и там.

Основной вывод: главное содержание моей статьи было в озвучивании документально засвидетельствованного наличия вотчинного землевладения ясачного населения на больших пространствах Российского государства от Поволжья до Сибири. А.Ю. Конев обошёл стороной самый основной вопрос, и практически никак не прокомментировал эти материалы. Есть очень простой момент – мы имеем весьма солидное количество источников, включая царские указы, царские наказные памяти сибирским воеводам, воеводские отписки и т.д., которые чётко определяют ясачные угодья как вотчины и увязывают уплату ясака с этими вотчинами. Для историка вроде как источник первичен. Поэтому для меня остаётся непонятным смысл написания А.Ю. Коневым статьи, где он старательно обходил слово «вотчина» и вообще не коснулся темы источников, это слово содержащих. Он старательно пытался аргументировать иногда достаточно странные вещи не «замечая» того, что его не устраивало. Мне вообще не очень понятна манера на данные источников отвечать цитированием работ с интерпретациями – источник первичен. И я просто повторяю в конце – на огромных пространствах Российского государства от Поволжья до Сибири существовала система вотчинного земле-

владения ясачного населения, что прописано в документах, имеющих законодательный характер (царские указы и указы воеводам). И подтверждается документами судебного характера (земельные споры). И уплата ясака достаточно жёстко увязана с вотчинным землевладением. И да – ясачные иноземцы являлись подданными московского царя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V: 1676–1700. СПб., б.д. 572 с.
2. Барахович П.Н. Наказ царя Михаила Федоровича енисейскому воеводе Ж.В. Кондыреву 31 января 1631 года // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 1: История. С. 91–103.
3. Гессен В.М. Подданство, его установление и прекращение. СПб., 1909. 454 с.
4. Дополнения к Актам историческим вобранным и изданным Археографической комиссией. Т. III. СПб., 1848. 553 с.
5. Дополнения к Актам историческим вобранным и изданным Археографической комиссией. Т. IV: 1655–1664. СПб., 1851. 445 с.
6. Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск, 2017. 443 с.
7. Конев А.Ю. Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 760–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.760-783
8. Конев А.Ю. Народы Сибири в социально-правовом измерении империи: современные подходы к изучению // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. трудов. Омск: полиграфический центр КАН, 2016. С. 135–144.
9. Материалы исторические и юридические бывшего Приказа Казанского дворца. Т. 2: Собрание актов XVIII-го и начала XVIII-го в.в. В.П. Мещеринова, П.В. Анненкова, А.В. Толстого, Л.А. Прушакевича и др. / В.Н. Поливанов, В.Э. Красовский. Симбирск: Симбирская губ. Архивная комиссия, 1898. V, 214 с.
10. Материалы исторические и юридические бывшего Приказа Казанского дворца Т. 5: Архив Павла Сергеевича Таушева : собрание актов 17-го, 18-го и первой половины 19-го столетий, касающихся истории селений Мурзичской волости Курмышского уезда / разобран и приготовлен к изд. П. Мартыновым. Симбирск: Симбирская губ. Архивная комиссия, 1912. 338, II с.
11. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 348 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. III. 1689–1699. СПб., 1830. 694 с.
13. Полное собрание русских летописей. Т. XIII, ч. I: Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновской летописью. СПб: Издание Императорской археографической комиссии, 1904. 308 с.
14. Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2001. 296 с.
15. Самигулов Г.Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен – практические размышления о теории // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 342–369. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.342-369.
16. Слугина В.А. Правовое оформление российского подданства сибирских народов в XVI–XVII вв.: шертовальные записи и процедура шертования. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 27 с.
17. Цветаев Д.В. Генерал Николай Бауман и его дело. Из жизни Московской Ново-Иноземской слободы в XVII веке. М., 1884. 59 с.

18. Цветаев Д.В. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. 530 с.
19. Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи Преобразований. Историческое исследование. М.: Университетская типография, 1890. 792 с.
20. Шаблей П.С. Подданство в Азиатской России: исторический смысл и политико-правовая концептуализация // Вестник Евразии. 2008. № 3. С. 99–122.
21. Шауро И.Г. Возникновение и развитие института подданства в России в XVI – начале XX вв. Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013.
22. Шауро И.Г. Возникновение и развитие института подданства в России в XVI – начале XX вв. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 27 с.

Сведения об авторе: Гаяз Хамитович Самигулов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет) (454080, проспект Ленина, 76, Челябинск, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4695-5633; ResearcherID: T-6331-2017. E-mail: gayas_@mail.ru

Поступила 20.09.2023

Принята к публикации 03.12.2023

Опубликована 29.12.2023

REFERENCES

1. Historical Acts collected and published by Archaeographic Commission. Vol. V, 572 p. Vol. V: 1676–1700. St. Petersburg, s.d. 572 p. (In Russian)
2. Barakhovich P.N. The instruction (“nakaz”) of the tzar Mikhail Fyodorovich to the Eniseisk voivode Zh. V. Kondyrev, January 31, 1631. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. Part. 17. Vol. 1. History/ 91–103 p. (In Russian)
3. Gessen V.M. Citizenship, its establishment and termination. St. Petersburg, 1909. 454 p. (In Russian)
4. Amendments to Acts historical collected and published by the Archaeographic Commission. Vol. III. 553 p. (In Russian)
5. Amendments to Acts historical collected and published by the Archaeographic Commission. Vol. IV, 445 p. (In Russian)
6. Zuyev A.S., Ignatkin P.S., Slugina V.A. Under the canopy of the double-headed eagle: the incorporation of the peoples of Siberia into the Russian state in the late 16th – early 18th centuries. Novosibirsk, 2017. 443 p. (In Russian)
7. Konev A.Yu. The Phenomenon of “Foreigners”, Yasak and Gift Exchange: Peoples of the Volga Region, the Urals and Siberia in Russia in the late sixteenth and early eighteenth centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 760–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.760-783 (In Russian)
8. Konev A.YU. Siberian peoples in social-legal dimension of the Empire: modern approaches to the study. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: sb. nauch. Trudov Asiatic Russia: people and structures of the empire: coll. scientific works*. Omsk, 2016. pp. 135–144. (In Russian)
9. Historical and legal materials of the former Order of the Kazan Palace. Vol. 2: Collection of acts of the 17th and early 18th centuries by V.P. Meshcherinov, P.V. Annenkov, A.V. Tolstoy, L.A. Prushkevich and others / V.N. Polivanov, V.E. Krasovsky. Simbirsk: Simbirsk province. Archival commission, 1898. V, 214 p. (In Russian)
10. Historical and legal materials of the former Order of the Kazan Palace Vol. 5: Archive of Pavel Sergeevich Taushev: a collection of acts of the 17th, 18th and first half of

the 19th centuries relating to the history of the villages of the Murzitskaya volost in the Kurmysh district / dismantled and prepared for publication. P. Martynov. Simbirsk: Simbirsk province. Archival Commission, 1912. 338, II p. (In Russian)

11. Oparina T.A. Foreigners in Russia in 16th – 17th centuries. Essays of historical biography and genealogy. Moscow: Progress-Tradition, 2007. 348 p. (In Russian)

12. The Complete collection of laws of Russian Empire. Collection No. 1. Up 1649 to December, 12, 1825. Vol. III. 694 p. (In Russian)

13. The Complete collection of Russian chronicles. V. XIII, part I: Chronicle collection, called the patriarchal or Nikon chronicle. St. Petersburg: Edition of the Imperial Archaeographic Commission, 1904. 308 p. (In Russian)

14. Rychkov P.I. History of Orenburg on the establishment of the Orenburg province. Ufa, 2001. 296 p. (In Russian)

15. Samigulov G.Kh. Yasak People, Foreigners, Yasak and Exchange of Gifts – Practical Thinking about a Theory. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 342–369. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.342-369 (In Russian)

16. Slugina V.A. Legal Registration of Russian Citizenship of the Siberian Peoples in the 16th–17th centuries: Shert Records and the Shert procedure: Abstract diss. ... Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk, 2017. 27 p. (In Russian)

17. Tsvetayev D.V. General Nikolai Bauman and his case. From the life of the Moscow Novo-Inozemskaya Sloboda in the 17th century. Moscow, 1884. 59 p. (In Russian)

18. Tsvetayev D.V. From the history of foreign confessions in Russia in the 16th and 17th centuries. Moscow, 1886. 530 p. (In Russian)

19. Tsvetayev D.V. Protestantism and protestants in Russia before the Era of the Transformations. Historical research. Moscow, 1890. 792 p. (In Russian)

20. Shabley P.S. Citizenship in Asian Russia: historical meaning and political and legal conceptualization. *Vestnik Yevrazii=Bulletin of Eurasia*. 2008, no. 3, pp. 99–122. (In Russian)

21. Shauro I.G. The emergence and development of the institution of allegiance in Russia in the 16th – early 20th centuries: Diss. ... Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2013. (In Russian)

22. Shauro I.G. The emergence and development of the institution of allegiance in Russia in the 16th – early 20th centuries: Abstract diss. ... Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2013. 27 p. (In Russian)

About the author: Gayaz Kh. Samigulov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Eurasian Studies Research and Education Centre, South Ural State University (National Research University) (76, Lenin Avenue, Chelyabinsk 454080, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4695-5633, ResearcherID: T-6331-2017. E-mail: gayas_@mail.ru

Received September 20, 2023

Accepted for publication December 3, 2023

Published December 29, 2023

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОМЕДИИ НАКИ ИСАНБЕТА «РЫЖИЙ ЧИЧЯН И ЧЕРНОВОЛОСАЯ КРАСАВИЦА»

Р.Р. Замалетдинов¹, М.М. Хабутдинова²

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация*

¹ soviet.rus16@mail.ru, ² mileuscha@mail.ru

Цель исследования состоит в изучении генезиса текста комедии Наки Исанбета «Жирэн чичэн белэн Карачэч сылу» («Рыжий чичян и Черноволосая красавица», 1942).

Материалы и методы исследования: материалом для изучения послужили сохранившиеся в архивах редакции комедии Наки Исанбета «Жирэн чичэн белэн Карачэч сылу» («Рыжий чичян и Черноволосая красавица»), изучение которых позволяет реконструировать природу авторского замысла. Исследование велось с помощью генетического, культурно-исторического, сравнительно-сопоставительного методов исследования, выбор которых определен характером анализируемого текста.

Новизна исследования состоит в комплексном изучении истории создания и бытования указанной комедии в татарской культуре и выявлении ее роли в популяризации сведений о Золотой Орде в среде татар.

Результаты исследования. «Жирэн чичэн белэн Карачэч сылу» (1942) принадлежит к разряду народных (фольклорных) комедий Наки Исанбета. Это авторская комедия, созданная на основе фольклорных, народных произведений комического плана. Народность этой комедии определяется тем, что она ориентировалась на вкусы, нравственные представления и социальные идеалы демократических слоев населения. Ее главные герои – чичяны, мастера слова, певцы-импровизаторы, народные поэты, регулирующие взаимоотношения народа и власти. В комедии в фольклорно-символической форме воспроизведено авторское представление о сущности национальной жизни в эпоху Золотой Орды, эстетический идеал драматурга, основанный на народных представлениях о власти, управлении государством, справедливости, идеале народного заступника и семейных ценностях. Джирен чичян и Карачэч сылу принадлежат к разряду «вечных образов» татарской литературы. При их создании фольклорист оттолкнулся от личного опыта общения с народными певцами, опирался на сведения о чичянах, почерпнутые из древних источников (Саган-Сэцэн, Джамуха чичян), а также систематизировал материал о них в научной литературе. Наки Исанбет в своих авторских комментариях подробно описал генезис образа чичяна, сформулировал его отличительные особенности: значимая роль супруги чичяна в его жизни; целенаправленная деятельность чичяна по разрешению проблем власти и народа, стремление ханов приблизить народного певца к ханскому дворцу, аскетизм и демократизм героя, историзм и образность мышления, меткий язык.

Ключевые слова: история, татарская литература, татарская драматургия, комедия, Наки Исанбет, Золотая Орда, чичян

© Замалетдинов Р.Р., Хабутдинова М.М., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Замалетдинов Р.Р., Хабутдинова М.М. Творческая история комедии Наки Исанбета «Рыжий чичян и Черноволосая красавица» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, №4. С. 934–956. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.934-956 EDN: SUEEVY

Финансирование: Работа выполнена в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

THE CREATIVE HISTORY OF NAKI ISANBET'S COMEDY “RED-HAIRED CHICHYAN AND BLACK-HAIRED BEAUTY”

R.R. Zamaletdinov¹, M.M. Khabutdinova²

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation

¹sovetsrus16@mail.ru, ²mileuscha@mail.ru

Abstract: *The purpose of the study.* The purpose of our research is to study the genesis of Naki Isanbet's comedic text “Jiran chichan belan Karachach sylu” (“Red-haired chichyan and Black-haired beauty”, 1942).

Materials and methods of research: The material for the study was preserved in the archives of Naki Isanbet's “Red-haired chichyan and Black-haired beauty” comedy versions. Its study allows us to reconstruct the nature of the author's idea. The study was conducted using genetic, cultural-historical, and comparative research methods, the choice of which is determined by the nature of the analyzed text.

The novelty of the research consists in a comprehensive study of the history of the creation and existence of this comedy in Tatar culture and the identification of its role in popularizing information about the Golden Horde among the Tatars.

Research results. Naki Isanbet's comedy “Jiren chichan belan Karachach sylu” (“Red-haired chichyan and Black-haired beauty”, 1942) is a vivid evidence of the valorization of national cultural values during the Great Patriotic War. During the short period the playwright managed to perpetuate national images of heroes on the stage: Idegey, Tulyak, Jiren chichyan and Karachech sylu. Their roots go back to the glorious history of medieval Tatar states. During the Great Patriotic War, the voices of Jiren chichyan and Karachech sylu (14th century) were heard from the Tatar stage, and people got acquainted with the instructions of Jamukha chichyan (12th century). The performance and the work were banned by censorship. The work was published in 1963 and returned to the stage in 1999 (directed by Farid Bikchantaev).

Keywords: History, Tatar literature, Tatar drama comedy, Naki Isanbet, Golden Horde, Chichyan

For citation: Zamaletdinov R.R., Khabutdinova M.M. The creative history of Naki Isanbet's comedy “Red-haired chichyan and Black-haired beauty”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 934–956. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.934-956 (In Russian)

Financial Support: The work was carried out as part of the implementation of the Strategic Academic Leadership Program of the Kazan (Volga Region) Federal University.

Введение

В 1923 г., размышляя над феноменом творческой истории произведения, русский литературовед А.Г. Горнфельд создал изящный афоризм, который не утратил актуальности и поныне: «Мы не имеем еще литературной семасиологии, но она, конечно, должна быть и будет создана. И, разумеется, ту же роль, какую играет «происхождение» слова в определении его нынешнего значения, должен играть первоначальный смысл художественного произведения при всяком истолковании» [8, с. 150]. По мнению Н.К. Пиксанова [22, с. 19], П. Н. Сакулина [25, с. 165–166], история текста «не только «предпосылка» для творческой истории, но и является составной частью последней. Точка зрения ученых перекликается с мнением академика Д.С. Лихачева: «До той поры пока мы знаем памятник только в его последнем варианте и лишены возможности проследить движение текста, соотнести текст с явлениями личного развития автора и историческими фактами в целом – наша интерпретация памятника всегда может быть субъективной, подчиненной автору и нашим собственным способам восприятия. Только изучив текст в его движении (самостоятельном, соотнесенном с развитием автора, редакторов, переписчиков, с движением истории литературы и истории и т.д.), мы получаем объективные данные для суждения о нем, о его замысле, художественных тенденциях, идеологии, отразившейся в нем, и т. д. Без изучения истории текста, истории создания произведения мы не можем даже научно понять «последнюю волю автора»» [18, с. 182]. Для изучения творческой истории необходимы данные внешней биографии писателя (до хронологических дат включительно), палеографические изучения рукописей, исследование разновременных редакций текста и их вариантов.

В фокусе внимания в настоящей работе оказалась творческая история комедии Наки Исанбета «Жирэн чичэн белэн Карачэч сылу» («Рыжий чичян и черноволосая красавица», 1942). Толчком к данному исследованию послужило обнаружение в личном архиве писателя двух папок с рукописями этой пьесы на арабице¹, машинописи² и черновиков комедии, над которыми писатель работал в 1942 г. в д. Каенлык Актанышского района РТ (фото 1). В библиотеке ТГАТ им. Г.Камала мы наткнулись на режиссерский вариант пьесы на кириллице с правками Наки Исанбета³. Созданное в годы Великой Отечественной войны произведение впервые было опубликовано из-за цензуры лишь в 1963 г. в составе «Избранных сочинений» Наки Исанбета [11, с. 169–276], затем было переиздано в 1989 г. [10, с. 261–352]. Распутывая клубок творческой истории пьесы, в своем исследовании мы сконцентрировались на связи комедии с эпохой Золотой Орды. Мы уже затрагивали эту тему эскизно в более ранних наших работах [30; 33] и др.

В архиве Наки Исанбета мы обнаружили статью «“Жирэн чичэн” ни өчен һәм ничек язылды? (автор тарафыннан кайбер аңлатмалар) («Как и для чего создавался «Джирен чичян»?» (некоторые пояснения автора)» (1948), где содержатся сведения об истории создания, кратко очерчен авторский замысел⁴. К сожалению, эта статья была лишь частично опубликована. В 1962 г. Наки Исанбету удалось включить в состав авторских примечаний только определение термина «чичэн» («чичян») [11, с. 504]. По-видимому, книжное издательство не со-

¹ Исәнбәт Н. Жирән чичән белән Карачәч сылу // Личный архив Н. Исанбета. 1942. 298 л.

² Исәнбәт Н. Жирән чичән белән Карачәч сылу // Личный архив Н. Исанбета. 1942. 138 л.

³ Исәнбәт Н. Жирән чичән // Библиотека ТГАТ им. Г.Камала. Рукопись. Казань, 1942. 137 л.

⁴ Исәнбәт Н. “Жирән чичән” ни өчен һәм ничек язылды? (автор тарафыннан кайбер аңлатмалар) // Архив Н. Исанбета. Рукопись, машинопись. 4 л.

гласилось опубликовать комментарий автора целиком по цензурным соображениям. Тема Золотой Орды со времен принятия постановлением ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 года «О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы в Татарской партийной организации» оставалась в СССР под запретом и ее освещение жестко регламентировалось. Дастан «Идегей» не был опубликован, хотя издательский договор был подписан с Наки Исанбетом в 1941 г. Выпущенный в 1941 г. в издательстве сборник фольклориста «Балалар фольклоры» («Детский фольклор») по требованию обкома должен был быть изъят из типографии и сожжен в котельной. Книга была спасена, благодаря смелости и находчивости директора издательства Тинчурина, а также положительной рецензии из Москвы, организованной Наки Исанбетом. Неожиданная разгромная рецензия Семена Липкина в 1944 г. на трагедию «Идегей» после восторженных отзывов переводчика в 1941 г., к сожалению, не была воспринята автором как тревожный звонок, предупреждающий, о новой волне травли в свой адрес [17]. Семен Липкин охарактеризовал трагедию как талантливо написанную пьесу, в которой изложена «порочная» «историческая концепция». По мнению автора разгромной статьи, «несмотря на крупный драматургический талант», «неправильный взгляд и на историю своего народа, и на исторические мотивы народного эпоса привел Исанбета» «к серьезной неудаче» [17]. В 1944 г. была уничтожена рукопись «Очерки истории ТАССР», которая создавались в сотрудничестве с московскими учеными с 1941 г. В 1951 г. был ликвидирован весь тираж изданной «Истории ТАССР» (подр. см. [4; 5; 6]). Наки Исанбет мужественно вытерпел мышиную возню «недоброжелателей» вокруг оперы «Туляк» [4, с. 87].

Удивительно, как в этих условиях драматург замахнулся на новый спектакль по мотивам средневекового народного эпоса. Сценическая судьба комедии, как и печатной версии, не менее драматична. Премьера пьесы на сцене ТГАТ им. Г. Камала состоялась в 1944 г. Режиссер Ширьяздан Сарымсаков к постановке привлек лучшие творческие и актерские силы. Над спектаклем в сотрудничестве с автором – ученым-фольклористом Наки Исанбетом – работали художник Петр Сперанский и композитор Назиб Жиганов. Сохранилась единственная рецензия на спектакль [15]. Не ссылаясь на источник информации, Ю. Сафиуллин отмечает, что спектакль «Рыжий насмешник и его черноволосая красавица» (русское название комедии, принятое ТГАТ им. Г. Камала) был сыгран лишь «3–4 раза при полупустых залах, после чего был снят с репертуара» [26, с. 259].

Через полвека к пьесе вернулся режиссер Фарид Бикчантаев и его спектакль также вызвал жаркую дискуссию [7; 24, с. 69]. Театр показал эту постановку в 2003 г. на V Международном фестивале государственных театров под эгидой Министерства культуры Турции и при финансовой поддержке фонда Сабанжи. В процессе своего бытования на сцене произведение привлекло внимание как литературоведов (Н. Ханзафаров [32, с. 86–93], Ф. Миннуллина [19]), театроведов [7; 26], так и музыковедов (Ю.Н. Исанбет [9], Д.Ф. Хайрутдинова [31]). На татарском радио изредка транслируется радиоспектакль по этой пьесе Наки Исанбета.

Обсуждение

Изучая творческую историю пьесы «Жирэн чичэн белэн Карачэч сылу» («Рыжий чичан и Черноволосая красавица», 1942), литературовед Н. Ханзафаров, ограничив свое исследование фольклорными источниками [32, с. 86–93], проигнорировал ряд важных фактов. Они открываются, если рассмотреть данное произведение на фоне обстоятельств и фактов из жизни Наки Исанбета и времени.

Таким образом мы получаем возможность отследить «генетику», эволюцию авторского замысла.

Гульсум Исанбет – прототип Черноволосой красавицы (Карачач сылу) в комедии

За рамками исследований, посвященных этой пьесе, ускользнул важный факт из биографии Наки Исанбета. Писатель посвятил комедию своей жене (фото 2). Так опальный драматург выразил свою любовь и признательность Гульсум Исанбет, которая была для него живым воплощением тюркского идеала преданной супруги. В 1967 г., тяжело переживая из-за смерти жены, готовя ее воспоминания к печати, писатель так уважительно отозвался о ней: «Гөлсем ханым иң якын сердәш, фикердәш, мәсләктәш булса да, аның үз карашы, үз ноктасы бар. Мөстәкыйль анлы кеше иде» [21, с. 398–399]. – «Гульсум ханым, хотя и была для меня самой близкой наперсницей, единомышленником, соратником, однако у нее на все был свой взгляд, своя точка зрения». (*подстр. пер.* здесь и далее наш – М.Х.).

Гульсум Исанбет «была в курсе процесса создания каждого произведения мужа: от возникновения замысла до его воплощения в последнем авторском варианте, а также всех дальнейших изменений, вносимых под влиянием внешних обстоятельств. Мало того, что она перепечатывала все рукописи Исанбета, написанные неудобочитаемой арабской скорописью, он еще очень вдохновенно и артистично прочитывал ей готовые произведения сам и очень считался с ее мнением. Сберегая время мужа для творчества, она взяла на себя обязанность читать новые книги татарских писателей и всю татарскую и русскую периодику, приходящую в дом по подписке (13–15 названий)» [14, с. 167].

Счастливая супружеская жизнь была омрачена травлей писателя, которая не прекращалась четверть века. Чтобы понять, что довелось пережить Наки Исанбету, достаточно заглянуть в раздел «Автобиография» в его «Личной карточке члена Союза Советских Писателей СССР» от 5 января 1953 г. За скупыми строками документа скрывается столько внутренней боли и злой самоиронии писателя над собой и представителями власти. Это яркое свидетельство трагедии художника слова в тоталитарную эпоху. Особенно показателен отрывок, относящийся ко времени создания комедии:

«В начале 1930 года я переехал в Казань, где сразу навалились на меня бывшие эсэры, орудовавшие тогда в Казани на культурном фронте и занимавшие ответственные посты (начиная с Касимова – бывшего секретаря Тат. Обкома ВКП (б), книги которого я разоблачал в Уфе, в журнале «Алласыз») и они объявили меня соучастником какой-то вымышленной литературной нелегалщины «джидганищины». Я был под следствием и скоро был реабилитирован, но эсэры так зашумели и все равно не допустили меня к преподаванию и к литературе. Я поступил рабочим на обувную фабрику «Спартак».

Таким образом, я оказался самой подходящей фигурой и мишенью как для РАППовцев, так и вообще для всех проходимцев-карьеристов, как по своему происхождению, так и как оклеветанный человек. Кроме гонений и всяческих оскорблений в те годы я почти ничего не видел. К тому же я имел большую семью (7 человек) и я жил почти впроголодь. В результате всего этого я очутился в самых тяжелых и неблагоприятных условиях жизни и творчества. Проработал я на фабрике свыше двух лет. Потом, с большим трудом, пробирался к преподаванию. И только в 1939 г. году, после истечения 25 лет литературной деятельности, я был принят в Союз Советских писателей.

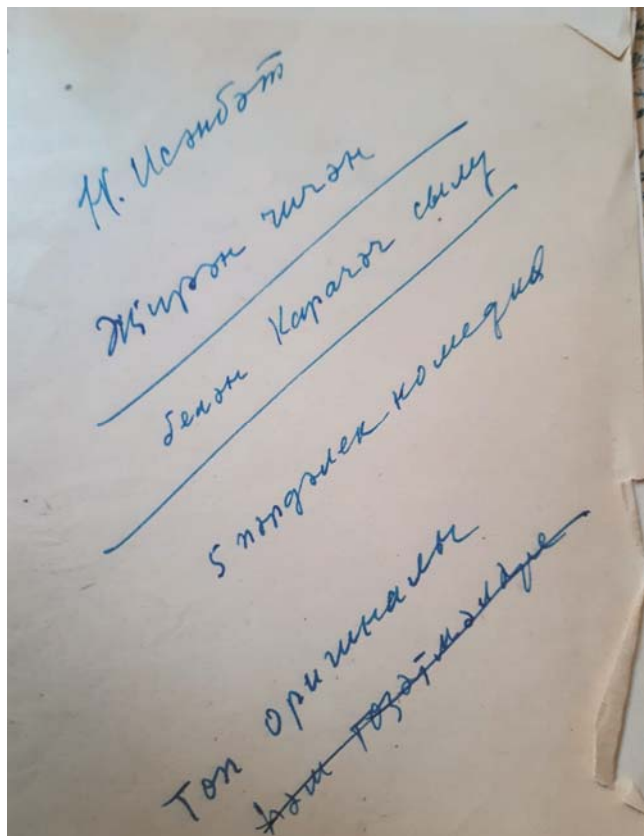

Фото 1. Титул рукописи комедии Наки Исанбета
«Рыжий чичян и Черноволосая красавица» (1942).

Photo 1. Title of the manuscript of Naki Isanbet's comedy
“Red-haired chichyan and the Black-haired beauty” (1942).

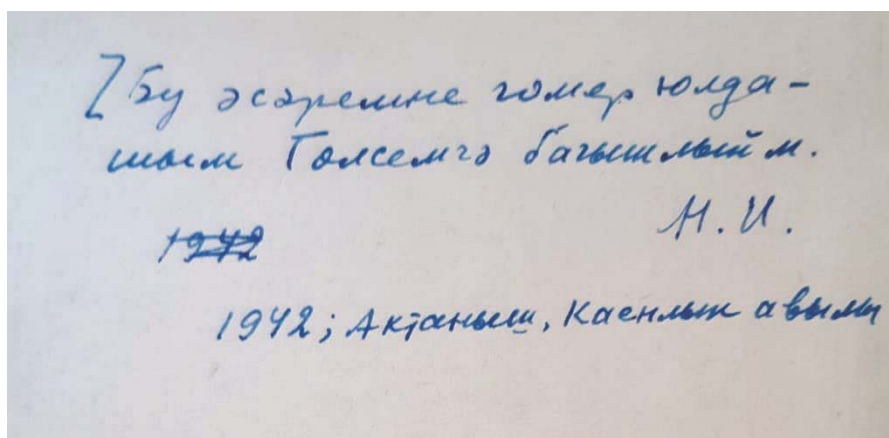

Фото 2. Фрагмент рукописи комедии Наки Исанбета
«Рыжий чичян и Черноволосая красавица» (1942) с посвящением.

Photo 2. Fragment of the manuscript of Naki Isanbet's comedy
“Red-haired chichyan and the Black-haired beauty” (1942) with dedication.

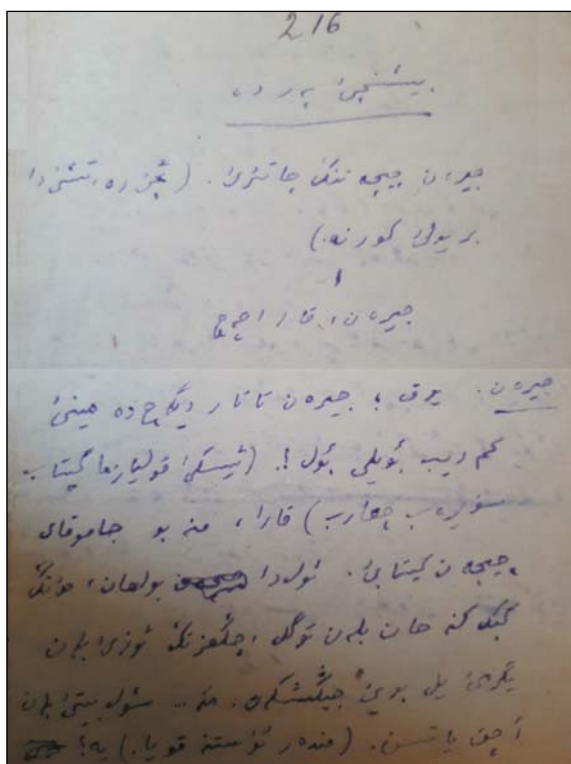

Фото 3. Пятое действие
комедии Наки Исанбета
«Рыжий чичян и Черново-
лосая красавица» (1942).
С.216.

Photo 3. Fifth action
of Naki Isanbet's comedy
“Red-haired chichyan
and the Black-haired beauty”
(1942), p.216.

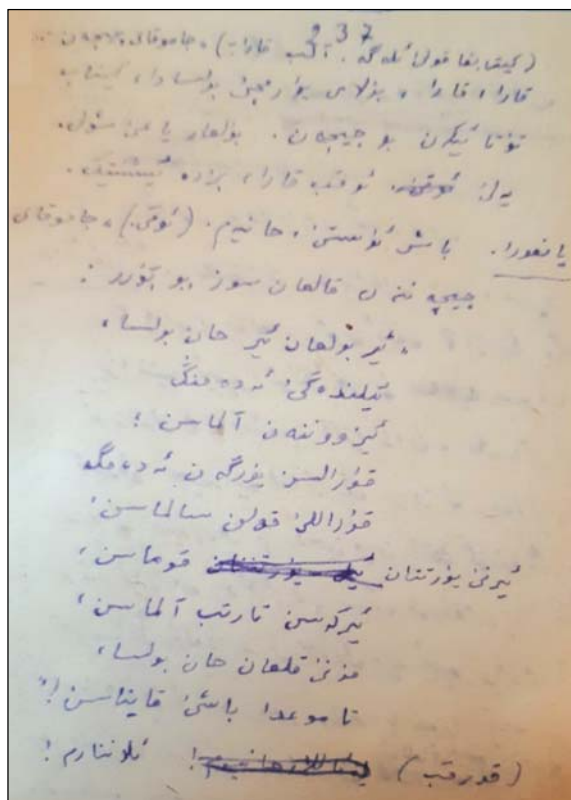

Фото 4. Рукопись Наки
Исанбета «Рыжий чичян и
Черноволосая красавица»
(1942). С.237.

Photo 4. Naki Isanbet's
manuscript “Red-haired
chichyan and Black-haired
beauty” (1942), p.237.

И вот, в 1940-м году, когда шла подготовка к декаде татарского искусства и литературы, как-то вспомнили обо мне. Управление по делам искусств Татарики дало мне заказ, заключив договор, написать драматическое произведение по эпосу «Идегей», чего не надо было со мной делать и чего я не должен был делать! Но заказ был сделан для показа на декаде в Москве и по поручению правительственной комиссии по проведению юбилея этого эпоса по Татарии. Чего бы лучшего! (То было время увлечения народными эпосами почти у всех народностей СССР). И я взялся. Составил сводный текст этого эпоса и, с вводной статьей, напечатал его в журнале и на его основе написал драму. Хотя я это делал при общем одобрении, но дело было в принципе порочным, так как это явилось идеализацией феодально-ханского завоевателя Идегея, а не героя народного, как я ошибочно думал вначале, на что и было указано в решении ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 года.

Допущенная мною ошибка, которую я признал, научила меня многому. Партия дала мне возможность работать в литературе и я с тех пор успел кое-что написать (см. перечень произведений). Но те же товарищи, поддержавшие меня в моей ошибке, так насторожились на счет меня, что даже некоторые стали на путь открытого преследования и на этом накопили багаж (типа Баяна Гизат и иже с ними). При такой атмосфере перестраховки и неблагоприятности мне стало трудно продвигать мои произведения.

Исходя из вышесказанного видно, что моя биография получилась отнюдь не благоприятствующей к литературной деятельности, не говоря об спорности самого жанра – драматургии, где я больше всего выступал. При таком положении дел, я на старости лет все глубже и глубже начинаю чувствовать, что все эти придирки и передергивания оскорбляют мою гражданскую честь, что мне, видимо, не суждено как следует развернуть свой талант на этом поприще, что это неблагоприятный труд слишком дорого обходится для меня и становится в тягость. Видимо, первой непоправимой ошибкой в моей жизни было мое первое выступление в печати и второе – мой уход от преподавания, где я имел бы уже 35-летний стаж!

Поэтому мне совершенно не хотелось заполнять эти громоздкие анкетные листы. Но товарищи так усердно настаивают на этом, и я заполняю их в надежде, что это уже в последний раз. Наки Исанбет. 5/1, 1953”.

Семья Наки Исанбета выстояла под страшными ударами судьбы. Супруги воспитали 4 детей, оставивших заметный след в татарской культуре. Булат Гизатуллин (сын Гульсум Гизатуллиной от первого брака) – журналист, Заслуженный работник культуры РСФСР (1970), в 1958–1962 гг. – заведующий отделом культуры Татарского обкома КПСС, в 1963–1971 гг. – министр культуры ТАССР. Празат Исанбет – актёр, режиссёр, народный артист ТАССР (1981), заслуженный деятель искусств РСФСР (1986). Арлат Исанбет – краснофлотец-ветеран Великой Отечественной войны, инженер. Юлдуз Исанбет – музыковед, педагог, кандидат искусствоведения, Заслуженный деятель искусств ТАССР, РФ.

Образ Карачач сылу занял свое достойное место в галерее женских образов писателя. По признанию автора, положительные образы татарских женщин в его произведениях не есть продукт искусственно-ложной идеализации, а исторический факт – результат сознательной творческой работы по пропаганде национального эстетического идеала среди читателей и зрителей: «татар хатын-кызларын күбесенчә уңай яктан һәм күпмедер дәрәжәдә идеаллаштырып күрсәтүем чыннан да хак бит. ... Ләкин ... бу... ясалма сүрәтләвем түгел, ул – минем ижатымда да, шулай ук тормышта да табигый һәм тарихи бер хәл» [21, с. 281]. –

«Доминирование в моих произведениях положительных женских образов, в какой-то степени их идеализация является правдивым фактом... Однако это не есть искусственные образы, этот факт соответствует как природе моего творчества, так и эпохе и моему мировоззрению». (*подстр. пер.*). Создавая в 1942 г. образ Карачэч сылу (Черноволосая красавица), Наки Исанбет, создал гимн преданной супруге, тем самым стараясь придать силы советским женщинам, которые самоотверженным трудом ковали победу в тылу в ожидании возвращения супругов с фронтов Великой Отечественной войны [11, с. 505].

Джирен чичян как «вечный образ писателя Наки Исанбета

В своих авторских комментариях драматург отмечает, что взялся за создание комедии «Жирэн чичэн белэн Карачэч сылу» (1942) по заказу ТГАТ им. Г. Камала после успеха своего спектакля «Хужа Насретдин»: «Минем “Хужа Насретдин” дигэн комедиям татар сэхнэсэндэ зур уңыш казангач һәм Мәскәүдән килеп караучы сэнгатъ житәкчеләре тарафыннан татар сэнгатъ декадасына алып барырга тиешле әсәр итеп табылгач һәм алынгач Татар Академия театры миңа Хужаның икенче вариантың язарга тәкъдим итте. Аны язү мөмкин булса да һәм мин башта аңа күндәм дә, уйлап караганның соң мин аны куеп Жирэн чичэн турында язарга булдым»⁵. – Когда моя комедия «Хужа Насретдин» снискала успех на сцене и приехавшие из Москвы критики отобрали ее в программу Декады, Татарский Академический театр мне предложил написать второй вариант «Хужи»⁶. Хотя его написать для меня и не представляло трудности, я даже свыкся с этой мыслью, однако, подумав, все же я решил отказаться от первоначального замысла, чтобы написать пьесу о Джирен чичяне» (*подстр. пер.*).

К этому решению писатель пришел в ходе художественных поисков оригинального национального литературного героя. По мнению Наки Исанбета, образ Хужи Насретдина является общетюрским достоянием: «Хужа татар халык фольклорынын бик популяр диванасы булса да, ул бер татарныкы түгел, гөмүмән төрек халыкларыныкы, хәтта ул Иран, Афган, Балкан һәм башкаларга да үтеп кереп бара. Әмма Жирәнгә килсәк, дөрөс, ул Хужа чаклы ук популярлашмаган (чөнки без аны Хужа шикелле басма китаплар белән халык эченә татармаганбыз⁷) (ансы безнең гаеп булсын) аның урнына Жирән ул баштан аяк татарныкы гына һәм шуның өстенә бу чичән дигән халык гөмүмән безнең халкыбызның тарихы белән генә бәйләнгән булуы аның типик националь зыйфатка ия булуын күрәбез»⁸. – «Хотя Хужа и является популярным диваной (чудаком) в татарском фольклоре, он принадлежит не только татарскому народу, его образ встречается у многих тюркских народов, его можно встретить даже в Иране, на Балканах и в других странах. А если обратиться к образу Джирен чичяна, он, конечно, не столь популярен (т.к. мы его образ, как Хужу, не популяризировали в среде татар через печатные книги) (пусть тому мы виной), образ Джирен чичян насквозь татарский и его национальная специфика состоит в его тесной связи с вехами нашей национальной истории» (*подстр. пер.*).

⁵ Исәнбәт Н. “Жирән чичән” ни өчен һәм ничек язылды? (автор тарафыннан кайбер аңлатмалар) // Архив Н. Исанбета. Рукопись, машинопись. Л.1.

⁶ Наки Исанбет предпочитал на русском называть своего героя Хужа, а не Ходжа.

⁷ Ученый-фольклорист указывает, что анекдоты о Хуже Насретдине в XIX в. татарами издавались 7 раз.

⁸ Исәнбәт Н. “Жирән чичән” ни өчен һәм ничек язылды? (автор тарафыннан кайбер аңлатмалар) // Архив Н. Исанбета. Рукопись, машинопись. Л.2.

Наки Исанбет безмерно гордится своей художественной находкой: «Бер табылган образ буенча пьеса язуга әлбәттә җиңелерәк эш. Чичәнгә килсәк ул безнең өчен генә түгел образ буларак бөтен дөнья әдәбияте өчен дә бөтеннәй»⁹. – «Писать про популярный образ не составляет особого труда. А применительно к Джирену он является новаторским не только для татар, но и для мировой литературы в целом». Самобытна языковая характеристика этого образа. Джирен чичян овладел древними пластами языка с богатой образностью, сформированной еще в эпоху анимизма и антропоморфизма. Он выражается иносказательно, разговаривает с ханом аллегориями. Например, если он произносит: «ашъяулык бөклим («подгибаю фартук»), пычак куям («нож положу»), мыек сыпырам» («поглаживаю усы»), это означает, что он сватается. Процесс раздела утки на деле у него оборачивается процедурой оплаты приданого. По мнению Наки Исанбета, работать над этим образом гораздо сложнее, чем над образом Хужа Насретдина, чья речь состояла из шуток, каламбуров и прибауток. Перед драматургом встала сложнейшая задача адаптировать богатый на аллегории язык Джирен чичяна к возможностям сцены: «аның бу чичәнлек телен сәхнә чаралары белән тамашчыга җитәрлек гади итеп, аллегорияларын әйбергә әйләндереп бирергә кирәк»¹⁰. – «Необходимо его богатый на аллегории язык чичяна упростить для понимания зрителями, добиться, чтобы его аллегории обрели плоть на сцене» (*подстр. пер.*).

В интервью Н. Ханзафарову в 1973 г. Наки Исанбет так сформулировал разницу между этими «вечными образами»: «Хужа Насретдин белән Җирән чичән арасында җитди аерма бар. Хужа ул – диванага салынган халык тапкыры. Анда тел тапкырлыгы, мезәк турыдан-турыга тәэсир итә. Чичәннәр исә дивана түгел, мезәкчә түгел, алар – трибун. Алар сүзнә эш белән, эшнә сүз белән минутында исбат итә ала. Кеше тормышы – табышмак, алла белән халык, хан белән халык мөнәсәбәте – үзе табышмак. Чичәннәр шул табышмакларны ачып бирүчеләр, дәлилләүчеләр. Чичән – халыкның агасы. Хужа – халыкның диванасы. Җирән – чичән хатынының акылына мохтаж. Элек-электән килгәнчә, хатын-кызга ул югары зат итеп карый. Чичәнлектә хатын-кыз алга куела. Фольклорга да бу шулай. Хатын-кыз сүзгә оста» [32, с. 86]. – «Между Хужой Насретдином и Джирен чичяном существует кардинальное различие. Хужа – это расторопный герой из народа, прикидывающийся диваной. Его меткий язык, анекдоты-шутки мгновенно оказывают влияние на зрителей. Чичяны – не дивана, не балагуры с шутками, они – трибуны. Они подкрепляют слово делом, дело словом мгновенно. Человеческая жизнь сродни загадке, взаимоотношения человека со Всевышним, народа и хана также являются загадкой. Чичяны распутывают такие загадки, находят аргументы для ответов. Перед чичянами стоят важные задачи. Чичян – уважаемые народные мудрецы. Хужа – чужак из народа. Чичян ощущает потребность опираться на ум своей супруги. В рамках проверенной в веках традиции он смотрит на женщину как на высшее существо. В искусстве чичянов принято ставить женщину на первое место. И в фольклоре так. Женщина обладает метким языком» (*подстр. пер.*).

К моменту создания комедии драматург накопил солидный опыт взаимодействия с народными певцами и обработки их творчества. Так, в дорожных заметках «Бер дәрвишнәң юл дәфтәре» («Дорожные заметки одного дервиша») (1920-е гг.) Н. Исанбет вспоминает, как записывал песни народных певцов, проживавших в

⁹ Исәнбәт Н. “Җирән чичән” ни өчен һәм ничек язылды? (автор тарафыннан кайбер аңлатмалар) // Архив Н. Исанбета. Рукопись, машинопись. Л.2.

¹⁰ Исәнбәт Н. “Җирән чичән” ни өчен һәм ничек язылды? (автор тарафыннан кайбер аңлатмалар) // Архив Н. Исанбета. Рукопись, машинопись. Л.4.

деревнях Верхнеуральского уезда (знаменитая мишарская деревня Ахун, Сайт) [21, с. 374–379]. Итогом сотрудничества с легендарным чичяном Слепым Фаррахом стало издание его произведений [32]. По следам фольклорных экспедиций ученый-фольклорист сформировал сборник народных песен революционной поры [1] (см. подр. об этом в другой нашей работе [33]).

Фольклорные корни образов Джирен чичяна и Карачэч сылу

Драматург не скрывает, что вдохновение для создания оригинального образа черпал в фольклорных источниках: «Чичэн – тел остасы дигэн сүз. Жирэн яки Жирэнче дигэн кеше үзе чыннан булганмыдыр-юкмыдыр, белмим, эмма шундый исемдә халык авызында төрле легендалар, әкиятләр һәм мәзәкләр күп таралган. Идел-Жаек буйларында, шулай үк кардәш башкорт, казах, үзбәк кебек халыкларның хәрберсендә аның исемендәгә бай гына фольклор бар. Бу тапкыр, сүз табучан, хикмәтле һәм һәйләкәр кешене ханнар үз тирәләренә тартарга, яннарында тотарга тырышканнар. Ләкин ул сарайларда яшәми, шәһәр тышында үзәнең зирәк хатыны Карачэч сылу белән бир ярлы кечкенә куышта яши итеп бирелә». – «Чичян – слово, обозначающее бойкого на язык человека. Я не знаю, были или не были на самом деле люди с именами Джирен или Джиренче, однако в фольклоре бытует немало легенд, сказок и анекдотов с таким названием. В фольклоре, распространенном в Поволжье и окрестностях Уральска, в среде таких тюркских народов, как башкиры, казахи, узбеки, можно обнаружить богатый фольклор в честь него. Ханы старались приблизить к себе этого бойкого на язык, мудрого и находчивого человека. Однако в легендах показано, что он предпочитал жить не в ханском дворце, а на окраине города в бедной лачуге вместе со своей мудрой Черноволосяй красавицей-супругой» [11, с. 505]. Наки Исанбет безмерно гордится тем, что в татарском фольклоре сохранился загадочный образ супруги чичяна, хранительницы домашнего очага, готовой встать на защиту супруга-борца с ханской деспотической властью.

В коллекции фольклориста мы обнаружили ряд анекдотов, в которых упоминается Джирен чичян. Так, в одном из них описывается, как хан, желая озадачить певца, попросил его узнать у перекасти-поле, куда оно держит путь и где собирается остановиться на ночлег. Находчивый народный певец не растерялся, разыграв перед ханом сценку диалога с растением, вернулся с таким остроумным ответом: «... күчәрәмне жил белә, кунарымны кыр белә, дип әйтте». – «О моем путешествии знает ветер, а о ночлеге – степь» [12, с. 333]. В одном анекдоте рассказывается о том, как хан пытается заполучить в свой дворец, а острослов предпочитает жить в лачуге, как хан [13, с. 350]. Хитрость Джирен чичяна раскрывается в эпизоде раздела курицы, когда он для себя оставил тушку, а хана отдал куриную голову [13, с. 458].

В ряде анекдотов описывается горе Джирен чичяна при получении известия о смерти супруги. В одном из них певец так образно определяет ее роль в своей жизни: «Хатын үлде – камчы сабы сынды». – «Жена умерла – сломалась ручка кнута» [13, с. 208]. В другом анекдоте острослов соотносит смерть жены с уходом из жизни хана. В одном из анекдотов описывается история женитьбы Джирен чичяна на Карачэч сылу [13, с. 208].

Объясняя пословицу, записанную в д. Альдермыш (Высокогорский район РТ): «Бер азык бар – ачы, / Ачы булса да татлы, / Бер азык бар – татлы, / Татлы булса да, ачы» («Есть продукт – он горький, / Хотя он кислый, но вкусный, / Есть продукт – он сладок, / Хотя он и сладкий, но кислый на вкус» (*подстр. пер.*),

фольклорист ссылается на анекдот о том, как Карачэч сылу испытывала своего жениха-острослова [13, с. 208].

Наки Исанбет, кроме анекдотов, зафиксировал в своей коллекции пословицы, принадлежащие Джирен чичяну. Одна из них о ветряной юности: «Йэшнен күнеле жилкенчэк, анауда да монауда». — «У молодого чувства легкомысленны, то о том, то о сем». (*подстр. пер.*). Другая – о мудрой старости: «Карт, егерме йэшәрмен, ди, Йэш, үз дигәнемне йэшәрмен, ди». — «Старец сказал, что проживет лет 20, а Молодой заявил, что проживет, сколько захочется» [13, с. 208].

Таким образом, в анекдотах Джирен чичян охарактеризован как народный певец, бойкий на язык, которого хан стремится приблизить к себе. Герой с успехом решает трудные задачи, которые ему загадывает хан. Джирен чичян предпочитает жить на окраине города в лачуге. Народный певец не гоняется за богатством и комфортом. Он преданный супруг Карачэч сылу (Черноволосая Красавица).

Н. Ханзафаров в своем исследовании указывает, что Наки Исанбет включил в свой сборник народных загадок 4 загадки-сказки, которые связаны с именем Джирен чичяна: «Ачы булса да татлы ни? Татлы булса да ачы ни?» («Хотя и кислое, но вкусное. Что это? Хотя и вкусное, но кислое. Что это?»), «Кемнен үлүе нәрсәгә тиң?», (Его уход из жизни сравним с чем?) «Сәрвиназ» («Сервиназ»), «Айбикә» («Айбика») [29, с. 87]. Если две первые сюжетно перекликаются с анекдотами, разобранными выше (об испытании жениха, переживаниях Джирен чичяна по поводу смерти жены), две последние имеют оригинальный сюжет.

Так, сюжет сказки-загадки «Сәрвиназ» («Сарвиназ») ученый-энциклопедист, по собственному признанию, реконструировал по отрывкам, которые встречаются в книгах Ф. Халиди: «Болгарның Солтан Гадел Туктамыш хан кызы Хәлимәнең бәхәсе» («Цена Халимы, дочери болгарского хана Солтан Гадел Туктамышша») (1898) «Кемгә тиеш?» («Кому достанется?») (1904), а также в старых календарях. Кроме того, Наки Исанбет воспользовался материалами, которые он записал из уст жителя Малаяза – поэта Габдрахмана Ганиева [29, с. 444].

Содержательный пласт загадки-сказки «Сәрвиназ» («Сарвиназ») связан с болгарским этапом нашей национальной истории и историей сватовства к дочери болгарского Таймас хана ханского сына Каранугай би из г. Этил – в прошлом столицы Хазарского государства. Комментируя эту загадку, Наки Исанбет отмечает, что она имела дастанную форму и исполнялась под звуки домбры во время «Дня загадок» в Булгаре. Кроме того, ученый рассказывает историю появления «нугай капкасы» («ногайские ворота») в Древнем Булгаре и Казани [29, с. 442–443]. Загадка несет в себе отчетливый дидактический посыл:

Загадка Сарвиназ	Отгадка по Наки Исанбету
Ике бүре бер куй жийде, кан чыгармый, Яхшы түрә дау бетерә, жан чыгармай, Үң кулымда алтын йөзек, ал чыгармай, Табучыга мин тиярмен, мал чыгармай.	Сүз йөртүче, яла оештыручының теле (ике телле булу аркасында, кешенен башын шулай кан чыгармый), Яхшы кеше жәнжалсыз үлә (Үзе үлгәнче алыш-бирешендә ризалашып үлә), Жаным чыксын, эмма жанымдагы иман – ышанычым үземдә калган килеш чыксын, Шушы табышмакның жавабын табучыга мин калым-мәһәр түләтмичә кияүгә чыгармын.

Подстрочный перевод:

На двух правителей одна овца, но кровь не проливают, Хороший правитель споры сводит на нет, душу не отбирает, На правой руке золотое кольцо, не выпускает, Разгадавшему эту загадку я достанусь без расходов.	Сплетник, клеветник (из-за того, что у него язык двуличный, он не пускает кровь), Хороший человек умирает без скандала (До ухода из жизни приводя в порядок вопросы наследства, заплатив свои долги), Пусть умирая я сохраню в своей душе веру, Разгадавшему эту загадку я достанусь без дополнительных материальных затрат.
--	---

В загадке-сказке «Айбике», записанной в д. Биклянь (ныне Тукаевский район РТ), рассказывается о сватовстве к дочери Кандыр би Айбике, живущей в Елабуге, 3 женихов из Сибири, Астрахани, Казани. Согласно эпической традиции, во время испытания женихи демонстрируют свои достоинства и освобождают невесту из плена Чуракая-карака, живущего на острове посередине Волги. В отличие от других загадок-сказок в этой слушатель-читатель сам должен ответить на вопрос, кому должна стать женой Айбике [29, с. 450–453].

По мнению Н. Ханзафарова, во всех 4 загадках увековечен архетип образа Карачэч сылу (Черноволосая красавица) [32, с. 87].

Место чичянов в исторической концепции комедии Наки Исанбета

В творческом сознании писателя феномен чичянства тесно связан с эпохой Золотой Орды. Писатель-просветитель стремился через художественное творчество поделиться с читателями информацией, почерпнутой из древних источников, посвященных истории государственности татар. Восхищает смелость шагов Наки Исанбета по продвижению национального исторического материала в период “расправы” над Золотой Ордой в Татарии (см. подр. об этом: [4; 5]). Художник слова старался максимально воспользоваться открывшимися в период военной оттепели возможностями. Наки Исанбет решил познакомить татарских зрителей с феноменом искусства *чичян*. В период, когда о свободе личности, свободе слова рассуждать было небезопасно, Наки Исанбет подарил своим читателям свободолобных героев, мужской и женский национальные эстетические идеалы.

Видимо, под давлением цензуры в книжные авторские примечания не попал важный материал из авторских примечаний 1948 г., формирующий представление о государственности татарского народа. Комментируя происхождение слова «чичян», Наки Исанбет пишет: «бу сүз {...} татар халкының дәүләт тоту тарихында дипломатиядә, яки зур дауларда роль уйнаган үткен телле кешеләргә кушамат булып та торганын да күрәбез». – «это слово в период татарской государственности служило прозвищем для бойких на язык людей, сыгравший важную роль в дипломатии или крупных сражениях»¹¹.

Наки Исанбет счел важным упомянуть в авторских примечаниях имя чичяна Джамука, «побратима» Чингиз-хана, убитого в 1204 г.: «Бу чичен Чынгыз ханның алдазы (кан алышып ант эчешкән кардәше) булып, аннан соң Чынгызга каршы гомер буенча демократия күтерелеше алып барды, ахырында Чынгыз жиңеп, дәүләт төзегәч, үзе килеп, Чынгыздан үз кулы белән үтереп үтенде һәм

¹¹ Исәнбәт Н. “Жирән чичән” ни өчен һәм ничек язылды? (автор тарафыннан кайбер аңлатмалар) // Архив Н. Исанбета. Рукопись, машинопись. Л.4.

Чынгыз аны үтерде. Бу хатка бөтен тарихларда жыйган кебек, мангул-татар фольклорында бир тээсирле эпослар бар»¹². – «Этот чиян, будучи побратимом хана (человеком, произнесшим клятву на крови), возглавил демократическое выступление против Чингиз-хана, в конце пришел к Чингиз-хану и попросил убить его лично своими руками, не проливая крови, когда победу одержал Чингиз-хан и создал свое государство. Об этом сохранились в фольклоре татаро-монгол эпические произведения, производящие сильное впечатление, равные по масштабу другим крупным историям» (*подстр. пер.*).

Судя по всему, Наки Исанбет почерпнул сведения о Джамуке чияне из летописи Рашид ад-Дина: «монгольский обычай таков, что они приносят друг другу клятву кровью [23, с. 186]. В.В. Бартольд в работе «12 лекций по истории тюркских народов Средней Азии» утверждает, что причиной вражды Чингиз-хана и Джамухи была борьба степной аристократии, во главе которой стоял Чингиз-хан, и народными массами, сплотившимися вокруг его побратима. Каждая из сторон стремилась привлечь на свою сторону монгольскую знать. Скованный обязательствами своей клятвы, Джамуха был не последователен в своих действиях, что обрекло его на неудачу (см. подр. [2]). Наки Исанбет, не углубляясь в причину конфликта, акцентирует внимание на прозвище побратима Чингиз-хана – чиян, снискавшего авторитет в широких народных массах, благодаря размаху своей личности.

В авторских примечаниях содержится информация и о Сасани чияне (Саган-Сэцэн). Татарский энциклопедист ссылается на труд одного из первых российских и немецких ученых-востоковедов, академика Петербургской Академии наук, Якова Ивановича Шмидта (1779–1847) [37], в 1829 г. впервые издавшего в немецком переводе монгольскую летопись Саган-Сэцэна «Эрдэнийн товч» («Драгоценная история»), написанную в 1662 г. В историю науки его работа вошла под названием «Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen Übersetzt und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben» (История Восточных монголов и их генеалогии, опубликовано Санан-Сэцэном хунтайджи из Ордоса. Перевод с оригинальным текстом, примечаниями и цитатами из других оригинальных произведений) (St. Petersburg; Leipzig, 1829). На ошибочное прочтение имени автора летописи указал в 1936 г. Ц.Ж. Жамцарано [38, с. 37] в работе «Монгольские летописи XVII в.». Монголовед утверждал, что имя автора в лучших списках «Желтой книги ханов» читается Sayang, а не Sanang, а Secen является прозвищем. Правильное написание имени этого деятеля было введено синологом Е. Haenisch [38]. Ц.Ж. Жамцарано в своей книге приводит полное прозвище деятеля Erke Secen Sayay таувји гоу, на которого ссылается татарский ученый [38, с. 14].

Саган Сэцэн – потомок Чингиз-хана в 22-ом поколении. Он родился в 1604 г. в аристократической семье с титулом «Сэцэн хунтайджи», а Асарагчи или Жамба – прямой потомок Чингиз-хана происходил из рода Нукунуху, третьего сына Гэрсэндза Хун-тайджи Джалайрского, являлся правнуком Тумэнкина, носивший титул Хундулун Чухухур Сайн-нойон [3, с. 62]. По мнению Б.Я. Владимирцева, этот «владетельный князь мог о многом слышать от старших сородичей-

¹² Исәнбәт Н. “Жирән чичән” ни өчен һәм ничек язылды? (автор тарафыннан кайбер анлатмалар) // Архив Н. Исанбета. Рукопись, машинопись. Л.4.

хранителей старинных преданий «золотого рода» (рода Чингиз-хана), а также от представителей других феодальных родов». [16, с. 16].

Саган-Сэцэн из Ордоса «происходил из старинного монгольского аристократического рода, восходящего к «золотому роду» Чингизидов. Его прадед, знаменитый Хутакай-Сэцэн-хунтайджи (1540–1586 года), прославился не только как крупный политический деятель, но и как один из просвещенных людей своего времени, замечательный знаток литературы. Хутакай-Сэцэн в 70-х годах XVI века отредактировал «Цагаан туух» («Белую историю»). Саган-Сэцэн унаследовал от своего прадеда не только его звание Сэцэн-хунтайджи, но и хорошее образование. Он был крупным историком и талантливым поэтом. Его «Эрд-нийн товч» содержит стихи, состоящие, как он сам пишет, из 79 строф (шулэг), в 316 строках (бадаг)» (см. подпр.: [16]).

Стихи Саган-Сэцэна представляют большую ценность для изучения монгольского стихосложения в XVII веке. Его колофон (от греч. «завершение» текст на последней странице рукописной книги, содержащий сведения об авторе, месте и времени переписки) написан под влиянием поэтических приемов Сажа-пандита Гунга-Жалцана, которые он заимствовал из известного сочинения «Субашид», переведенного на монгольский язык еще в XVI веке (см. подпр.: [16]).

Круг изученных Наки Исанбетом источников косвенно свидетельствует о том, насколько глубоко он интересовался историей Золотой Орды. Об увлеченности этой темой косвенно говорит и следующий факт из личной биографии ученого. В 1933 г. у Наки Исанбета родился сын Узбек, который умер в младенчестве. Султан Мухаммад Узбек-хан считался столпом веры в среде татар. Это был крупный политик, полководец, при котором регион Золотой Орды достиг наивысшего расцвета. Гульсум Исанбет родила ребенка, находясь в Москве. Узбек во время возвращения в Казань простудился. По воспоминаниям Празата Исанбета, братишку нарекли в надежде на его выздоровление вторым «говорящим» именем *Терэк* [21, с. 730].

Наки Исанбет упоминает в комедии имя побратима Чингиз-хана и его книгу. Очевидно, что драматург решился на этот шаг в годы Великой Отечественной войны неслучайно. Это целиком укладывалось в идеологию того времени. Как известно, Сталин призвал народ на защиту Отчизны, сравнив нашествие гитлеровских войск с нашествием Чингиз-хана и Наполеона. В рамках этой пропаганды была издана трилогия Владимира Яна «Чингиз-хан» (1939) [36], «Батый» (1942) [34], «К «последнему морю» (1955) [35], за которую 12 апреля 1942 года автор получил Сталинскую премию.

Наки Исанбет был уверен, что Карачэч сылу и Джирен чичян были реальными людьми, проживавшими в XIV в. в Сарай-Бату – столице Золотой Орды [32, с. 31]. Драматург, посвящая им свою комедию, выдвигает на первый план героя, осмелившегося тягаться с Олуг ханом, верховным правителем. Сюжет комедии не вмещается в рамки любовной истории. Произведение создавалось Наки Исанбетом в эпоху, когда деспотизм превратился в норму жизни. Над миром нависла угроза фашизма. В 5 действии анализируемой комедии Джирен чичян, протянув к Черноволосой красавице старинную рукопись, произносит показательные слова: «Кара, менэ бу Жамукай китабы, Ул да чичэн булган, моның кебек кенэ хан белэн түгел, Чыңгызның үзе белэн егерме ел жиңешкэн» [11, с. 337]. – «Смотри, это книга Джамухи, Он тоже был чичяном, и с не таким только ханом, с Чингиз-ханом 20 лет тягался» (*подстр. пер.*).

Наки Исанбет «цитирует» в комедии фрагмент из книги Джамухи чичэна»:

Ир булган ир хан булса, Иркем бар дип азмасын; Илендәге кешенең, Изүеннән алмасын; Янындагы кешенең Якасыннан алмасын; Оланнарым! Коралсыз йөргән адәмгә Кораллы кулын салмасын; Ирне йорттан кумасын, Иркәсен тартып алмасын: Моны кылган хан булса, Башы көлдә аунасын. [11, с. 342–343].	Если один из мужей станет ханом, Пусть не превышает свои полномочия, думая о возлюбленной, Не хватает представителей своего народа, Каждого из них за грудки; Не хватает приближенных за воротник; Сыновья мои! Не протягивайте руку с оружием К безоружным, Не выгоняйте мужей из дома, Не вырывайте из их рук любимых. Если хан станет таким, Пусть его глава валяется в золе.
---	--

Би Янгуга, обращаясь к хану, смутившись, вопрошает: «Сезгә-безгә эйткән сүз кебекрәк тия түгел ме соң бу». – «Не кажется ли Вам, что эти слова адресованы к таким, как мы» (*подстр. пер.*). Хан же считал, что эти слова были адресованы к глупым визирям, подчиненным хана [11, с. 343].

Сравнив книжный вариант пьесы с режиссерским, мы обнаружили, что его текст отличается от книжного:

Ир булган ир хан булса, Илендәге адәмнең, Изүеннән алмасын; Коралсыз йөргән адәмгә Кораллы кулын салмасын; Ирне йорттан кумасын, Иркәсен тартып алмасын: Моны кылган хан булса, Тәмугда башы кайнасын ¹³ .	Если один из мужей станет ханом, Пусть людей своей страны Не хватает заширку; Пусть к безоружным Не протягивает руку с оружием Не выгоняет мужей из дому, Не отбирает любимых. Если найдется хан, который решится на такое, Гореть его голове в аду.
---	--

Этот поэтический монолог прозвучал с татарской сцены в феврале 1944 г. Неслучайно, что актеры смогли сыграть лишь 4 премьерных спектакля, как пьеса исчезла из афиш театра, что было преподнесено критиками как творческая неудача режиссера. В архиве Наки Исанбета сохранилась первая редакция комедии, написанная в д. Каенлык Актанышского района. Сравнив с режиссерским вариантом мы пришли к выводу, что они идентичны (см. фото 3, 4). Это позволяет нам сделать вывод, что расширенная версия данного монолога была подготовлена при подготовке к печати этой комедии.

Наки Исанбет, работая в жанре фольклорной комедии, стремился соединить поэтическую реальность фольклорных произведений с актуальными проблемами современности. Раскрывая перед зрителями правду истории, драматург продемонстрировал потенциал духовного опыта предков в решении насущных проблем настоящего. Идеино-художественное своеобразие комедии «Жирән чичән белән Карачәч сылу» («Рыжий насмешник и его черноволосая красавица», 1942) основательно изучено Н. Ханзафаровым, который тесно сотрудничал с драматур-

¹³ Исәнбәт Н. Жирән чичән // Библиотека ТГАТ им. Г.Камала. Рукопись. Казань, 1942. Л.121.

гом. Литературовед так определяет проблематику произведения: ««Жирэн чичэн белэн Карачэч сылу» комедиясе халык авыз ижатында социаль-утопик идеяләрне киң чагылдыра. Биредә халыкның теләкләре, дөньяга карашлары, халык һәм хан, илләр мөнәсәбәтләре, сугыш һәм тынычлык, мэхәббәт һәм гаилә, шәһес иреге һәм ил алдындагы бурыч турындагы фикерләр фольклорга таянып чагылыш табалар, халыкчан характерлар аша биреләләр» [27, с. 92]. – «В комедии «Рыжий чичян и Черноволосая красавица» нашли воплощение социально-утопические мотивы, имевшие бытование в фольклоре. В произведении нашли отражение с опорой на фольклорную традицию мечты народные, взгляды на мир, проблемы взаимоотношений народа и хана, темы войны и мира, любви и семьи, свободы слова и ответственности перед страной, которые раскрываются через глубоко народные характеры персонажей» (*подстр. пер.*).

Наки Исанбет акцентирует внимание читателей на роли интеллектуалов в установлении дипломатических контактов и разрешении конфликтов: Джирен чичян разрешает конфликт хана с городом Токмач без кровопролития, благодаря своему красноречию, поэтическому таланту и мудрости, проявив качества искусного переговорщика. Комедия завершается общественным признанием роли чичэнов. Так, Хан вынужден так охарактеризовать Чичэна: «Чичэн эйткән дәрәс булыр» [11, с. 351], «киңәшкә ярап кеше» [11, с. 351]. Это побудило и окружающих признать авторитет героя в обществе: «Бәрәкәлла һиммәтенә, Чичэн...». Столь же уважительно Хан отзывается и о Карачэч сылу: «Бу хатыннар ирләре өчен – бәхет, илләре өчен – дан». [11, с. 351]. – «Такие женщины для мужей – счастье, а для страны -- гордость» (*подстр. пер.*), Чичэн, услышав ханскую волю: «Ни теләсән, шуны эшләргә сүз бирәм», в ответ реагирует иносказанием: «Миңа шул сакалымны үзем теләгәнчә сыйпарга, үзем теләгән якка сыйпарга тулы рөхсәт бир». [11, с. 351]. – «Ты позволь мне поглаживать бороду на свой манер, в ту сторону, куда захочу». (*подстр. пер.*) Н. Ханзафаров так расшифровывает хитроумное слово народного певца: «Халык ул зур көч, хан моңның белән санашырга тиеш, ул аннан башка берни эшли алмый». – «Народ – это огромная сила, хан должен с ней считаться, т.к. ничего без нее сделать не сможет» [31, с. 92]. Таким образом, в комедии Наки Исанбет за сказочным оформлением ясно прочитывается злободневный социально-политический контекст: произведение обличает деспотизм в обществе. В комедии прославляется идеал народной мудрости и свободолюбия.

Выводы

«Жирэн чичэн белэн Карачэч сылу» («Рыжий чичян и Черноволосая красавица», 1942) – яркий пример фольклорной комедии Наки Исанбета. Главная проблема пьесы – исследование онтологии власти, механизмов ее реализации в деспотическом государстве. Драматург убедительно демонстрирует, что ханская власть находит опору в противоречивой человеческой природе. Джирен чичян и Карачэч сылу – яркий пример свободолюбивых героев, превратившихся в трибунов мнения народного. Творческая история анализируемой комедии, рассмотренная сквозь призму личной биографии автора и его творческой лаборатории, является зримым свидетельством последовательного изучения татарским ученым-энциклопедистом истории Золотой Орды и его настойчивым поиском новых художественных форм для популяризации истории татарской государственности среди читателей. Разрабатывая тему Золотой Орды в 1940 г., Наки Исанбет, презрев опасности, совершил смелый поступок, достойный уважения. Анализ архивных документов убедительно показал, что драматург предпринял максимум мер, чтобы донести свой замысел до читателей и зрителей. Писатель принадлежал к категории национальной интеллигенции, сопротивляющейся государст-

венной идеологической обработке, которых клеймили как сторонников «национализма», «приверженцев архаики» [4, с. 8]. В одном из анонимных писем от 28 мая 1952 г., написанных в адрес секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова и председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР С.А. Будаева утверждалось: «Если в учебниках по литературе идеализируется феодальное прошлое, а в искусстве заметно любовование стариной». Авторы письма выразили озабоченность и протест против исполнения на сцене «архаичных заунывных песен», воскрешения «штампа феодально-религиозной песни» [4, с. 85]. В архиве Наки Исанбета хранится Выписка заседания кафедры татарского языка и литературы от 26 августа 1946 г., подписанная заведующим Р.А. Хакимовой, в котором содержится ходатайство принять тов. Наки Исанбета на работу в Казанский университет «в качестве старшего преподавателя по истории татарской литературы ввиду, что Наки Сиразеевич ведет большую научную исследовательскую работу в области татарского фольклора, литературы и языка. Он является автором ряда научных статей. Тов. Исанбет имеет большой стаж педагогической работы»¹⁴. В архиве сохранилось Заявление Наки Исанбета в адрес ректора КГУ им. В.И. Ульянова от 31 августа 1946 г., в котором ученому отказали в приеме на работу «ввиду отсутствия единицы»¹⁵. Очевидно, что это всего лишь отписка. Государственные органы бдительно следили за тем, чтобы Наки Исанбет редко встречался со студенчеством. Ученый-энциклопедист неутомимо трудился над тем, чтобы донести до читателей свою концепцию национальной истории, отличную от спускаемой сверху концепции. За это власть обрекла художника слова на существование впроголодь, блокируя его творческие проекты как в театре, так и в филармонии. Однако эти меры не сломили волю Наки Исанбета, он находил все новые способы донести свое слово до татарского народа во имя его будущего.

Комедия Наки Исанбета «Жирэн чичэн белэн Карачэч сылу» («Джирен чичян и Черноволосая красавица», 1942) – яркое свидетельство валоризации национальных культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. Драматург успел за короткий период увековечить на сцене целый ряд национальных героев своего народа: Идегей, Туляк, Джирен чичян и Карачэч сылу, корни которых уходят в славную историю средневековых татарских государств. Благодаря подвижничеству ученого-просветителя, зритель со сцены в 1944 г. (реж. Ширьяздан Сарымсаков) услышали не только голоса Джирен чичяна и Карачэч сылу, живших в XIV в Сарай-Бату – столице Золотой Орды, но и познакомились с наставлениями Джамухи-чичяна, избранного в 1201 г. всемонгольским гурханом, являвшегося побратимом Чингиз-хана. Пламенные монологи, критикующие деспотическую власть и тиранов, были «услышаны» цензурой, поэтому спектакль после премьеры вскоре попал под негласный запрет и «тихо» исчез из афиши ТГАТ им. Г. Камала. Спектакль Ш. Сарымсакова стал очередной жертвой «расправы» над Золотой Ордой в ТАССР в свете подготовки августовского постановления 1944 г. и травли в отношении писателя Наки Исанбета. Это произведение драматурга было опубликовано лишь спустя два десятилетия после своего созда-

¹⁴ Выписка заседания кафедры татарского языка и литературы от 31 августа 1946 г. // Личный архив Наки Исанбета. Рукопись, выполненная синими чернилами Р.А. Хакимовой. 1 л.

¹⁵ Заявление Наки Исанбета в адрес ректора КГУ им. В.И. Ульянова от 31 августа 1946 г. // Личный архив Наки Исанбета. Рукопись синими чернилами с подписью Н. Исанбета, с вердиктом «Воздержаться ввиду отсутствия единицы. 7.09.46», выполненным красным карандашом, подпись неразборчивая. Рукопись. 1 л.

ния, в 1963 г., в годы «оттепели», и вновь вернулось на татарскую сцену лишь в 1999 г. (реж. Ф. Бикчантаев), в период перестройки и гласности, после «парада суверенитетов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Әйдә жырлык! (Революция чорында халык жырлары) / Жыючысы Н. Исәнбәт. Казан: Татар. дәүл. нәшр., 1928. 40 б.
2. Бартольд В.В. Тюрки. 12 лекций по истории тюркских народов Средней Азии. М.: Издательство Юрайт, 2023. 154 с.
3. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм / предисл.: Л. Владимирцова. Л.: Акад. наук, 1934. 223 с.
4. Галлямова А.Г. «Отмечавшиеся в постановлении ЦК ВКП(б) недостатки до сих пор не преодолены...» (Году литературы посвящается) // Гасырлар авазы–Эхо веков. 2015. №1/2. С. 84–93.
5. Галлямова А.Г. ««Расправа» над Золотой Ордой» в середине XX в.: Идеологический дискурс в татарской медиевистике в свете августовского Постановления 1944 г. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 784–797. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797
6. Галимзянова А.Т., Галлямова А.Г. Путь длиною в два десятилетия: как создавалась первая коллективная монография ИЯЛИ по «Истории Татарской АССР» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 202–219. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.202-219 EDN: TCGTNG
7. Гафарова Э. Поговорим о странностях любви... // Петербургский театраль- ный журнал. 2001. №2 (24) с. 44–45.
8. Горнфельд А.Г. Пути творчества. Петербург: «Колос», 1923. 233 с.
9. Исанбет Ю.Н. Татарский театр и музыка // Татарский государственный ака- демический театр имени Галиасгара Камала. Сто лет. В 2 т. Т. 1. Казань: Заман – Татар. кн. изд-во, 2009. С. 243–245
10. Исәнбәт Н. Жирән чәчән белән Карачәч сылу // Әсәрләр: 4 томда. 3 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 261–352 б.
11. Исәнбәт Н. Жирән чәчән белән Карачәч сылу // Сайланма әсәрләр: 3 томда. – 2 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. 261–332 б.
12. Исәнбәт Н. Татар халык мәкалләре. 1 т. Казан: Тат. кит. нәшр., 2010. 642 с.
13. Исәнбәт Н. Татар халык мәкалләре. 2 т. Казан: Тат. кит. нәшр., 2010. 748 с.
14. История любви // Все о свадьбе. 2012. Лето. С. 166–169.
15. Камал Ә.Г. «Жирән чичән» // Кызыл Татарстан. 1944. 12 февраль (№ 30).
16. Культура Монголии // Бадак А.Н., Войнич И.Е., Волчек Н.М. Всемирная ис- тория в 24 т. Т. 12. Минск, 1999. С. 324–332.
17. Липкин С. Народный эпос и современность // Литература и искусство. 1944. №27. 1 июля.
18. Лихачев Д.С. Задачи текстологии // Лихачев Д.С. О филологии. М.: Высш. школа, 1989. С. 173–204.
19. Миннуллина Ф.Х. Н. Исәнбәт ижатында шәһес иреге // Фәнни Татарстан. 2017. №4. 62–67.
20. Монгольские летописи XVII в. М.Л.: изд-во АН СССР, 1936. 122 с.
21. Нәкый Исәнбәт: фәнни-популяр жынтык / Төз. М.М. Хәбетдинова. Казан: Жыен, 2021. 736 б.
22. Пиксанов Н.К. Творческая история «Горя от ума». М.: Изд-во «Наука», 1971. 400 с.

23. Рашид ад-Дин Сборник летописей. Т. 1. Кн.1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 214 с.
24. Рахман Р. Һәр сыйныфта – сочинение. Казан: «Раннур» нәшр., 2003. 176 б.
25. Сакулин П.Н. Проблема «творческой истории» // Изв. АН СССР, Отделение гуманитарных наук. 1930. № 3. С. 159–181.
26. Сафиуллин Ю. Наки Исанбет. Рыжий насмешник и его черноволосая красавица // Татарский государственный академический театр имени Галиасгара Камала. Сто лет. В 2 т. Т. 1. Спектакли. Казань: Заман – Татар. кн. изд-во, 2009. С. 259–260.
27. Сүз табучы сукур Фәррәх әңгәмәләре / Төз. Н. Исәнбәт: [Н. Исәнбәтнең «Фәррәх жырлары турында» дигән мәкаләсә белән]. Уфа: «Башкнига» һәм Башнар-компрос нәшере, 1928. 32 б.
28. Султанова Р.Р. Сценография татарского театра: основные этапы и закономерности развития (XX – начало XXI века). Т. 1. Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2019. 592 с.
29. Татар халык табышмаклары / Жыюче һәм тезүче Н. Исәнбәт. Казан: Тат. кит. нәшр., 1970. 568 б.
30. Хабутдинова М.М. Вклад Наки Исанбета в изучение Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, №1. С. 181–201. DOI: 10.22378 /2313-6197.2023-11-1.181-201 EDN: NZKGGK
31. Хайрутдинова Д.Ф. Музыка Назиба Жиганова к татарским драматическим спектаклям в контексте развития театрального творчества композитора в 40–50-е годы XX века // Музыка. Искусство, наука, практика. 2022. №1 (37). С. 37–49.
32. Ханзафаров Н. Нәкый Исәнбәт драматургиясе. Казан: Татар. кит. нәшр, 1982. 192 б.
33. Хәбәтдинова М., Хәбибуллин Ф. Нәкый Исәнбәт чичәнлек сәнгате турында // Tatarica. 2021. №17 (2). 119–140 б.
34. Ян В. Батый: Историческая повесть (XIII век) / Предисл. С. Бахрушина. М.: Гослитиздат, 1942. 432 с.
35. Ян В. К «последнему морю». (Путь Батые): Историческая повесть (XIII в.). М.: Гослитиздат, 1955. 320 с.
36. Ян В. Чингиз-хан: повесть из жизни старой Азии (XIII век). М.: Художественная литература, 1939. 346 с.
37. Geschichte der Ost-Mongolen und Ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Isaac Jacob Schmidt. St. Petersburg; Leipzig, 1829. 510 p.
38. Mouggo Han Sai Da Sekiyen. Die Mandschufassuug von Secen Sagang's mongolischer Geschichte. Nach einem im Pekinger Palast gefundenen Holzdruck in Umschreibung herausgegeben von Erich Haenisch. Leipzig, Verlag Asia Major, 1933, 124 p.

Сведения об авторах: Радиф Рифкатович Замалетдинов – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан; директор Института филологии и межкультурной коммуникации, заведующий кафедрой общего языкознания и тюркологии Казанского (Приволжского) федерального университета (420056, ул. Татарстан, 2, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-2692-1698; ResearcherID: M-2174-2013; Scopus Author ID: 56027359900. E-mail: sovet.rus16@mail.ru

Милеуша Мухаметзяновна Хабутдинова – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета (420056, ул. Татарстан, 2, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8110-4001; ResearcherID: M-4418-2013; Scopus Author ID: 55929972700. E-mail: mileuscha@mail.ru

Поступила 08.06.2023

Принята к публикации 24.11.2023

Опубликована 29.12.2023

REFERENCES

1. Let's sing! (Folk songs in the era of revolution). Compiled by N. Isanbet. Kazan: Tatar state publishing house, 1928. 40 p. (In Tatar)
2. Bartol'd V.V. Turks. 12 lectures on the history of the Turkic peoples of Central Asia. Moscow: Yurayt Publ., 2023. 154 p. (In Russian)
3. Vladimirtsov B.YA. The social system of the Mongols: Mongolian nomadic feudalism). Foreword by L. Vladimirtsov. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1934. 223 p. (In Russian)
4. Gallyamova A.G. "The shortcomings noted in the resolution of the Central Committee of the CPSU (b) have not yet been overcome..." (dedicated to the Year of Literature). *Gasyrlar avazy=Echo of the Centuries*. 2015, no. 1/2, pp. 84–93. (In Russian)
5. Gallyamova A.G. "Reprisal" for the Golden Horde in the mid-twentieth century: The Ideological Discourse in Tatar Medieval Studies in the Light of the Decree of August 1944. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 784–797. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797. (In Russian)
6. Gallyamova A.G., Khanipova I.I. Preservation of the historical memory of the Kasimov Tatars in the 1920s. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 463–472. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-2.463-472 (In Russian)
7. Gafarova E. Let's talk about the oddities of love. *St. Petersburg Theater Magazine*. 2001, no. 2 (24), pp. 44–45. (In Russian)
8. Gornfel'd A. G. Ways of creativity. Peterburg: «Kolos», 1923. 233 p. (In Russian)
9. Isanbet Yu.N. Tatar theater and music. *Tatar State Academic Theater named after Galiyasgar Kamal. A hundred years*. In 2 vols. Vol. 1: Performances. Kazan: Zaman – Tatar Book Publ., 2009, pp. 243–245. (In Russian)
10. Isanbet N. The red-haired folk singer and his black-haired beauty. Essays in 4 vols. Vol. 3 t. Kazan: Tatar Book Publ., 1963, pp. 261–352. (In Tatar)
11. Isanbet N. The red-haired folk singer and his black-haired beauty. Selected works in 3 vols. Vol. 2. Kazan: Tatar Book Publ., 1963. 261–332 b. (In Tatar)
12. Isanbet N. Tatar folk proverbs. In 3 vols. Vol. 1. Kazan: Tatar Book Publ., 2010. 642 p. (In Tatar)
13. Isanbet N. Tatar folk proverbs. In 3 vols. Vol. 2. Kazan: Tatar Book Publ., 2010. 748 p. (In Tatar)
14. A love story. *All about the wedding*. 2012. Summer, pp. 166–169. (In Russian)
15. Kamal E. G. "The red-haired folk singer". *Kyzyl Tatarstan = Red Tatarstan*. 1944. 12 February (№ 30). (In Tatar)
16. Culture of Mongolia. Badak A.N., Voynich I.E., Volchek N.M. *World History*, in 24 vols. Vol. 12. Minsk, 1999, pp. 324–332. (In Russian)

17. Lipkin S. Folk epic and modernity. *Literature and Art*. 1944, no. 27, July 1.
18. Likhachev D.S. Tasks of textology. Likhachev D.S. *About philology*. Moscow: High school, 1989, pp. 173–204. (In Russian)
19. Minnullina F.Kh. Questions of personal freedom in the work of Naki Isanbet. *Fänni Tatarstan = Scientific Tatarstan*. 2017, no. 4, pp. 62–67. (In Tatar)
20. Mongolian chronicles of the 17th century. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1936. 122 p. (In Russian)
21. Naki Isanbet: popular science collection. Compiled by M.M. Khabutdinova. Kazan: Dzyen, 2021. 736 p. (In Tatar)
22. Piksarov N.K. Creative story “Woe from wit”. Moscow: Nauka Publ., 1971. 400 p. (In Russian)
23. Rashid ad-Din Collection of chronicles. Vol. 1. Book 1. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 214 p. (In Russian)
24. Rakhman R. In each class – an essay. Kazan: “Rannur” Publ., 2003. 176 p. (In Tatar)
25. Sakulin P.N. The problem of “creative history”. *Proceedings of the USSR Academy of Sciences, Department of Humanities*. 1930, no. 3, pp. 159–181. (In Russian)
26. Safiullin YU. Naki Isanbet. The red-haired mocker and his black-haired beauty. *Tatar State Academic Theater named after Galiyasgar Kamal. A hundred years*. In 2 vols. Vol. 1: Performances. Kazan: Zaman – Tatar Book Publ., 2009, pp. 259–260. (In Russian)
27. Dialogues with the blind singer Farrakh. Compiled by N. Isanbet, with N. Isanbet's Article “On the True Nature of Farrakh's Songs”. Ufa: “Bashkniga” and Bashnarkompros Publ., 1928. 32 p. (In Tatar)
28. Sultanova R. The scenography of the Tatar theater: the main stages and patterns of development (20th – the beginning of the 21st century). Kazan: Kazanskaya nedvizhimost Publ., 2019. 592 p. (In Russian)
29. Tatar folk riddles. Collected and compiled by N. Isanbet. Kazan: Tatar Book Publ., 1970. 568 p. (In Tatar)
30. Khabutdinova M.M. The Contribution of Naki Isanbet to the Study of the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 181–201. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.181-201 (In Russian)
31. Khairutdinova D.F. Music of Nazib Zhiganov for Tatar dramatic performances within the context of the composer's theatrical work in the 40–50s of the 20th century. *Music. Art, research, practice*. 2022, no. 1 (37), pp. 37–49. (In Russian)
32. Khanzafarov N. Naki Isanbet's Dramaturgy. Kazan: Tatar Book Publ., 1982. 192 p. (In Tatar)
33. Khabutdinova M., Khabibullin F. Naki Isanbet about the folk singers' art. *Tatarica*. 2021. №17 (2), pp. 119–140. (In Tatar)
34. Yan V. Baty: A historical tale (13th century). Foreword by S. Bakhrushin. Moscow: Goslitizdat, 1942. 432 p. (In Russian)
35. Yan V. To the “last sea” (Batu's Way): A historical tale (13th century). Moscow: Goslitizdat, 1955. 320 p. (In Russian)
36. Yan V. Genghis Khan: A Tale from the Life of old Asia (13th century). Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1939. 346 p. (In Russian)
37. Geschichte der Ost-Mongolen und Ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Isaac Jacob Schmidt. St. Petersburg; Leipzig, 1829. 510 p.
38. Mougo Han Sai Da Sekiyen. Die Mandschufassuug von Secen Sagang's mongolischer Geschichte. Nach einem im Pekinger Palast gefundenen Holzdruck in Umschreibung herausgegeben von Erich Haenisch. Leipzig, Verlag Asia Major, 1933, 124 p.

About the authors: Radif R. Zamaletdinov – Dr. Sci. (Philology), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences; Director, Institute of Philology and Intercultural Communication, Head of the Department of General Linguistics and Turkic Studies, Kazan (Volga Region) Federal University (2, Tatarstan Str., Kazan 420056, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2692-1698; ResearcherID: M-2174-2013; Scopus Author ID: 56027359900. E-mail: sovet.rus16@mail.ru

Mileusha M. Khabutdinova – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Tatar Literature, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University (2, Tatarstan Str., Kazan 420056, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8110-4001; ResearcherID: M-4418-2013; Scopus Author ID: 55929972700. E-mail: mileuscha@mail.ru

Received June 8, 2023

Accepted for publication November 24, 2023

Published December 29, 2023

ХРОНИКА

УДК 167.7

DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.957-968

EDN: PRITDJ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»*И.М. Миргалеев¹, Л.С. Гиниятуллина²**Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ**Казань, Российская Федерация**¹ dilmur1976@mail.ru, ² lusiia@mail.ru*

О большом интересе к истории средневековых тюрко-татарских государств свидетельствует активное участие исследователей со всего мира в научных мероприятиях, касающихся Золотой Орды и татарских ханств, организуемых Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ. Публикация таких периодических изданий, как «Золотоордынская цивилизация», «Нумизматика Золотой Орды», «Золотоордынское наследие», «Средневековые тюрко-татарские государства» сформировала основу для создания научного журнала. Поэтому, в 2013 г. было принято решение о создании специального периодического издания «Золотоордынское обозрение», где период Золотой Орды и тюрко-татарских государств рассматривался бы в едином формате. Журнал стал основной площадкой для ведущих специалистов, о чем свидетельствует состав авторов. В течении десяти лет журнал «Золотоордынское обозрение» издает статьи по различным аспектам средневековой тюрко-татарской истории. За эти годы редакции журнала удалось активизировать исследования по истории Золотой Орды и татарских ханств, популяризировать татарскую историю на международном уровне, ввести в научный оборот новые источники. Журнал получил профессиональную оценку российского и международного научного сообщества, добился высокого качества публикации, последовательно повышая свой рейтинг в ведущих наукометрических базах данных. С первых выпусков издание приобрело научный авторитет, сумело завоевать популярность среди широкой аудитории исследователей и читателей. На сегодняшний день научный журнал «Золотоордынское обозрение» можно назвать одним из самых читаемых научных изданий среди специалистов данной тематики.

Ключевые слова: история, научный журнал, Золотоордынское обозрение, юбилей, редакция, публикация, наукометрические базы данных, научное сообщество

Для цитирования: Миргалеев И.М., Гиниятуллина Л.С. Становление и развитие научного журнала «Золотоордынское обозрение» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 957–968. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.957-968 EDN: PRITDJ

© Миргалеев И.М., Гиниятуллина Л.С., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SCIENTIFIC JOURNAL “GOLDEN HORDE REVIEW”

I.M. Mirgaleev¹, L.S. Giniyatullina²

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

¹ dilnur1976@mail.ru, ² lusiia@mail.ru

Abstract: In 2023, it will be ten years since the release of the first issue of our journal, “Golden Horde Review”. The decision to publish a special periodical was made by the Academic Council of the Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences on April 16, 2013. During this past period of the journal’s activity, the editors managed to intensify research on the history of the Golden Horde and the Tatar Khanates, popularize Turkic-Tatar history at the international level, and introduce new sources into scientific circulation. From the first issues, the publication acquired a high degree of scientific interest; the magazine has managed to gain popularity among a wide audience of researchers and interested readers.

Over the ten years of its activity, the journal has received a worthy assessment from the Russian and international scientific community, has achieved high quality publications, and has consistently increased its rating in leading scientometric databases. The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission for the publication of the main scientific results of dissertations. In 2017, the Golden Horde Review journal was included in the Emerging Sources Citation Index (ESCI) on the Web of Science Core Collection platform and the international SCOPUS database. The publication is also included in the Directory of Open Access Journals (DOAJ). Indexing in scientometric databases significantly increases the accessibility, popularity, and citations of the journal. Today, the scientific journal, “Golden Horde Review,” is one of the most popular and authoritative scientific publications among specialists in this field, as evidenced by the active participation of historians from many countries around the world in the scientific activities of the journal.

Keywords: scientific journal, Golden Horde Review, history, anniversary, editorial board, publication, scientometric databases

For citation: Mirgaleev I.M., Giniyatullina L.S. Formation and development of the scientific journal “Golden Horde Review”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 957–968. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.957-968 (In Russian)

Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан был создан в 2003 году для координации научных исследований по истории Золотой Орды и татарских ханств.

За долгие годы работы Центра создано множество совместных и авторских монографий, сделаны важные научные открытия, выдвинуты интересные гипотезы и обозначены перспективные направления.

Благодаря организации и проведению научных мероприятий, разного формата, от круглых столов до международных конференций и форумов, сформировалось сообщество исследователей в виде международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды. Центр является координатором и разработчиком научно-исследовательских тем соответствующего направления.

16 апреля 2013 г. директором Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Рафаэлем Сибгатовичем Хакимовым и Ученым советом было принято решение поддержать предложение руководителя Центра Ильнура Мидхатовича Миргалева о создании специального периодического издания «Золотоордынское обозрение». На базе Центра создана его редакция, главным редактором стал И.М. Миргалеев.

9 июля 2013 г. научный журнал «Золотоордынское обозрение» был зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР) и получил Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-54682. Журнал также прошел регистрацию в Международном ISSN центре и изданию были присвоены индивидуальные номера (ISSN 2313-6197 (Online), ISSN 2308-152X (Print)). А уже 17 декабря 2013 г. в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ прошла первая презентация научного журнала «Золотоордынское обозрение». С 2014 г. подготовка и издание журнала осуществлялись в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2022 годы)».

Журнал поставил перед собой цель – активизировать научные исследования в области истории Золотой Орды и татарских ханств на высоком международном уровне. С момента создания научного журнала функционирует независимый институт рецензирования. Неоценимую помощь в этой работе оказывают высокопрофессиональные ученые-исследователи а также члены редколлегии. Рецензенты в подавляющем большинстве откликаются на обращения редакции, обстоятельно подходят к рассмотрению статей, предлагают ценные и полезные рекомендации авторам в повышении качества их статей. Заметим также, что вместе с тем доля отклоняемых редколлегией журнала статей ежегодно составляет более трети поступивших.

В журнале «Золотоордынское обозрение» публикуются оригинальные, ранее неопубликованные материалы на русском и английском языках. Редакция и редакционная коллегия уделяет большое внимание отражению научных публикаций конкретно исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств, а также обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Тематика журнала состоит из следующих рубрик: предшественники Золотой Орды; золотоордынская цивилизация и постзолотоордынское пространство; история татарских ханств; история чингизидских государств; Волго-Уралье, Сибирь и Причерноморские степи в период присоединения к Московскому государству в контексте татарской истории (XVI–XVII века); татарские политии за пределами золотоордынского пространства; источниковедение тюрко-татарской истории и татарская нумизматика (Золотая Орда и Крымское ханство); исторические взгляды на средневековую тюрко-татарскую историю в современном мире; хроника основных научных событий (конференции, издания).

Основой политики журнала «Золотоордынское обозрение» является принцип открытости издания для авторов и читателей, так называемого журнал открытого доступа (Open Access). Все пользователи могут абсолютно свободно и бесплатно читать, загружать, копировать, передавать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI). Материалы журнала «Золотоордынское обозрение» доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0, лицензия «С указанием авторства»).

Открытый доступ к архиву журнала обеспечивается на официальном сайте журнала: <http://goldhorde.ru> и на платформах Научных электронных библиотек: eLIBRARY.RU, КиберЛенинка. На интернет-сайте журнала <http://goldhorde.ru> размещена вся необходимая информация, касающаяся политики журнала, состава редакционного совета, редакционная этика, а также в открытом доступе размещены текущий и архивные номера.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами, разработанными Международным Комитетом по публикационной этике Committee on Publication Ethics – COPE.

Дважды в год редакция проводит заседания редакционной коллегии. На заседании обсуждаются проблемы, связанные с развитием деятельности, которые сегодня встают перед редакцией журнала. Ставятся к обсуждению и решаются вопросы работы редакционной коллегии, проблем института рецензирования, вопросы увеличения доли англоязычных статей, унифицирование библиографического описания, о роли сотрудничества редакции с ведущими учеными-историками научных центров и вузов России и зарубежья.

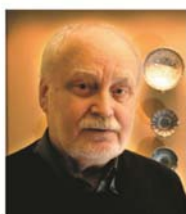
С первого года издания Институт истории им. Ш. Марджани активно занимался продвижением журнала в российские и международные базы цитирования и сотрудники редакции участвовали на различных международных конференциях и семинарах. Так, 24–26 сентября 2013 г. Л.С. Гиниятуллина, Э.Г. Сайфетдинова приняли участие в работе 2-ой Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня: проблемы, решения, подготовка и включение в индексы цитирования и реферативные базы данных», которая прошла в г. Москве в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации. На конференции были обсуждены вопросы о необходимости образования в России Национального консультативного совета по отбору научных изданий в индекс цитирования Scopus при поддержке международного консультативного совета Content Selection Advisory Board (CSAB), издательства Elsevier и российских государственных структур, отвечающих за вопросы развития науки. В 2014 г. в г. Москве состоялась 3-я Международная научно-практическая конференция «Научное издание международного уровня – 2014: повышение качества и расширение присутствия в мировых информационных ресурсах». В конференции приняли участие руководители БД Scopus и международные эксперты – члены экспертного совета по отбору контента (CSAB) Scopus, представители Европейской ассоциации научных редакторов (EASE) и главные редакторы зарубежных журналов. В работе конференции участвовала ответственный секретарь и технический редактор журнала Л.С. Гиниятуллина. Участникам рассказали о новых международных требованиях, а директор учебно-консультационного центра НП НЭИКОН, эксперт-консультант Scopus О.В. Кириллова консультировала участников по вопросам улучшения качества журнала.

В марте 2015 г. при поддержке Министерства науки и образования РФ в рамках первого проекта по господдержке журналов, реализованного в 2014–2016 гг., создана Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ), в составе которой также значится главный редактор журнала И.М. Миргалеев.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Салихов Р.Р.

Крамаровский М.Г.

Карпов С.П.

Горский А.А.

Тимохин Д.М.

Тасин Джемилъ

Юлай Шамильоглу

Виктор Спиней

Тимоти Мэй

Никола Ди Козмо

Александар Узелац

Мария Иванич

Ильяс Кемалоглу

Почекаев Р.Ю.

Иванов В.А.

Зайцев И.В.

Беляков А.В.

Аксанов А.В.

Маслюженко Д.Н.

ФОТОРЕПОРТАЖ

**Расширенное заседание редколлегии, посвященное
10-летию основания журнала (31 октября 2023 г.)**

Источник: <https://tatar-inform.tatar/photo/zolotoordynskoe-obozenie-zurnalynyn-10-ellygynnan-fotoreportaz-5853385>

18 мая 2016 г. в г. Москве прошла 5-я Международная научно-практическая конференция «Научное издание международного уровня – 2016: решение проблем издательской этики, рецензирования и подготовки публикаций». В работе конференции приняла участие Л.С. Гиниятуллина. Перед участниками выступили члены экспертного совета по отбору контента (CSAB) Scopus. Руководитель Scopus, Издательство Elsevier (Амстердам, Нидерланды) В. Мистер (Wim Meester) познакомился и проанализировал официальный сайт журнала «Золотоордынское обозрение», был ознакомлен с печатной версией журнала и рекомендовал подать заявку для вхождения в МБ данных Scopus.

Кроме того, в рамках этой конференции была проведена выставка «Научные журналы международного уровня». На выставке были представлены наиболее авторитетные журналы участников конференции, в которой приняли участие более 300 журналов. Из них 50 получили сертификаты качества, в том числе и наш журнал «Золотоордынское обозрение». Сертификат является рекомендацией к подаче заявки в базу данных Scopus.

После полученных ценных рекомендаций редакция стала активно работать над дальнейшим развитием журнала, повышением его роли в решении актуальных проблем, обеспечением тесного взаимодействия экспертного научного сообщества с органами государственной власти всех уровней. В 2016 г. был заключен договор с Crossref — официальное агентство регистрации Цифровых Идентификаторов Объекта международного DOI (Digital Object Identifier) фонда. Публикациям журнала присваивается идентификатор DOI — индексируемая ссылка к постоянному местонахождению статьи для получения необходимой информации о ней. В 2017 г. заключен агентский договор по проведению подписки на периодические печатные издания. Подписной индекс журнала – П7934.

2017 г. ознаменован новыми достижениями редакции журнала. В 2017 г. издание вошло в ТОП-500 российских журналов по результатам «Конкурса поддержки программ развития научных журналов Министерства образования и науки РФ». Журнал включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory американского издательства Bowker, являющейся крупной Международной реферативной базой данных, описывающей мировой поток сериальных (периодических и продолжающихся) изданий по всем тематическим направлениям (15.01.2017 г.), размещен в Emerging Sources Citation Index (ESCI) на платформе Web of Science Core Collection (СИЯ) (23.02.2017 г.), вошел в международную базу данных ResearchBib (Япония) (29.03.2017 г.), добавлен в Directory of Open Access Journals (DOAJ) (Великобритания) (8.09.2017 г.).

Одними из самых ярких достижений журнала этого года стало включение журнала в перечень ВАК при Минобрнауки РФ по научным специальностям: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки) 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки) (06.06.2017 г.), а также вхождение в международную базу данных SCOPUS (Нидерланды) (22.08.2017 г.).

В 2019 г. научный журнал «Золотоордынское обозрение» также вошел в Топ-10 международного рейтинга SJR российских журналов по истории в международном рейтинге научных журналов SJR за 2018 год. (5.06.2019 г.) и включен в крупнейший Европейский индекс по гуманитарным и социальным наукам ERIN PLUS (Норвегия) (31.10.2019 г.). Редакцией журнала подписан договор о размещении в EBSCO – наиболее полной научной полнотекстовой базе данных в мире (СИЯ, Канада) (26.04.2019 г.).

В 2020 г. журнал прошел оценку и отобран в высокорейтинговую базу Russian Science Citation Index (RSCI). Выделение лучших российских журналов из ядра РИНЦ и размещение их на платформе Web of Science в виде отдельной базы данных Russian Science Citation Index (RSCI), а также в список Open Academic Journals Index (OAJI) (США).

После запуска журнала руководство Института истории им. Ш.Марджани АН РТ и сама редакция журнала презентовала журнал перед научной общественностью в Казани, в Москве, в Санкт-Петербурге, Симферополе и Саратове. Журнал также был представлен и презентован и в зарубежных странах. 15–19 октября 2018 г. сотрудники Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова (И.М. Миргалеев, И.Р. Гибадуллин, Э.Г. Сайфетдинова, Л.С. Гиниятуллина) посетили Республику Узбекистан. В Ташкенте в Институте востоковедения им. Абу Рейхана Бируни была проведена презентация научных изданий Института истории им. Ш.Марджани АН РТ и журнала «Золотоордынское обозрение». На международном научном симпозиуме «Золотая Орда и её наследие» 25–26 ноября 2019 г. в Стамбуле (Турция) ответственный секретарь журнала Л.С. Гиниятуллина в своем докладе рассказала про деятельность Центра и презентовала журнал «Золотоордынское обозрение». Отдельная презентация журнала состоялась также 10 октября 2022 г. во время проведения лекции «Tataristanda Altın Orda Arastırmaları» («Исследования Золотой Орды в Республике Татарстан»), которая была прочитана главным редактором журнала И.М. Миргалеевым в Университете Мармара в Стамбуле (Турция). 20 декабря 2022 г. в «Русском доме» МИД РФ в Каире (Египет) состоялся научный круглый стол «Влияние исламского фактора на формирование отношений между Волгой и Нилом». Во время мероприятия руководитель Центра И.М. Миргалеев презентовал журнал «Золотоордынское обозрение» перед учеными Египта и торжественно вручил коллективную монографию «Золотая Орда в мировой истории» и выпуски журнала руководителю «Русского дома» МИД РФ в Каире Марату Гатину.

За десять лет в журнале опубликовано 656 статей. Анализ авторского состава журнала показывает, что журнал «Золотоордынское обозрение» уже давно приобрел международный формат и перечень стран, которые представлены публикациями ученых в журнале, постоянно расширяется.

На сегодняшний день журнал сотрудничает с ведущими российскими и зарубежными библиотечными системами и реферативными базами данных, что способствует быстрому и открытому доступу к публикуемым материалам, обмену информацией.

Научное издание индексируется в реферативной базе данных Scopus. По результатам представленного SCImago анализа журнал «Золотоордынское обозрение» в предметной области по историческим наукам в международном рейтинге научных журналов SJR, CiteScore за 2022 год включен во второй квартиль (Q2). По рейтингу SCIENCE INDEX за 2022 журнал входит в число лучших журналов, которые одновременно индексируются в базах данных SCOPUS, Web of Science, RSCI («русская полка» Web of Science), входит в ядро РИНЦ и в перечень ВАК. По предметному рейтингу «История. Исторические науки» журнал занял 14 место из 235 научных периодических изданий, в общем рейтинге на 298 месте из 3957.

В текущем перечне ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ и в рейтинге RSCI журнал входит в категорию K1, что означает его высокий научный уровень.

В 2023 г. журнал «Золотоордынское обозрение» журнал включен в 1 уровень «Белого списка», категории которого и методика распределения были разработаны межведомственной рабочей группой Минобрнауки РФ. В «Белый список» включаются наиболее авторитетные научные журналы, также предполагается его использование в целях мониторинга и оценки публикационной активности российских ученых. В настоящее время в 1 уровень «Белого списка» включены около 100 российских и международных научных журналов.

Учитывая, что журнал занимает довольно узкую для периодических изданий тематику, эти показатели отчетливо демонстрируют высокий авторитет «Золотоордынского обозрения».

Журнал «Золотоордынское обозрение» является одним из соорганизаторов Международного Золотоордынского Форума. Данная площадка объединяет основные мировые научные центры и является высокостатусным мероприятием по истории средних веков. В 2019 г. на Форуме было принято решение о создании МОО «Ассоциации исследователей Золотой Орды», а журнал «Золотоордынское обозрение» стал партнером и главным периодическим изданием ассоциации, что свидетельствует о международном признании со стороны ведущих исследователей роли и места журнала в международной медиавестнике.

31 октября 2023 г. в Институте истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан состоялось расширенное заседание редколлегии научного журнала «Золотоордынское обозрение», посвященное 10-летию издания.

В этот день юбилей объединил представителей редакции и редколлегии научного журнала, представителей редакций научно-популярных журналов Казани, ученых-специалистов, интересующихся направлением журнала. Выступающие поздравили редакцию журнала с юбилеем и отметили значимость и востребованность журнала в научном мире, важность сотрудничества с редакцией, актуальность проводимых исследований и высокий научный уровень статей.

10 лет – это внушительный период времени, в течение которого журналы трудятся над расширением знаний и представлением новых исследований, и в этом отношении журнал «Золотоордынское обозрение» стал надежным источником информации, авторитетной платформой для ученых, исследователей и профессионалов, которые стремятся внести свой вклад в наше понимание прошлого.

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ и редакция журнала «Золотоордынское обозрение» искренне благодарят членов редколлегии, рецензентов и авторов. Надеемся на продолжение наших контактов и создание платформы для сотрудничества между исследователями, занимающимися историей Золотой Орды и татарских ханств, публикацию и распространение полученных в ходе этого сотрудничества научных достижений.

Сведения об авторах: Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus Author ID: 57201656376. E-mail: dilnur1976@mail.ru

Люция Сулеймановна Гиниятуллина – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3904-6079, Scopus Author ID: 57201655777. E-mail: lusiia@mail.ru

Поступила 05.11.2023

Принята к публикации 10.11.2023

Опубликована 29.12.2023

About the authors: Il'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus Author ID: 57201656376. E-mail: dilynur1976@mail.ru

Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3904-6079, Scopus Author ID: 57201655777. E-mail: lusiia@mail.ru

Received November 5, 2023

Accepted for publication November 10, 2023

Published December 29, 2023

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Ковш поясной с ручкой в виде протомы дракона.
Середина – вторая половина XIII в. Золотая Орда. Золото; выколотка, полировка,
чеканка, гравировка. Диаметр 12,5 см; высота 4 см. Государственный Эрмитаж,
инв. № Ку6-704. URL: <http://www.museum.ru/alb/image.asp?85748>

On the cover: Belt buckle with a handle in the form of a dragon protome.
Middle – second half of the 13th century. The Golden Horde. Gold; punching,
polishing, embossing, engraving. Diameter 12.5 cm; height 4 cm.
State Hermitage Museum, inv. No. Ку6-704.
URL: <http://www.museum.ru/alb/image.asp?85748>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
 («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2023. Т. 11, № 4

GOLDEN HORDE REVIEW. 2023, vol. 11, no. 4

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 20.12.2023 г. Дата выхода в свет 29.12.2023 г.

Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 15,75 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Амирит»

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литер У

Тел.: (8452) 24 86 33; e-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: <http://amirit.ru>

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:

<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>